

**РОССИЯ И МИР ГЛАЗАМИ
ДРУГ ДРУГА: ИЗ ИСТОРИИ
ВЗАИМОВОСПРИЯТИЯ**

Выпуск седьмой

Москва – 2016

**ИНСТИТУТ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

**РОССИЯ И МИР
ГЛАЗАМИ ДРУГ ДРУГА:
ИЗ ИСТОРИИ
ВЗАИМОВОСПРИЯТИЯ**

Выпуск седьмой

**Москва
2016**

Институт российской истории РАН продолжает серию коллективных трудов, посвященную проблеме взаимовосприятия России и внешнего мира.

Данный, седьмой выпуск сборника посвящен различным аспектам формирования и взаимодействия инокультурных образов, под которыми понимаются все категории представлений о внешнем мире. Материалы сборника охватывают период с конца XVII по вторую половину XX в. Сборник построен по проблемно-хронологическому принципу и состоит из четырех разделов. Два раздела посвящены различным каналам получения информации о внешнем мире. Первый из них включает статьи, посвященные путешествиям, как способу освоения внешнего мира. Второй раздел включил в себя статьи о восприятии мира сквозь призму журналистики, в том числе и карикатуры. В третьем разделе рассматриваются проблемы взаимовосприятия в контексте конфликтов и войн. Последний раздел сборника посвящен взгляду на Россию (СССР) извне.

Ответственный редактор:
канд. ист. наук А.В. Голубев

Члены редколлегии:
канд. ист. наук А.В. Мамонов,
канд. ист. наук Т.А. Мухаматулин,
канд. ист. наук С.М. Шамин

Рецензенты:
д-р ист. наук В.П. Булдаков,
д-р ист. наук Д.В. Лисейцев

ПРЕДИСЛОВИЕ

Институт российской истории РАН продолжает серию коллективных трудов, посвященную проблеме взаимовосприятия России и внешнего мира.

В 1994 г. в Центре по изучению отечественной культуры Института российской истории РАН возник и с тех пор успешно функционирует Всероссийский научный семинар по истории взаимовосприятия культур, в работе которого принимают участие как сотрудники ИРИ РАН, так и представители различных научных учреждений России, а также ряд исследователей из-за рубежа. В 1994–2015 гг. состоялось 22 заседания ежегодного круглого стола на тему «Россия и внешний мир глазами друг друга»¹. На основе материалов первых круглых столов вышли два сборника научных трудов², а также коллективная монография «Россия и Запад: формирование внешнеполитических стереотипов в сознании российского общества первой половины XX века» (М., 1998), получившие высокую оценку научной общественности³. С 2000 г. материалы научного семинара издаются под общим названием «Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия» (М., 2000–2011. Вып. 1–6).

Данный, седьмой, выпуск сборника посвящен различным аспектам формирования и взаимодействия инокультурных образов, под которыми понимаются все категории представлений о внешнем мире⁴. Материалы сборника охватывают период с конца XVII по вторую половину XX в. Сборник построен по проблемно-хронологическому принципу и состоит из четырех разделов.

Два раздела посвящены различным каналам получения информации о внешнем мире. Первый из них включает статьи, посвященные путешествиям, как способу освоения внешнего мира. Как отмечает П.С. Куприянов, в сознании путешественников XIX в. сосуществовали две парадигмы, которые он оп-

ределяет как «просвещение» и «этнография». Наличие двух разных парадигм в сознании как авторов, так и читателей, возможность «смены оптики», переключения с одного ракурса на другой создавали условия для появления многочисленных противоречивых описаний. Впрочем, противоречивость их становится очевидной лишь при анализе текста – сам же путешественник замечает какие-либо нестыковки так же редко, как и читающая публика, для которой подобные тексты становятся источником одновременного переживания ценного опыта тождественности и инаковости.

Е.С. Сапрыкина, рассматривая сочинения французских путешественников XIX в., посвященные Кавказу, подчеркивает, что эти источники важны прежде всего для понимания процесса складывания образа России за рубежом. Они заложили основы восприятия российской действительности в рамках западной и мировой культуры.

Статья Т.В. Удаловой посвящена сравнительному анализу образа Лондона, Санкт-Петербурга и Москвы в заметках английских и русских путешественников. Отмечая, что русские путешественники высоко оценивали Лондон, автор одновременно делает вывод, что англичанами Санкт-Петербург воспринимался как нечто наносное, как неумелое, а подчас и неуместное подражание Европе. Зато в облике Москвы они усматривали «отражение русской души».

Центральной проблемой статьи С.С. Белякова стали проявления бытовой ксенофобии у четы Достоевских, ярко отразившиеся в дневнике Анны Григорьевны, который она вела во время поездки в Германию и Швейцарию в 1867 г.

М.Н. Мосейкина посвятила свое исследование восприятию Каталонии и «каталонизма», как части образа Испании. По мнению автора, русскими путешественниками была верно отмечена незавершенность процесса синтеза внутри данной цивилизационной системы, что превратилось в качественную характеристику цивилизации «пограничного» типа, к которой принадлежала Испания.

Завершает раздел статья недавно ушедшего от нас видного историка Д.Ю. Арапова (1943–2015), в которой на примере на-

каза мусульманам-паломникам рассматриваются правила поведения советских граждан за рубежом.

Второй раздел включил в себя статьи о восприятии мира сквозь призму журналистики, в том числе и карикатуры. К.Н. Станков показал, что «Куранты» являлись важным источником по формированию в среде российской политической элиты представлений об одном из наиболее крупных и влиятельных государств Европы – Великобритании, в частности, в эпоху «Славной революции» 1688–1689 гг.

Визуальные образы внешнего мира, особенно в дотелевизионную эпоху, нередко формировались на основе политических карикатур. И не случайно целый блок статей посвящен этой проблематике. Отражение в международной карикатуре «Восточного вопроса» стало предметом исследования И.С. Рыбаченок. Сравнивая карикатуры художников разных стран, автор приходит к выводу, что национальную трактовку художниками-карикатуристами международных событий, зачастую однобокую, до известной степени, можно скорректировать, сопоставляя взгляды авторов разной национальности.

Тематически к этой статье примыкает работа Т.А. Филипповой, посвященная образу турка в русской сатирической журналистике начала XX в. По ее мнению, преодоление «языка вражды», едва начатое в русской журнальной сатире, было прервано новым витком конфликтности по мере приближения Первой мировой войны. Но самое начало этого процесса было ценно напоминанием о единственном достойном способе преодоления собственной зависимости от «мифологемы Врага». Суть его в культурном освоении опыта «иного», в способности сочувствовать «чужому», в готовности к критической саморефлексии.

Ряд статей посвящен советской политической карикатуре. А.Н. и Н.Н. Макаровы анализируют специфику карикатур, опубликованных в провинциальной печати (на примере Магнитогорска) и приходят к выводу, что местные карикатуристы, находясь под жестким цензурным контролем, не слишком часто создавали собственные сатирические образы, а в основном использовали клише центральных периодических изданий.

Отражение в советской карикатуре событий гражданской войны в Испании подробно рассмотрено в статье Т.А. Мухаматулина. Исследователь подчеркивает, что антифашистский пафос советской сатиры по поводу войны на Пиренеях в значительной степени заглушает пафос классовой борьбы, так как, с одной стороны, советское общество нуждалось в сплочении именно перед лицом внешнего врага, с другой – испанская Республика, несмотря на свои связи со Страной Советов, была «буржуазной» по своему политическому устройству страной.

Лица и маски нацистской Германии в советской политической карикатуре межвоенного периода стали предметом исследования А.В. Голубева. Помимо «социал-предателей», штурмовиков и представителей гитлеровского руководства, на страницах газет и журналов появлялись немецкий рабочий, немецкая семья, мрачный, голодный, запуганный, но пытающийся выглядеть счастливым немецкий обыватель. Время от времени возникали образы, напоминающие о «другой Германии» – в частности, примеры классической немецкой культуры в лице ее виднейших представителей, страдающей от преследований невежественных фашистов. И на протяжении всего периода немецкий народ изображался в качестве либо борца, либо (гораздо чаще) жертвы; маски «немец-враг» в этот период не существовало, ее с успехом заменяли такие маски, как «фашист», «социал-демократ», «буржуй».

В статье А.Г. Голикова на примере материалов за 1941–1945 гг., выявленных в старейшем немецком сатирическом еженедельнике «Kladderadatsch» и в журнале «Крокодил», а также в собрании агитационных политических плакатов «Окна ТАСС», показаны средства и приемы, используя которые советские и немецкие карикатуристы создавали образ врага.

Изучив советские карикатуры и плакаты времен «холодной войны», А.О. Мамедова пришла к выводу, что многие приемы наглядной пропаганды и агитации, своего рода «метафоры», уже отработанные во время революции, строительства социализма 1930-х гг. и Великой Отечественной войны, перешли в послевоенные плакат и карикатуру. Часто проводились аналогии между политиками этого периода и Гитлером, а свастика

использовалась для усиления убеждающего и объясняющего эффекта карикатур, обличающих милитаризм и реваншизм. В этот период сохраняется мотив масок и «переодеваний», смена личин внешнего врага.

Наконец, статья безвременно скончавшегося С.А. Зубкова (1982–2015) посвящена эволюции образа Н.С. Хрущева в советских и западных СМИ. Как подчеркнул автор, в разных контекстных ситуациях средства массовой информации выступали не только как каналы трансляции, но и как инструмент корректировки международного имиджа Хрущева. Сначала советские СМИ смогли не только создать образ Хрущева-миротворца, но и добиться, чтобы он был принят и советской, и американской аудиториями. Однако смена образа в 1960 г. за счет акцентирования внимания на его силовой компоненте была проведена без учета настроений западной аудитории, поэтому полностью восстановить утраченный имиджевый статус лидера-миротворца, а вместе с тем вернуться к пику своей популярности на Западе Хрущеву так и не удалось.

В третьем разделе рассматриваются проблемы взаимовосприятия в контексте конфликтов и войн. И.К. Мироненко-Маренкова анализирует образ России и русских во французской пропаганде в годы Крымской войны. В многочисленных публикациях население России изображалось как сборище грязных, пьяных дикарей, чей образ жизни напоминал смесь средневековых нравов и восточной роскоши; русские выставлялись совершенно неумелыми вояками во главе с хищным и нелепым императором. Конечно, в середине 1850-х годов появлялись и более сдержанные сочинения, но их удельный вес был невелик.

В статье А.А. Черниловского предпринята попытка реконструкции образа германского флота в сознании русских военных в конце XIX в. на основе материалов официального органа Морского министерства России – журнала «Морской сборник» и ряда архивных документов.

Оценивая ход и исход информационной войны Японии и России в 1904–1905 гг., Д.Б. Павлов приходит к выводу, что усилия России по обретению «своей» прессы в Китае и Корее

оказались небесполезными: региональная печать, находившаяся под ее негласным контролем, вместе с зарубежными военными корреспондентами выступила «рычагом» для воздействия на мировое общественное мнение в выгодном для России, антияпонском духе. В результате их скоординированных шагов с осени 1904 г. прежний «глянец» образа Японии, несмотря на ее продолжавшиеся военные успехи, стал тускнеть и к моменту подписания Портсмутского мирного договора мировая печать была настроена уже заметно настороженнее к Японии и благожелательнее к России, нежели в начале дальневосточной войны.

Видный, к сожалению, покойный историк-востоковед В.И. Шеремет (1940–2012) посвятил одно из своих последних исследований сравнительному анализу документов российских и турецких спецслужб кануна Первой мировой войны.

Изучив представления о будущей войне в советской фантастике 1920–1930-х годов, А.Б. Гуларян и О.Б. Третьяков пришли к выводу, что эти произведения выполняли важные для общества функции предупреждения о надвигающейся войне и мобилизации общественного сознания в предвоенный период.

Достаточно неожиданно сформулировал тему статьи С.А. Козлов, рассмотревший экзистенциальный фронтовой опыт летчиков Европы в годы Второй мировой войны. Он подчеркивает, что этот опыт нашел весьма многостороннее отражение в документальных свидетельствах. Значимость фронтового опыта летчиков заключалась помимо прочего в том, что благодаря знакомству с ним уже после Великой Победы 1945 г. миллионы людей смогли почувствовать глубокий драматизм войны, экзистенциальный опыт которой был введен в более широкий культурный контекст.

Последний раздел сборника посвящен взгляду на Россию (СССР) извне. Открывает раздел статья С.А. Мезина, в которой речь идет о французской Россике конца XVII – начала XVIII в. По мнению автора, французская Россика рассматриваемого периода сохранила приверженность к образу «русского варварства» и за редким исключением недружелюбное отношение к России. Русские продолжали оставаться для них варварским

народом, хотя и наделенным отдельными положительными чертами.

Т.Л. Лабутина рассмотрела образ императрицы Анны Иоанновны и ее двора в переписке леди Рондо, жены английского резидента при русском дворе. Каких-либо негативных характеристик русских людей либо страны в целом леди Рондо не допускала. Присущие автору писем образованность, деликатность, наблюдательность позволили дать яркую и по большей части объективную картину придворной жизни России в эпоху бироновщины.

В отличие от леди Рондо, американский военный и писатель Ч. Хеннингсен, которому посвящена статья М.М. Сиротинской, считал Россию «огромной тюрьмой», в которой царил «неограниченный», «непросвещенный» и реакционный деспотизм Николая I – главного душителя свободы. В его книгах «Открытие России» и «Белая невольница» не только осуждался самодержавный строй, но и выражалось неприятие русского национального характера, традиций и обычаев. А.Г. Дорожкин в статье, анализирующей взгляды германских экономистов на иностранное участие в экономике России начала XX в., отмечает их значительное внимание к проблеме места и роли иностранного капитала в народном хозяйстве тогдашней России. Однако при этом нередко допускались определенные преувеличения как в оценке масштабов зарубежного участия в русской экономике, так и особенно при характеристике вклада иностранцев в развитие производительных сил России. Существенным представляется вывод автора о том, что до Первой мировой войны среди германских россиеведов наряду с антирусскими представлениями были распространены и настроения в пользу экономического сотрудничества двух стран, что предопределило, пусть и не безоговорочно, положительное отношение многих немецких экономистов и публицистов к перспективам дальнейшего инвестирования в Российскую империю.

Деятельность германской разведки в 1920-х – начале 1930-х годов по получению легальных сведений о Красной армии стала предметом исследования Ю.З. Кантор. По ее мнению, эта деятельность сочеталась с попытками получить информацию

из закрытых источников, что трудно объяснить лишь добросовестным стремлением к максимально эффективному сотрудничеству. Действуя в обход Версальских соглашений, немецкая сторона не отказывалась и от двойных стандартов в отношениях с советскими партнерами. Характерно, однако, что в докладах немецких военных в Генштаб описанию «русской картины мира» придавалось порой не меньшее значение, чем собственно военно-профессиональной стороне поездки.

В статье В.А. Райковой рассмотрена динамика представлений о советском обществе американских дипломатов, работавших в посольстве в Москве в 1933–1936 гг. Первоначально, подчеркивает исследователь, американцы получили реальный шанс пересмотреть многие западные стереотипы относительно советского общества, зачастую примитивные и ксенофобские. Но уже с 1935 г. под давлением политических событий в СССР происходит реидеологизация их взглядов. При этом большинство сотрудников посольства питало неприятие и даже отвращение к советскому политическому режиму, но сохраняло при этом привязанность к русской культуре, языку и людям.

Завершает и раздел, и весь сборник статья А.Б. Едемского, в которой проанализированы оценки, готовившиеся для высшего югославского руководства и описывавшие развитие СССР после снятия Н.С. Хрущева. Данный комплекс документов проливает не только дополнительный свет на развитие СССР в первые месяцы после октябрьского пленума ЦК КПСС 1964 г., но одновременно показывает механизм формирования и корректировки представлений об СССР югославской элиты в рассматриваемый период.

---

¹ О работе круглого стола см.: *Голубев А.В.* Россия и мир глазами друг друга: из опыта изучения проблемы // Труды Института российской истории. М., 2008. Вып. 7. С. 400–410.

² Россия и Европа в XIX–XX вв.: проблемы взаимовосприятия народов, социумов, культур. М., 1996; Россия и внешний мир: диалог культур. М., 1997.

- ³ Рецензии см.: Отечественная история. 1998. № 5; 1999. № 6; 2000. № 2; 2004. № 6; Историографический сборник. Саратов, 2004. Вып. 21. С. 265–276.
- ⁴ Подробнее см.: *Голубев А.В.* Эволюция инокультурных стереотипов советского общества // 50 лет без Сталина: наследие сталинизма и его влияние на историю второй половины XX века. М., 2005. С. 98–116; *Голубев А.В., Курьянов П.С.* Представления об «Ином»: эволюция и механизмы (российский опыт XIX–XX вв.) // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. М., 2006. Вып. 3. С. 374–396; *Голубев А.В.* Проблема взаимовосприятия культур: предварительные итоги и ближайшие перспективы изучения // Историк и мир – мир историка в России и Центрально-восточной Европе. Будапешт: Russica Pannonicana, 2012. С. 267–275.

1. МИР ГЛАЗАМИ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ

Куприянов П.С.

РУССКОЕ ЗАГРАНИЧНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ НАЧАЛА XIX В.: МЕЖДУ ПРОСВЕЩЕНИЕМ И ЭТНОГРАФИЕЙ*

Одно из главных искушений, подстерегающих исследователя при работе с материалами путешествий (особенно если объектом изучения является не сам путешественник, а то, что он описывает), – представить исследуемый текст как непосредственное отражение наблюдаемой реальности. Соблазн этот тем более велик, что сами путешественники сплошь и рядом настаивают на собственной непредвзятости и объективности. «Исписах все, еже видема очима своима грешныма», – под этими словами игумена Даниила, декларирующими неизбежность взгляда наблюдателя, а следовательно – достоверность и полноту сообщаемых им сведений, могли бы, наверное, подписаться авторы большинства травелогов последующих столетий.

Впрочем, критики жанра давно обратили внимание на то, что рассказ о путешествии порой весьма существенно отличается от самого путешествия, и на страницы книги попадает далеко не все, что довелось увидеть автору¹. Внимательные чита-

---

* Статья написана при финансовой поддержке РГНФ, проект № 14–01–00238.

тели и скрупулезные исследователи то и дело уличают путешественников в пристрастности и субъективности, отмечая стереотипность их описаний. При этом, как правило, имеется в виду более или менее осознанное искажение действительности; предполагается, что автор умышленно создает односторонний образ народа, страны или какого-либо иного объекта². Искажающим фактором здесь оказывается литературная, общественная или политическая позиция автора, а сам момент искажения связывается с созданием нарратива, т.е. переработки «собранного материала» в единый текст: подразумевается, что именно на этом этапе «путешествие» лишается пресловутой непосредственности. Что же касается собственно наблюдения – оно, кажется, не подвергается сомнению.

Между тем, данные разных дисциплин³ показывают, что понимание наблюдения как прямой механической фиксации реальности сильно упрощает ситуацию: «еще до всякого наблюдения, а также в его процессе... вступает в действие целый набор фильтров, отсеивающих “заслуживающие внимания” феномены от “незаслуживающих” для самого наблюдения, последующего описания и включения в итоговый текст»⁴. Эти механизмы сортировки и отбора информации порождают определенную точку зрения и ракурс наблюдения, что не может не отразиться на конечном образе описываемого объекта. Иначе говоря, то, что и как описывает путешественник, в значительной степени определяется изначальной культурной установкой, которую сам автор не всегда осознает.

Показательным примером, иллюстрирующим данный тезис, являются описания русскими путешественниками Крайны и Штирии (исторических областей в Словении и Австрии) в начале XIX в. Речь идет о двух россиянах, Федоре Петровиче Лубяновском и Владимире Богдановиче Броневском, в разное время побывавших в этих местах и опубликовавших записки о своих путешествиях. Ф.П. Лубяновскому довелось проезжать через Штирию и Крайну дважды, с сорокалетним перерывом, в 1801 и 1841 гг., оба раза направляясь из Австрии в Италию. В.Б. Броневский же двигался в обратном направлении: как морской офицер, он участвовал во Второй Архипелагской экспеди-

ции, по завершении которой возвращался в Россию из Триеста сухим путем через Крайну, Штирию, Венгрию и Галицию.

На протяжении всего пути В.Б. Броневский вел дневник, и именно дневниковые записи легли в основу его сочинения – об этом автор сообщает читателю в первых же строках «Путешествия...»: «Привычка записывать все, что случилось видеть и заметить, – вписывать в дорожный свой журнал все, что казалось достойным внимания и любопытства, доставила мне возможность собрать несколько сведений о Венгрии и Польше»⁵. В этом, на первый взгляд, формальном, вводном, предложении содержится очень важная мысль, касающаяся способов описания окружающей действительности. Здесь, фактически, утверждается принцип избирательности: видимо, сам того не желая, автор признает, что в дорожный журнал и затем в текст «Путешествия...» попало не все, что было доступно его взору, а лишь то, что показалось «достойным любопытства».

Иными словами, основным критерием для отбора информации предстает любопытство путешественника, которое только на первый взгляд кажется чем-то индивидуальным и произвольным; на самом же деле за ним стоят известные культурные установки. Именно они направляют взгляд наблюдателя, фиксирующий на тех или иных фрагментах реальности.

Что «достойно любопытства»? Параметры описания и конструирование образа

Применительно к началу XIX в. можно говорить о двух таких установках, которые составляли основу господствующего дискурса о путешествии и в той или иной степени повлияли на все тексты соответствующего жанра. Это, во-первых, понимание путешествия, как просветительской практики, а во-вторых – требование этнографичности путешествия. Каждая из этих установок задавала свои параметры описания, и их сочетание формировало ту или иную конфигурацию пресловутого любопытства.

Так, например, в просветительской парадигме путешествие воспринималось как способ рационального познания мира, по-

средством которого можно было решать такие глобальные задачи, как составление всеобщей карты цивилизации, устанавливавшей уровень развития человечества в разных уголках Земли. В результате описание той или иной страны в просвещенном путешествии было нацелено на определение уровня ее цивилизованности, производившееся по ряду критериев. Наиболее распространенными среди этих критериев были: уровень развития земледелия, показателем которого были обработанные (или, наоборот, необработанные поля), развитие торговли, развитие градостроения (оценивавшееся, в основном, по количеству каменных домов в городах, ширине и чистоте улиц) и, конечно – наук и художеств. Довольно много внимания уделялось географической характеристике: рельефу (гористому или равнинному), климату (здоровому или нездоровому), «земным произведениям» и природному ландшафту. Еще одним обязательным пунктом были местные достопримечательности, среди которых особенно выделялись всевозможные курьезы – редкие растения и животные и вообще всякие необыкновенные природные явления, – все то, что попадало в категорию «редкости» и могло занять свое место в витринах Кунсткамеры. Что же касается людей – они попадали в объектив просвещенного наблюдателя либо как «курьезные экземпляры» (отличавшиеся какими-то физическими особенностями – редкими способностями или, наоборот, недостатками), либо тогда, когда требовалось определить степень просвещенности и уровень нравственности местных жителей.

Совсем другую номенклатуру «достойных любопытства» объектов предполагало путешествие, понятое как этнографическая практика. Такое понимание во многом сформировалось на основе критики просветительских установок. Так, еще в середине XVIII в. Ж.Ж. Руссо призывал к изучению «не камней и растений, а людей и нравов»⁶. И этот призыв был воспринят многими, сначала в Европе, а затем и России, где в начале XIX в. интерес к иным странам и народам был необычайно велик. Очевидная потребность просвещенной публики в такого рода антропологической информации не могла не отразиться и на литературе путешествий: к ней теперь предъявляется требо-

вание антропологического и в частности – этнографического ракурса в описании Иного, предполагавшего рассказ о пище и хозяйстве, жилище и одежде, обычаях и нравах, языке и характере, вере и обрядах местного населения.

Таким образом, речь идет о двух разных ракурсах во взгляде путешественника, которые на практике чаще всего сосуществовали, но, как правило, не на равных правах: один из них преобладал, и именно на его основе конструировался образ страны, предъявляемый читателю. Смена же доминирующего взгляда приводила к появлению совсем другого образа той же самой реальности – даже в текстах одного автора.

Примером может быть Ф.П. Лубяновский, как уже отмечалось, автор двух текстов, содержащих описание Крайны и Штирии. Сравнивая соответствующие фрагменты, мы увидим два совершенно разных образа. В 1801 г. путешественник встречается здесь женщин с «ужасными зобами в 4–5 рядов», полоумного профессора Латинского Красноречия и священника-прелюбодея⁷. Описания природы дополняются сообщением о том, что «главное произведение сей области железо», из которого изготавливают «весьма изрядные ножи». И завершается все рассказом о столице Крайны: «В Лейбахе нашел я старинный замок, обращенный в тюрьму, около 12 тысяч жителей, имя тамошнего Архиепископа у всех на языке, бессовестное грабительство трактирщиков, несколько Латинских школ, почти осиротевших, и библиотеку, коей дверь для всех открыта, но которая так всегда пуста, как если бы вечно была заперта тремя замками»⁸.

Перед нами – не самый привлекательный, но вполне запминающийся образ, в котором – заметим – нет даже намека на этнографию. И это не случайно: в самом начале своего сочинения автор предупреждал своего читателя, что он «всего больше любил заниматься природою и художествами, ее подражателями», поскольку нравов, отличающих один народ от другого, теперь уже почти не осталось: «Везде одни люди и везде одни страсти. Впрочем, если не совсем невозможно, то по крайней мере, трудно определить общий нрав и точно означить оттен-

ки, по которым отличается народ от народа, если еще они есть в самом деле»⁹.

Данное утверждение целиком строится на просветительской логике, основанной на известном понимании исторического развития как однонаправленного линейного процесса, общего для всех народов и культур. Содержанием этого процесса является просвещение, под которым чаще всего понимается распространение и утверждение норм и ценностей западноевропейской цивилизации. Идея всеобщего прогресса человечества зиждется на распространенном представлении о единстве человеческой природы, согласно которому во все времена и во всех странах человек «равен самому себе» и обуреваем одними страстями. Различия же между человеческими сообществами (народами) объясняются лишь уровнем их развития и некоторыми обычаями, которые в данной парадигме противопоставляются просвещению и рассматриваются исключительно как порождения невежества – суеверия и предрассудки¹⁰. Эта тьма обычаев, разделяющих человечество на народы, исчезает по мере распространения света Разума, в результате чего появляется единое просвещенное человечество. Тем самым в ходе процесса цивилизации преодолевается этнокультурное разнообразие, являющееся показателем более ранней стадии развития. В первую очередь это, конечно, касается Европы: слова о том, что «везде одни люди и везде одни страсти», восходящие к известным высказываниям Д. Юма¹¹, как нельзя лучше отражают позицию просвещенного наблюдателя, путешествующего по «самой цивилизованной» части света.

Итак, Ф.П. Лубяновский, с самого начала убежденный в единстве человеческого рода и отсутствии сколь-нибудь значимых культурно-специфических «нравов» и «обычаев», не находит таковых на территории Штирии и Крайны. Между тем, сорок лет спустя ему же без труда удалось обнаружить эти нравы в том же самом месте, где прежде они даже не предполагались. Теперь он нашел здесь «гораздо больше славянского быта», чем в Богемии. И теперь путешественнику встречаются не безымянные «12 тысяч жителей», а «славянское племя», на-

звания которого (как экзоэтнонимы, так и эндоэтнонимы) он не просто перечисляет, но еще и рассуждает об их этимологии¹².

Помимо размышлений об особенностях языка местных славян, мы находим здесь сведения об их одежде, пище, утвари и характере. Путешественник невероятно вдохновляется сходством местных жителей с малороссиянами, которое проявляется практически во всем – от языка до вида тягловой упряжи: «Волы у них также в ярме, как у нас в западных и южных губерниях, не тянут всей тягости головою, как у Немцев, Итальянцев, Швейцарцев; слышал я у них свое родное “Гей-цоба” (“направо”), с прибавкою “стиа” (“налево”), в деревнях находил я у них паленицы, пампушки, вареники с ягодами; такие же у них, как у нас в Малороссии и в западных Губерниях, хата с кивнатой и зеленые печи; женщины в очипках выходят на рынок с такими же ковшиками; у колодцев такие же оцепи; изба без полу, но выбелена внутри и снаружи; также носят в поле жена или дочь горячий завтрак отцу или мужу; плотник также, опершись левою, тешет бревно не к спеху одною правою рукою; также и у них пир горою в храмовые праздники, такое же и отдание праздников, хотя они Католики; такое же наместо на шее у девушек – с круглыми личиками, с каштановыми волосами, в платьях без рукавов, как в сарафанах, с голубыми ясными глазками, с свежюю алою краской в щеках, с стройным станом, с веселой улыбкой: премиленькие Славяночки! – бегают мимо меня до сих пор, как резвые тени»¹³.

И в довершении всего автор формулирует своего рода апологию национальной самобытности, которая прямо противоположна приведенному выше пассажи об исчезновении страстей и нравов: «Время везде прошло, и чего оно не разрушило, чего в пыль и в грязь не втоптало... А сколько ни роет, не успело еще совсем подкопать природного нраву, обычая, какого-то неизгладимого и несокрушимого свойства, отделяющего во всемирном смещении племени от племени. Оттого-то, где-то написано, нравы сильнее законов»¹⁴. Этот пассаж однозначно указывает на иную, отличную от просветительской, систему представлений, определяющую иное видение и иную интерпретацию реальности. Эта альтернативная, этническая, пара-

дигма основана на антипросветительских позициях, наиболее последовательно разработанных И.Г. Гердером и послуживших источником романтической эстетики и идей национальной и исторической самобытности. Важной составляющей данной парадигмы является представление о народе, как об этнической общности – объединенной общим происхождением, языком и культурой. Каждая такая общность обладает набором характерных качеств, передающихся по наследству от предков потомкам и определяющих ее своеобразие на фоне остальных подобных групп. Постепенное распространение подобных представлений в русском образованном обществе приходится как раз на начало XIX в.

Итак, под воздействием разных факторов из-под пера одного человека выходят совершенно разные образы одной и той же реальности. Причем, надо отметить, что различается даже эмоциональный настрой автора: если в первом случае он занимает такую снисходительно-удрученную позицию цивилизованного европейца в непросвещенной стране, то во втором случае главной эмоцией является радостное открытие родственного народа на другом краю Европы.

Такую заметную разницу можно объяснить эволюцией взглядов автора, а также изменением запросов читающей публики: то что еще как-то могло «сойти с рук» в 1801 г., через сорок лет было неприемлемо; в 1841 г. уже нельзя было проигнорировать требование этнографичности, не рискуя навлечь на себя гнев критики (как это случилось с книгой В.М. Строева о Париже, вышедшей также в 1841–1842 гг.¹⁵, по поводу которой В.Г. Белинский писал: «Вы хотите познакомиться с характером народа в его домашнем быту, у себя, дома, так сказать, – а вас душат скучными описаниями памятников и зданий, щедро рассыпая архитектурные термины... Стены ничего не значат, важны только люди...»¹⁶).

Так или иначе, в случае Ф.П. Лубяновского два разных образа разделены довольно большим временным отрезком. Однако есть и более сложные случаи: когда два разных ракурса сосуществуют в сознании одного автора и соответственно проявляются в одном тексте. Таким текстом является уже упоми-

навшееся сочинение В.Б. Броневского, посвященное его путешествию по Центральной Европе, в том числе, через Крайну и Штирию. В его представлении нравы и обычаи крайнцев и жителей Штирии, их язык, одежда, обряды и праздники оказываются не менее любопытными и важными для читателя сведениями, чем сталактитовые пещеры, библиотека в Лайбахе (та самая, в которую по-прежнему никто не ходит, но теперь уже всегда запертая), примитивные пьесы в театре Петтау и необычная плавучая мельница в его окрестностях. Стандартная номенклатура просвещенного путешествия представлена здесь так же полно, как и основные позиции этнографического описания¹⁷.

Такой взгляд на действительность одновременно в двух ракурсах, несомненно, способствует конструированию более объемного представления. Однако поскольку эти ракурсы выбраны не произвольно, а обусловлены соответствующими системами представлений о мире, во многом противоположными, то упомянутое совмещение их в рамках одного текста имеет и «побочный эффект» в виде некоторых противоречий. В частности, это касается позиции путешественника по отношению к описываемым людям: если этнографический взгляд позволяет увидеть в них представителей родственного народа и тем самым способствует максимальному сближению, а иногда – и отождествлению себя с объектом описания, то привилегированная позиция просвещенного путешественника, напротив, предполагает известную дистанцию, конкретные размеры которой зависят от характеристик данного объекта.

Приобретение или сохранение: проблема культурных заимствований

Наиболее рельефно внутренняя противоречивость текста В.Б. Броневского проявляется в интерпретации им проблемы культурных заимствований. Характеристика населения Крайны в этой связи весьма показательна: «Общее предубеждение называет Крайнцев коварными и лживыми, но мне кажется, что сии пороки суть следствие чуждого им ига. Крайнцы сохрани-

ли добродетели, свойственные Славянам: они трудолюбивы, храбры, терпеливы, сметливы и переимчивы. В некоторых механических искусствах они далеко превосходят учителей своих Немцев, от коих, однако ж приобрели какую-то неловкость, неповоротливость <...>. Как Немцы, они охотники до картофеля, и как Русские, до кислой капусты, которую всегда нас усердно подчивали. Сколь ни бедна страна сия, а однако же жители ея просвещеннее всех прочих Иллирийцев. В конце XVII столетия только правитель области и Епископ Лайбахский имели экипаж, но с того времени, как для торговли Триеста нашли нужным проложить в Вену большую дорогу, Краинцы познакомились с роскошью, просветились и от обращения с иностранцами сделались несколько приветливей»¹⁸.

Итак, путешественник рассуждает о немецком влиянии на славянское население Крайны в самых разных сферах – от «механических искусств» до пищевых пристрастий. Вместе с тем, из приведенного отрывка довольно трудно вычленить однозначную оценку автором описываемого воздействия. С одной стороны, «чуждое иго», по мнению путешественника, стало причиной пороков – коварства и лживости, тогда как славянские добродетели, напротив, сохранились вопреки иноэтническому влиянию. В то же время с немцами связывается освоение краинцами «механических искусств», а «обращение с иностранцами» представляется залогом развития просвещения. Данное противоречие, столь характерное для текстов В.Б. Броневского, – яркий пример совмещения двух разных систем представлений, разных оптик – этнической и просветительской.

В просветительской парадигме народные обычаи и все, что составляет основу самобытности того или иного народа, маркируется однозначно негативно – как признак непросвещенности, подлежащий скорейшему искоренению. Напротив, несомненной ценностью является просвещение, приобретаемое «отсталыми» народами в процессе интенсивного межкультурного взаимодействия. Главной целью «отстающих» становится, таким образом, приобретение просвещенных умений и навыков в ходе разнообразных «сношений» с просвещенными народами. Помимо краинцев, ставших «несколько приветли-

вее» от общения с иностранцами, примеры такого приобретения демонстрируют также бокезцы (жители Боки Которской в южной Далмации), которые, по словам В.Б. Броневского, «от обращения с иностранцами имеют некоторый просвещенный навык»¹⁹.

И все же, по наблюдению путешественника, большинство славянских народов все еще придерживаются «древних обыкновений». В той же Боке Которской пастровичане «особенно пристрастны к своим нравам, закону и древним обычаям»²⁰. То же касается и других приморцев, которые «будучи крайне привязаны к древним своим обычаям, в характере мало еще изменились»²¹, да и тех же самых славян Крайны: «народ сей чрезмерно привязан к своим обычаям и вере; в характере его после стольких веков чужеземного ига не видно чувствительной перемены»²².

Вместе с тем, следует отметить, что приверженность народа к своим традициям далеко не всегда расценивается автором негативно, как признак невежества. Так, упоминающееся в последней цитате «чужеземное иго» плохо согласуется с идеей просветительской миссии, указывая скорее на отрицательное отношении автора к иностранному влиянию. Источником такого отношения в сознании путешественника, очевидно, является этническая парадигма, в рамках которой унаследованные от предков качества представляют собой безусловную ценность, поскольку, фактически, являются залогом существования народа. Поэтому их сохранение становится главной, жизненно важной задачей каждой общности. Стратегия приобретения просвещенных навыков и законов здесь заменяется стратегией сохранения традиции.

В разных условиях традиция сохраняется в разной степени. Иноэтничное окружение, воспринимавшееся в просветительском ракурсе как преимущество, облегчавшее приобретение полезных навыков, теперь трактуется как существенное препятствие для поддержания народных обычаев. Последние существуют вопреки инокультурному влиянию. Скажем, руснаки в восточной Венгрии «сохранили все древние качества наших прародителей, несмотря на то, что окружены разноплеменны-

ми народами»²³. В отличие от Венгрии, в Штирии славяне подверглись более сильному внешнему воздействию: их «нравы и обычаи от смешения с Немцами много изменились»²⁴.

Эти драматические изменения касаются в первую очередь языка – самого яркого этнического признака. Еще в Крайне (где путешественник отмечал довольно интенсивные межэтнические контакты) иноязычные влияния не мешали взаимопониманию между родственными народами: «Крайнцы говорят Словянским языком, испорченным Немецкими и Итальянскими словами, смотря по тому, к которой границе они живут ближе; однако ж наши люди понимали их без затруднения»²⁵. Однако уже в Штирии ситуация иная: «Язык так испорчен, что с трудом понимать их можно»²⁶. Устойчивая метафора порчи языка исключительно точно обозначает оценку инокультурного влияния в контексте этнической парадигмы: контакты с иными народами ведут к искажению, а впоследствии и к исчезновению наследственных качеств – древних «обыкновений» и «размыванию культурного генофонда» народа.

В связи с этим оптимальным условием для сохранения традиции оказывается изоляция, что блестяще подтверждает пример Черногории: благодаря естественным препятствиям, затрудняющим доступ в эту область, ее жителям удается избегать общения с иностранцами, что неизменно отражается прежде всего на языке: «Черногорцы, удержав вольность свою и имея мало сообщения с иноземцами, сохранили в полной чистоте коренной Славянский язык. Выговор их мягче и приятнее нежели Сербов, Кроатов и Далматов, ибо первые мешают Славянские слова с Турецкими, вторые с Немецкими, а последние с Итальянскими»²⁷.

В устах путешественника эта традиционность черногорского общества, описываемая в этнических категориях, становится основанием для его идеализации и отождествления себя с данной культурой. Черногорцы у В.Б. Броневского порой напоминают «благородных дикарей», которые существуют по «мудрым обычаям древности»: «Я видел Спарту, видел в полном смысле слова республику, отечество равенства и истинной свободы, где обычаи заменяют закон, мужество стоит на стра-

же вольности, несправедливость удерживается мечем мщения... Три дня, проведенные мною между ними, я, так сказать, перенесен был в новый мир и познакомился с предками моими 9-го и 10-го столетия, видел пред собою простоту патриарших времен, беседовал с Ильей Муромцем, Добрынею и другими богатырями нашей древности»²⁸.

Однако образ Черногории и ее жителей в «Записках ...» В.Б. Броневского не исчерпывается этой идеальной картиной: его текст содержит не только восторженный рассказ о древней и «чистой» славянской традиции, но также и критику местных нравов и обычаев с позиции просвещенного наблюдателя. Внимательный и добросовестный путешественник видит в черногорцах не только былинных богатырей, но и непросвещенных дикарей, отмечая вместе с невероятной храбростью их зверскую жестокость, а наряду с возвышенностью духа – полное невежество; видит не только простоту Патриарших времен, но и примитивность хозяйства; вслед за рассказом о славянской гостеприимности упоминает варварский обычай кровной мести²⁹. Осознание всех этих противоречий вызывает у самого автора искреннее недоумение: «Народ, столь к нам близкий, и столь мало известный, говоря одним с нами языком, имея ту же веру, присходя от одной крови, между тем как мы, родные его братья, стоим на знаменитой степени просвещенных наций, ведет посреди варваров дикую жизнь и имеет те же нравы, какие предки наши имели при храбром князе Святославе»³⁰. Черногорцы, увиденные одним и тем же человеком с разных точек зрения, посредством разных оптик, мало походят друг на друга. При соединении же этих двух образов появляется такой странный феномен, который никак не уместится в простые схемы, существующие в сознании самого путешественника и его читателей.

На противоречивость черногорских фрагментов в записках В.Б. Броневского справедливо указала И.С. Достян, объяснив ее тем, что автор механически соединил несколько источников, написанных с разных позиций³¹. Признавая сам факт использования разных источников, заметим, однако, что более основной причиной противоречивости данного текста представ-

ляется совмещение автором различных схем интерпретации социальной реальности. Подобное совмещение вовсе не является какой-то исключительной авторской особенностью – напротив, это довольно типичная черта текстов о Другом, встречающаяся у самых разных авторов начала XIX столетия. В этот период представления и мышление образованного россиянина все еще в значительной мере определяются постулатами и ценностями эпохи просвещения. И в то же время – это эпоха открытия (или конструирования) этничности и развития национального сознания.

Существование двух разных парадигм в сознании как авторов, так и читателей, возможность смены оптики, переключения с одного ракурса на другой – все это и создает условия для появления многочисленных противоречивых описаний. Впрочем, противоречивость их становится очевидной лишь при анализе текста – сам же путешественник замечает какие-либо нестыковки так же редко, как и читающая публика, для которой подобные тексты становятся источником одновременного переживания ценного опыта тождественности и инаковости.

---

¹ Хрестоматийный пример (впрочем, до сих пор вызывающий споры у специалистов) – «Письма русского путешественника» Н.М. Карамзина. См. о них: *Лотман Ю.М., Успенский Б.А.* «Письма русского путешественника» Н.М. Карамзина и их место в развитии русской культуры // *Карамзин Н.М.* Письма русского путешественника. Л., 1984. С. 525–606. См. также полемику: *Серман И.З.* Где и когда были написаны «Письма русского путешественника» Н.М. Карамзина // XVIII век. СПб., 2004. Сб. 23; *Клейн И.* «Письма русского путешественника» как документальный источник. – Рец. на кн.: *Panofsky Gerda S. Nikolai Mikhailovich Karamzin in Germany: Fiction as facts.* Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2010. 181 p. URL: www.nlobooks.kru/sites/default/files/old/nlobooks.ru/rus/magazines/nlo/196/2004/2039/index.html

² Так, по мнению Т.В. Лабугиной, негативный образ русских в записках англичан объясняется тем, что последним «было выгодно представить народ России “варварами”, а ее правителей “азиат-

- скими деспотами”...»: *Лабутина Т.В.* Представления британцев о русском народе в XVI–XVII вв. // Вопросы истории. 2009. № 8. С. 24.
- ³ Имеются в виду, в частности, исследования механизмов визуальной перцепции или работы по теории коммуникации: *Розин В.М.* Визуальная культура и восприятие: как человек видит и понимает мир. М., 1996; *Вахтин Н.Б.* Заметки об одной особенности акта коммуникации // Антропологический форум. 2005. № 3. С. 148–166.
- ⁴ *Соколовский С.В.* Этнография как жанр и как власть // Этнометодология: проблемы, подходы, концепции. М., 1995. Вып. 2. С. 138.
- ⁵ *Броневский В.Б.* Путешествие от Триеста до С.-Петербурга, в 1810 году. М., 1828. Ч. 1. Предисловие (без паг).
- ⁶ *Руссо Ж.-Ж.* О природе неравенства. СПб., 1901. С. 139.
- ⁷ *Лубяновский Ф.П.* Путешествие по Саксонии, Австрии и Италии в 1800, 1801 и 1802 годах. [СПб.], 1805. Ч. 1–3. С. 216–217.
- ⁸ Там же. С. 219–220.
- ⁹ Там же. С. 7.
- ¹⁰ См. некоторые примеры проявления такого взгляда в материалах путешествий: *Броневский В.Б.* Записки морского офицера в продолжении Кампании на Средиземном море под начальством вице-адмирала Дмитрия Николаевича Сенявина от 1805 по 1810 год. СПб., 1819. Ч. IV. С. 88–89; *Свиньин П.П.* Воспоминания на флоте Павла Свиньиного. СПб., 1818. Ч. II. С. 223; *Лисянский Ю.Ф.* Путешествие вокруг света на корабле «Нева» в 1803–1806 годах. М., 1947. С. 187.
- ¹¹ О взглядах Д. Юма см.: *Барг М.А.* Эпохи и идеи: становление историзма. М., 1987. С.310.
- ¹² *Лубяновский Ф.П.* Заметки за границую в 1840 и 1845 годах. СПб., 1845. С. 190.
- ¹³ Там же. С. 191.
- ¹⁴ Там же. С. 192.
- ¹⁵ *Строев В.М.* Париж в 1838 и в 1839 годах. Соч. Владимира Строева. СПб., 1841–1842. Ч. 1–2.
- ¹⁶ Отечественные записки. 1842. Т. XXI, № 3. С. 12–16.
- ¹⁷ *Броневский В.Б.* Путешествие от Триеста до С.-Петербурга в 1810 г. Ч. 1. С. 5–33
- ¹⁸ Там же. С. 29–30.
- ¹⁹ *Броневский В.Б.* Записки морского офицера ... Ч. I. С. 225.
- ²⁰ Там же. С. 219.
- ²¹ Там же. С. 225.

- ²² *Броневский В.Б.* Путешествие от Триеста до С.-Петербурга, в 1810 году. Ч. 1. С. 30.
- ²³ Там же. С. 160.
- ²⁴ Там же. С. 54.
- ²⁵ Там же. С. 28.
- ²⁶ Там же. С. 54.
- ²⁷ *Броневский В.Б.* Записки морского офицера ... Ч. I. С. 249–250.
- ²⁸ Там же. С. 192.
- ²⁹ Там же. С. 267.
- ³⁰ Там же. С. 295.
- ³¹ *Достян И.С.* Русская общественная мысль и балканские народы: от Радищева до декабристов. М., 1980. С. 156–158.

КАВКАЗ И ФРАНЦУЗСКИЕ ПУТЕШЕСТВЕННИКИ ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX В.

Путевые записки, журналы, воспоминания о путешествиях в ту или иную страну – это всегда интересный, познавательный источник географического, этнографического, культурно-исторического характера.

Свидетельства зарубежных путешественников XIX столетия содержат многочисленные сведения о России того времени. Но источники такого рода имеют ряд особенностей, которые следует учитывать. Во-первых, свою особую роль играет субъективность восприятия пишущего, которая откладывает отпечаток на изложение, что нередко приводит к неравнозначности в плане содержания или излишней детальности описания. Во-вторых, оценки тех или иных явлений, зафиксированных конкретным путешественником в путевых записках либо в мемуарах, во многом определяются общим образовательным уровнем автора, его социальным статусом и политическими убеждениями.

Стоит учитывать и тот факт, что многие путешественники попросту не знали русского языка, а это, в свою очередь, неизбежно влекло за собой определенные неточности и ошибки в изложении ими своих наблюдений.

Не следует забывать и о целях, которые преследовал тот или иной путешественник, и, исходя из этого, уже оценивать степень достоверности сведений, предлагаемых в написанном им произведении.

В то же время именно благодаря произведениям такого рода мы получаем возможность увидеть то, что заметил чуткий глаз европейца и что оставалось вне поля зрения русского человека. Посредством изучения этих источников имеется возможность по-новому оценить привычные реалии и совершенно иначе интерпретировать то, что казалось вполне естественным, но вы-

зывало удивление, восхищение и даже непонимание у представителей иной культуры и носителей другого менталитета.

У источников такого рода есть еще одна важнейшая особенность. Записки иностранных путешественников, особенно если они написаны бывшими дипломатами, несут идеологический заряд. По существу, авторы подобных трудов закладывали в сознании своих соотечественников основы образа описываемого объекта, т.е. формировали в умах западноевропейца образ России. От конкретного автора, его целей, его политической ориентированности во многом зависело то, каким именно представлялся данный образ – негативным или, наоборот, позитивным. Следует добавить, что в случае с Кавказом данный аспект становится еще очевиднее, если учитывать сложность исторической судьбы данного региона.

Россия испокон веков привлекала к себе внимание европейцев различных профессий, мировоззрений и религий: одних восхищала разноплановая культурная составляющая; другие стремились просто из любопытства познакомиться с чем-то новым и неизведанным; у кого-то были и совершенно определенные цели, часто коммерческого или дипломатического характера. Южные регионы России, особенно Кавказ, неизменно вызвали у путешественников-европейцев повышенный интерес, и связан он был с колоссальной исторической и политической значимостью этой территории для Российского государства. К тому же Кавказ – это давняя «точка пересечения» внешнеполитических и коммерческих интересов многих европейских держав, свидетельством чему является огромное число источников мемуарного характера, описывающих данный Кавказский край.

По мнению А.В. Барнаша и С.С. Лазаряна, «интерес к Кавказу постепенно становился не только российским интересом исключительно, но растревожил военно-политические и культурные слои отдаленной Европы, которая под различными предложениями посылала своих эмиссаров на Кавказ еще с XVIII века»¹. Действительно, огромное количество европейских – английских, немецких, французских – дипломатов, литераторов, ученых, просто энтузиастов посетило этот край. Но, к сожалению,

нию, не все их письменные труды занимают должное положение в «сводной летописи» источников по истории и культуре края, а многие попросту забыты в силу разных причин.

Данной проблеме посвятила свои работы Е.Л. Соснина. Среди неправомерно забытых, но заслуживающих исключительного внимания источников, заложивших основы кавказоведения, она называла мемуарное наследие Жана Батиста Тавернье (1605–1689), Жана Шардена (1643–1713), Яна Потоцкого (1761–1815) и других иностранных путешественников².

Традиция изложения впечатлений в ходе путешествий в XIX в. не теряет своей актуальности. Именно в этот период сформировался типичный образ России в сознании европейского человека, и немалую роль в этом процессе сыграл жанр путевых заметок.

Обилие источников этого жанра можно классифицировать следующим образом:

- записки очевидцев событий войны 1812 г. (например, книга Дюпре де Сен-Мора);

- записки путешественников, ученых, исследователей (среди них – книга ученого, преподававшего французский язык цесаревичу Александру Николаевичу, швейцарца Антуана Флориана Жилия «Записки о Кавказе и Крыме», воспоминания археолога и геолога Фредерика Дюбуа де Монпере);

- мемуары французских эмигрантов (Жозеф де Местр, мадам де Сталь);

- мемуары литераторов (А. Дюма-отец и его труд о путешествии на юг России)³;

- мемуары женщин-путешественниц (в первую очередь, «Письма о Кавказе и Грузии», принадлежавшие перу жены дипломата, находившегося на русской службе, Фредерики Фрейганг, которые вышли анонимно в 1816 г. в Гамбурге и до сих пор не переведены на русский язык; путевые заметки «Путешествие по Прикаспийским степям и Югу России» француженки Адель Оммер де Гелль, сопровождавшей мужа-геолога в поездке по югу России)⁴;

- мемуары дипломатов (записки дипломата Ж.Ф. Гамба, «Записные книжки» Армана де Коленкура).

Каждый путешественник-мемуарист неизбежно привносил что-то свое в формирование образа Кавказа, а именно – то, что казалось ему наиболее значимым и интересным. Именно из этих деталей, как мозаика, складывался красочный образ описываемого региона. В этом плане отдельный интерес представляют записки женщин-путешественниц. Если применять гендерный подход, то окажется, что женский взгляд европейских путешественниц многое дает для понимания Кавказского края. Женщина в силу любопытства, данного ей от природы, подмечает множество деталей бытового характера, которые постепенно выливаются в единую образную картину. Здесь нельзя не сказать пару слов о незаслуженно забытой книге «Письма о Кавказе и Грузии» француженки Фредерики Фрейганг, которая приехала в Россию вместе с детьми вслед за мужем, отправленным по делам службы в кавказский регион. Путешествие их длилось около четырех лет, большая его часть пришлось на суровую русскую зиму, а трудный путь пролегал через р. Терек в Георгиевск. Книга написана в жанре писем к подруге. Не лишенная романтического налета, она все-таки представляет интерес, поскольку отражает взгляд образованной европейской женщины первой четверти XIX в. на богатый ландшафт Кавказа, на традиции, обычаи, нравы населявших его народов. Отдельно следует упомянуть и о книге другой путешественницы французского происхождения, мадам Адель Оммер де Гелль (1817–1871). Исчерпывающие, на наш взгляд, работы на эту тему представлены Е.Л. Сосниной, которая впервые полностью перевела на русский язык книгу этой необыкновенной женщины – загадочной современницы М.Ю. Лермонтова⁵.

Необходимо также уделить внимание еще одному интересному источнику – мемуарным запискам близкого друга А.С. Грибоедова, французского дипломата, консула в Тифлисе, Жана Франсуа Гамба (1763–1833), о котором упоминается в романе «Герой нашего времени» Лермонтова. Речь идет о двухтомном издании Гамба «Путешествие в Южную Россию и Закавказские провинции», к которому был приложен географический атлас⁶. Это путешествие он совершил в 1820–1824 гг. Впечатления о Западном Кавказе Ж.Ф. Гамба изложил

в первом томе своего фундаментального труда, а о Восточном и Центральном Кавказе писал во втором томе.

Следует сказать несколько слов о жизни и судьбе этого интересного человека. Ж.Ф. Гамба родился в г. Дюнкерке (Франция); получил образование первоначально в монастырском училище «Des pères de l'Oratoire» в Жюильи, а затем продолжил обучение в Германии. По возвращении на родину, он стал во главе торгового дома, основанного его отцом, и много сделал для улучшения обойного производства в Вогезах. Потеряв во время Французской революции большую часть своего состояния, Гамба бросил отцовское дело, много путешествовал по Европе, издал несколько брошюр, а по восстановлении Бурбонов на французском престоле представил правительству записку о торговле с Азией, и, в частности, с Индией. В 1817 г. Ж.Ф. Гамба отправился на юг России. Он посетил Одессу, Николаев, Херсон, Таганрог, Нахичевань, Новочеркасск, Астрахань, немецкие, татарские и греческие колонии, Моздок, Тамань, Керчь, Феодосию, Симферополь и вернулся в Одессу. В 1818 г. Гамба опубликовал извлечения из описания своего путешествия в журнале «Nouvelles annales des voyages».

В 1824 г. Гамба в последний раз приехал во Францию и изложил результаты своего изучения юга России в упомянутом выше двухтомном труде. Часть их была издана в России⁷. В 1826 г. Гамба прибыл в Тифлис, где и скончался в августе 1833 г.

Нужно отметить, что, к сожалению, труд Гамба практически не привлекал внимания исследователей, а потому работ, посвященных этой книге, почти нет. Исключение составляет лишь диссертационное исследование Т.В. Гаджиева⁸.

Стоит сказать о том, что Т.В. Гаджиев – это, прежде всего, первый переводчик двухтомного труда Гамба на русский язык, а его исследование – это пока единственная на данный момент наиболее масштабная попытка осуществить анализ данного источника. Цель Гаджиева – попытаться доказать, что труд французского консула представляет собой значительные сведения по истории народов Кавказа, но вместе с тем исследователь проанализировал только некоторые из них. Гаджиев пола-

гал, что проделанный им анализ труда Гамба позволил рассматривать его как важный источник информации. В первую очередь, это относится к экономической и социально-политической истории Грузии и Азербайджана. Гаджиеву удалось в рамках поставленной цели раскрыть, как нам представляется, потенциал мемуаров французского консула для более детального исследования и показать если не уникальность, то явную необходимость подобных источников для написания истории отдельных народов Кавказа.

Сведения, представленные Гамба, важны для понимания сути внутривосточных отношений в России того времени, а также имеющих место уже в наши дни процессов и проблем кавказского региона. В рамках нашей статьи сделана попытка проследить политическую ориентированность труда французского дипломата. Анализируются показавшиеся нам наиболее точно отражающими суть его позиции высказывания и рассуждения. Попробуем объяснить причину скрупулезной детальности повествования Ж.Ф. Гамба и на основе этого оценить степень его интереса к данному региону, поскольку его труд является отличным примером, иллюстрирующим взгляды и суждения просвещенного европейца начала XIX в. о России, ее истории, роли Российской державы на международной арене.

Особенность книги Гамба заключена в постановке глобальной задачи, решению которой, собственно, и подчинено повествование. Автор пытался выяснить потенциальные экономические возможности налаживания отношений Франции и Кавказа. Гамба описывал места и основные виды производства, выявлял существующие торговые направления, определял перспективы расширения и укрепления торговых связей. Но наряду с этим он повествовал о повседневной жизни, быте и обычаях местных жителей. В книге Ж.Ф. Гамба содержится прекрасное, поражающее воображение читателя описание увиденных ее автором городов: Кутаиса, Тифлиса, Баку, Гянджи. Подробно, порой даже с излишней детализацией, в книге представлена хозяйственная карта региона. Менее значимы этнографические наблюдения Гамба, которые практически не заслуживают особого интереса.

Гамба прекрасно представлял себе потенциал Кавказского региона, думая не только о возможности проникновения туда иностранцев, но и о развитии в перспективе взаимных торговых связей с Кавказом. Его цель состояла в конечном счете в том, чтобы дать наиболее убедительную «завлекательную» картину региона, привлечь сюда европейских купцов, которые смогли бы в будущем доминировать в торговле через Кавказ с Бухарой, Тибетом, Китаем.

В обширном труде Гамба дано описание почти всех народов, населявших Кавказ. Время пребывания Гамба на Кавказе пришлось на период, когда завершился процесс окончательного вхождения Северного Кавказа в состав России. Как уже отмечалось ранее, на Кавказе сталкивались интересы многих европейских держав, а во время его пребывания в регионе в качестве французского консула обострились англо-русские отношения. Англия, являвшаяся на тот момент мощнейшей державой Европы, представляла определенную политическую угрозу европейскому союзу. Размышлениям на эту тему посвящено немало страниц записок Гамба.

В качестве примера приведем лишь одно из такого рода его суждений: «условием, которое разумно принять, чтобы ограничить чрезмерную мощь Англии, поставить Европу вне зависимости от нее, является объединение Европы и Азии в единый мир посредством Черного моря – так сказать закрытого. Тогда, в случае морской войны, транспортировка товаров между Европой и Азией пройдет сухопутным путем и через... речные коммуникации»⁹.

Важность региона в политическом и экономическом плане в данной ситуации оказалась исключительной, о чем и свидетельствует данное высказывание французского консула. Гамба был убежден, что именно Россия должна взять на себя роль противовеса росту английского влияния в Азии. Не случайно он приветствовал российские устремления в данном регионе: «В интересах Европы континентальной будет поддерживать действия России в сторону Кавказа»¹⁰.

В своем произведении Гамба не раз затрагивал политически острые вопросы своего времени. Более того, он предлагал наи-

более рациональные пути и варианты их решения, не раз укрепляя читателя в мысли о дальновидности взглядов и адекватной оценки роли и места России на мировой политической арене в целом и в истории Кавказского региона, в частности. Даже неискушенному читателю было очевидно, что произведение этого французского дипломата отличается поразительной скрупулезностью: от его внимательного, умного и пронизательного взгляда редко ускользает даже малейшая деталь, и благодаря этому перед нами вырисовывается настоящий, живой, реальный образ Кавказа описываемого времени.

При этом автор опирался на солидную источниковую базу по истории региона: он не раз ссылаясь на античных историков – Геродота, Плутарха, Плиния и других, а также на авторов нового времени, например, на Ю.Г. Клапрота¹¹, когда во второй главе второго тома своего труда рассуждал об осетинах и ингушах.

Рассмотрим поподробнее сведения, представленные в книге Ж.Ф. Гамба о Северном Кавказе. Начнем с его впечатлений от посещения Кизляра и Моздока.

В описании Кизляра большое внимание дипломат уделял городской экономике. Он затрагивал и вопрос об этническом составе населения. Гамба пришел к выводу о том, что здесь проживали русские, горские народности, грузины, большую долю составляли армяне. Гамба отмечал, насколько широко были развиты шелководство, а главное – виноградарство, виноделие и скотоводство.

В заметках о Моздоке дипломат, в частности, писал: «рознящиеся в религии, нравах и языке» народы мирно сосуществуют на одной земле. Заслугу в этом Гамба видел в правильной политике российского государства, о чем и сообщал в своей книге: «под властью России горцы спокойны, и может произойти лишь убийство виновного в чьей-то смерти»¹².

Надо сказать, что утверждение присутствия русских на Кавказе нисколько не беспокоило Гамба: наоборот, он считал, что после вхождения в состав России Кавказ «увидел сияние зари», превратившись в регион безопасности и благополучия¹³.

Часть первой главы второго тома обширного труда Гамба посвящена Осетии и осетинам. Сведений о них, в сравнении с другими народностями, Ж.Ф. Гамба дает немного. Им отмечены, в первую очередь, неблагоприятные условия местности проживания осетин. Из промыслов Гамба упоминал о распространении пивоварения, которое он считал позаимствованным у русских переселенцев.

Сведения об ингушах мы также находим на страницах второго тома упомянутой книги. Гамба условно разделял Ингушетию на две части: Горную и Равнинную. Он обратил внимание на то, что здесь хорошо развито овцеводство¹⁴.

Стоит также отметить, что в своем произведении Гамба приводит многочисленные статистические данные о числе жителей разных областей Кавказа.

Итак, несмотря на явную экономическую ориентированность и особенности изложения увиденного, произведение Гамба является ценным источником по экономике и истории Кавказского региона. Цели и задачи его пребывания в регионе, несомненно, повлияли на структуру и логику повествования. Однако, несмотря на это, мы имеем на руках уникальный сборник сведений о жизни Кавказского региона в первой четверти XIX в., основанный, прежде всего, на личных наблюдениях и, уже во вторую очередь, подкрепленный внушительной источниковой базой, созданной его предшественниками.

В целом, следует особо подчеркнуть перспективность работы по исследованию путевых записок, зафиксировавших впечатления французских путешественников о пребывании в России в XIX в. Естественно, такие источники сложны для изучения, поскольку в силу своей специфичности заставляют взглянуть на проблему и на объект изучения под определенным углом зрения, что заставляет сделать вывод об их ограниченном характере. Однако несмотря на все имеющиеся специфические особенности, именно эти источники остаются важнейшими для понимания процесса складывания образа России. Они заложили основы восприятия российской действительности в рамках западной культуры и мировой культуры.

Обращает на себя внимание тот факт, что в XIX в. появился целый пласт такого рода источников. Это было связано, в первую очередь, с важностью данного периода, когда шел процесс налаживания прочных дипломатических, партнерских отношений между Россией и Францией. Можно понять определенную субъективность описываемых французскими путешественниками российских реалий, абсолютизацию некоторых частных фактов и событий. Она объясняется тем, что авторы путевых записок в конечном счете стремились оценить со всех сторон потенциального российского союзника с учетом его уже сложившегося имиджа, в условиях скудности имевшихся достоверных сведений. Представляется существенным, что авторами такого рода источников являлись преимущественно люди, имевшие отношение к политике, состоявшие на государственной службе либо просто хорошо ориентирующиеся, в большинстве своем прекрасно образованные, хотя в большинстве своем и не владевшие русским языком.

Таким образом, французские путешественники XIX в. внесли свой весомый вклад в формирование образа России. Комплексное изучение путевых записок и мемуаров дает ключ и к пониманию приоритетов внутренней политики Российской империи. Ведь описывая увиденное, пусть и давая ему субъективную оценку, их авторы невольно вскрывали существующие проблемы, порой даже «подсказывая» возможные варианты решения этих проблем. Особое внимание французских путешественников первой четверти XIX в. к Кавказскому региону в этом отношении представляется весьма показательным.

---

¹ Барнаш А.В., Лазарян С.С. Очерк культурного развития северокавказского края: начало XIX – начало XX вв. Пятигорск, 2006. С. 66–67.

² Соснина Е.Л. : 1) Исследователи-европейцы на Северном Кавказе в начале XVII – XIX века // Сборник русского исторического общества. 2000. Т. 2. С. 39–46 ; 2) Два путешествия в золотой век. Пятигорск, 2003 ; 3) Ян Потоцкий и его «Путешествие в Астраханские и Кавказские степи». Пятигорск, 2003 ; 4) Историографический ас-

- пект археологического сюжета об аланах Северного Кавказа в сочинении Я. Потоцкого «Путешествие в Астраханские и Кавказские степи» // Российская археология. 2003. № 1. С. 113–116.
- ³ Никитин С.А. Записки и мемуары иностранцев // Никитин С.А. Источниковедение истории СССР. XIX век (до начала 90-х годов). М., 1940. Т. 2. С. 205–221 (Гл. 8).
- ⁴ О книге Ф. Фрейганг см.: Тахо-Годи М.А. Кавказ и «Кавказские пленники» глазами путешественников начала XIX века: Ксавье де Местр и Фредерика Фрейганг // Дарьял: лит.-худож. и обществ.-полит. журн. 2001. № 1. С. 204–221.
- ⁵ Соснина Е.Л. : 1) Тайна встречи еще не раскрыта: (М.Ю. Лермонтов и А. Оммер де Гелль) // Лермонтов М.Ю. Полн. собр. соч. М., 2000 ; 2) Встреча, покрытая тайной: (Кавказ глазами французской путешественницы А. Оммер де Гелль) // Новый журнал. СПб., 2000. № 4. С. 127–171 ; 3) Адель Оммер де Гель: миф и реальность // Тарханский вестник. 2002. № 5. С. 88–105 ; 4) Черный алмаз: (М.Ю. Лермонтов и А. Оммер де Гелль). М., 2004 ; 5) Книга А. Оммер де Гелль «Путешествие по Прикаспийским степям и Югу России как исторический источник эпохи Лермонтова М.Ю. // Проблемы всеобщей истории. Армавир, 2005. Вып. 10. С. 186–199.
- ⁶ Gamba J.F. Voyage dans la Russie méridionale et particulièrement dans les provinces au dela du Caucase, fait depuis 1820 jusqu'en 1824. Paris: C.J. Trouvé, 1826. Vol. 1–2.
- ⁷ Гамба Ж.-Ф. Путешествие в Южную Россию и преимущественно в Кавказские области // Северный Архив. 1826. № 9; 1827. № 5; 1828. № 7.
- ⁸ Гаджиев Т.В. Сочинение Гамба «Путешествие в Южную Россию...» как исторический источник по истории народов Северо-Восточного Кавказа: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Махачкала, 1986.
- ⁹ Цит. по: Gamba J.F. Op. cit. Vol. 1. P. 23–24.
- ¹⁰ Ibid. P. 304.
- ¹¹ Юлиус Генрик Клапрот (1783–1835) – немецкий востоковед, путешественник, полиглот. Иностраннный член Императорской Академии наук в Петербурге (1805–1817). С 1815 г. постоянно жил в Париже.
- ¹² Gamba J.F. Op. cit. Vol. 2. P. 3.
- ¹³ Ibid. Vol. 1. P. 311.
- ¹⁴ Ibid. Vol. 2. P. 32.

**СТОЛИЧНЫЙ ГОРОД В СОЧИНЕНИЯХ
АНГЛИЙСКИХ И РУССКИХ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX В.
(на примере Лондона, Санкт-Петербурга и Москвы)**

Столица почти всегда воспринимается путешественником как средоточие всех наиболее характерных черт государства и нации, центром которых она является. Это заметно облегчает иностранцу знакомство с культурной, социально-политической и экономической сферами жизни другого народа. Например, изучая жизнь Парижа, он подсознательно проецирует ее на всю Францию. Таким образом, Париж для него собственно и является Францией с ее культурными и национальными особенностями и спецификой. Другие города, посещаемые в ходе путешествия, способны лишь добавить колорита и красок в уже сложившийся в общих чертах образ.

Ниже мы попытаемся рассмотреть вопрос о том, какую роль восприятие столицы может играть в рефлексиях о другом государстве и нации на примере Лондона, посещаемого русскими путешественниками, с одной стороны, и Санкт-Петербурга и Москвы, посещаемых английскими путешественниками, с другой. Два русских города в отличие от одного английского выбранны не случайно. Если восприятие Лондона, как и многих других европейских столиц, изначально носит амбивалентный характер, т.е. является одновременно воплощением государственной и национальной идеи, то в России Санкт-Петербург всегда воспринимался как символ имперской государственности, а Москва – как сердце русской нации. Именно поэтому, например, в сознании русских людей XIX в. Петербург был государственной столицей, а Москва – национальной. Как можно будет увидеть ниже, подобное впечатление оставалось и у многих иностранных путешественников.

Вторая половина 1850-х – начало 1860-х годов – время «оттепели», период общественного пробуждения. Это было время идейной подготовки общества и самого государственного аппарата к необходимым переменам, выработки представлений и формирования концепции насущных преобразований. В контексте осмысления реформирования страны Англия становилась (наряду с Францией) объектом внимания. Российская общественность стремилась изучить и перенять опыт Англии, результаты которого наблюдал весь мир.

Восприятие английского города является своеобразным отражением взглядов российского общества в меняющихся условиях реформ на город вообще. «Город городов» – метко, емко назвал его А.И. Герцен. В этом определении, ставшем своеобразным фразеологизмом, отразилось представление российской общественности о том, каким должен быть город в новом, индустриальном обществе. Лондон для русских путешественников, если так можно выразиться, был самым «городским» городом из всех крупных, значимых городов того времени. Именно в его облике, пространстве отражалось представление наших соотечественников об изменениях, которые должны последовать за реформами.

Лондон представлялся огромным, шумным, величественным городом. Большую роль в создании такого образа играло впечатление от суматохи и множества народа на улицах, тротуары казались «непроходимыми для человека, идущего тихим шагом и глазеющего по сторонам»¹. Ритм английской жизни шокировал российского наблюдателя: «Надо родиться на этих туманных берегах и с детских лет привыкнуть к этому *страшному движению* (курсив мой. – Т.У.), чтобы не почувствовать какой-то невольной робости, какого-то еще не испытанного одиночества»². Количество народа на улицах, скорее, пугало, вызывая ассоциации с опасностью, неуправляемой стихией, а не с деловой активностью англичан. Подтверждение этого находим в воспоминаниях князя Мещерского: «у толпы, переполняющей все улицы, такая громадная сила самостоятельности и противодействия... Париж мне показался потом малонаселенным и тихоньким городом в сравнении с Лондоном»³.

Один из русских путешественников характеризовал суматоху улиц как «чудеса Вавилона»⁴.

Показательна динамика восприятия. Для человека только что приехавшего ощущения были пугающие: «...сунулся было на улицу, да тотчас назад, такая... толпа и духота, что морская болезнь делается...»⁵. М.И. Зарудный похоже описывал чувства вновь прибывшего человека: «Лондон прежде всего поражает своим движением. Кареты, коляски, омнибусы, все это сменяется одно другим с необыкновенной быстротой и шумом, производящим новое и довольно тяжелое впечатление»⁶.

Уже пожившему в Лондоне толпа казалась не просто пестрой массой, скорее, это был определенный социально-экономический индикатор развития города. «Толпа... лучшее доказательство успеха, силы, роста... Лондон тесен... Сто прицепленных вагонов недостаточны, сорок театров – места нет; для того чтобы лондонская публика могла видеть *пьесу*, надобно ее давать к ряду три месяца», – рассуждал Герцен⁷. Это предметное изображение «толпы» – пример технического и культурного развития городской цивилизации. Чичерин подчеркивал органичность этой среды: «Здесь нет даже возможности приписать такое чрезмерное скопление народонаселения искусственному развитию централизации... все это самородное произведение жизни»⁸.

Оценка художественной, исторической ценности достопримечательностей Лондона накладывала отпечаток на восприятие города в целом. Надо отметить, что эта оценка варьировалась в зависимости от рода деятельности человека, социального статуса, представлений об искусстве вообще и английском искусстве в частности и, пожалуй, самое главное, готовности и желания принять эту культуру.

Н.А. Ерофеев показал, как негативная оценка «практичности» англичан сказалась на восприятии английской культуры, в частности архитектуры. Мрачный вид Лондона казался путешественникам 30–40-х годов XIX в. проявлением угрюмости и «несообщительности» характера местных жителей⁹. Большинство же путешественников конца 1850-х – начала 1860-х годов воспринимали памятники столицы Великобритании как

достижение передовой архитектурной или инженерной мысли, либо как заботливо сохраненное наследие своей истории.

Наиболее точную оценку восприятия всей английской архитектуры, отражавшую отношение русских туристов этого времени, дал Зарудный: «Лондонские здания отличаются необыкновенной солидностью. В них выражается общий характер народа, презирающего внешность и форму и заботящегося только о сущности»¹⁰. В нескольких строчках выражено отношение ко всему английскому – внимание к устройству, принципам действия, начиная от расчетов строительства железных дорог и заканчивая социально-политическим устройством английского общества.

Своеобразным показателем подобного восприятия являлись отзывы о зданиях Всемирных выставок, которые привлекали огромное количество туристов и являлись определенным символом современной английской архитектуры. Большинство русских туристов буквально завораживало здание Хрустального (или в некоторых транскрипциях Кристального) дворца, ставшего уже достопримечательностью. А.Н. Островский в своем дневнике писал: «...громада дворца превосходит все ожидания»¹¹. А. Забелин восторженно описывал увиденное: «Это фантастическое здание так поразительно, что его передать трудно... Лучше него уже в целом мире видеть нельзя», – заключал путешественник¹². В путеводителе дворец выглядит так: «В первом отделении панорама разных частей света, касательно их растений, животных, обитающих в них и первоначальных жителей. Средний раздел представляет Старый и Новый Свет. В центре здания – весьма богатое собрание слепков новейшей скульптуры всех стран, в особенности Германии. На обеих сторонах этого пространства идет двойной ряд так называемых дворов. На той же стороне еще три двора, посвященных разным отраслям промышленности»¹³.

В путеводителе Г.О. Липке, изданном перед Всемирной выставкой 1862 г., большее внимание также уделялось зданию выставки. Составитель явно испытывал восхищение перед развитием английской промышленности, технологий и масштабами строительства: «Здание выставки... покрывает пространст-

во в 26 акров и помещения в нем 1 400 000 квадратных футов, то есть на 400 000 футов больше, чем в здании первой выставки. Высота здания 100 футов. Высота куполов 260 футов»¹⁴. Описание новинки архитектуры сводилось к публикации завораживавших цифр. Русских туристов поражала столь масштабная демонстрация успехов английской промышленности, техническое новаторство в решении конструкций здания, анализ эстетики внешнего вида постройки для непрофессионалов отходил на второй план.

Повествование и оценки удобства городского транспорта составляли важную часть представлений о комфорте английской городской жизни. В путеводителе Липке лишь названы существовавшие средства передвижения и указаны точные тарифы¹⁵. Путеводитель Майского более информативен. Русскому путешественнику предлагалось несколько вариантов оплаты, призванных помочь сориентироваться в ценах, так как возницы кабриолетов (как и русские извозчики) были не прочь подзаработать и спросить с туриста много больше положенного¹⁶.

В случаях вопиющего «грабежа» путешественник имел право обратиться в суд. Там он имел дело с прославленным английским правосудием, которое зачастую не соответствовало идеальному образу, создаваемому публикациями в российских журналах. Как правило, такие дела суд рассматривал сразу же. Но все было против иностранного туриста. Такие дела чаще им проигрывались, а в случае решения суда не в пользу истца, он должен был заплатить и за доставку его в полицейское отделение.

Общественный транспорт в городах являлся зримой демонстрацией прогресса, проникшего в повседневную городскую жизнь. Маршруты были удобны для передвижения, цены невысоки, а с установлением фиксированных тарифов исчезал риск быть обманутым¹⁷. Позитивные оценки получили порядок работы транспорта и четкость в организации перевозок, совсем незнакомые в России¹⁸.

Возможности для развлечения и отдыха горожан в немалой степени формировали представления об удобстве городской жизни, ее культурном потенциале. Знакомство туристов с го-

родом начиналось с осмотра достопримечательностей, посещения театров, музеев, парков.

Ридженс-парк запоминался потому, что в нем располагался зоологический сад, выполнявший немалую образовательную роль. «В нем лучший зверинец в целом мире, основанный несколько лет назад частными людьми...», – восхищался Забелин¹⁹. Тут же можно встретить подтверждение тому, что английский город рассматривался как образец для подражания: «Какой бы зоологический парк можно было устроить в наших Сокольниках!»²⁰.

В записках восторженные оценки наших соотечественников встречаются достаточно часто. П.И. Миллер в дневнике записал: «отправились... в Зоологический сад. Мастерски расположены вольеры для зверей и чрезвычайно просторно»²¹. Чувства умиления и восхищения вызывали у русских путешественников такие уголки дикой природы в огромном городе, прославленном своими машинами, достижениями инженерной мысли, бывшего символом всего самого прогрессивного и современного. Н.Ф. Фан-дер Флит был очень удивлен, увидев уток в Кенсингтонском саду: «Проходил через Kensington Garden и загляделся на диких уток – посреди Лондона! Они преспокойно плавали по большому пруду...»²². Далее в его дневнике не раз встречалась запись: «ходил смотреть на уток». Видимо, так он отдыхал от городского шума и суеты.

Зарудный называл наличие парков «благодетельной стороной Лондона» и пояснял это доступностью такого времяпрепровождения для всех классов английского общества²³. Прогулки по городу приводили к назидательному выводу о том, что местные власти заботятся о жителях города.

Даже если учитывать англomанию, распространенную в начале XIX в.²⁴, то близким российскому обществу, как Париж, Лондон не был никогда. Англия была страна, у которой хотели чему-то научиться, богатство ее вызывало восхищение и, наверное, зависть; военная сила, могущество этой державы внушало уважение, но не любовь. В дневнике Кравченко, лечившегося на водах в Германии и проездом посетившего Лондон, восхищавшегося техническим прогрессом и порядком на ули-

цах, записавшего все адреса увеселительных заведений, после описания нескольких дней пребывания в английской столице, в день отъезда встречается характернейшая запись: «Франция! Слава Богу!»²⁵.

Так как Россия готовилась к преобразованиям, необходимым для модернизации общественных и государственных структур в соответствии с новыми экономическими и политическими реалиями, опыт организации повседневной жизни, новые представления об индустриальном городе, как рационально организованной социальной и хозяйственной структуре, вызывали живой интерес у россиян.

Россия для англичан была не менее привлекательной. Так как в николаевской России был ограничен не только выезд туристов, но и въезд, в пореформенное время в страну хлынул поток иностранных туристов, жадных до запретного и неизвестного.

Впрочем, интерес к России в тот период вызывали не только изменения в политической или социально-экономической сфере, но и в духовной жизни страны. Именно со второй половины XIX в. Западная Европа стала открывать для себя шедевры русской художественной прозы. Сначала повести и романы И.С. Тургенева, затем творения Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского пробудили интерес западноевропейской критики и читателей к художественной литературе России. Э.Г. Кросс приводит интересное заключение: «Характерной особенностью того времени стало стремление выдавать произведение русской литературы за достоверное свидетельство русской жизни»²⁶. Наверное, отсюда берет начало «тайна русской души» в английском ее понимании.

Сформировавшийся еще до середины XIX в. стереотип сознания, относивший русских к «азиатам», оказался труднопреодолимым и после либеральных преобразований в России. Он опирался на традиции британской России предшествующих столетий. При этом в понятие «азиатский» англичане с давних пор вкладывали смысл «не наш», «не похожий на нас». Стремление преувеличить специфические черты народа, отличные от своих, – общее правило. Об этом свидетельствуют все сочине-

ния путешественников. Происхождение таких преувеличений понять нетрудно: иностранцу всегда больше бросается в глаза отличие, чем сходство. Пораженный своеобразием, он начинает его преувеличивать и порой может увидеть даже не только то, что есть на самом деле, но и то, чего нет.

Иностранцев в России представляли, кроме дипломатов и чиновников, в основном журналисты и корреспонденты. По роду своей профессии они отражали настроение масс, озвучивали общественное мнение по разным вопросам. Они писали для своего народа и писали о том, о чем он хотел знать. Поэтому их заметки очень показательны, так как отражают взгляды и интересы «среднестатистического» обывателя Англии второй половины XIX в. Были люди, интересующиеся историей России, совсем малочисленную группу составляли собственно туристы.

Россия привлекала англичан не только по политическим и экономическим причинам. Для иностранцев Россия всегда была окружена мистическим и загадочным ореолом. Стремление постичь «тайну» России было важным моментом пребывания в стране.

Первым городом, с которого начиналось знакомство англичанина с Россией, был Санкт-Петербург. Это было первое серьезное столкновение с Россией, с ее культурой, историей, народом. Поэтому в описании Санкт-Петербурга много мрачного, непонятого, да и просто не увиденного. Объективному восприятию мешали еще совсем свежие воспоминания о своей стране, о том, как с берегов Альбиона видели Россию.

Полковник Веллеслей вовсе не считал нужным дать описание Петербурга, так как он не отличался от других европейских столиц «ничем особенным и своеобразным», разве что «климатом, ленью всех слоев общества, невозможной мостовой, ненавистными дрожками и болезненным видом петербургских дам...»²⁷. «Поднимаясь по Неве от Кронштадта до Петербурга, первым признаком столицы будет высокий золотой шпиль, похожий на иглу, или, в солнечную погоду, на запущенную в небо ракету, со светящимся следом. Вторым признаком – это огромный золотой купол, похожий на воздушный

шар. Иглообразный шпиль украшает здание Адмиралтейства, а золотой шар – это центральный купол Исаакиевского собора», – так описывал свою встречу с Петербургом С. Эдвардз²⁸.

Е. Дайси вспомнил эпизод из истории России о князе Потемкине и Екатерине. «Нам всем рассказывали в юные годы о том, как безнравственный фаворит заверил государыню с помощью городов из планок и картона... что страна заселена и процветает... Даже в юном возрасте я воспринимал эту историю как чудовищный вымысел. Однако, с тех пор, как я нахожусь в Петербурге, я начал сомневаться в преждевременном своем неверии. Город Царя Петра настолько похож на картонный, что императрица могла и не заметить разницу между настоящим городом и фальшивым»²⁹. Возможно, это дело вкуса и характера, но очевиднее другое объяснение: Эдуардз уже бывал не раз у своих русских друзей, а Дайси, как и Веллеслей, в России впервые. Очевидна зависимость: туристы, которые бывали не раз у своих русских друзей, более лояльно, с любознательностью относились к российской действительности; те же, кто впервые пересекал российскую границу, относились настороженно, с большим предубеждением ко всему окружающему.

Надо отметить еще одну закономерность: упоминание исторических событий появляется в заметках тех путешественников, которые хотели понять Россию, искали причины многих событий и национальных обычаев в истории и религии. Так, Эдвардз в свой приезд часто прогуливался по невским набережным, «мрачное очарование» которых он относил к тому, что в их гранит замурованы жены декабристов³⁰. Понятно, что такие «россиеведы-любители», как их называет Зашихин, использовали многие исторические анекдоты, а не факты (нам всем жены декабристов известны другим). Тем не менее, эти забавные, а порой даже нелепые, историйки отражают мнение простого англичанина о России второй половины XIX в., о государственном строе, о культуре русского народа.

Невский проспект, как средоточие всей общественной жизни, был одним из обязательных мест посещения англичан. Вот каким предстал перед английским корреспондентом Невский

проспект, второе по популярности место времяпрепровождения иностранцев в России. Дайси разочарованно писал, что можно утверждать, «будто человек не видевший Невский проспект не имеет понятия об уличной архитектуре, если бы думал, что Санкт-Петербург достаточно далеко», но так это можно проверить, приехав в Россию, и ложь стала бы явью, то не желая врать он констатировал: «даже Риджент Стрит, не говоря уже о Бульваре или Корсо в Милане, более красива, чем прославленный “Prospekt”»³¹. Хотя автор и признал, что «слышал постоянно от путешественников по России, что Невский проспект – одна из великолепнейших, грандиознейших улиц Европы»³². У проспекта кроме внешней стороны была и другая привлекательность – это яркая картина всех сословий, их взаимоотношений. Всех иностранцев поражало, что рядом с дворцами ютятся лачуги, памятники архитектуры стоят посреди полудеревенской площади. У Дайси посвящена этому целая глава, которая начинается так: «Кто-то однажды назвал Вашингтон городом величайших расстояний, я был бы склонен назвать Петербург городом необычных контрастов...»³³.

Существование таких противоречий англичане усматривали в «промежуточном положении России между Европой и Азией»³⁴. По мнению Д.М. Уоллеса, характер русских соответствовал географическому положению самой страны: «Они занимают середину между трудолюбивым, деятельным и предприимчивым населением Западной Европы и ленивыми, недисциплинированными пастушьими племенами азиатских степей...»³⁵.

Без городского транспорта облик города был бы неполным. Во второй половине XIX в. на улицах городов в России можно было увидеть дрожки, тарантасы, двуколки; зимой – сани и тройки. Дрожки производили на путешественника шокирующее впечатление: «Вообразите себе кресло без подлокотников на 4-х колесах с простеньким стулом напротив, и вы будете иметь хорошее представление о русских droshki. Нет ничего, за что можно было бы держаться, ничего, что препятствовало бы вашему падению»³⁶.

Уильям Диксон, собирая материал к своей книге «Свободная Россия», объездил почти всю страну. Поэтому, как знаток предмета, он называл тарантас лучшим видом повозки. Главным критерием выбора этого вида транспорта была надежность конструкции, а не комфорт поездки. Именно первое было решающим фактором выбора средства передвижения по России, такой нелестный итог подводил Диксон о развитии и благоустройстве российских дорог³⁷.

Зима поражала англичан санями и тройками. С. Эдвардз был в России именно в этот период года, потому в его заметках можно найти описание и тех, и других. Эдуардз выделил два вида саней: сани частных лиц, он называл их «сани бояр» и «эталон», и сани, как городской транспорт с неизменными извозчиками³⁸.

Если сани были лишь необычной разновидностью зимнего городского транспорта, то русская тройка изумляла иностранных туристов, как национальная диковинка. Поэтому ей отводилось много места в заметках. Эдвардз описывал в деталях расположение лошадей, особенности упряжи. Этим он хотел передать оригинальность тройки, неповторимость, ее принадлежность к исконно русскому: «Тройка выглядит как веер, чтобы достичь этого, кучер натягивает поводья так, что головы боковых лошадей поворачиваются на бок, отклоняясь на 40–50° от лошади в оглоблях. В то же время центральная лошадь бежит, высоко подняв голову, а две другие с носами, направленными в землю, как у быков, бегущих за собакой»³⁹.

Итак, Северная столица оставляла противоречивые впечатления. Дайси не скрывал своего раздражения («картонный город», «копия с других городов»)⁴⁰. Полковник Веллеслей тоже нелестно отзывался о граде Петра, считая, что москвичи по справедливости называли Петербург «побочным городом»⁴¹. Уоллес лишь заметил в характеристике губернских городов, что Петербург и Одесса «не могут быть приняты в соображение, так как они носят на себе более иностранный характер»⁴².

Для тех, кто знакомился со страной ближе, дорога в Москву и сама древняя столица выглядели иначе. Петербург представлялся официальным средоточием России, а Москва – нацио-

нальным. Она, по уверению полковника Веллесли, «более русская, чем Лондон – английский, а Париж – французский»⁴³. «Часто говорят, что Москва более русская, чем Санкт-Петербург, – вторил ему Эдвардз, – действительно... старая и новая столицы во многом не похожи друг на друга»⁴⁴.

Чтобы более ярко отразить контраст этих столиц, показать национальную самобытность Москвы и более европейский характер Петербурга, Эдвардз сравнивает два города по нескольким пунктам. Санкт-Петербург построен на болотах, а Москва, как все древнерусские города на холмах, так как «во всех старых русских городах, имеющих государственное значение есть крепость, по-русски “кремль”, построенный на самой высокой точке местности»⁴⁵. Архитектура церквей также выразительно говорила об исконно русском духе Москвы, поскольку они построены в «старом русско-византийском стиле», тогда как в Санкт-Петербурге «представляют соединение самобытного русского стиля с итальянским Возрождением». В Москве каждая семья с достатком имеет свой дом, в Петербурге «те, кто не живет во дворцах довольствуется “квартирами” на французский манер». Наконец, обе столицы составляют прямой контраст в цветовой гамме. Санкт-Петербург представлял собой «длинные, прямые улицы серого цвета; фантастическая Москва – это «белые или бледно-желтые дома с темно-красными или светло-зелеными крышами и разнообразные купола – золотые или небесно-голубые с золотыми звездочками»⁴⁶.

Московский Кремль воспринимался как воплощение частички «русской души», за разгадкой которой иностранцы и приезжали в Россию, поэтому он входил в обязательные для посещения достопримечательности.

После Кремля наибольшей популярностью пользовались три собора: Успенский, Благовещенский и Архангельский. Судя по записям, туристов интересовало богатое убранство соборов, некоторые искали корни луковичных форм куполов, не похожих ни на «Собор Святой Софии в Константинополе, ни на самую древнюю греческую церковь»⁴⁷. О богатстве церквей встречаем у Дайси: «С трудом вы найдете место, не декорированное драгоценными камнями и самоцветами. Аметисты и

ониксы, яшма и опалы, все камни, названия которых упоминаются в украшении храма Соломона, казалось, были использованы для того, чтобы сделать святыню еще более великолепной. Стоит добавить, что все это прекрасно гармонирует друг с другом»⁴⁸. Эдвардз говорил о кресте Благовещенского собора так: «Крест на главном куполе собора, через который в церковь проникает тусклый таинственный свет, согласно распространенной на Руси традиции из чистого золота»⁴⁹. Чрезмерную, по мнению англичан, роскошь в декорировании внутреннего пространства церкви, предметов, используемых в богослужениях, относили к исконно русским традициям.

Привыкая к российской действительности, ближе узнавая русских людей, взгляд путешественника становился теплее: вокруг больше замечалось хорошего, больше отмечалось схожих черт, чем отличий. А после солнечного, теплого, радушного приема в Москве в сердцах англичан появлялась симпатия к чужой стране. Даже вечно недовольный, чопорный, сдержанный корреспондент «Дейли Телеграф», который «добросовестно отражал объективную российскую действительность», по прибытии в Москву пишет: «Россия – страна, говоря о которой трудно избежать преувеличений. Можно подробно останавливаться на ее блеске, можно пространно говорить о ее нищете, каждое из описаний будет чистой правдой. Но ни ярких красок радуги, ни мягких полутонов не хватит, чтобы нарисовать Россию...»⁵⁰

Несмотря на то, что пореформенная Россия оказалась «открытой» для иностранцев, она по-прежнему оставалась загадочной и непостижимой для большинства англичан. Даже если они и встречались с образованными русскими, Россия все равно оставалась азиатской державой, от которой ждали только экзотики. Санкт-Петербург воспринимался как нечто наносное, неумелое, а подчас и неуместное подражание Европе, а в облике Москвы усматривали именно исконно русское, отражение «русской души», поэтому в записках путешественников картины официальной столицы всегда оттенялись московскими впечатлениями.

Таким образом, как было уже замечено в самом начале статьи, образ столичного города выглядел в глазах путешественников как сосредоточие, концентрированное выражение представлений о стране в целом. С позиции оценивания городов как общественных, экономических и культурных центров, как сквозь своеобразную призму, чаще просматривается оценка всего народа. Столичный город воспринимался как своеобразный «национальный продукт», воплощение представлений о стране в целом. Именно в этом контексте необходимо добавить несколько слов о российских столицах. В отличие от русских путешественников, посещавших Лондон, английские путешественники (так же, как и представители других европейских государств) оказывались в более «сложном», можно сказать, двойственном, положении. Как раз они не могли воспринимать столицу Российской империи Санкт-Петербург как «национальный продукт». Это было невозможно уже потому, что Петербург изначально был символом европейской модернизации России, осуществленной Петром I. Будучи именно центром империи, город, конечно, впитал в себя и многие особенности российской государственности, но все равно воспринимался (причем даже иностранцами) как нечто искусственное. Поэтому, посетив Петербург и отдав ему должное, иностранцы стремились в Москву, где, как считалось, они могли понастоящему заглянуть в душу русской нации и попытаться разгадать основные ее тайны.

---

¹ Михайлов М.Л. Лондонские заметки // Современник. 1859. № 7. С. 8.

² Там же. № 6. С. 235.

³ Мецкерский В.П. Воспоминания. М., 2001. С. 191.

⁴ Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 601. Ед. хр. 1238 (Кравченко Н.П. Записная книжка. 7 сентября).

⁵ И-рь (Герцен А.И.). Концы и начала: (письмо седьмое) // Колокол. Газета А.И. Герцена и Н.П. Огарева. Вольная русская типография, 1857–1867, Лондон – Женева. Факсим. изд. М., 1963. Вып. 6: 1863. Лондон. С. 1279 (15 янв. (Лист 154)).

- ⁶ Зарудный М.И. Общественный быт Англии. СПб., 1865. С. 9.
- ⁷ *И-ръ (Герцен А.И.)*. Концы и начала: (письмо первое) // Колокол. Газета А.И. Герцена и Н.П. Огарева. Вольная русская типография, 1857–1867, Лондон – Женева. Факсим. изд. М., 1962. Вып. 5: 1862, Лондон. С. 1144 (1 июля (Лист 138)).
- ⁸ Чичерин Б.Н. Очерки Англии и Франции. М., 1858. С. 57.
- ⁹ Ерофеев Н.А. Туманный Альбион: Англия и англичане глазами русских, 1825–1853 гг. М., 1982. С. 173–178.
- ¹⁰ Зарудный М.И. Указ. соч. С. 10.
- ¹¹ Островский А.Н. Дневник. Заграничная поездка 1862 г. // Полн. собр. соч. М., 1986. Т. 12. С. 518.
- ¹² Забелин А.[Р.]. Очерки заграничной жизни. М., 1861. С. 369.
- ¹³ Майский Н. Путеводитель за границую. Изд. 2-е. СПб.; М., 1867. Т. 1. С. 410–415.
- ¹⁴ Липке Г.О. Русский путеводитель в Лондоне с планом города и каталогом русских изделий на Всемирной выставке 1862 года. Лондон, 1862. С. 25.
- ¹⁵ Там же. С. 27.
- ¹⁶ Майский Н. Указ. соч. Т. 1. С. 379.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Михайлов М.Л. Указ. соч. С. 12; ОР РНБ. Ф. 806. Ед. хр. 1 (*Фан-дер Флит Н.Ф.* Дневник, 15 марта 1862 г.); *Островский А. Н.* Указ. соч. С. 516.
- ¹⁹ Забелин А.[Р.]. Указ. соч. С. 335.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ ОР РГБ. Ф. 661. Ед. хр. 3 (*Миллер П.И.* Путешествие на Лондонскую выставку). Л. 17.
- ²² Там же. Ф. 806. Ед. хр. 1 (*Фан-дер Флит Н.Ф.* Дневник, 16 марта 1862 г.).
- ²³ Зарудный М.И. Указ. соч. С. 15.
- ²⁴ Алексеев М.П. Английский язык в России и русский язык в Англии // Ученые записки / ЛГУ. Сер. филол. наук. 1945. Вып. 9; *Предтеченский А.В.* Из творческого наследия. СПб., 1999. С. 40–101.
- ²⁵ ОР РНБ Ф. 601. Ед. хр. 1238 (*Кравченко Н.П.* Записная книжка. 13 сентября).
- ²⁶ Кросс Э.Г. Книги о России с иллюстрациями // Незабываемая Россия: русские и Россия глазами британцев, XVII–XIX вв. М., 1997. С. 120.
- ²⁷ Тимирязев В.[А.]. Иностранцы о России: воспоминания полковника Веллесля о России во время мира и войны (1871–1877 гг.) // Исторический вестник. СПб., 1905. Т. 102, ноябрь. С. 696.

- ²⁸ *Edwards H.S.* The Russians at Home: unpolitical sketches ... London, 1861. P. 3.
- ²⁹ *Dacey E.* A month in Russia during the marriage of the Czarevich. London, 1867. P. 16–17.
- ³⁰ *Edwards H.S.* Op. cit. P. 2.
- ³¹ *Dacey E.* Op. cit. P. 19.
- ³² *Ibid.*
- ³³ *Ibid.* P. 62.
- ³⁴ *Зашихин А.Н.* «Глядя из Лондона»: Россия в обществ. мысли Британии, вторая половина XIX – начало XX в.: очерки. Архангельск, 1994. С. 23.
- ³⁵ *Уоллес Д. Меккензи.* Россия. СПб., 1881. Т. 2. С. 239.
- ³⁶ *Dacey E.* Op. cit. P. 14.
- ³⁷ *Dixon W.H.* Op. cit. P. 3
- ³⁸ *Edwards H.S.* Op. cit. P. 202.
- ³⁹ *Ibid.* P. 203.
- ⁴⁰ *Dacey E.* Op. cit. P. 18.
- ⁴¹ *Тимирязев В.[А.].* Указ. соч. С. 696.
- ⁴² *Уоллес Д. Меккензи.* Указ. соч. С. 202.
- ⁴³ *Тимирязев В.[А.].* Указ. соч. С. 696.
- ⁴⁴ *Edwards H.S.* Op. cit. P. 11.
- ⁴⁵ *Ibid.* P. 12.
- ⁴⁶ *Ibid.* P. 12–13.
- ⁴⁷ *Ibid.* P. 84.
- ⁴⁸ *Dacey E.* Op. cit. P. 108–109.
- ⁴⁹ *Edwards H.S.* Op. cit. P. 102.
- ⁵⁰ *Dacey E.* Op. cit. P. 104.

**«УЖАСНО ГЛУПЫ ЭТИ НЕМЦЫ» ... :
ЕВРОПЕЙЦЫ В ВОСПРИЯТИИ
А.Г. И Ф.М. ДОСТОЕВСКИХ**

Путевые заметки, записки путешественников, передающие впечатление от знакомства с культурой, бытом и нравами других стран и народов, широко используются исследователями истории межкультурных и межнациональных контактов. Дневник, изначально не предназначенный для публикации, не подвергшийся цензуре (в том числе и «внутренней»), для исследователя еще ценнее. Этот источник – исключительный по своей откровенности и информативности и едва ли не идеальный для изучения внутреннего мира человека, его чувств, эмоций, переживаний, мотивов, взглядов, оценок – позволяет прикоснуться к весьма болезненной и деликатной проблеме так называемого бытового национализма (бытовой ксенофобии), которая нередко возникает при межнациональных контактах. Сразу следует оговориться, что здесь нет никаких попыток как-либо опорочить, дискредитировать Федора Михайловича и Анну Григорьевну Достоевских, а понятия «ксенофобия» и «бытовой национализм» используются не как обвинения или политические ярлыки, но исключительно как научные термины. Автор же стремился, говоря словами Бенедикта Спинозы, «исследовать с тою же свободой духа, с какой мы относимся обыкновенно к предметам математики... не осмеивать человеческих поступков, не огорчаться ими и не клясть их, а понимать»¹.

Достоевского часто обвиняли в национализме, но его «бытовые» проявления редко привлекали к себе внимание. При этом ученые, освещавшие данный сюжет, как правило, опирались на художественные произведения и публицистику (и прежде всего на «Дневник писателя»), нередко упуская из виду один из основных источников для изучения жизни и творчества Достоевского – дневник, который вела его жена во время за-

граничного путешествия 1867 г. Будучи профессиональной стенографисткой, Анна Григорьевна успевала отразить в дневнике даже мимолетные чувства, настроения, мысли, переживания. Непонятность стенографических знаков для посторонних (включая и мужа), видимо, способствовала большей откровенности автора.

Дневник состоит из трех тетрадей («книжек»). Считается, что существовала и четвертая «книжка», но она утрачена². Из трех сохранившихся «книжек» только первая и третья дошли до нас в оригинале, а от второй остался лишь расшифрованный А.Г. Достоевской в 1896–1912 гг. текст, подвергшийся существенной авторской правке. Сама же Анна Григорьевна расшифровала и первую «книжку». Таким образом, первая «книжка» дошла до нас и в первоначальной, и в позднейшей редакции, вторая – только в позднейшей, третья – только в первоначальной³. Расшифрованный текст первых двух «книжек» впервые был опубликован в 1923 г.⁴, а полное академическое издание сохранившейся части дневника появилось в 1993 г. в серии «Литературные памятники» (первая и третья «книжки» воспроизведены в нем по оригиналам, расшифрованным Ц.М. Пошеманской)⁵.

Хронологически дошедший до нас текст дневника охватывает период с 14 апреля по 31 декабря 1867 г. Записи, часто весьма пространные, делались почти ежедневно, хотя изредка в них встречаются и перерывы в несколько дней. В третьей «книжке» они чередуются с воспоминаниями Анны Григорьевны об обстоятельствах знакомства с Федором Михайловичем⁶. С декабря записи становятся заметно короче (занимая иногда всего 1–3 строки). Явно сказывались хлопоты, связанные с беременностью и стенографированием нового романа мужа, работавшего тогда над «Идиотом».

В дневнике излагался распорядок дня, описывались различные происшествия, бытовые подробности, поступки супругов, приводились их высказывания. Это позволяет понять взгляды и чувства не только Анны Григорьевны, но и, опосредованно, Федора Михайловича. Несомненно находясь под сильным влиянием мужа и соглашаясь со многими его оценками, Анна

Григорьевна вместе с тем являлась цельной и волевой личностью, совпадение же их суждений свидетельствовало, прежде всего, о схожести взглядов, вкусов, эмоциональных порывов, что естественно для супругов, чей брак оказался счастливым и прочным. Их отношение к европейцам появляется в дневнике преимущественно в очень кратких, хотя и сравнительно многочисленных (особенно в первых двух «книжках») репликах и заметках. Анну Григорьевну гораздо больше интересовал ее муж, а немцы и швейцарцы (жители Базеля и Женевы) представлялись ей скорее «элементом ландшафта».

Достоевские покинули Петербург 14 апреля 1867 г., через Вильну проехали в Берлин, где пробыли два дня, и 18 апреля отправились в Дрезден, задержались там до 21 июня⁷. Оттуда они переехали в Баден-Баден. Баденский период (22 июня – 11 августа) из-за рулетки оказался наиболее драматичным эпизодом всей заграничной поездки. Нехватка денег, вызванная проигрышем Федора Михайловича, заставила отложить намеченную поездку в Париж и предпочесть ей остановку в менее дорогой Женеве⁸. По дороге из Баден-Бадена в Женеву супруги заехали в Базель (12 августа). В Женеве они прожили с 13 августа 1867 г. по май 1868 г., побывав затем в Вене (лето 1868), Милане (осень 1868), Флоренции (зима 1868 – лето 1869), Венеции, Праге (осень 1869) и вновь надолго вернувшись в Дрезден (осень 1869 – июнь 1871). Таким образом, в 1867–1871 гг. Достоевские не просто путешествовали, но и подолгу жили в Германии, Швейцарии, Италии и, следовательно, тесно контактировали с местными жителями. Во время последующих поездок на германские курорты писатель соприкасался с ними гораздо меньше.

Глупые и непонятливые

Как известно, полезно знать язык той страны, которую посещаешь. Не владея им, путешественник рискует попасть в затруднительное положение. Достоевские знали немецкий язык. Но насколько хорошо? Анна Григорьевна учила его в училище Св. Анны в Петербурге, а затем – в Мариинской гимназии. В

дневнике она не раз упоминает (видимо, не без удовольствия) о том, как немцы хвалили ее речь⁹. С другой стороны, немка, с которой Анна Григорьевна плыла на пароходе по Эльбе, отметила, что ее собеседница «не привыкла разговаривать по-немецки»¹⁰. Супруги свободно читали по-немецки, но, очевидно, слабо были знакомы с «базарным» языком магазинов и лавок. При этом Федор Михайлович понимал его хуже жены¹¹.

Дневник Анны Григорьевны изобилует жалобами на то, что они с Федором Михайловичем не могли толком узнать у немцев дорогу. При этом супруги сетовали на глупость непонятливых немцев. Оказавшись в Дрездене, они в первый же день отправились к модистке за новой шляпкой для Анны Григорьевны, но заблудились, так как «какая-то немка показала в совершенно противоположенную сторону»¹². На следующий день, когда супруги отправились в Королевскую картинную галерею смотреть полотна Тициана и Гольбейна, ситуация повторилась. Вновь немка показала им в «совершенно противоположенную сторону», что вызвало гнев у раздражительного Федора Михайловича¹³. О том, что немки оба раза показывали дорогу правильно, но их просто не поняли, путешественники очевидно, не догадывались. В другой раз Достоевские остались недовольны тем, что в ресторане, где они обедали, не оказалось мороженого. Кельнер повел их в кондитерскую, «долго толковал, но показал опять-таки, по немецкому обыкновению, не туда»¹⁴. Не удивительно, что уже в первые дни путешествия Анна Григорьевна констатировала: «Вообще, если немца что-нибудь спросить, то он, во-первых, ничего не поймет, а во-вторых, непременно совет дорогу»¹⁵. Однажды супруги решили отобедать в заведении с несколько странным названием «Биржевой зал и литературный кабинет». «Нас сначала вообще не поняли (ужасно глупы эти немцы), — писала Анна Григорьевна. — Я должна была долго растолковывать, что мы желаем»¹⁶. Языковые проблемы не исчезли и позднее. Нелегко было делать даже небольшие покупки, поскольку продавцы «решительно не понимают, о чем мы спрашиваем»¹⁷. «И все у немцев так, — заключает Анна Григорьевна, — никогда ничего хорошенько не поймут»¹⁸.

Раздражали ее и местные обычаи и манеры¹⁹. «Немцы так глупы, что невыносимо: прибьют надпись к воротам дома, а не позаботятся прибить такую и к дверям, – негодовала Анна Григорьевна, искавшая объявление о сдаче меблированных комнат. – ...Немцы ужасно бестолковы, до крайности»²⁰. Не понравился ей и звон колоколов в Баден-Бадене: «Не то, что у нас в Петербурге: когда звонят, так просто сердце радуется. Нет, это какой-то нехороший звон... Даже неприятно слышать, именно немецкий звон»²¹.

Мошенники

Несмотря на молодость, Анна Григорьевна обладала задатками хорошей, расчетливой хозяйки. В ее дневнике мы найдем множество упоминаний о том, сколько стоил найм квартиры, новая шляпка, фунт вишен. Немало в дневнике и жалоб на дороговизну. Покупая в Баден-Бадене пирожок с орехами, она отмечает: «За пирожок просят 6 kr. [крейцеров], около 6 копеек, это довольно дорого: у нас в лучших булочных продают за 5 копеек»²². «Это просто возмутительно дорого. Это точно как у нас, у Елисеева», – пишет Анна Григорьевна о цене клубники в Дрездене²³. Более того, в дороговизне она усматривает признак алчности: «Ох уж эти немцы, – ничего даром не покажут, за все заплатить нужно непременно»²⁴. «Просто ужас, какие неслыханные цены. Вот эта немецкая честность!» – возмущается жена писателя в Баден-Бадене, известном курорте, где к тому же была рулетка, собирались люди с капиталом и, следовательно, аккумулировались немалые деньги. Про кучера, взявшего с Достоевских больше, чем следовало, в дневнике сказано: «Немец и тут воспользовался, хоть на грош да украл»²⁵.

Неудивительно, что примеры настоящего мошенничества воспринимались Достоевскими как неопровержимое свидетельство нечестности немцев. Так, повздорив с торговцем, не добавившим ему сдачу, Федор Михайлович заявил, что «нигде нет столько мошенников, как в Германии»²⁶. «Эта немка нас все-таки обманула на 3 рfen. [пфеннига] ... Уж эти мне немки», – возмущалась, в свою очередь, Анна Григорьевна офици-

анткой в кондитерской²⁷. Не случайно 28 июня (10 июля) в ходе известной беседы с И.С. Тургеневым в Баден-Бадене Ф.М. Достоевский заявил, «что он в немцах только и заметил, что тупость, да кроме того, очень часто обман»²⁸. Между тем, получив обратно залог, оставленный в одной из дрезденских библиотек, Анна Григорьевна едва ли не впервые похвалила немцев: «Русский бы не так сделал, а непременно бы залог на что-нибудь да употребил»²⁹.

Ничтожного повода порой было достаточно, чтобы вывести путешественников из себя. Однажды в городском саду супруги увидели памятник Шиллеру, представлявший собой простой камень с высеченной на нем надписью «Бессмертному Шиллеру город Баден». Анна Григорьевна сразу же отвергла мысль о том, что немцы могли поставить памятник поэту из искреннего восхищения его творчеством. Она готова была увидеть в этом лишь стремление не отстать от «городов просвещенных», «показать, что они интересуются и уважают гения», да еще и сделать это с минимальными затратами: «Это очень хитрая выдумка, которая только и может быть придумана немцами <...> Меня это просто возмущает...»³⁰.

Калеки и «глупые патриоты»

Даже внешний облик немцев вызывал у Достоевских неприязнь. Иду, горничную, прислуживавшую им в меблированных комнатах, Анна Григорьевна величала не иначе, как «немецкой харей» и «эдакой рожей»³¹. Увидев ее однажды в очках и узнав, что та носит их с 16 лет, русская путешественница без малейшего сочувствия вспыхнула: «Ведь эдакая подлая страна: кривые, хромые, безголосые, ничего не видящие, просто ужас...»³². Не менее строга она была и к жителям Швейцарии: «Какие у них все рожи, у этих швейцарцев, такие глупые, просто страх смотреть, дети у них какие-то косоглазые, грязные, со старыми лицами, просто какие-то старики, а не дети»³³. Даже слова немки-попутчицы, ехавшей вместе с Достоевскими на поезде из Бадена в Базель и сказавшей, что Анна Григорьевна похожа на немку, задела путешественницу: «Ишь, ведь взду-

мала мне сделать комплимент, – ведь это можно принять за грубость»³⁴.

6 (17) июля в Дрездене Анна Григорьевна посетила стенографическую библиотеку. Хозяин библиотеки – вице-президент дрезденского кружка стенографов Цейбиг (Zeibig) и стенографист доктор Хайде (Haide) отнеслись к русской гостье с чрезвычайным вниманием: провели для нее нечто вроде экскурсии, показав многочисленные образцы разных типов стенографии и т.д. «Потом я пришла домой, – записала она в дневнике, – рассказав Феде про немцев, очень смеялась над их наивностью»³⁵. Впрочем, Цейбиг и доктор Хайде оказались среди немногих иностранцев, заслуживших похвалу Достоевских. Но и похвала эта была весьма примечательна: Федор Михайлович назвал Цейбига «очень хорошим, сердечным человеком», однако позднее прибавил, «что не любит немцев, исключая Zeibiga (так в тексте. – С.Б.) и того доктора», имея в виду Хайде³⁶.

Кроме них, похвалы удостоилась пожилая чета попутчиков в дилижансе: эти люди столь трогательно ухаживали друг за другом, что, по словам Анны Григорьевны, «примирили ее с прочими немцами»³⁷. Симпатию вызвал у нее и молодой человек, не возражавший на безапелляционное заявление Федора Михайловича о том, «что нигде нет столько мошенников, как в Германии», но припомнивший, как и его, бывало, обманывали: «Вообще это, мне кажется, один из немцев, который не глупый патриот и не станет утверждать, что немцы решительно все честные люди»³⁸. Между тем аналогичные нападки на Россию и русских со стороны немцев и швейцарцев встречали у Достоевских решительный отпор. К примеру, в Женеве они познакомились с «мадемуазель Мари» – шестнадцатилетней русской девушкой, работавшей в одном женевском пансионе и жаловавшейся на плохое отношение к России преподавателей и воспитанниц, которые считают русский язык «диким», «говорят, что русские совсем без образования», оскорбляют православную церковь и т.п. Федор Михайлович посоветовал девушке немедленно вернуться на родину, а Анна Григорьевна была «очень рада за нее, что она так не любит немцев и швейцарцев и так любит Россию»³⁹.

При этом любившим свою родину немцам и швейцарцам крепко доставалось от Анны Григорьевны. На вокзале в Женеве она с отвращением наблюдала, как «пришла целая толпа каких-то буршей с красными знаменами в руках, их было человек 35, все ужасные сапожники и по-видимому мазурики, но удивительно много о себе думающие, вообще что ничего нет лучше их отечества (кантона. – С.Б.), а главное Швейцарии». «Как мне все они противны, просто не знаю, как и сказать», – признавалась жена писателя в дневнике⁴⁰. Таким образом, если русский патриотизм вызывал у Достоевских одобрение, то швейцарский — отвращение и негодование.

Пьяницы

Сразу же по прибытии в Швейцарию Анна Григорьевна обратила внимание на порок, в котором не могла упрекнуть немцев: «Среди моста <...> стояли два-три старика. Все они были ужасно пьяны и о чем-то спорили. Вот какова швейцарская свобода <...> вот тебе и раз, хороша свобода!»⁴¹. «Встретили ужасно много пьяных, – отметила она в другой раз. – Однако ведь этот город Женева славится свободой, а оказывается, что свобода-то ее в том только и состоит что люди все пьяные и горланят песни»⁴². «...Эти люди напиваются как свиньи и пропивают весь свой заработок», – писал Ф.М. Достоевский о швейцарцах С.Д. Яновскому⁴³. «...Это самый прескучный город в мире, – характеризовал он Женеву, – ...строго протестантский, и здесь встречаешь работников, которые никогда не протрезвляются. <...> Немецкая честность, швейцарская верность... не могу вообразить себе, кто только мог их придумать. <...> ...трудно найти где-нибудь, кроме Германии, такую глупость, такое надувательство и притом такое самодовольство»⁴⁴. «...Пьяниц бездна», – жаловался он своей племяннице С.А. Ивановой⁴⁵. «Всё здесь гадко, гнило, всё здесь дорого. Всё здесь пьяно! Стольких буянов и крикливых пьяниц даже в Лондоне нет», – сообщал Федор Михайлович А.Н. Майкову⁴⁶.

Здесь, как и в суждениях о немцах, чувствуется безапелляционность, стремление делать широкие выводы, опираясь на

отдельные примеры, и даже злорадство, вызванное крушением стереотипа, идеализирующего чужой народ: «Так вот она, немецкая честность! Так вот она, швейцарская свобода!» При этом писатель находил особое удовольствие в том, чтобы бранить немцев в глаза⁴⁷. «Ругать немцев» вскоре вошло у него в привычку, порядком наскучившую его жене⁴⁸. Вполне разделяя убеждения мужа, Анна Григорьевна вынуждена была даже вступаться за немцев, когда нападки на них становились особенно несправедливы⁴⁹. И все же, как правило, супруги соглашались с тем, что хотя между немцами и «найдутся люди, которые будут не хуже русских, но в большинстве своем это ужасные мошенники»⁵⁰.

Священные камни Европы

Вместе с тем неприязнь к европейцам не была связана у Достоевских с отторжением культуры Европы. В дневниковых записях Анны Григорьевны и в письмах Федора Михайловича не найти неприязни к немецкой (и вообще европейской) живописи, музыке, литературе. Федор Михайлович, как и всякий образованный русский человек его времени, был воспитан европейцем. Его любимые писатели – Сервантес и Шекспир, Шиллер и Гофман, Гюго и Бальзак, Диккенс и даже Жорж Занд. Первым литературным опытом Достоевского стал перевод «Евгении Гранде» О. де Бальзака. На европейской культуре была воспитана и Анна Григорьевна. Судя по ее дневнику, супруги читали исключительно европейских авторов (Диккенс, Гюго, Бальзак, Флобер)⁵¹.

В Дрездене Достоевские прилежно посещали знаменитую Королевскую картинную галерею. «Сикстинская Мадонна», любимая картина Федора Михайловича, произвела впечатление и на Анну Григорьевну. Восхищались они и «Динарием кесаря» («Христос с монетой») Тициана, «Мадонной» Мурильо (этой «чудесной богиней», по словам Анны Григорьевны), картинами Клода Лоррена, Ватто, Рембрандта, Гольбейна, Жана Лиотара⁵². В музее Базеля супруги были потрясены картиной Гольбейна-младшего «Мертвый Христос». Надо сказать, что

ни один русский художник не произвел на Федора Михайловича столь глубокого впечатления. В «Дневнике писателя» Достоевский, рассуждая о современной ему русской живописи, довольно сдержанно, даже снисходительно, хвалил Репина, Маковского, Куинджи, Перова⁵³. Однако в его похвалах «Бурлакам на Волге», «Виду на Валааме», «Псаломщикам», «Охотникам на привале» нет ничего похожего на то восхищение, которое вызывали у него «Сикстинская Мадонна», «Мертвый Христос» или «Пейзаж с Ацисом и Галатеей».

В дневнике Анны Григорьевны можно обнаружить увлечение музыкой Россини и почти восторженное описание готического храма в Базеле⁵⁴. Более того, православная Анна Григорьевна была буквально очарована мессой. «Даже у меня, — признавалась она, — часто проходил холодок по телу при этих дивных звуках». Спустя неделю она вновь посетила костел. Федор Михайлович не сопровождал жену только потому, что в это время играл на рулетке в Гомбурге⁵⁵. Но и он впоследствии признавался в «Дневнике писателя» в любви к Европе: «О, знаете ли вы, господа, как дорога нам, мечтателям-славянофилам... Европа, эта “страна святых чудес”!», «Европа нам второе отечество, — я первый страстно исповедую это и всегда исповедовал. Европа нам *почти* так же *всем* дорога, как Россия...»⁵⁶

Европейская культура была не просто близка Достоевским. Они сами принадлежали к ней. Но как совместить эти гимны Европе с откровенной неприязнью к немцам или швейцарцам? Быть может, они принимали европейскую культуру в ее высших формах, но отрицали ее на бытовом уровне? Однако в дневнике Анны Григорьевны, изобилующем бытовыми подробностями, почти нет нападок на немецкий быт. Обычно критика европейского быта сводилась к жалобам на дурно приготовленный кофе, невкусную телятину, чересчур сладкий крем. Лишь однажды она «ужасно выбранила» немецкое поливальное устройство, которое чуть было не облило ее водой⁵⁷. Ей также не нравилось отсутствие в Германии варенья и самоваров. Но все это не становилось поводом для того, чтобы обрушить на немцев обычные обвинения⁵⁸.

Загадка ксенофобии

Неприязнь Достоевских к немцам и швейцарцам нельзя объяснить ни идеологическими, ни мировоззренческими, ни культурными различиями. При этом Достоевские вовсе не относились к числу ограниченных и агрессивных националистов. Федор Михайлович – один из умнейших людей своего времени. Анна Григорьевна – культурная и просвещенная молодая дама, получившая прекрасное европейское образование. Ее записи отражали именно сиюминутные, но оттого особенно важные чувства, реакции, которые, как правило, не выносились на публику. Анна Григорьевна, так часто и так раздраженно судившая о немецкой глупости в дневнике, в своих «Воспоминаниях» будет писать лишь об «основательности и некоторой тяжеловесности немецкого ума»⁵⁹. В ряде писем Достоевского, человека импульсивного и темпераментного, можно найти столь же резкие выпады против иностранцев, что и в дневнике Анны Григорьевны, но в его художественных и даже публицистических произведениях ничего подобного нет. В «Зимних заметках о летних впечатлениях» и «Дневнике писателя» он трезво отмечает и дурные, и хорошие черты Европы. Его критика может быть едкой, но она всегда великолепно аргументирована и нередко справедлива. Тем не менее иные его идеи, очевидно, могли быть связаны с опытом повседневного общения с европейцами. «О, если б Вы знали, как глупо, тупо, ничтожно и дико это племя! – писал он А.Н. Майкову 31 декабря 1867 г. (12 января 1868 г.) о швейцарцах. – Мало проехать, путешествуя. Нет, поживите-ка! Но не могу Вам теперь описать даже и вкратце моих впечатлений; слишком много накопилось. <...> В управлении и во всей Швейцарией – партии и грызня беспрерывная, пауперизм, страшная посредственность во всем; работник здешний не стоит мизинца нашего: смешно смотреть и слушать. Нравы дикие; о если б Вы знали, что они считают хорошим и что дурным. Низость развития: какое пьянство, какое воровство, какое мелкое мошенничество, вошедшее в закон в торговле. <...> (В Германии меня всего более поражала глупость народа: они безмерно глупы, они неизмеримо глупы). <...> ...все-таки наш народ безмерно выше, благороднее, чест-

нее, наивнее, способнее и полон другой, высочайшей христианской мысли, которую и не понимает Европа с ее дохлым католицизмом и глупо противуречащим себе самому лютеранством»⁶⁰.

Некоторые взгляды, эмоции, чувства Достоевских трудно рационально объяснить. Видимо, в них сказывались присущие Достоевскому раздражительность и вспыльчивость, а также сильнейшее нервное напряжение, связанное с лихорадочной игрой на рулетке. Анна Григорьевна летом – осенью 1867 г. часто испытывала недомогание, связанное с беременностью, что, несомненно, отражалось на ее оценках и отзывах. Не раз выраженная в дневниковых записях глубокая, иррациональная, немотивированная неприязнь к немцам и швейцарцам, по всей видимости, не была ей искусственно привита. Не звучал в ней и тот или иной «голос крови». Ведь отец Анны Григорьевны – Григорий Иванович Сниткин (Снитко) происходил из украинских дворян, а мать – Анна Мария Мильтонеус родилась в шведской семье в Або. При этом сама Анна Григорьевна выросла преимущественно в русской среде, шведского языка не знала и, несомненно, совершенно обрусела. Известно, что поведение человека во многом определяется иррациональными импульсами, а такие явления, как симпатия и антипатия, имеют загадочную, бессознательную основу. Но и иррациональное требует научного анализа. Понять же природу ксенофобии Достоевских, возникавшей, по всей видимости, спонтанно – задача будущих исследований.

---

¹ Спиноза Б. Избранные произведения: в 2 т. М., 1957. Т. 2. С. 288.

² Житомирская С.В. Дневник А.Г. Достоевской как историко-литературный источник // *Достоевская А.Г. Дневник 1867 года*. М., 1993. С. 399.

³ Там же. С. 396–399.

⁴ *Достоевская А.Г. Дневник А.Г. Достоевской. 1867*. [М.], 1923.

⁵ *Достоевская А.Г. Дневник 1867 года*. М., 1993.

⁶ *Достоевская А.Г. Дневник А.Г. Достоевской. 1867 г.* С. 300–313, 315–319, 320–322, 332–334.

- ⁷ Все время дрезденского периода поездки супруги находились вместе, за исключением 10 дней (5–15 мая), которые Федор Михайлович провел в Гамбурге, куда приехал для игры в рулетку.
- ⁸ *Достоевская Анна Григорьевна*. Воспоминания. М., 2002. С. 138.
- ⁹ Там же. С. 22, 230.
- ¹⁰ Там же. С. 48.
- ¹¹ Там же. С. 115, 157, 208.
- ¹² *Достоевская А.Г.* Дневник 1867 года. С. 11.
- ¹³ Там же. С. 12.
- ¹⁴ Там же. С. 23.
- ¹⁵ Там же. С. 12.
- ¹⁶ Там же. С. 17.
- ¹⁷ Там же. С. 108.
- ¹⁸ Там же. С. 119.
- ¹⁹ Там же. С. 36.
- ²⁰ Там же. С. 11.
- ²¹ Там же. С. 206.
- ²² Там же. С. 175.
- ²³ Там же. С. 87.
- ²⁴ Там же. С. 165.
- ²⁵ Там же. С. 114.
- ²⁶ Там же. С. 229.
- ²⁷ Там же. С. 86.
- ²⁸ Там же. С. 131.
- ²⁹ Там же. С. 82–83.
- ³⁰ Там же. С. 210.
- ³¹ Там же. С. 28, 76.
- ³² Там же. С. 85.
- ³³ Там же. С. 282.
- ³⁴ Там же. С. 228.
- ³⁵ Там же. С. 87.
- ³⁶ Там же. С. 93–94.
- ³⁷ Там же. С. 44.
- ³⁸ Там же. С. 229.
- ³⁹ Там же. С. 237–238.
- ⁴⁰ Там же. С. 374.
- ⁴¹ Там же. С. 230.
- ⁴² Там же. С. 238.
- ⁴³ *Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений: в 30 т. М., 1985. Т. 28, кн. 2. С. 361.
- ⁴⁴ Там же. С. 353.

- ⁴⁵ Там же. С. 224.
- ⁴⁶ Там же. С. 226.
- ⁴⁷ Там же. С. 58.
- ⁴⁸ *Достоевская А.Г.* Дневник 1867 года. С. 7, 27.
- ⁴⁹ Там же. С. 23.
- ⁵⁰ Там же. С. 229.
- ⁵¹ Там же. С. 67, 69, 88, 236, 254, 266, 276.
- ⁵² Там же. С. 10, 12–13, 15; *Достоевская Анна Григорьевна.* Воспоминания. С. 124.
- ⁵³ *Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений: в 30 т. Л., 1980. Т. 21. С. 68–77.
- ⁵⁴ *Достоевская А.Г.* Дневник 1867 года. С. 127, 231–233.
- ⁵⁵ Там же. С. 38, 39, 53.
- ⁵⁶ *Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений: в 30 т. Л., 1983. Т. 25. С. 23.
- ⁵⁷ *Достоевская А.Г.* Дневник 1867 года. С. 26.
- ⁵⁸ Там же. С. 8, 13.
- ⁵⁹ *Достоевская Анна Григорьевна.* Воспоминания. С. 122.
- ⁶⁰ *Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 28, кн. 2. С. 243.

**КАТАЛОНИЯ И «КАТАЛОНИЗМ»
В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ПУТЕШЕСТВИЙ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX В.**

Изучение образа другого народа неизбежно связано с сопоставлением «своего» и «чужого», с оценкой «чужого» на основе собственной системы ценностей, что, в свою очередь, способствует самопознанию, самоидентификации и сплочению нации. В случае же России и Испании это усиливается принадлежностью обеих стран к «пограничным культурам», выступающим, по образному выражению В.Е. Багно, в роли «окна», «двери», «моста», «перекрестка» между Востоком и Западом¹. В «пограничных» цивилизациях, как отмечает Я.Г. Шемякин, в отличие от «классических», преобладает начало многообразия, гетерогенности. Цельная духовная основа в этом случае отсутствует, религиозно-цивилизационный фундамент состоит из нескольких качественно различных частей, разделенных глубокими трещинами, а основание всей цивилизационной конструкции неустойчиво². Эта характеристика вполне справедлива для Испании, которая исторически складывалась из различных территорий Пиренейского полуострова, становившихся в ходе Реконкисты христианскими королевствами. Русская литература путешествий (путевые очерки, книги впечатлений, воспоминания, публицистика) служила важнейшим источником формирования этнических представлений о других и стала существенным компонентом в сложном процессе формирования образа чужой страны.

Необходимо отметить, что вплоть до середины XIX в. в Испании побывало лишь несколько путешественников из России, которые не могли существенно повлиять на представления русского общества об этой стране. Гораздо сильнее было воздействие переводной литературы и публицистики, рассказов иностранцев. При отсутствии реальных контактов, образ Испа-

нии являлся во многом мифологизированным, характеризовался целым рядом стереотипов, часто далеких от действительности. Журналист А.А. Ефрон в конце 1880-х годов подтверждал, что в России «крайне смутное и неверное представление о современной Испании и испанцах»³. «Если под впечатлением рассказов и описаний... вы очутитесь за Пиренеями, – писал он, – то вы напрасно будете искать страну, где вечно поются серенады и где женщина неразлучна с кинжалом. Общественная жизнь... ничем не отличается от таковой же в любом из государств Западной Европы. Частная, так сказать семейная жизнь более не представляет резкого контраста с жизнью европейских народов»⁴.

Поездки за границу, и прежде всего в Европу, составляли тогда неотъемлемую часть жизни высших слоев русского общества. За рубеж ездили развеяться и отдохнуть, поправить здоровье, а также в целях знакомства с достижениями западноевропейской культуры, получения образования и т.д. Однако Испания в силу удаленности, а также второстепенной роли на мировой арене в круг часто посещаемых стран не входила. Свообразным рубежом для знакомства русского общества с Испанией оказалась поездка, совершенная в 1845 г. писателем и публицистом В.П. Боткиным. Его «Письма об Испании», опубликованные в 1857 г., приобрели большую популярность и нередко являлись как бы точкой отсчета, позволявшей русским путешественникам фиксировать новые черты в общественно-политическом, экономическом и культурном развитии страны. Вслед за Боткиным, в Испанию устремились многие представители русской интеллигенции, желавшие увидеть те неизменные атрибуты, которые были присущи поэтическому образу Испании в России: Гвадалквивир, который «бежит и шумит», испанских женщин с кружевными мантильями и веерами, сказочную Альгамбру, страстные испанские танцы и песни и т.п. «Вышло так, – вспоминал П.Д. Боборыкин, – что в течение этих долгих лет – в общем, с лишком сорока лет! – я ни разу не задавался какой-нибудь программой изучения Испании на месте, хотя, ознакомившись с языком, стал читать многое в подлиннике, что прежде было мне доступно лишь в переводах,

начиная с “Дон-Кихота”... Я не стану здесь рассказывать про то, чем тогда была Испания. Об этом я писал достаточно и в корреспонденциях, и в газетных очерках, и даже в журнальных статьях. Не следует в воспоминаниях предаваться такому ретроспективному репортерству. Гораздо ценнее во всех смыслах освежение тех “пережитков”, какие испытал в моем лице русский молодой писатель, попавший в эту страну одним из первых в конце 60-х годов. Одновременно со мною не было ни одного пишущего русского. И литература наша об Испании была “никакая”, за исключением боткинских писем, но они были уже из совсем другой эпохи⁵.

В.В. Кулешова выделила три периода в истории русских путешествий в Испанию второй половины XIX – начала XX в.⁶ Первый из них охватывает время революций 1854–1874 гг. В Испании тогда побывали профессор М.Н. Капустин, географ и публицист Л.И. Мечников (писавший под псевдонимом Э. Денегри), К.А. Скальковский, писатели П.Д. Боборыкин, Д.В. Григорович, Е.А. Салиас и др. Основным интересом у них вызывали политические события, заставлявшие размышлять об особенностях исторического развития страны. Впечатления от знакомства с достопримечательностями, бытом и нравами местных жителей отходили при этом на второй план⁷. Во второй половине 1870-х – середине 1890-х годов, с окончанием бурных политических и экономических потрясений, русские путешественники начали уделять больше внимания достопримечательностям страны, быту, нравам и обычаям испанцев. Особой популярностью пользовались в те годы «Очерки Испании» и «Край Марии Пречистой: (очерки Андалузии)» Вас.И. Немировича-Данченко, пять раз посещавшего Испанию. Кроме того, свои впечатления изложили журналисты И.Я. Павловский (под псевдонимом И. Яковлев), А.А. Ефрон, К.А. Скальковский, писатель Д.Л. Мордовцев, П.А. Чихачев и др.⁸ После испано-американской войны 1898 г., ярко продемонстрировавшей слабость и отсталость Испании, русские путешественники ограничиваются почти исключительно описанием достопримечательностей и повседневной жизни испанцев. К этому времени относятся путевые зарисовки Т.Л. Щепкиной-Куперник, «замет-

ки туриста» журналиста В.М. Дорошевича, впечатления поэта и художника М. Волошина, воспоминания историка В.К. Пискорского и др.⁹

Путь русских туристов в Испанию проходил обычно через ее северо-восточные территории, и прежде всего Каталонию. Их маршрут, за редким исключением, был стандартным: прибывая из Франции, они ехали с севера на юг через Мадрид, Бургос, Вальядолид, Сарагосу, Толедо и др. Это позволяло почувствовать национально-культурную специфику испанских провинций и особенности их социально-экономического и политического развития. Путешественники часто подчеркивали национальную неоднородность испанцев и наделяли жителей разных областей своим устоявшимся набором характеристик. Так, в изображении Вас.И. Немировича-Данченко каталонцы предстают наиболее образованными, предприимчивыми и трудолюбивыми среди испанцев, галисийцы отличаются упрямством, глупостью и честностью, кастильцы – мрачностью и высокомерием, арагонцы – сдержанностью, невозмутимостью и гордостью, андалузцы – веселым нравом и страстью к хвостовству. В ряде областей Испании местный патриотизм был настолько развит, что жителей других местностей считали чуть ли не иностранцами.

Исходные представления русских об этой стране хорошо передает высказывание Д.Л. Мордовцева, посетившего Пиренейский полуостров в 1884 г.: «По отзывам старинных путешественников и по общему впечатлению, какое вы выносите из заочного знакомства... Испания представляется вам чем-то запущенным, не обработанным, хотя с природными богатствами, а народ ее ленивым и полуразбойничьим»¹⁰. При этом первое, на что обращали внимание прибывавшие в Испанию, – это бурное развитие железнодорожного транспорта, во многом связанное с притоком частных иностранных капиталов, главным образом из Франции. Однако поскольку при выдаче концессий и разметке линий не учитывались экономические потребности различных провинций, доходность от их эксплуатации оставалась низкой, что лишь усугублялось злоупотреблениями чиновников, высокими тарифами и выплатами государству. Не-

удивительно, что и в начале XX в., по свидетельству Дорошевича, железных дорог было мало, да и те казались ужасны. Журналист указывал также на дороговизну предметов первой необходимости и чрезвычайно обременительные налоги при заброшенности естественных богатств страны и передаче ее промышленности и наиболее доходных отраслей земледелия иностранцам. Примитивность земледельческой культуры и бедность населения отмечал и А. Щепетев.

Отсталость Испании зачастую объяснялась историческим развитием страны. Открытие Нового Света, захват огромных по территории и природным богатствам колоний способствовали обогащению Испании и ее народа, но вместе с тем привели к оттоку самой предприимчивой и инициативной части населения. В самой же Испании число людей, способных и желавших заниматься производительной деятельностью, оказалось невелико. Между тем численность дворян, презиравших физический труд и согласных служить только королю или церкви, превосходила все мыслимые пределы. Большой урон Испании, по мнению русских путешественников, нанесло изгнание в XIV–XV вв. наиболее «предприимчивых и промышленных граждан» – мавров и евреев.

При этом северные области Испании (Страна Басков и Каталония) заметно отличались высоким уровнем земледелия и хорошо развитой промышленностью. Посетивший Каталонию Л. Мечников называл Барселону «самым промышленным, самым щегольским и наименее испанским городом в Испании», столицей ее «фабричной и мануфактурной деятельности»¹¹. Советник российского посольства Ю.Я. Соловьев отмечал в своих воспоминаниях, что, несмотря на слабость российско-испанских торгово-экономических связей, в Барселону «заходили суда Добровольного флота, перевозившие из Одессы зерно, а Барселона в свою очередь до войны посылала в Россию апельсины и лимоны, а также в небольшом количестве испанские вина. Кроме этого, в северные испанские порты шел лес из Финляндии»¹². Именно в Каталонии зародилась испанская текстильная промышленность, предприятия которой были связаны сетью дорог, контролируемых Барселоной. Но поскольку

их продукция не могла конкурировать с английскими товарами, а колониальная политика Испании оставляла желать лучшего, протекционизм превращался для каталонцев в доктрину, граничившую с религией.

Уже к середине XIX в. в Каталонии имелась своя биржевая и промышленная аристократия. «Чувствуя необходимость низвергнуть мадридское иго, не дававшее простора его спекуляторским способностям, – писал Л. Мечников, – барселонский патрон (ато или dueno) заискивал благорасположения к себе в подчиненных ему работниках, сам пропагандировал в их среде вольнодумные мысли, заводил школы и профессиональные классы, больницы и приюты». В результате «дух благотворительности самовластной здесь промышленной буржуазии создал без счета приюты, госпитали, богадельни»; «в этом отношении он имел себе здесь деятельного соперника в католическом духовенстве», но «биржа, однако же, перещеголяла его»¹³.

Наилучшим образом достижения испанской экономики были продемонстрированы на Всемирной выставке в Барселоне в 1888 г., которую посетили К.А. Скальковский и А.А. Ефрон, подробно описавший выставку в «Письмах из Испании и Бельгии» и особо отметивший достижения в области суконного производства, бумаготкацкой промышленности, а также хорошее качество изделий из фарфора, фаянса, хрусталя и т.д. В производстве игрушек и в мыловарении испанцы выступали, по его мнению, настоящими мастерами. Однако на деле барселонская выставка представляла собой «выставку достижений» собственно одной Каталонии, но отнюдь не всей Испании. С давних пор эта область являлась практически единственным центром развития промышленного производства страны, и лишь к концу XIX в. индустрия стала широко развиваться в других провинциях. В некотором смысле Каталония являлась продолжением «Европы по ту сторону Пиренеев» и, на первый взгляд, казалась путешественникам лишенной заметного своеобразия и чисто испанской специфики. Во многом это объяснялось, правда, кратковременностью пребывания здесь русских туристов (часто просто проезжавших северные области на поезде, не останавливаясь для осмотра местных достопримечатель-

тельностью): их привлекали, прежде всего, центральные и южные районы страны, которые представляли собой цивилизацию прошлого, где было «все старо – замки и люди, система хлебопашества и общественная жизнь».

Профессор Московского университета М.Н. Капустин, занимавшийся исследованием политических институтов и политического права европейских государств, в своей статье, посвященной поездке в Испанию в 1858 г., отмечал «пробуждение самосознания» народа и его стремление к преобразованиям. Вместе с тем, процесс становления новой гражданственности в стране осложнялся, по мнению автора, неэффективностью местной администрации. Неустойчивость положения чиновников, зависевших от частых правительственных кризисов, порождала «синдром временщика», заставлявший максимально использовать возможности занимаемой должности в своих интересах. Испанцы, писал Капустин, «придумали для этого специальное слово “поглощение бюджета” и смотрят на него, как на неизбежное зло»¹⁴. Кроме того, в испанском обществе «отсутствовал интерес к исполнению закона». Тем не менее, автор считал, что «Испания может идти вперед, лишь бы двинулись все колеса общественной машины»¹⁵.

В работах Л.И. Мечникова, П.Д. Боборыкина и К.А. Скальковского, посетивших Испанию в период революции 1868–1874 гг., несмотря на сочувствие к борьбе прогрессивных сил, признавалось, что в Испания нет основы для установления республики¹⁶. «Слишком было еще много разной исторической ветоши в темноте массы, в клерикализме, в бедности, в общем “спустя рукава”, напоминавшем мне мое любезное отечество», – полагал П.Д. Боборыкин¹⁷. В то же время критически и нередко резко отрицательно оценивалось и функционирование режима Реставрации, при котором сохранялись те же проблемы общественно-политической жизни страны, что и в предыдущие годы: произвол чиновников, коррупция, бюрократизм, влияние духовенства на власть, касикизм, нежелание властей кардинальным образом решать назревшие в испанском обществе противоречия.

После поражения Испании в войне с США в 1898 г. заметно усилился региональный национализм, прежде всего каталонский и баскский. На это обращали внимание П.Д. Боборыкин, С.С. Шашков, А. Дикгоф, Е. Белов, А. Вернер¹⁸. В частности, Боборыкин, встречавшийся с Кастеляро, ставшим в 1873 г. президентом Первой Испанской республики, отмечал, что тот, будучи в душе республиканцем, по убеждениям оставался централистом. «А мы, иностранцы, – писал Боборыкин, – очень скоро распознали, что в Испании более, чем где-либо, могло бы сложиться федеративное государство. Не говоря уже о каталонцах, расе, чуждой и по языку и по всему складу жизни кастильцам, и в других частях Испании была несомненная обособленность. Централизация с ее всяческим гнетом, и политическим и церковным, доводила эту милую, но несчастную страну до гибели»¹⁹. Стремление отдельных регионов, в том числе Каталонии, к автономии всячески подавлялось Мадридом. В свою очередь, региональные финансовые и политические элиты умело использовали националистические чувства как средство давления на центральную власть для достижения дополнительных экономических льгот и налоговых привилегий.

Особую роль в развитии местного сепаратизма и национализма в Каталонии, играли, по мнению русских, языковые и этнические различия. Л. Мечников одним из первых заметил, что каталонцы «до настоящего времени не стали испанцами и сохранили в значительно большей степени, нежели одноплеменные с ними валенсийцы и аликантцы, свою самостоятельную национальность». Каталония «говорила наречиями южно-французского языка (*langue d'och*) и только Каталония дала ему в новейшее время свою литературу»²⁰. Боборыкин, вслед за Мечниковым, также называл каталонцев «особой расой», стоявшей гораздо ближе к провансальцам, чем к кастильцам: «Они давно бы отделились от центра Иберийского полуострова, что и сказалось в целом ряде вспышек, вплоть до громадных взрывов в 1909 году»²¹.

При этом было заметно, как указывал С. Подолинский, что каталонцы – «люди уже давней цивилизации». Главной славой Барселоны признавалось ее «художественное и умственное

движение»: театры (первые в Испании по величине и количеству артистов); переполненный студентами университет, медицинский факультет которого стоял «на уровне современного знания». Являясь главным научным и литературным центром Испании, Барселона к тому времени стала также «главным пунктом возрождения каталонской литературы» (насчитывавшей уже около 300 собственных писателей), «несколько раз падавшей и потом опять возрождавшейся», что было тесно связано «с очень сложной историей каталонской народности»²².

Наблюдавшие в это время за событиями в Каталонии русские публицисты с интересом писали о зародившемся движении «каталонизма», стремившемся «сохранить и развить специальные каталонские черты, поднять жизнь провинциальную, оберечь себя от нивелирующего влияния всякой централизации», что естественным образом вызывало неприятие Мадрида. Однако тогда, как утверждал Подолинский, ссылаясь на слова редактора новой ежедневной газеты на каталонском языке «*Diari Catala*», обвинения каталонцев в сепаратизме, желании отделиться от Испании и основать отдельное государство были совершенно необоснованными. Сторонники «каталонизма» добивались лишь местной автономии и свободного развития языка и литературы, «необходимых для сохранения их народной оригинальности»²³.

Причину роста сепаратистских настроений русские путешественники нередко видели в разнице социально-экономического положения провинции и центра. Подолинский считал каталонцев самыми трудолюбивыми и искусными работниками в Испании, где еще господствовал прежний образ жизни и прежние ценности. Пословицу «каталонец и камень превратит в хлеб» подтверждали, по его мнению, засеянные пшеницей дикие скалы, «огороженные каменными стенами»²⁴. Первенство Каталонии обнаруживалось и в хлебопашестве, и в промышленной деятельности, и в торговле. Здесь сложился активный и зажиточный средний класс, культивировавший труд, бережливость, индивидуальные усилия и заинтересованный в протекционизме и политической свободе. И поскольку центр сдерживал развитие страны, выгоды централизации проявлялись сла-

бо. В результате неизбежно возникали столкновения. Одним из самых значительных среди них стало июльское восстание 1909 г. в Каталонии, поводом для которого стал декрет правительства о наборе резервистов в армию в связи с войной в Марокко. По мнению журналиста А. Вернера, побывавшего там непосредственно после событий, восстание, сразу принявшее антиправительственный и антирелигиозный характер (повстанцы проявляли особую ненависть к духовенству, поджигали и разрушали церкви и монастыри), давало каталонцам реальный шанс получить автономию революционным путем. Однако напуганная небывалым взрывом ненависти каталонская буржуазия не поддержала восставших, и народное выступление было жестоко подавлено²⁵.

Таким образом, представление наших соотечественников об Испании как о стране отсталой, обремененной многими проблемами, при соприкосновении с действительностью не опровергалось. Русские путешественники легко находили подтверждение правдивости того образа Испании, который сформировался в России к середине XIX в. Тем не менее, по мере узнавания страны он постепенно менялся. Оптимизм внушало, прежде всего, бурное развитие северо-восточных регионов страны, которые «тащили» за собой всю Испанию. Кроме того, сам факт осознания испанским обществом своей отсталости и бедственного положения, выливавшийся в национальные, крестьянские и рабочие восстания и проявившийся в философии так называемого «поколения 1898 года», свидетельствовал о стремлении испанцев к модернизации своей страны.

На этом фоне все более четко прослеживалась тенденция развенчания поэтического образа Испании. Это, правда, в наименьшей степени относилось к особенностям испанского национального характера и менталитета: здесь прочно господствовали стереотипы, что было вполне объяснимо, поскольку недолгое время пребывания в чужой стране не позволяло вникнуть во все тонкости и нюансы национального характера. Не случайно Ю.Я. Соловьев признавал что «испанская жизнь... необыкновенно своеобразна», и «лишь после нескольких лет жизни в Испании начинаешь разбираться в характере и

мировоззрении испанцев»²⁶. Поэтому русским путешественникам приходилось в большей степени опираться на мнение авторитетных людей, авторов популярных путеводителей, а также на представления самих испанцев о себе. Но в целом, побывавшие в Испании во второй половине XIX – начале XX в. россияне доброжелательно относились к испанцам, глубоко симпатизируя их своеобразным чертам: неиссякаемой энергии, «нестесненности выражения ощущений», «добродушию, без малейшей приторности и без тех подозрительных приправ, которые так свойственны наиболее цивилизованным людям»²⁷.

Собирательный образ Испании, сложившийся к началу XX в. в России, свидетельствовал о незавершенности синтеза внутри данной цивилизационной системы и своеобразном «расколе» (по А.С. Ахиезеру²⁸) внутри испанского общества между «вестернизированной» элитой и народной «почвой», а также между различными этнокультурными традициями, носители которых вынуждены были находиться в постоянном контакте.

---

¹ *Багно В.Е.* Образ другого как способ самопознания (Россия и Испания) // *Взаимосвязи и взаимовлияние русской и европейской культур.* СПб., 1999. С. 17.

² *Iberica Americans: латиноамериканская культура в дискуссиях конца XX – начала XXI веков.* М., 2009. С. 19.

³ *Ефрон А.А.* Письма из Испании и Бельгии. СПб., 1889. С. 22–23.

⁴ Там же.

⁵ *Боборыкин П.Д.* Воспоминания: в 2 т. М., 1965. Т. 2. С. 128.

⁶ *Кулешова В.В.* Испания глазами русских путешественников второй половины XIX – начала XX века // *Проблемы испанской истории,* 1984. М., 1984. С. 222–240.

⁷ *Денегри Э.* Поездка в Испанию // *Отечественные записки.* 1869. № 2–5, 8, 11–12; *Боборыкин П.Д.* Письма из Мадрида // *Санкт-Петербургские ведомости.* 1869. № 203, 231; *Салиас Е.А.* Испания: путевые очерки // *Русский вестник.* 1874. № 3–5; [*Мечников Л.*]. Поездка в Испанию // *Отечественные записки.* 1869. № 2.

⁸ *Яковлев И. (Павловский И.Я.).* Очерки современной Испании, 1884–1885. СПб., 1889; *Ефрон А.А.* Указ. соч.; *Немирович-Данченко В.И.* : 1) *Край Марии Пречистой: (очерки Андалузии).* СПб., 1902 ; 2) *Очерки Испании: из путевых воспоминаний.* М.,

- 1888 [обл. 1889]. [Т. 1–2]; *Мордовцев Д.Л.* По Испании: [путевые арабски]. СПб., 1884; *Чихачев П.* Испания, Алжир, Тунис. М., 1975.
- ⁹ *Щепкина-Куперник Т.Л.* По Испании // *Щепкина-Куперник Т.Л.* Письма издадала. М., [1903]–1913. [Т. 1–2]; «Заграничные воспоминания» В.К. Пискорского: из писем к жене, 1896–1897 // Проблемы испанской истории. М., 1992. С. 178–191; *Дорошевич В.М.* Собр. соч. М., 1905. Т. V: По Европе; *Волошин М.* По глухим местам Испании. Вальдемоса // *Волошин М.* Путник по вселенным. М., 1990.
- ¹⁰ *Мордовцев Д.Л.* Указ. соч. С. 256.
- ¹¹ *Мечников Л.* Поездка в Испанию // Русские в Испании. М., 2012. Кн. 1: Век XVII – век XIX. С. 347. Далее: *Мечников*, 2012.
- ¹² *Соловьев Ю.Я.* Воспоминания дипломата, 1893–1922. М., 1959. С. 252. См. также: Там же. С. 245.
- ¹³ *Мечников*, 2012. С. 360.
- ¹⁴ *Капустин М.* Поездка в Испанию // Русские в Испании. М., 2012. Кн. 1. С. 247.
- ¹⁵ Там же. С. 247, 250.
- ¹⁶ *Кулешова В.В.* Указ. соч. С. 229.
- ¹⁷ *Боборыкин П.Д.* Воспоминания: в 2 т. Т. 2. С. 66.
- ¹⁸ *Его же.* Злосчастная страна // Русское слово. 1909. № 172; *Дикгоф А. (Дернталь А.).* О каталонской литературе // Русские ведомости. 1911. № 193; *Шашков С.С.* Судьбы Испании // Дело. 1872. № 7; *Белов Е.* Первые впечатления в Барселоне // Русское слово. 1909. № 173; *Вернер А.* В усмирённой Барселоне // Там же.
- ¹⁹ *Боборыкин П.Д.* Воспоминания: в 2 т. Т. 2. С. 131.
- ²⁰ *Мечников*, 2012. С. 348.
- ²¹ *Боборыкин П.Д.* Умственное движение Испании // Сборник газеты «Неделя». СПб., 1872. С. 35.
- ²² *Подолинский С.* Из поездки в Испанию. II: Каталонцы, их страна и культура // Русские в Испании. М., 2012. Кн. 1. С. 435, 437.
- ²³ Там же. С. 437.
- ²⁴ Там же. С. 435.
- ²⁵ *Вернер А.* Испанские впечатления // Русское богатство. 1910. № 5. С. 18.
- ²⁶ *Соловьев Ю.Я.* Указ. соч. С. 250.
- ²⁷ *Мечников И.* Экскурсия на остров Тенерифе // Вестник Европы. 1872. Кн. 5. С. 262; *Бернов М.А.* Испания, Алжир и Сахара: путевые очерки. СПб., 1899. С. 27.
- ²⁸ *Iberica Americans.* С. 24.

НАКАЗЫ МУСУЛЬМАНАМ-ПАЛОМНИКАМ (К вопросу о правилах поведения советских граждан за рубежом)

Одним из неотъемлемых элементов советской государственности являлась политика жесткого регулирования выезда граждан СССР за границу. К началу 1930-х годов сложилась целая система фильтров, пропускавших (или отсекавших) состав выезжавших из страны. В руках властей находилась система виз и паспортов, выдаваемая по спецправилам иностранная валюта, пограничный и таможенный контроль и т.д. Обязательным элементом являлась и идеологическая «накачка» выезжавших за рубеж.

Своеобразной группой советских интуристов были паломники-мусульмане, с 1945 г. ежегодно отправлявшиеся в хадж в Мекку. Паломничество (хадж) в главный святой город ислама является одним из пяти главных столпов вероучения, основанного пророком Мухаммадом¹. Указ Екатерины II о веротерпимости (1773) юридически узаконил право российских мусульман на хадж. С начала XIX в. паломничество из России в Мекку постепенно приобретает регулярный характер². Следует признать, что царизм относился неоднозначно к феномену хаджа и вообще хотел бы его пресечь. Однако братья – Александр I и Николай I, приостанавливая по тем или иным предложениям хадж, тут же заявляли, что это сугубо временная мера, и сам хадж будет непременно снова продолжаться³. Это было действительно так, и в начале XX в. Мекку ежегодно посещало от 10 до 15 тыс. российских мусульман⁴.

Первая мировая война прервала процесс совершения хаджа. Пришедшие в 1917 г. к власти в России большевики, на словах обещавшие мусульманам полную религиозную свободу, фактически заморозили на многие годы паломничество в главный святой город ислама⁵. Насколько известно, лишь в 1926 г. с

санкции высшего советского руководства группе мусульманских духовных лиц разрешили посетить Мекку для участия в исламском конгрессе⁶.

Лишь в середине 1940-х годов в условиях определенного потепления отношений между советской властью и религиозными, в том числе исламскими, кругами хадж советских мусульман был снова возобновлен и существовал вплоть до распада СССР⁷. Правда, теперь число паломников было гораздо меньшим, чем в царское время. Ежегодно Мекку посещало лишь несколько десятков мусульман из СССР. Все они пропускались перед отъездом через вышеупомянутую систему фильтров. Учитывая своеобразие данной группы советских паломников, будущие паломники проходили жесткую чекистскую проверку и тщательную «промывку» мозгов. Последним занимались сотрудники структур государственного пристрастия к религии – Совета по делам религиозных культов (с 1965 г. – Совета по делам религий) при Совете Министров СССР.

В этом плане особый интерес представляют подготовленные в данных Советах памятки-наказы будущим посетителям главного святого города ислама. Вот текст подобного рода документа, датированный маем 1959 г.:

«Наказ мусульманам-паломникам, гражданам Советского Союза, направляющимся на паломничество в Мекку в 1959 году. 1. Представители духовных управлений мусульман и верующие мусульмане, выезжающие на паломничество в Мекку, обязаны помнить, что они являются, прежде всего, гражданами Великого Советского Союза, должны во всех своих действиях и высказываниях за границей руководствоваться интересами нашей Родины и не допускать каких бы то ни было поступков, могущих уронить достоинство советских граждан и своей Родины. Мусульмане-паломники из Советского Союза в тех случаях, когда они видят, что их зарубежные единоверцы имеют неправильные представления о положении религии, в частности о положении Ислама и о жизни мусульман в СССР, должны принять все меры, чтобы рассеять у них эти представления и рассказать правду о жизни мусульман в СССР. Паломникам необходимо при всяком удобном случае вести беседы с мусульманами других стран о достижениях

советского народа во всех областях жизни (экономика, наука, культура) и о тех изменениях, которые произошли в жизни мусульман СССР за годы Советской власти, о единстве и сплоченности советских людей, о дружбе народов Советского Союза, о существующей свободе в отправлении религиозных обрядов и соблюдении национальных обычаев. 2. По прибытии в Каир руководитель паломников муфтий Шакир Хиялитдинов⁸ в сопровождении нескольких других паломников должен посетить Советское посольство, чтобы получить от посла СССР или [от лица, действующего] по его уполномочию необходимую информацию об обстановке в Объединенной Арабской Республике⁹ и в Саудовской Аравии, о нормах поведения советских граждан в этих странах и другие советы и рекомендации. Основным вопросом в беседах паломников с представителями других стран должен быть вопрос о мире, о необходимости бороться за сохранение и упрочение мира и дружбы между народами. Необходимо учесть, что политическая обстановка в Объединенной Арабской Республике в последнее время несколько осложнилась, некоторые органы печати ОАР распространяют различные вымыслы, направленные официально против “международного и особенно иракского коммунизма”¹⁰, якобы мешающего арабскому единству. Но фактически газеты отражают и недружелюбие Правительства ОАР к Советскому Союзу и странам социалистического лагеря. Учитывая это обстоятельство мусульманам-паломникам из Советского Союза необходимо в своих высказываниях и беседах за границей быть крайне осторожным и не давать вовлечь себя в политические дискуссии, не высказываться откровенно о политике и деятельности правительства ОАР и его президента Насера. В то же время при беседах с арабами и корреспондентами газет, в спокойных тонах, подчеркивать желание советского народа жить в дружбе с народами ОАР, при случае напомнить о помощи оказанной Советским Союзом в дни империалистической агрессии на Египет, в строительстве Асуанской высотной плотины¹¹ и т.п. В беседе с представителями мусульман Азии и Африки необходимо отметить, что самое жизненное значение в данное время для всех народов имеет сам вопрос сохранения мира. В силу этого, мусульмане СССР, как и весь советский народ, горячо поддерживают политику Правительства СССР и других миролюбивых стран, направленную на предотвращение новой войны, на упрочение дела мира во всем мире, на укрепление доверия между народами. Мусульмане СССР желают, чтобы все мусульманские религиозные деятели стран Азии и Аф-

рики объединили свои усилия в борьбе за главное – за мир, за то, чтобы все народы жили как братья, чтобы народы не вели войны, а жили бы в дружбе и мире. Рассказать мусульманам о том, что Советское Правительство неоднократно предлагало и предлагает прекратить испытания атомного и водородного оружия на вечные времена и т.д. 3. Паломники должны уделять внимание ознакомлению зарубежных мусульман с положением мусульманской религии в СССР и с ростом жизненного уровня населения, подкрепляя свои доводы фактами из своей личной жизни. Паломники должны руководствоваться следующими правдивыми положениями. В СССР существует подлинная свобода совести, свобода отправления религиозных обрядов. Свобода совести закреплена за гражданами Конституцией СССР. В целях обеспечения за гражданами свободы совести, церковь в СССР отделена от государства и школа от церкви. Государство не вмешивается во внутренние дела церкви, так же как и церковь в дела государства. Свобода отправления религиозных обрядов признается за всеми гражданами. Никогда Советское Правительство не преследовало и не преследует людей за их религиозные убеждения. Все религии в СССР равны перед законом. Ни одна религия не пользуется какими-либо привилегиями или преимуществом перед другой. Мусульманская религия в СССР пользуется полной свободой и находится в одинаковом положении с другими религиями, существующими на территории СССР. Верующие мусульмане и духовенство соблюдают все религиозные обряды, предусмотренные шариатом. В последние годы часто приезжают в СССР делегации мусульманских духовных деятелей из различных зарубежных мусульманских стран. Рассказать о посещении Советского Союза делегациями религиозных деятелей из Индонезии, Пакистана, Сирии, Ирака. 4. Во время нахождения в Каире, Мекке, Медине и др. пунктах паломникам следует встретиться с паломниками из социалистических стран и в первую очередь из Китайской Народной Республики, с которыми необходимо установить деловой контакт. В беседах с паломниками из Ливии, Туниса, Марокко и Алжира необходимо отметить, что советские люди питают чувства искренней дружбы к героическому народу Алжира¹². Высказать, что мусульмане СССР уверены, что дело, во имя которого сражаются алжирцы, обязательно восторжествует. В этой борьбе на стороне алжирского народа неисчислимые силы миролюбивых народов и сердца всех советских людей. 5. В случае, если в Мекке, после окончания паломничества, состоится исламский конгресс или собрание му-

сультман, то руководитель паломников СССР муфтий Шакир Хиялитдинов и другие должны принять все возможные меры к тому, чтобы приняли в этом конгрессе участие и паломники СССР. В случае провокационных и антисоветских выступлений необходимо быть готовым выступить с должным отпором против клеветнических выступлений по адресу Советского Союза, а по приезду в Каир, по совету посольства провести дополнительные мероприятия /протест в печати, выступление на пресс-конференции и т.п./. 6. Во время пребывания в Каире руководитель паломников может дать интервью корреспондентам арабских газет в плане тех вопросов, которые затронуты выше. В интервью с журналистами руководителям паломников следует отметить симпатии советских людей к народам ОАР и народам других арабских стран, а также необходимо отметить, что строительство Асуанской высотной плотины и других промышленных предприятий при участии Советского Союза направлено на укрепление арабо-советской дружбы. Необходимо отметить свое удовлетворение теми встречами с руководителями религиозных объединений мусульман и другими представителями арабского народа, которые они имели в Мекке, Медине и Каире. 7. Все вопросы, связанные с пребыванием в Саудовской Аравии и ОАР, следует предварительно согласовывать с посольством СССР в ОАР, куда руководитель паломников должен явиться по прибытии в Каир. За время пребывания за границей паломники должны стремиться как можно больше узнать о деятельности там различных религиозных организаций и их руководителей, принять меры к укреплению существующих связей и приобретению новых в интересах сохранения мира и международной безопасности. Принять возможные меры к тому, чтобы выяснить каких конкретно мусульманских религиозных деятелей возможно пригласить посетить в ближайшее время Советский Союз, особенно из Саудовской Аравии и других арабских стран и с кем персонально можно установить постоянную связь путем переписки по почте»¹³.

Анализ главной составляющей данного текста позволяет сделать вывод о том, что Москва требовала от советских людей соблюдения официального двоеверия. Граждане СССР должны были прежде верить в советские ценности, гордиться наличием советского паспорта и т.п. Только затем они могли быть христианами, мусульманами, иудеями и др. и почитать свои рели-

гиозные ценности. Следует также учитывать то, что данная памятка при всей своей типичной «совковости» имела свою специфику. Речь здесь была обращена не к простым совтуристам, а к религиозным паломникам. К тому же их поездка совершалась в Саудовскую Аравию, дипломатические отношения с которой Москва прервала еще в 1930-е годы. Любопытно также то, что, с одной стороны, от мусульман-паломников требовали соблюдения особой осторожности как от людей, лишь на время оставивших «осажденную врагами крепость» (т.е. СССР. – Д.А.), с другой – от них желали получения информации. В сведениях о зарубежных мусульманах, их настроениях и адресах были прежде всего заинтересованы советские спецслужбы, судя по всему КГБ и ГРУ.

Практика составления подобного рода наказов для мусульман-паломников продолжала существовать и дальше, вплоть до конца 1980-х годов и прекратилась лишь с крахом советского строя.

-
- ¹ Ислам: энцикл. словарь. М., 1991. С. 261.
  - ² *Арапов Д.Ю.* Первый российский указ о паломничестве в Мекку // Россия в средние века и новое время. М., 1999. С. 293–301.
  - ³ Императорская Россия и мусульманский мир: (конец XVII – начало XX в.) / сост. Д.Ю. Арапов. М., 2006. С. 55–56, 73.
  - ⁴ *Резван Е.А.* Хадж из России // Восток: история и культура. СПб., 2000. С. 129–146.
  - ⁵ Более подробно см.: *Одинцов М.И.* Государство и церковь в России. XX век. М., 1994.
  - ⁶ Ислам и советское государство: (по материалам Восточного отдела ОГПУ, 1926 г.) / [вступ. ст., сост. и коммент. Д.Ю. Арапов и Г.Г. Косач]. М., 2010. Вып. 1.
  - ⁷ Более подробно см.: *Одинцов М.И.* Власть и религия в годы войны: (государство и религиозные организации в СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.). М., 2005.
  - ⁸ Шакир Хиятлетдинов – председатель (муфтий) Духовного управления мусульман Европейской части СССР и Сибири в 1951–1974 гг. (*Юнусова А.Б.* Ислам в Башкортостане. М., 2007. С. 89).
  - ⁹ Объединенная Арабская Республика – название Египта в 1958–1971 гг.

- ¹⁰ Имелся в виду процесс легализации и заметного усиления влияния в жизни Ирака в 1958–1959 гг. Иракской коммунистической партии. Уже в начале 1960 г. этот этап закончился: в феврале 1960 г. деятельность компартии в Ираке была запрещена.
- ¹¹ Имелась в виду помощь СССР, оказанная Египту в 1956 г. в войне с Англией, Францией и Израилем и строительство с конца 1950-х годов высотной Асуанской плотины на Ниле.
- ¹² Имелась в виду национально-освободительная война народа Алжира против Франции (1954–1962).
- ¹³ Государственный архив Российской Федерации. Ф.Р.-6991. Оп. 4. Д. 102. Л. 1–6. Текст машинописный. Копия.

2. МИР СКВОЗЬ ПРИЗМУ ЖУРНАЛИСТИКИ И КАРИКАТУРЫ

Станков К.Н.

«СЛАВНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ» В БРИТАНИИ 1688–1689 ГГ. В ОТРАЖЕНИИ «КУРАНТОВ»

Первые русские рукописные ведомости «Куранты» являются одним из немногих российских источников, рассказывающих о «Славной революции» в Британии в 1688–1689 гг. Этот источник изготовлялся дьяками Посольского приказа в двух экземплярах: для царя и для Боярской думы, и был призван знакомить русскую политическую элиту с событиями, протекающими в других европейских государствах, для максимально объективной в условиях того времени выработки внешней политики¹. Цель настоящей работы состоит в том, чтобы на фоне сложного процесса становления России, как молодой державы, показать формирование в российском обществе представлений о событиях на «туманном Альбионе».

«Куранты» содержат полные тексты ряда важных документов, в различной степени сохранности дошедших до настоящего времени, а некоторых – и вовсе утраченных. В качестве наиболее яркого примера можно привести «Список союза учиненного меж королем французским и аглинским против Галанской земли совершен». Этот документ датируется началом ноября 1688 г. и содержит уникальные сведения об отношениях Франции и Британии накануне «Славной революции». В современной британской историографии ведется полемика по вопросу о

том, был ли заключен военный договор между Лондоном и Версалем о поддержке Людовиком XIV своего кузена Якова II в случае нападении на Великобританию Нидерландов. Из всех исследователей существование последнего наиболее последовательно отстаивает М. Эшли. Однако этот автор действует скорее интуитивно, поскольку не приводит никаких доказательств в поддержку своей точки зрения².

Прежде всего, из источника следует, что Людовик XIV к этому времени состоял в военном союзе со своим кузеном – британским монархом Яковом II³. Этот договор был тайным. Последнее неудивительно, поскольку в английском обществе того времени бушевала антифранцузская истерия, и накануне «Славной революции» Яков II не хотел лишиться раз раздражать своих подданных. Кроме того, британский король также не желал дать своим оппонентам в Нидерландах повод обвинить его в сговоре с французским королем. Последнее было тем более актуально, что в Республике Соединенных провинций сложилась целая диаспора из британских эмигрантов, бежавших из Англии и Шотландии из-за преследований со стороны правительства Якова II⁴. В случае огласки договора последние бы сделали все, чтобы устроить международный скандал и привлечь к союзу с принцем Оранским, который готовил план интервенции в Британию как можно больше европейских государств.

В договоре упоминается точный размер военной помощи, которую французский король намеревался оказать своему кузену, – 70 военных судов. Из них: «12 воинскими кораблями ... по семьдесят великих пушек... а на 28 по тридцать пушек имети будет». Кроме того, из документа известно о предоставлении Англии еще 20 кораблей, на которых число пушек не представляется возможным установить вследствие неразборчивого почерка⁵. Примечательно, что в британских источниках указан гораздо меньший объем французской военной помощи, а именно: 11 военных кораблей и 3 брандера⁶. Кроме того, стороны договаривались о том, что Людовик XIV предоставит британскому монарху 20 тысяч «пеших и конных ратных людей»⁷.

Британский монарх был крайне заинтересован в военной помощи Франции по двум причинам. Во-первых, британская

армия была недостаточно подготовлена к крупным боевым действиям. Армия, которую Яков II наследовал от Карла II, фактически представляла собой расширенную королевскую гвардию, а военные реформы были еще далеки от завершения⁸.

Вторая проблема состояла в том, что вплоть до последнего момента не было ясно, куда Вильгельмом Оранским будет нанесен главный удар. Тайная служба британского монарха, перед которой стояла задача добыть сведения о намерениях Вильгельма и нидерландских оранжистов, пришла к правлению Якова II в упадок⁹. В итоге британский монарх был вынужден расплыть свои сухопутные и военно-морские силы вдоль всего побережья (в том числе в Шотландии), чем окончательно ослабил свою армию и флот¹⁰.

Однако, несмотря на обещания, содержащиеся в договоре, французская военная помощь так и не была оказана Якову II. Людовик XIV недооценил как остроту политического кризиса в Англии, так и степень подготовки к десантной операции Вильгельма Оранского¹¹. Французский король полагал, что Яков II окажет отчаянное сопротивление нидерландской армии, и статхаудер увязнет в боевых действиях на Британских островах до конца зимы 1689 г. К этому времени Людовик XIV рассчитывал завершить основные военные операции в Германии и освободить часть своих сил для удара по Нидерландам или переброски в Британию. Действительно, из тайного договора известно, что французский король готовил экспедиционный корпус в «пятьдесят тысяч ратных людей» под своим личным командованием для вторжения в Англию¹². Исходя из этих соображений, он посчитал передачу британскому правительству в сентябре 1688 г. 150 тыс. ливров вполне достаточной помощью и направил все свои войска на Рейн¹³.

В договоре содержится интересная деталь. Помимо того, что франко-британский договор сохранялся в тайне, Яков II осенью 1688 г. намеревался заключить «оберегательный (оборонительный. – К.С.) союз с генералы статами нижних нидерландских земель»¹⁴, о чем речь также идет в договоре. Об этом же факте сообщает Ю.В. Борисов, опираясь на донесения британского посла в Гааге маркиза д'Абервилля¹⁵.

На этом пункте необходимо остановиться подробнее. Яков II пытался заключить договор с Нидерландами, чтобы можно было выставить принца Оранского, который вынужден был его нарушить в случае своего вторжения в Англию, агрессором и нарушителем международных договоренностей. Не случайно и то, что Яков II в обращении к Людовику XIV подчеркивал, что намерен заключить именно оборонительный, а не наступательный союз. Таким образом, последний не обязывал его развязывать военные действия против Франции¹⁶.

В договоре с Людовиком XIV британский монарх открыто заявляет, что разорвет союз с Нидерландами, как только добьется упрочнения своего положения в стране: «Обещает же король аглинский королю французскому, что сий учиненный союз з Генералы статьи паки разорвать хочет кол скоро токмо гражданским способом изобрящет противо тех вину»¹⁷. Далее Яков II сообщает, что намерен расстроить альянс с Нидерландами, выставив неприемлемые для Генеральных штатов условия: британский король «думает от галандцев таких речей просить, которых не возможно им учинить»¹⁸. Таким образом, британский монарх желал умыть руки, продемонстрировав, что Республика Соединенных провинций первой начала военные действия. В договоре обозначена и главная цель двух католических монархов: «король англинской вместе с королем французским галандцев воевал бы»¹⁹.

Сведения «Курантов» почерпнуты из немецкого источника, на что прямо указывается в рукописных ведомостях²⁰. Во-первых, встает вопрос о том, как договор попал в западную прессу, во-вторых, насколько велика достоверность этого источника, в-третьих, не был ли он сфабрикован с подачи Вильгельма Оранского, чтобы дискредитировать Якова II и Людовика XIV в глазах европейского общественного мнения. Неясно также, случайно ли его появление в печати во время нидерландской интервенции.

Другим важным источником, сохранившимся в тексте «Курантов» и отсутствующим в доступных британских источниках, является публичное обращение Якова II к своим подданным: «Король такое письмо пред всем народом приказал обя-

вить ... из Лондона октября в 1-й день»²¹. В нем король оповещал население о созыве «в городе нашем Вестминстере» парламента с целью утверждения свободы веротерпимости и равных прав для всех конфессий. Из данных британских документов известно, что одной из главных целей правления Якова II было улучшение положения своих единоверцев – католиков, которые подвергались жестоким преследованиям (в том числе на законодательном уровне). Поскольку курс на эмансипацию приверженцев престола св. Петра натолкнулся на активное сопротивление протестантов, британский монарх решил сменить тактику и предоставить свободу вероисповедания всем религиозным течениям, фактически же – католикам наравне с другими нонконформистами. Яков II, используя одну из прерогатив британского монарха – т.н. «разрешительную власть», согласно которой король мог освобождать подданных от исполнения обязанностей и ограничений, налагаемых законом, издал несколько деклараций в Англии и Шотландии о всеобщей веротерпимости²². Однако, чтобы придать большую прочность своим начинаниям, король был намерен провести отмену ущемлявших права католиков и диссентеров законов через парламент, «чтоб кирка аглинская против римских вперед ни какова спору не чинила, но с обеих сторон в покое и в послушании ... были б»²³.

Из британских источников известно, что 23 августа 1688 г. Яков II заявил о созыве парламента 27 ноября того же года²⁴. 10–21 сентября государственный секретарь Англии граф Сандерленд направил в города и графства инструкции. В них поименно указывались лица, которых «рекомендовалось» направить в Вестминстер на основании их «доказанной верности... правительству»²⁵. Отзвуки этого политического процесса мы находим и в исследуемом документе, помещенном в «Куранты»: «По всем нашим уездом посланы наши королевские грамоты, чтоб тем, которые годны сидеть в парламенте съезжаться»²⁶. Король требовал: «Годных и разумных людей сыскать, которые в парламенте х тому великому делу годны»²⁷.

В своем обращении король подчеркивает, что действует не по собственному произволу или следуя желаниям католи-

ческой партии при дворе, а в интересах всего общества: «При сем любимые наши подданные обнадеживаем всегда то учинит, что к покою и к прибыли их надлежит»²⁸.

Яков II перед грядущей революцией стремился добиться консолидации британцев вокруг престола и единодушия всего народа: «И того ради всем нашим подданным радеем, чтобы отложся от себя всякие споры и гнев»²⁹. В этом плане данный документ по содержанию перекликается с известной из британских источников декларацией Якова II от 28 сентября 1688 г. В частности, в этом документе говорилось, что враг «ожидает найти народ расколотым»³⁰.

Яков II чрезвычайно спешил с началом заседания парламента, о чем свидетельствует следующая фраза: «Сверх того всем нашим маеором и приказным людям накрепко укажем, чтоб без задержания все присланные грамоты и писма, которые того ради дела к парламенту посланы будут, пропустить, чтоб для собрания парламента ни какие помешки не ученилось»³¹. Последнее не случайно. Яков II не предполагал, что Вильгельм рискнет с войсками пересечь Ла-Манш в осенне-зимний сезон, когда вследствие погодных условий судоходство по проливу фактически невозможно. Британский монарх ожидал вторжения весной 1689 г. и поэтому крайне спешил с окончанием своих реформ, прежде всего в конфессиональной сфере, и укреплением своих позиций. Поэтому английский парламент должен был собраться в ноябре 1688 г., а сословный орган Шотландии – «на Рождество Христово сидение имать»³². Опираясь на парламенты двух королевств, Яков II рассчитывал стабилизировать политическую ситуацию в государстве, найти опору своей власти и максимально подготовиться к интервенции извне и возможным выступлениям внутри страны.

Анализ текста показывает, что рассматриваемый документ заимствован из зарубежного издания, возможно французского, которое в свою очередь пересказывает английский первоисточник. Последние можно заключить из того, что в тексте «Курантов» о Якове II и его политике говорится безоценочно и, тем более, без какого-либо негатива, что было характерно для нидерландской и немецкой прессы, крайне враждебно настро-

енной по отношению к британскому монарху. На мысль об английском первоисточнике, скорее всего “London gazette”, наводит то, что в этом издании печатались все распоряжения властей. Пересказ составлен достаточно близко к тексту и сохраняет формат официального документа.

Важным источником, обнаруженным в русских рукописных ведомостях, является «Речь короля аглинского приближения ради иноземного оружия отправленная» от 8 октября 1688 г. К сожалению, из текста источника неясно, перед кем был прочитан этот текст. В любом случае сравнительный анализ этого документа с прокламацией Якова II от 28 сентября 1688 г., опубликованной М. Эшли³³, показывает, что текст обоих источников почти полностью совпадает. В нескольких местах имеются незначительные отступления или едва заметные вольности в пересказе. По всей видимости, Яков II несколько раз использовал написанный им в конце сентября 1688 г. документ. Как указано в самих рукописных ведомостях, этот текст попал в «Куранты» из итальянского источника³⁴.

Еще одним историческим документом, касающимся «Славной революции», обнаруженным в «Курантах», является письмо к британской политической элите, написанное Яковом II накануне своего бегства во Францию, – «Причины, которых ради король аглинской из Рохестера писал». В первую очередь вызывает сомнение датировка документа: «Писано из Рохестера генваря в день 2-й, 1689 году»³⁵. В это время Яков II уже пребывал во Франции, в письме же четко указано, что оно составлено в южноанглийском порту Рочестер. Современные представители якобитского движения, которые опубликовали этот документ, датируют его 22 декабря 1688 г.³⁶ Текст обоих писем почти полностью совпадает. Скорее всего, прежде чем попасть в «Куранты», текст документа выдержал несколько реакций в различных печатных изданиях, поскольку в нем появились дополнения, которых не было в оригинале³⁷.

Помимо отдельных документов, обнаруженных в составе «Курантов», в этом источнике содержатся чрезвычайно ценные сведения, которые дополняют свидетельства британских источников. В частности, за 9 декабря в рукописных ведомостях

помещена любопытная заметка: Вильгельм Оранский обратился к своим солдатам, согласны ли они поддержать его в вооруженной борьбе с Яковом II, на что те ответили согласием. Примечательно, что будущий король не обращается с просьбой о поддержке ни к британской политической элите, ни даже к группе своих приверженцев среди английских политиков. Эти несколько строк представляют яркую иллюстрацию того, что в то время единственной опорой принца Оранского в Британии была его армия.

Из этого же источника следует, что в первые месяцы пребывания в Англии Вильгельм упорно искал поддержку внутри страны. В частности, он не хотел раздражать англичан присутствием своих войск на их территории, и уже 10 декабря 1688 г. (т.е. еще до полной военной победы над Яковом II) нидерландский статхаудер «приказал галанским кораблем и экипажу», которые сопровождали его обоз во время переправы через Ла-Манш, вернуться в Нидерланды³⁸. Из того же источника известно, что Генеральные штаты также ввиду угрозы военных действий Людовика XIV против Республики Соединенных провинций потребовали от принца Оранского возвращения части его войск (около 2 тыс.) домой³⁹.

12 января «Куранты» сообщали о восшествии на британский престол принца Оранского с титулом Вильгельма III: статхаудер «поздравян с победами королем Англии и берегателя (защитником протестантской веры. – К.С.). И призвано объявить [об этом] по всем церквам»⁴⁰.

Под влиянием якобитской партии при русском дворе, а точнее, лично генерала Патрика Гордона, признание нидерландского статхаудера британским монархом откладывалось в Москве в течении двух лет⁴¹. Де-факто русское правительство продолжало считать действительным правителем Британских островов Якова II. Вероятно поэтому в «Курантах» Вильгельм по-прежнему продолжал именоваться «князем Оранским»⁴².

Из русских рукописных ведомостей следует, что чета изгнанных Стюартов весьма радушно была встречена в Версале. В декабре 1688 г. после прибытия супруги Якова II королевы Марии Моденской и принца Уэльского во Францию Людо-

вик XIV на личной аудиенции (15 декабря) объявил ей, что желает быть «оберегателем» ее сына, и напомнил, что и прежде Франции выпадала честь принимать изгнанных Стюартов⁴³.

Получив весть о том, что вслед за британской королевой во Францию собирается последовать ее супруг, Людовик XIV приказал подготовить в качестве резиденции один из лучших дворцов королевства – Сен-Жермен-ан-Лэ, а самого Якова II было поручено встретить королевским мушкетерам у границ Франции⁴⁴. В январе 1689 г. Людовик XIV принял Якова II со всеми представителями его эмигрировавшего двора в Версале. В том же месяце французский король выделил своему кузену из государственной казны единовременную сумму в «12 тыс. золотых червонцев» и издал указ о ежемесячной выплате изгнанному британскому монарху «50 тыс. ефимков» на содержание его двора (в итоге «Славной революции» большинство придворных, особенно католиков, бежало из Британии вместе со своим монархом). Отдельно Якову II была назначена пенсия в 130 дукатов серебром ежегодно⁴⁵. В январе 1689 г. французская королева приказала выделить из казны единовременную сумму Марии Моденской в «6 тыс. золотых червлёных французских» и «50 тыс. фунтов» пенсии ежегодно⁴⁶. В выпуске «Курантов» за 18 января 1689 г. содержится информация о том, что французский монарх приказал своему министру финансов назначать пенсии всем якобитам-эмигрантам, прибывающим из Англии⁴⁷.

«Куранты» содержат интересные подробности о первых актах борьбы якобитов. По всей видимости из французских или немецких источников в русские рукописные ведомости просачивались отрывочные сведения о сопротивлении британского населения установлению власти над Британскими островами нидерландского статхаудера. В заметке за 24 декабря сообщается о «восстании черни в Норской земле» – по-видимому, в северной Англии, где действительно в это время происходили волнения⁴⁸.

«Куранты» сообщают также о политических настроениях среди британского населения. В этом случае сведения сильно разнятся и порой противоречат друг другу. В частности, в за-

метке от 18 декабря 1688 г. сообщается, что «в аглинской земле... весь народ к князю Оранскому припадает»⁴⁹. Далее 29 декабря сообщается, что Вильгельм принят в Лондоне «с великой радостью»⁵⁰. Эти свидетельства явно почерпнуты из нидерландских газет и является продуктом оранжистской пропаганды. В действительности, как известно из британских источников, политическая ситуация на Британских островах была гораздо более сложной. Касательно этого можно найти некоторые отголоски даже в тех частях «Курантов», которые составлены на основании нидерландских газет. В частности, за 18 декабря сообщается, что Вильгельм, с целью укрепить свое положение, назначил на январь 1689 г. созыв английского парламента, поскольку этот орган мог официально провозгласить его монархом⁵¹.

«Куранты» также являются ценнейшим документом по такому малоизученному аспекту событий 1688–1689 гг., как «Славная революция» в Ирландии. Вследствие ряда факторов, в частности, географической удаленности «Изумрудного острова», тогдашнего уровня развития печати и других, сведения об Ирландии крайне редки и зачастую противоречивы, содержат немало ошибок. Тем более ценными представляются любые известия из далекого охваченного якобитским мятежом «Изумрудного острова», о событиях которого сохранились скудные сведения даже в британских источниках. 24 декабря 1688 г. сообщалось о том, что «граф Тирконнель, вице-комендант Ирландии», пойман «тамошней шляхтой», которая захватила «город и замок Дублинский»⁵². Это свидетельство является отголоском заговора ирландских протестантов с целью арестовать «паписта» графа Тирконнела, который, однако, так и не состоялся⁵³.

28 декабря о стихийно вспыхнувшем восстании коренного населения Ирландии, вызванного сменой власти в Англии, «Куранты» сообщали следующее: «В Ирланской земле великое сечение и кровопролитие чинится, и многих великих, Государь, и мирских, и духовных, емлют и за крепкий караул сажают»⁵⁴. Эти сведения значительно преувеличены и во многом являются результатом начавшейся среди ирландских протес-

тантов истерии о возможной резне, повторяющей кровавые события в Ольстере 1644 г., когда от рук гойделов пало несколько тысяч колонистов. Панические настроения, возникшие среди протестантского населения Ирландии, нашли отражение в британской прессе, а затем просочились в другие европейские газеты, на основании которых дьяки Посольского приказа составляли заметки.

В «Курантах» от 12 января 1689 г. содержится подробная запись о ситуации в Ирландии. Информация получена из нидерландского источника или из какой-либо германской газеты, первоисточником для которой послужили те же нидерландские периодические издания. Это следует из того, что сторонники Якова II однозначно определены как «бунтовщики». Единственной легитимной стороной в конфликте объявляется английский парламент. О действиях якобитов сообщаются лишь негативные сведения. Так, например, говорится о том, что они убивают протестантских пасторов. Кроме того, сообщается, что ирландские якобиты направили из Дублина к английскому парламенту письмо, в котором заявляют, что единственным законным монархом они считают Якова II⁵⁵.

23 августа 1689 г. «Куранты» сообщали о том, что войска якобитов в Ирландии «ежедневно умножаются». Данное свидетельство получено прямо (или через германскую прессу) из нидерландского источника. Поскольку сторонники Якова II характеризуются как бунтовщики, о деле самого изгнанного монарха сказано, что последний «недолго продержится в Ирландии». В тексте источника вновь появляются сведения о массовых убийствах английских колонистов, а также о том, что якобиты «владеют лучшими городами». Далее в «Курантах» упоминается не соответствующая данным информация о бегстве французских офицеров, которых в Ирландию привез Яков II в качестве военных специалистов, и о якобы готовящемся самим Стюартом побеге из Ирландии, неудавшегося вследствие того, что его не отпустили ирландские подданные⁵⁶. Все эти сведения не подтверждаются данными других источников.

В «Курантах» также упоминается, что лондонские власти послали в январе 1689 г. «на них арцуха фон Ормута» с «великим войском», дабы принудить ирландцев к покорности⁵⁷. В титуле главнокомандующего английским экспедиционным корпусом угадывается герцог Ормонд, который долгое время был вице-королем Ирландии и потому хорошо представлял себе положение дел в этой стране. Ирландский герцог был смещен Яковом II со своего поста. Вероятно, это явилось одной из причин, побудивших Ормонда вступить в заговор против Якова II и способствовать Вильгельму занять британский престол. В октябре 1688 г. вместе с Мальборо и другими видными представителями герцог Ормонд, будучи одним из главных офицеров армии Якова II, бежал в стан принца Оранского.

Из британских источников мы располагаем сведениями только об одном вторжении оранжистов в Ирландию в 1689 г. Эти сведения относятся к экспедиции одного из лучших полководцев армии Вильгельма – герцога Шомберга. Однако средства на содержание последнего были выделены лишь в марте 1689 г., а высадиться со своими силами в Ирландии Шомберг смог только в августе.

Если это не ошибочное известие, то оно обладает огромной исторической ценностью, поскольку это свидетельство в корне меняет сложившееся в историографии представление о тактике Вильгельма Оранского на Британских островах. Традиционно в научной литературе полагалось, что нидерландский статхаудер подчинял Британские острова постепенно. Сначала им была захвачена Англия. Как только новый король укрепился в ней, в марте 1689 г. им были направлены войска для утверждения своей власти в Шотландии. Наконец, когда к весне 1690 г. улеглись страсти в северной и южной Британии, Вильгельм III возглавил экспедицию по захвату Ирландии.

Версия о более ранней попытке оранжистов высадиться в Ирландии выглядит тем более вероятной, поскольку граф Дэнби (активный участник «Славной революции» и ярый оранжист), узнав, что Вильгельм намеревается отправить для переговоров с графом Тирконнелом своего посла, был глубоко возмущен и заявил, что гораздо полезнее было бы туда направить

военную эскадру⁵⁸. Если план направить Ормонда в Ирландию действительно имел место, то значит Вильгельм Оранский проводил более сложную политику, пытаясь укрепить свои позиции одновременно во всех трех британских королевствах.

29 января 1689 г. «герцог Ормондский» написал к Вильгельму III и английскому парламенту «письмо», в котором напоминал, что Ирландия принадлежит британской короне, и если ирландцы добровольно не захотят подчиниться, «то надо их силой подчинить». Ормонд был сторонником возвращения в Ирландии к политике времен Карла II, при котором местные католики подвергались различным притеснениям политического, религиозного и экономического характера. В частности, герцог Ормонд требовал загнать все коренное население в резервации. Это же политик выступал против «вольности в употреблении веры», которая имела место при Якове II, и предлагал вернуться к положению, существовавшему до 1647 г., т.е. времени, когда были существенно ограничены их права⁵⁹.

Любопытные сведения в «Курантах» содержатся о представителях ближайшего окружения Якова II. Больше всего сведений сохранилось о такой колоритной фигуре, как лорд-канцлер Англии сэръ Джордж Джеффрис. Яков II, по признанию современников, испытывал к нему личную неприязнь⁶⁰, однако ценил за твердую преданность престолу, которую Дж. Джеффрис доказал во время расследования «райхазского заговора» 1683 г. и в ходе репрессий против участников восстания герцога Монмаута 1685 г. (т.н. «кровавые ассизы»)⁶¹. Из британских источников известно, что уже к концу первого года правления Якова II Джеффрис сконцентрировал в своих руках важнейшие государственные посты – лорда-канцлера, председателя суда пэров и лорда – главного судьи Англии, а также получил титул барона⁶². В то же время Джордж Джеффрис был убежденным протестантом и оставался верен своей религии вплоть до конца правления Якова II. В этом плане не удивительно, что «железный канцлер» пошел на столь скорый контакт с новыми властями. В частности, за 1 января 1689 г. имеется заметка: «Допрос аглинского канцлера». «Обещано ему, что если расскажет, что знает», то будет помилован⁶³. Спустя несколько дней

Дж. Джеффрис, действительно, согласился сотрудничать с оранжистами: в частности, он «подал заговоры, которых оба короли французский и аглинский договорились аглинскую веру известь»⁶⁴. В данном случае приведенная заметка является ценнейшим свидетельством позиции, которую заняло ближайшее окружение Якова II в период «Славной революции». В эти месяцы британский монарх столкнулся с предательством большинства своих приближенных-протестантов.

Анализ информации, содержащейся в «Курантах» за конец 1688 – начало 1689 г., позволяет выявить большое количество ошибок, что стало прямым результатом противоречивых данных, поступающих с Британских островов в прессу континентальных государств. Так, на протяжении всей «Славной революции» с постоянной периодичностью поступают сведения о смерти Якова II, как, например, от 25 декабря 1688 г.: «аглинский король преставился от сердечной печали»⁶⁵. Многие сведения даются неточно и с опозданием. Так, в частности, дата бегства во Францию королевы Марии Моденской указана неверно⁶⁶. Запоздалым является сообщение о том, что оранжисты взяли под караул Якова II 28 декабря 1688 г.⁶⁷ В действительности это произошло 22 декабря. Так же необоснованным становится заявление в «Курантах» от 5 января 1689 г. о якобы массовом переходе английских аристократов-католиков в протестантизм после провозглашения Вильгельма английским монархом⁶⁸. Эти сведения не подтверждаются британскими документальными материалами.

Таким образом, «Куранты» являются важным источником по истории формирования представлений об одном из наиболее крупных и влиятельных государств Европы – Великобритании в среде российской политической элиты. Как видно из анализа источника, основой для составления дьяками Посольского приказа «Курантов» являлись нидерландские и «цесарские» (германские) газеты. Встречаются единичные случаи заимствования данных из французских или итальянских источников. Наибольший интерес представляет публикация в русских рукописных ведомостях отдельных документов, касающихся «Славной революции». В то же время к работе с данным

источником нужно подходить с предельной осторожностью, поскольку он содержит немало ошибок и искажений, что, прежде всего, относится к нидерландской прессе, которая выступала своеобразным рупором пропаганды Вильгельма Оранского в Европе того времени.

-
- ¹ *Шамин С.М.* Куранты XVII столетия: европейская пресса в России и возникновение русской периодической печати. М.; СПб., 2011.
  - ² *Ashley M.* The Glorious Revolution of 1688. [London]: [Panther Books], [1968]. P. 131.
  - ³ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 155 (Переводы с Цесарских и голландских печатных политических ведомостей, с Рижской почтой в Посольский приказ полученных). Оп. 1. № 9. Ч. 3–4. Л. 249.
  - ⁴ *Walker J.* The English Exiles in Holland during the Reign of Charles II and James II // Transactions of Royal Historical Society. 4th Series. 1948. Vol. 30. P. 111–125.
  - ⁵ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. № 9. Ч. 3–4. Л. 250.
  - ⁶ *Ashley M.* Op. cit. P. 131.
  - ⁷ Список союза учиненного меж королем французским и аглинским против Галанской земли совершен, 5–7 ноября 1688 г. // РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. № 9. Ч. 3–4. Л. 250.
  - ⁸ *Гордиенко Д.О.* Карл II – создатель английской королевской регулярной армии // Телескоп: науч. альманах. Самара, 2004. С. 23–24; *Станков К.Н.* Военные реформы английского короля Якова II Стюарта // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, «История. Регионоведение. Международные отношения». Волгоград, 2010. Вып. 1 (17). С. 106–107.
  - ⁹ *Deacon R.* A History of British Secret Service. N.Y., 1969. P. 61–62.
  - ¹⁰ *Tanner J.R.* Naval Preparation of James II in 1688 // The English Historical Review. 1893. Vol. 8. P. 272–283 (№ 30).
  - ¹¹ Calendar of State Papers. Domestic Series. James II, 1687–1689. L., 1972. P. 245. (Далее: CSPD).
  - ¹² РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. № 9. Ч. 3–4. Л. 251.
  - ¹³ *Ashley M.* Op. cit. P. 139–140.
  - ¹⁴ Список союза учиненного меж королем французским и аглинским против Галанской земли совершен, 5–7 ноября 1688 г. // РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. № 9. Ч. 3–4. Л. 249.
  - ¹⁵ *Борисов Ю.В.* Дипломатия Людовика XIV. М., 1991. С. 171–172.

- ¹⁶ Список союза учиненного меж королем французским и аглинским против Галанской земли совершен, 5–7 ноября 1688 г. // РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. № 9. Ч. 3–4. Л. 249.
- ¹⁷ Там же. Л. 249–250.
- ¹⁸ Там же. Л. 250.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ Там же. Л. 236.
- ²¹ Там же. Л. 258.
- ²² *Jones J.R.* James II's Revolution: Royal Policies, 1682–92 // *Anglo-Dutch Moment: Essays on the Glorious Revolution and its World Impact* / ed. by J.I. Israel. Cambridge [England]; New York, 1991. P. 61.
- ²³ Из Лондона октября в 1 день // РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. № 9. Ч. 3–4. Л. 259.
- ²⁴ *Luttrell N.* A Brief Historical Relation of State Affairs from September 1678 to April 1714. Oxford, 1857. Vol. 1. P. 457.
- ²⁵ CSPD. James II, 1687–1689. P. 271–276, 278–279.
- ²⁶ Из Лондона октября в 1 день // РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. № 9. Ч. 3–4. Л. 258–259.
- ²⁷ Там же. Л. 260.
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ Там же.
- ³⁰ King James II's Proclamation, September 28, 1688 // *Ashley M.* The Glorious Revolution of 1688. [London], [1968]. P. 205–206.
- ³¹ Из Лондона октября в 1 день // РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. № 9. Ч. 3–4. Л. 260–261.
- ³² Там же. С. 258.
- ³³ *Ashley M.* Op. cit. P. 205–206 (King James II's Proclamation. September 28, 1688).
- ³⁴ Речь короля аглинского приближения ради иноземного оружия отправленная, 1688 году октября в 8 день // РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. № 9. Ч. 3–4. Л. 252–257.
- ³⁵ Причины, которых ради король аглинской из Рошестера писал // Там же. Л. 113.
- ³⁶ Letter of King James II and VII, December 22, 1688. URL: <http://jacobite.ca/documents/16881222a.htm> (свободный доступ: 10.01.2014).
- ³⁷ Причины, которых ради король аглинской из Рошестера писал // РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. № 9. Ч. 3–4. Л. 111.
- ³⁸ Там же. Л. 1–2.
- ³⁹ Там же. Л. 54.
- ⁴⁰ Там же. Л. 85.
- ⁴¹ *Станков К.Н.* Патрик Гордон и партия якобитов в России в конце XVII в. // Вопросы истории. 2011. № 10. С. 114–115.

- ⁴² См., напр.: РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. № 9. Ч. 3–4. Л. 103, 116, 122.
- ⁴³ Там же. № 10. Л. 75, 78.
- ⁴⁴ Там же. Л. 78.
- ⁴⁵ Там же. Л. 53, 78.
- ⁴⁶ Там же. Л. 109.
- ⁴⁷ Там же. Л. 108.
- ⁴⁸ *Reesby J.* The Memoirs of the Honorable Sir John Reesby, bart. L., 1734. P. 312.
- ⁴⁹ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. № 9. Ч. 3–4. Л. 15.
- ⁵⁰ Там же. Л. 33.
- ⁵¹ Там же. Л. 16.
- ⁵² Там же. Л. 30.
- ⁵³ A Diary of Events in Ireland from 1685 to 1690 // Calendar of the Manuscripts of the Marquess of Ormonde, K.P., Preserved at Kilkenny Castle. New Series. Royal Commission of Historical Manuscripts. L., 1920. Vol. 8. P. 359–361, 363; Irish Affairs; Defense of Londonderry, 12 August 1689 // Journal of the House of Commons. L., 1802. Vol. 10. 159–163. URL: <http://british-history.ac.uk/report.aspx?compid=28902> (дата обращения: 18.07.2010).
- ⁵⁴ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. № 10. Л. 52.
- ⁵⁵ Там же. Л. 85.
- ⁵⁶ Там же. Л. 156.
- ⁵⁷ Там же. Л. 85.
- ⁵⁸ Memorandums at my first coming out of the North to the Prince at St. James // Thomas Osborne, Earl of Danby and Duke of Leeds, 1632–1712 / ed. by A. Browning. Glasgow, 1944. Vol. 2: Letters. P. 159.
- ⁵⁹ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. № 10. Л. 198–199.
- ⁶⁰ *Middleton D.* The Life of Charles, 2nd Earl of Middleton, 1650–1719. L., 1957. P. 104.
- ⁶¹ Life of James the Second Written by Himself // Original Papers; containing the Secret History of the Great Britain, from the Restoration to the Accession of the House of Hanover. To which are Prefixed Extracts from the Life of James II as Written by Himself / The whole arranged and published by J. Macpherson. L., 1775. P. 144–145.
- ⁶² CSPD. James II. 1685. P. 10.
- ⁶³ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. № 10. Л. 97.
- ⁶⁴ Там же. Л. 107.
- ⁶⁵ См., напр.: Там же. Л. 44, 53.
- ⁶⁶ Там же. Л. 33.
- ⁶⁷ Там же. Л. 22.
- ⁶⁸ Там же. Л. 103.

ВОСТОЧНЫЙ ВОПРОС В ПОЛИТИЧЕСКОЙ КАРИКАТУРЕ

С середины XIX в. политическая карикатура стала массовой. Произведения сатирической графики помещались на страницах многочисленных и разнообразных, выходявших большими тиражами, зарубежных и отечественных специальных юмористических журналов, а также в газетах. Поскольку большая часть карикатур сохраняется и становится доступной для историка благодаря публикации в прессе, они являются особой разновидностью публицистики. Задача периодики, как известно, не только оперативно откликаться на значимые события и явления общественной жизни, но и давать их трактовку – т.е. формировать массовые представления. И в этом отношении карикатура выполняет ту же задачу.

Известно, что карикатура «говорит» на своём языке, поэтому события отражаются в ней специфическим образом. Художники используют специальные приёмы, знание которых позволяет лучше понять смысл созданного образа и механизм воздействия на читателя. Лексика карикатуры часто перекликается с лексикой публицистических статей, и некоторые устойчивые выражения, употреблявшиеся в дипломатической переписке и в журналистике – например, «европейский концерт», «политическая кухня», «европейское равновесие» и т.д., нашли образное отражение в сатирической графике¹.

Вследствие широкого распространения газет и журналов появилось много талантливых карикатуристов в разных странах. Исследователи отмечают наличие национальной специфики в их произведениях. Хотя каждый из художников-графиков обладал присущей именно ему манерой и техникой, вместе с тем имелось нечто общее в понимании карикатуристами сюжета и в передаче натуры. В сатирической графике находили отражение многие события международных отношений, при этом

художники независимо от национальности использовали понятные всем без перевода характерные атрибуты-символы.

Среди многих международно-политических проблем конца XIX – начала XX в. одной из жгучих являлся так называемый Восточный вопрос². Эта тема не сходила со страниц периодики более полувека – с середины 60-х годов XIX в. до начала Первой мировой войны, и образно отразилась в политической карикатуре. Суть вопроса заключалась в совокупности ряда аспектов: стремлении подвластных Турции христианских народов освободиться от османского гнёта, борьбе между балканскими государствами за территориальное размежевание, соперничестве великих держав за укрепление своих экономических, политических и стратегических позиций на Балканах и Ближнем Востоке. Перманентно сотрясавшие Османскую империю кризисы каждый раз грозили перерасти в крупномасштабный военный конфликт.

При этом то или иное решение наболевшего вопроса по-разному виделось из Константинополя, из Петербурга, из европейских столиц. Такое разнообразие взглядов прослеживается и в сатирической графике, отразившей все этапы в развитии Восточного вопроса. Постараемся выявить общие для карикатуристов разных стран подходы и влияние национальной принадлежности художника на трактовку событий.

Совершенно очевидно, что в одной статье полностью осветить все сюжеты и их проявление в карикатуре невозможно. Поэтому сконцентрирую внимание на тех работах, которые в максимальной степени выразительны и по которым в совокупности можно хотя бы пунктиром прочертить основную линию проблемы.

Графика французской карикатуры «Восточный вопрос», впервые опубликованной в 1867 г. (журнал «Le Charivari») в контексте первого Критского восстания, является калькой лексического выражения, и на первый взгляд проста: дородный турок, будто в мягком кресле, дремлет в изгибе... вопросительного знака. Но приглядевшись, зритель замечал, что «точкой» в этом «вопросе» служит... бомба с зажжённым фитилем.

Таким образом, здесь чётко постановлен вопрос о судьбе Турции и её европейских владений.

Решение вопроса – раздел – мы найдём в карикатуре из журнала «Будильник». Индюка, символизирующего Турцию (здесь тоже калька с английского), делят Франция, Пруссия, Австрия и Англия. Художник не помещает на рисунке Россию, как не участвующую в операции, зато определённо указывает на застрельщика этого замысла образной деталью: знак вопроса завершается головой человека, причём портретное сходство с английским премьер-министром Бенджамином Дизраэли (графом Дизраэли) несомненно.

В политической лексике XIX–XX вв. применительно к Турции общеупотребительным стало выражение «больной человек Европы». Этот образ впервые графически отобразил уже упоминавшийся автор карикатуры «Восточный вопрос». Консилиум врачей – представителей держав, с многозначительным видом обсуждает, чем лучше ампутировать ногу султана, оплетенную бинтами, на которых читается «Кандия» (итальянское название острова Крит). Позже этот образ будет многократно варьироваться в произведениях разных карикатуристов, изображавших турецкого султана лежащим в постели, инвалидом, опирающимся на костыль или ту из держав, которая в тот момент получала преимущественное влияние в Константинополе.

Новую ситуацию создал Восточный кризис 1875–1878 гг., когда подъём национально-освободительного движения на Балканах и жёсткое подавление его турками, двусмысленная политика европейских держав и поддержка Россией братьев-славян завершились русско-турецкой войной. Три карикатуры отечественных художников (из журнала «Будильник») чётко зафиксировали основные фазы кризиса: канун, развязку и результат. На рисунке «Натянутое положение» пушки держав, расположенные вкруговую, подсоединены к бикфордову шнуру, изогнутому в виде вопросительного знака. Казалось бы, шанс избежать войны есть, но подпись: «Догорает!» – развеивает надежду.

Неспособность и нежелание «европейского концерта» заставить Турцию погасить кризис дипломатическим путём, что

также отразилось в ряде карикатур, побуждает Россию взяться за дело вооружённой рукой. Эта рука показана на карикатуре «Едиственный способ решить Восточный вопрос». Её бесспорная принадлежность России подчёркнута резным фронтоном и рушником, тогда как отношение к Турции недвусмысленно прочитывается в том, что силуэты минаретов обрамлены чертополохом – растением, изгоняющим нечисть.

Однако в полной мере отстоять результаты военных побед Петербург не смог и был вынужден под давлением коалиции европейских держав согласиться на пересмотр двустороннего договора с Турцией на международном конгрессе в Берлине. Отношение России к его результатам ясно отражено на карикатуре – ведь стол переговоров помещён... на бочке с порохом. Документ закладывал под международные отношения мину замедленного действия, поскольку территориальное размежевание на Балканах не устраивало никого, и в результате созданную на конгрессе Берлинскую систему постоянно сотрясали кризисы³.

Первым стал Болгарский кризис 1886–1888 гг. Он разразился после того, как Болгарский князь провозгласил объединение с Восточной Румелией, а Сербия объявила войну Болгарии. Её победа и подписание послами шести великих держав и представителем Турции соответствующего акта стали международным признанием объединения Болгарии и частичным пересмотром Берлинского трактата. Ситуация получила чёткое отражение в карикатуре немецкого автора, на которой лист с текстом Берлинского трактата во многих местах прорван фигурами представителей разных балканских государств. Интересно отметить, что их размещение и группировка точно соответствуют политическим реалиям.

Непоследовательная и неадекватная политика России в ходе кризиса привела к разрыву дипломатических отношений с Болгарией. Петербург заявил, что будет добиваться своих целей в Болгарии мирными средствами, не нарушая международных договоров. Однако это было лишь хорошей миной при плохой игре – на болгарский престол сел ставленник Германии принц Фердинанд Кобургский. Негативное отношение Петербурга к

такой развязке кризиса ясно выражено на русской карикатуре «Преопасное сидение» (опубликованной в журнале «Будильник»). Это сидение покоится на томе Берлинского трактата, опирающегося на снаряды с надписями: Турция, Германия, Австрия, Англия. Как видим, изображения России здесь нет, что отчётливо свидетельствовало об ослаблении её позиций на Балканах. То, что это сидение непрочное, вскоре проявилось в ходе следующего кризиса.

В годы Ближневосточного кризиса 1894–1898 гг., когда встали вопросы о реформе в армянских вилайетах Турции, об отделении от неё Крита и о судьбе Проливов, роль Европы по-разному интерпретировали английский («Punch») и русский («Стрекоза») карикатуристы. Первый изобразил Европу в виде богини правосудия: потрясая над головой султана свитком со словами «Армянские зверства», она указывает на меч с надписью на клинке «Берлинский трактат». На рисунке русского коллеги, отразившего другой эпизод кризиса – урегулирование греко-турецкой войны 1897 г., Европа представлена в виде старушки с розгами в трясущейся руке, пытающейся усмирить мальчишек-драчунов. Однако из-под её юбки виднеются сапог со шпорой и кончик сабли, а из кармана торчит рукоятка револьвера. В обеих работах очевидна косвенная угроза, но английский автор идеализирует силу международного права, на деле постоянно попираемого, тогда как русский подчёркивает злоупотребление Европой правом силы.

В ходе крито-македонского кризиса 1903 г. параллельно развивались два конфликта: борьба острова Крит за присоединение к Греции и попытки Македонии получить автономию. Реализация этих планов стала бы ещё одним шагом к разделу балканских владений Порты, неприемлемому в тот момент для России, которая разными методами пыталась локализовать кризис. Освещая события, западноевропейские карикатуристы акцентировали иницилирующую роль России в принуждении султана провести реформы в Македонии.

На английской карикатуре («Punch») изображены рядом австрийский и русский императоры – Франц Иосиф II и Николай II. Но именно царь вручает султану текст проекта реформ;

а на венгерской – он же под видом врача передает австрийскому санитару склянку с микстурой «Реформы». А рисунок австрийского автора с изображением двух врачей, готовящихся, как и в случае с Критом в 1869 г. к ампутации, но на этот раз Македонии, дополняла характерная подпись. На заявления султана, будто он здоров, «врачи» отвечают: «Замолчите, мы лучше вас знаем, что делать. Ампутация абсолютно необходима... для нашего спокойствия». При этом австриец, выдвигая на первый план врача, символизирующего Россию, и вкладывая в его руки огромную пилу, явно перекладывал ответственность с больной головы на здоровую. Ведь именно Австро-Венгрия, поддерживая соперничество между балканскими государствами, чтобы не дать им ни объединиться, ни чрезмерно усилиться, в случае развала Турции хотела закрепить за собой Боснию и Герцеговину, чтобы выйти к Адриатическому морю.

Немецкий художник («Nebelspalter», 1897 г.) откровенно обвиняет Петербург в провоцировании раздела Турции. В центре группы представителей европейских держав, столпившихся у кипящего котла, он помещает бородастого мужика в тулупе, символизирующего Россию, который, подцепив на вилы окорок – «Турцию», объявляет, что блюдо не готово, и предлагает греку с кинжалом за поясом подбросить полено с надписью «Крит» в костер под котлом.

Вообще жупел русской угрозы определённо и навязчиво акцентируется в западноевропейской сатирической графике, тогда как завоевательные планы других великих держав отражены слабо.

При освещении Боснийского кризиса 1908 г. в отечественной сатирической графике подчёркиваются два момента: захватническая политика Австро-Венгрии – аннексия Боснии и Герцеговины, и молчаливое попустительство Европы. На одной карикатуре мы видим, как оставив турка в одних штанах с надписью «Новобазарский санджак» (журнал «Муха», Варшава), грабитель – Австро-Венгрия – любезно поясняет: «Не сердись, дорогой, что я тебя немного раздел. Любой портной скажет, что панталоны, которые я тебе оставил, гораздо полезнее куртки». А на другой («Шут») – австрийский император Франц

Иосиф II с аппетитом поедает яичницу-глазунью – «Боснию и Герцеговину», а Европа, роняя крупные слёзы, молча наблюдает за трапезой.

Немецких авторов интересуют другие аспекты – провозглашение Болгарии независимым царством и судьба Проливов. Первый аспект наглядно раскрыт в карикатуре «Болгария и Порта», на которой князь Фердинанд своим пресловутым длинным носом, словно дулом орудия, пытается пробить дверь. Игра слов здесь – «porte» в переводе с французского означает «дверь» – подчеркивает единство вербальной и невербальной информации.

Другой аспект Восточного вопроса – обвинение России в покушении на Проливы – и прежде не раз находило отражение в западноевропейской карикатуре. Так, на рисунке голландского автора «Султан и его новые друзья» показан Александр III, который исподтишка вытаскивает из кармана падишаха ключ от Дарданелл. В 1908 г. немецкий автор чётко обозначает основных соперников в борьбе за Дарданеллы – Россию и Англию. Хитрый британский лев подсовывает глуповатому медведю горшочек мёда с надписью «Дарданеллы», внимательно наблюдая за его реакцией. Медведь пускает слюнки, но не знает, как добраться до лакомства. В карикатуре блестяще разоблачены необоснованные надежды России получить ключ от Проливов из рук коварного Альбиона, который, заключая в 1907 г. соглашение о разделе сфер влияния в Персии, пообещал в своё время рассмотреть этот вопрос.

Балканские войны 1912–1913 гг. стали прелюдией Первой мировой войны. Взрывоопасность ситуации с исчерпывающей ясностью получила отражение в русской карикатуре «Балканский вопрос», опубликованной в 1912 г. Зритель видел распостёртые на земле фигуры мирно спящих представителей балканских стран, а между тем короткий фитиль на бомбе с надписью «Балканский вопрос» уже всюю тлеет. Пытаясь локализовать войну между балканскими странами, Петербург предложил великим державам заявить о незаинтересованности в компенсациях и настаивать на проведении реформ в европейских владениях Турции, сохраняя территориальное статус-кво.

Но противоречия между Сербией, Болгарией и Грецией грозили развалом с трудом созданного Балканского союза. Именно этот аспект проблемы акцентировали немецкие карикатуристы, обвиняя Болгарию, Сербию и Черногорию в намерении расчленив Турцию. Так, в парной карикатуре «Три балканских мясника» и «Балканские союзники до и после войны» зло высмеивается мнимое славянское единство. Объединившись против общего врага – Турции, бывшие союзницы, победив его, тут же начали драться между собой.

Между тем сама Германия к началу XX в. существенно укрепила свои позиции в Турции, фактически став хозяйкой Прованса. Этот факт, а также рост англо-германского антагонизма, как итог развития Восточного вопроса, точно зафиксировали русские карикатуристы (А. Миллер и Н. Каннибалов, журнал «Шут», 1898 и 1901 гг.) ещё на рубеже веков. На одном рисунке немец, стоящий за спиной Абдул Хамида II, вкладывает в его руки винтовку, на другом – немец дёргает за веревочку свою «турецкую марионетку» – султана, который бьёт англичанина ногой по носу. Но самый яркий и ёмкий образ зависимости Константинополя от воли и власти Берлина создал в 1914 г. английский художник в карикатуре «Голос хозяина». Под его карандашом Турция становится снарядом, который Германия вкладывает в ствол пушки, готовясь к борьбе за мировое господство.

Для историка, изучающего международные отношения, карикатура интересна тем, что откликаясь в образной форме на злобу дня, она не только отображает массовые представления, но и раскрывает способы воздействия на него. Она позволяет ярче высветить некоторые аспекты использования визуальной информации в периодической печати. Национальную трактовку художниками-карикатуристами международных событий, зачастую одностороннюю, до известной степени, можно скорректировать, сопоставляя взгляды авторов разной национальности. Совокупность их работ даёт возможность получить достаточно полную и, в целом, достоверную информацию.

-
- ¹ См.: *Голиков А.Г., Рыбачёнок И.С.* Смех – дело серьёзное: Россия и мир на рубеже XIX–XX веков в политической карикатуре. М., 2010. С. 24–25.
- ² См.: *Восточный вопрос во внешней политике России, конец XVIII – начало XX в.* М., 1978.
- ³ См.: *Рыбаченок И.С.* Россия в Берлинской системе международных отношений, 1878–1914 годы // *Новая и новейшая история.* 2013. № 6. С. 79–100.

**РИТОРИКА ВРАЖДЫ И КУЛЬТУРА РЕФЛЕКСИИ:
ОБРАЗ ТУРКА В РУССКОЙ САТИРИЧЕСКОЙ
ЖУРНАЛИСТИКЕ НАЧАЛА XX В.**

Противоречивая эпоха модернизации России в начале XX в., сопровождавшаяся обострением этноконфессиональной фобийности и социальной напряженности, небывало разнообразила репертуар, топику и стилистику образов *инога, чужого, врага* как *средства и адресата* социальной агрессии. Характерным признаком времени становилось драматическое использование стихии смеха в формате критики реалий модернизации «сверху» (позднее определяемой исследователями в терминах консервативной революции). Историческая и географическая контекстуальность дизайна создаваемых в подобном формате образов, стереотипов и клише становилась в этом смысле особенно показательной.

Образ турка, нагруженный мощным историческим контекстом, и яркие события младотурецкой революции начала XX в. предоставили русским сатирикам медийно выигрышное пространство (свободное от цензурных запретов) не только для профессиональной реализации, но и для неожиданно глубоких политических сравнений, культурных аналогий, извлечения исторических уроков, явно превосходивших своим значением законы «легкого» жанра.

В России начала столетия лидерами по части создания журнально-сатирической версии образов Турции и турка выступали такие популярные издания, как «Сатирикон», «Будильник» и «Шут», имевшие свой круг читателей, достаточно постоянных в своих литературных пристрастиях. Изящный, модерный по своей стилистике «Сатирикон», «вылупившийся» весной 1908 г. (в разгар революционных событий в Турции) из надоевшей всем старомодной «Стрекозы», был ориентирован в большей степени на интеллигентский слой образованного об-

щества¹, демонстрируя просвещенно-либеральный взгляд на окружающую реальность. Старейшины русской журнальной сатиры, традиционные по форме и простоватые по манерам, «Шут» и «Будильник» имели адресатом более широкий слой городских обывателей. Этим своим мещанским «среднестатистическим» адресатом они и представляют интерес, позволяя проникнуть в тематику, стилистику и общие настроения сатиры для массового потребления.

Постараемся проследить на базе упомянутых источников характер, место и значение образа *турка* эпохи младотурецких преобразований в не столь уж кривом зеркале русской журнальной сатиры.

«Все проблемы, досаждающие другим империям, присутствовали здесь в гипертрофированной форме. Если правитель какой-либо тогдашней империи хотел представить кошмарные последствия для своей державы в будущем, ему достаточно было только взглянуть на Османскую империю. Каждая империя опасалась ослабления своего могущества, потери территорий, неспособности конкурировать с иностранными державами и последующей утраты контроля над национальными меньшинствами, но нигде этот процесс не зашел так далеко, как в Османской империи»². Так писал о ситуации в Турции британский исследователь-империолог Доминик Ливен, подчеркивая безнадежность состояния здоровья «больного человека Европы». Эта привычная для европейского слуха метафора в отношении державы Османов с начала XX столетия обрела более чем конкретное содержание. Все чаще «Блистательная Порта» вызывала не столько опасения наблюдателей, сколько огонь острой и едкой сатиры. Ни дряхлеющий султанский режим, ни младотурецкая верхушка уже не способны были ни защитить интересы своих мусульманских подданных на Балканах и в Африке³; ни обеспечить равноправие иноконфессиональных подданных⁴; ни считаться с реалиями европеизации внутренней жизни⁵; ни гарантировать финансовые поступления из-за рубежа кроме как в обмен на зависимость от Запада⁶; ни выстроить новый формат отношений между центральной властью, местными элитами и собственным аппаратом управ-

ления⁷. В итоге Османская империя в лице ее правителей оказалась в ситуации *всеобщей потери лояльности* к себе.

Турецкая тема на страницах российских сатирических изданий отличалась особой устойчивостью, отражавшей бесспорный интерес читателя к делам южного соседа. На протяжении первого десятилетия XX в. именно *кризис* становится главным действующим лицом публикаций русских сатириков о Ближательной Порте. Долги, нестабильность, зависимость, потеря управляемости выступают основными смысловыми маркерами турецкой темы – и текстом, и контекстом журнальных публикаций. В этом отношении чутье не изменяло отечественным авторам, видевшим тогдашнюю ситуацию как закономерный итог исторического развития державы османов.

Специфику и глубину кризиса, охватившего евро-азиатско-африканские пространства Османской империи, можно понять лишь с учетом «наследства» последней четверти XIX в. Затянувшееся более чем на три десятилетия правление султана Абдул Хамида II (1876–1909) утомило внешних наблюдателей и изнурило собственное население Турции (более всего – немусульманское). В турецкую историографию эта эпоха вошла под грозным названием «зулюм» (гнет, тирания).

Современниками она воспринималась еще драматичней, поскольку следовала за реформаторской эпохой «новых османов» (1865–1876), курсом просвещенного Мидхат-паши⁸ и несбывшимися надеждами на мирное вращение Османской империи в реалии современного мира. Энергичным и самостоятельно мыслящим сановникам вроде Мидхат-паши уже не было места при дворе нового султана, непоколебимо уверенного в том, что «нация ответственна перед правителем, а не он перед ней»⁹. Потому любая инициатива, в том числе и конституционная, могла впредь исходить только от него самого. Однако именно в правление Абдул Хамида II, парадоксальным образом попытавшегося совместить абсолютную монархию с конституционным правлением, произошло небывалое – принятие (под давлением внешних обстоятельств) первой в истории страны конституции (23 декабря 1876 г.) и установление (правда, ненадолго) парламентского правления. Первый турецкий парламент

(меджлис), задуманный султаном как марионеточный орган, все же сумел в лице представителей разных народов, конфессий и регионов страны заявить себя новой силой, способной высказать свое недовольство – если и не самому правителю, то его министрам и местным администраторам.

Однако даже сверхограниченной свободе выражения мысли вскоре пришел конец: поражение османов в ходе Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. было использовано султаном как одно из оснований прервать парламентский эксперимент. На тридцать лет... Фактически (хоть и не формально) конституционный режим был упразднен. И все же консервация старых форм правления и традиционного социально-политического уклада на фоне набирающей темпы зависимости от западных держав отдала, но не уничтожила перспективу дальнейших преобразований¹⁰.

Сама личность султана и его внутривосточный курс вызвали обостренное внимание как мировой, так и российской печати. Унаследованное историографией от оппозиционно настроенных современников восприятие Абдул Хамида II как «кровавого султана», палача христианских народов и душителя свобод, имело под собой веские основания¹¹. Однако более взвешенный и широкий взгляд на это правление, основанный на современном осмыслении закономерностей реформаторского процесса в условиях авторитарной государственности, делает картину эпохи более объемной и менее однородной. Так, Ю.А. Петросян пишет по поводу принятой Абдул Хамидом II конституции, что «сам факт торжественного провозглашения личной свободы гражданина и установления парламентского режима был, бесспорно, важным событием в истории страны, в которой безраздельно царил средневековый абсолютизм»¹².

Лорд Кинросс, говоря о роли султана в процессе внутренних преобразований империи, подчеркивал, что, «дистанцируясь от чрезвычайной цены его правления, нельзя не признать: Абдул Хамид шел тем же путем, что его предшественники-реформаторы, реформируя систему образования и управления»¹³.

А.Ф. Сибгатуллина на основании османских мемуарных источников делает ряд выводов о таких позитивных чертах характера Абдул Хамила, как «дисциплина в организации дел и распорядка дня, глубокая вера и богобоязненность, терпеливость и щедрость, любовь к детям, смелость и хладнокровие, ответственность за страну и за близких»¹⁴. В контексте нашей работы интересно и то, что, как отмечает автор, опираясь на работы турецких историков, «султан Абдулхамид стал первым правителем, которого современники запечатлели в карикатурах»¹⁵.

Подозрительный, нелюдимый, страдающий депрессиями и неврозами, на протяжении тридцати лет с помощью сыскальной полиции и жестокой цензуры консервировавший ситуацию во внутренней жизни империи, покупавший мир сомнительной ценой политико-экономических уступок великим державам, этот «кровавый султан» вольно и невольно способствовал проникновению технологического прогресса и росту прослойки (пусть и узкой) европеизированной знати, людей культурных и интеллектуальных профессий, склонных перенимать западный образ жизни. «Самим фактом своего существования эти люди побуждали турецкое общество к преодолению традиционной закрытости. Не стремясь к реваншу в Европе, Абдул Хамид II, все еще крупнейший исламский правитель эпохи, защитник и оплот веры в глазах значительной части мусульманской уммы, чья страна стала главной мишенью западной экспансии, являл собою образ не столько “большого человека Европы”, сколько “сильного человека Азии”»¹⁶.

Именно с этим османским правителем и с его режимом вступили в борьбу враги внутренние, младотурки, десятилетиями готовившие свой приход к власти под лозунгами «Единения и Прогресса»¹⁷. Иронией истории воспринимался тот факт, что сами младотурки – просвещенный слой среднего класса и офицерства – в значительной степени были детищем абдулхамидовских реформ в области образования и военной подготовки. Один из наиболее известных идеологов турецкого обновления, Зия Гёкалп, формулировал характерное для передового общества представление о новом месте страны и ее на-

рода в мире, вступающем в XX столетие: «По цивилизации мы должны быть европейцами, по культуре – турками»¹⁸.

Неудивительно, что с первых же лет XX в. внутренняя политика все более дряхлеющей империи Османов приковала к себе едва ли не больше внимания, чем политика внешняя. Российское общество не понаслышке было знакомо с алгоритмом преобразований, инициированных волею первого лица государства: реформа-контрреформа, война-революция-конституция. Ритм правлений либеральных и консервативных монархов, приливы и отливы реформаторских усилий, сходство вызовов эпохи заставляли современников задумываться о *горизонте возможностей и пределах государственного маневрирования* в рамках преобразований «сверху», строго по инициативе первого лица/лиц Империи.

И в самом деле, «политическое время» на Босфоре в тот момент радикально ускорилось, а «густота» событий усилилась до чрезвычайности. Грозный султан, за годы своего правления ставший живой, пугающей легендой, символом реакции в глазах сторонников перемен, поначалу, похоже, не осознал всей кризисности момента, упустив время и для переговоров, и для подавления младотурецкого выступления. Офицерское выступление младотурок в июле 1908 г. под лозунгом «Единения и прогресса», принуждение султана восстановить действие конституции 1876 г., созыв парламента, попытка контрпереворота в апреле 1909 г., приведшая к низвержению старого султана и парламентским выборам нового, безвольного Мехмеда V, – все это «обновление по-османски» вызывало острый интерес русского общества, недавно пережившего собственную первую революцию и первый конституционно-парламентский опыт. Общеимперская закономерность начала XX в. – война–кризис–революция – становилась очевидной для наблюдателя, склонного к историческим и политико-культурным сравнениям, повышая чувствительность печати и общества к чужому опыту.

Пределы же младотурецкого реформаторства – как и любого преобразовательного курса, не затрагивающего в полной мере фундаментальные, архаические структуры империи, также довольно скоро были осознаны русской печатью. Примеча-

телен и следующий факт, не ускользнувший от ее внимания: перемены в отношении режима к собственной печати, в начале младотурецкого правления сыгравшей роль объединителя сил в пользу преобразований, в дальнейшем имели негативную динамику¹⁹. Российские сатирические издания, также не раз испытывавшие на себе приливы и отливы цензурных послаблений²⁰, по горячим следам событий в Стамбуле активно принялись за создание гротескного образа правления младотурецкой партии.

Захватывающие новости о младотурецком выступлении стали ярким информационным вызовом воображению русских сатириков, вылившись в целые серии материалов – карикатур, стихов, анекдотов и фельетонов – под рубрикой *«Дела турецкие»*. Грузная, неповоротливая империя, давняя геополитическая соперница, турок, как привычный враг, султан, как воплощение внешней агрессии и внутренней реакции, – все эти грозные ипостаси турецкой темы начинают все чаще вызывать не настороженность, но откровенную усмешку.

Тема конституции – главный сюжет, связанный с младотурецкими реформами, буквально врывается на страницы «Сатирикона» со скоростью забега на ипподроме. Забавный карикатурный рисунок Ре-Ми прозрачен по смыслу, но не банален в своем внутреннем послыле, обращая свое острие сразу в две стороны – и в адрес излишне торопливых османских реформаторов, и в адрес собственных правых, огульно отрицающих актуальность перемен в России. Под пером художника полусонный, грузный толстяк в образе изрядно помятого былинного богатыря («Союз русского народа») задом наперед сидит на старой кляче. Он даже не смотрит вслед стремительно скачущему к финишу турку и отстающему от него на корпус персу:

– Несет их, нехристей! Будто не поспеют...²¹

Скептическое ворчание «русского правого» оттеняется ироничным заголовком: *«Международные скачки к конституционному столбу»*²². Намек на проблемы российского реформаторства подчеркивается многозначностью слова *финиш*, дол-

женствуя оттенять возможные опасности политических итогов подобных азиатских «забегов».

«Конституционную» тему продолжает обложечная карикатура, открывающая следующий номер «Сатирикона». Маленькая, тщедушная фигурка Абдул Хамида II на фоне султанского дворца всей своей позой выражает смесь недоумения, опасения и огорчения: над султаном величественно и надменно возвышается аллегорическая женская фигура во фригийском колпаке и античном хитоне. При виде «*Рождения новой конституционной Венеры из вод Босфора*» стареющий правитель опасно размышляет:

– Вот единственная женщина, которую я не желал бы видеть в своем гареме²³.

Подтекст карикатуры – турецкий правитель не одинок в своем нежелании ближе познакомиться с опасной «незнакомкой». Карикатура отражает реальность ситуации весны 1908 г., когда младотурки еще только рвались к власти, а их активность была сосредоточена, главным образом, в Салониках. Оттуда внутренний центр «Общества прогресса и единения» распространял свою пропаганду конституции и представительного правления, резко критикуя султанское правление и личность самого Абдул Хамида II.

Похоже, начальный опыт конституционного правления в собственной стране заставляет российских журнальных сатириков довольно скептически относиться к перспективам подобного правления и в Турции. Впрочем, не в ней одной.

В остроумном фельетоне (без автора) под названием «*Благословенная страна*», в одном из апрельских номеров журнала, читаем любопытный рассказ о злоключениях турецкого торговца Кара-Ахмеда, прибывшего по делам в Тегеран. Застав там картину полного разорения, хаоса и казней, торговец пытается выяснить, что же причинило Персии столько бедствий, и получает в ответ от прохожих один и тот же ответ: «*Конституция*»... В ужасе Кара-Ахмед покидает персидскую столицу и возвращается на родину, в «благословенную» Турцию... И что

же застаёт он на родине – конституцию! Оно, конечно, в Стамбуле на кол не сажают, но и порядку там тоже нет. А главное – тут от «конституционной заразы» сходят с ума даже те, кто конституцию поддерживает. Снова пускается в бега несчастный торговец – за далекие леса и горы – и оказывается в грязном городе у реки, на берегу которой мрачный человек с красным носом и ружьем в руках первым делом спрашивает у него паспорт. Получив вместо документа червонец, человек смягчается и сообщает турецкому «гостю», что река эта – Волга, а людей на улицах нет, потому что кабаки уже закрыты. В ответ на вопрос, мол, нет ли в городе «эпидемии конституции», красноносый, ухмыльнувшись, не без труда изрекает:

– Констинтун... Фю-ю, брат. Кончена... у нас холера теперь ...

Кара-Ахмед с облеченным сердцем дал человеку с ружьем еще червонец.

Благословенная страна!.. Только холера!..²⁴

(К тому моменту в России уже десять месяцев как состоялся Третьеиюньский государственный переворот, сдвинувший вправо вектор политического развития страны, и пять месяцев, как действовала III Государственная дума, с также смещенным вправо «центром тяжести».)

Дальнейшие события в Турции прибавили новых сюжетов русским журналистам. С начала лета 1908 г. стало ясно, что все попытки властей справиться с волной выступлений, инспирированных младотурками, обречены на неудачу. В конце июля Энвер-бей, один из лидеров младотурецкого «триумvirата» (наряду с Талаат-беем и Джемаль-беем), возглавил в салоникском вилайете силы повстанцев, практически парализовав деятельность официальных властей. В ряде городов Македонии конституция 1876 г. по факту восстанавливалась младотурецкими комитетами. Наконец, в ответ на ультимативную телеграмму комитета младотурок в Эдирне (Адрианополе) от 23 июля с угрозой двинуть на столицу части 2-го армейского корпуса, султан на следующий же день, как уже упоминалось, опубликовал указ о восстановлении конституции²⁵.

Джон Фрили, знаток истории и повседневности стамбульской жизни, подтверждает в связи с этим распространенность чувства всеобщего единства и восторга, приводя слова очевидца событий в турецкой столице, происходивших на фоне первых выборов в парламент: «Особо поражала воображения торжественная процессия представителей всех рас, населявших империю, каждый – в своем национальном костюме. Завершала процессию длинная череда экипажей, в которых попарно находились: армянские священники и имамы, имамы и греческие священники, имамы и католическое духовенство, имамы и раввины; все они были одеты в свои самые торжественные облачения»²⁶.

На эти события карикатурист «Шута», добавляя ложку дегтя в бочку меда, откликается рисунком под названием «*Подозрительный султан*». Из окна кареты выглядывает Абдул Хамид; с видом мрачным и настороженным он озлобленно бормочет себе под нос:

– Слишком уж, кажется, приветствуют меня мои подданные, черт бы их побрал!²⁷

Как в воду глядел русский карикатурист: недолго длилось общественное единение на берегах Босфора. С одной стороны, сами младотурки вскоре после революции начинают менять свои лозунги, убеждая массы (разными методами, в том числе и вооруженными) вернуться к порядку и спокойствию. С другой – султан и близкие ему силы пытаются отыграть назад хотя бы часть позиций и сохранить за собой право назначать, помимо великого везира, еще и военного и военно-морского министров. И хотя младотуркам удалось отстоять формирование нового правительства под собственным контролем, а также укрепить режим своего правления преобразованием общества «Единение и прогресс» в партию (октябрь 1908 г.), все же ситуация в Турции оставалась нестабильной и неоднозначной.

Сомнения в перспективах конституционного развития страны «Шут» неоднократно высказывает осенью 1908 г., грубова-

то каламбура на тему того, что «*одесские портомоины получили заказ от Порты на стирку турецкой конституции*»²⁸.

Все тот же октябрь – на фоне принятия программы младотурецкой партии и начавшихся преобразований²⁹ – бросил серьезный вызов новой власти. Аннексия Австро-Венгрии Боснии и Герцеговины и провозглашение вслед за этим Болгарией независимости поставили режим на грань войны, вызвали недовольство младотурками в обществе и спровоцировали волну реакции, чем и поспешило воспользоваться султанское окружение.

На эти события «Сатирикон» откликнулся «*Песней младотурка*», полной жалоб и сетований, где лозунги партии обгрываются в невеселой тональности:

Все о *прогрессе* я и *единены*,
А равновесье в большом *смятеньи*.
Что день – несноснее моя *судьбина*:
Прощайте Босния – Герцеговина!..
Грожу протестами, кричу: «воруют!» –
Державы жестами *соболезнуют*...³⁰

Еще наглядней и жестче «жалобы турка» на «жесты» держав изображены на обложке «Шута», где изможденный старый турок, высунувшись до пояса из воды, растерянно смотрит вслед убегающей «*Австрии*» – похититель стащил его шаровары, неосторожно оставленные перед купанием на берегу. В ответ на возглас турка: «*Ах, штаны, мои штаны!..*» – наглый вор отвечает: «*Ну, вам, кажется, и без штанов жарко, а мне они как раз пригодятся!..*»³¹

Особо отметим: на протяжении 1908–1909 гг. сюжеты, касающиеся внешнеполитических потерь Турции, непосредственно связываются сатириками с последствиями турецких реформ и конституционно-парламентских преобразований. Карикатуры из серии «*Дела турецкие*», напоминая своей частотой и единством действия жанр комикса, динамично живописуют бедствия старенького (в общем-то, беззлобно изображаемого) султана. На одном рисунке он сидит, жалобно съезжившись, на

табуретке в окружении нацеленных на него штыков. Подпись под карикатурой представляет собой цитату из его (как бы) официального обращения к народу:

«Дети мои! Я очень люблю вас и, только любя, решил подарить вам конституцию»³².

Метафорой стартовавших в Турции преобразований служит серия карикатур, показывающих, сколь радикально меняется быт султана по мере его «модернизации» под младотурецким контролем. Вместо обольстительных гурий (в дымке кальяна, в неге подушек и пышных перин) теперь правителя окружают сухопарые немолодые европейские «воспитательницы» и строгие, несимпатичные «учительницы» (аллегория плотного и разностороннего присутствия западных держав в стране). У изголовья жесткой кровати ограниченного в своих правах правителя развешаны младотурецкие плакаты, а в изножии лежит... томик Карла Маркса!³³

Повышение интереса к турецкой теме было и в самом деле не удивительным. Именно здесь концентрировались острее проблемы взаимосвязи внутренних и внешних проблем реформирования традиционных империй. В излюбленном жанре «Сатирикона» – пьеса на политическую тему – подается «международный» сюжет, трактовка которого свидетельствует о понимании темы политической модернизации как проблемы всеобщей, так сказать, «западно-восточной», непосредственно касающейся и внутренней, и внешней политики ряда государств Европы и Азии.

В иллюстрированной юмористической пьеске героиня – *Конституция*, главное действующее лицо, описывается в авторской ремарке как «*дама средних лет, потрепанная жизнью*». Бедняжка никак не может дожидаться внимания мужчин к своей персоне: Вильгельм II суетливо отмахивается от «дамы», Фердинанд Болгарский попросту ее не замечает и лишь младотурок охотно «приударяет» за солидной особой, игриво приглашая на «открытие парламента», но увести с собой на Босфор не успевает. Ворвавшийся на сцену персидский шах, намереваясь

отрезать на память прядь волос «прелестной дамы», второпях, «по неосторожности», отрезает ей вместе с волосами и голову... «Все ошеломлены»... И только неунывающий медведь (стоит ли уточнять, чей это образ?), выходя из леса на авансцену действия, удовлетворенно ворчит:

– Слава Богу, теперь у нас нет Конституции!³⁴

Примечательно, что в обобщенном образе «Турции» пока просматривалось представление русских сатириков об османской государственной власти в целом, тогда как более поздние публикации уже четко различают и по-разному трактуют характер поведения султана и его окружения – с одной стороны, и младотурок – с другой. Сами стратегии критики и осмеяния становятся разными.

Так, со временем основным приемом в портретировании двух основных противоборствующих политических сил становятся приметы *возраста*. Что, впрочем, не удивительно, поскольку такой способ предопределялся и самим названием *младотурецкой* партии, и молодостью большинства ее членов. Поэтому и Абдул Хамид II, и его соратники, и силы реакции, и традиционная Турция в целом всегда изображались дряхлыми стариками и старухами, тогда как сторонники нового – крепкими молодцами, brutальными, решительными, полными сил³⁵.

С конца 1908 и на протяжении 1909 г. в журнальной сатире набирает силу тема критики нового режима, показавшего себя не менее репрессивным и ревнивым к власти, чем прежний. Удушающая атмосфера нового правления передается карикатуристами буквально: младотурки предлагают султану «трубку мира», а на деле душат его трубками от кальяна³⁶; обещают, что «обновленный корабль» Турции будет набирать все больше *узлов* скорости, а сами затягивают *узлы* на шеях простых турок³⁷...

Похоже, реформы в младотурецком исполнении вызывают у русских сатириков большие сомнения, к тому же порождают своим «удушающим» стилем невеселые ассоциации с россий-

скими преобразованиями эпохи революции 1905–1907 гг. и столыпинскими реформами (в сопровождении военно-полевых судов и пресловутых «столыпинских галстуков»). Впрочем, прослеживались в сатирической печати ассоциации и с другими областями жизни двух (практически одновременно) реформирующихся империй. В подборке карикатур на актуальные темы в неслучайной близости помещены два рисунка. На одном из них российский либерал, (шлепанцы, пенсне, в руках газета) сидит в домашнем кресле, в ужасе разглядывая маленькое, неказистое, глуповатое дитя – «освободительное движение»:

– Что это: сон или явь... неужели это чучело – мое родное дитяще!³⁸

На рисунке рядом – младотурок-ребенок отчаянно дергает за веревочку, пытаясь катить игрушечный домик на колесиках под названием «*Конституция*», тогда как из окошек домика высовываются маленькие непослушные существа, хулигански корчащие рожицы... Младотурок плачет навзрыд:

– Такая интересная игра, а главная пружина сломана!³⁹

Зрителю понятно, кто сломал игрушку – в отдалении ехидно наблюдает за происходящим взрослый турок с надписью «*Реакция*» на шальварах...

Общий настрой карикатурных изображений довольно прозрачен – критика политической инфантильности как синонима непродуманности, поспешности, импульсивности преобразований, затеянных в двух империях, как признака незрелости (не по причине возраста, а из-за отсутствия знаний и подготовки) тех сил, которые взяли на себя ответственность за реформы и за миссию либерализации жизни империи.

Следующий акт младотурецкой пьесы, связанный с апрельскими событиями 1909 г., вызывает новый всплеск интереса сатирической печати. К весне 1909 г. популярность младотурок в массах стремительно шла на нет. Политические игры на фоне

нерешенности социальных проблем, неурожай в Македонии и голод в Восточной Анатолии в сопровождении ужесточения налоговой политики, недовольство нетурецких народов национальной и конфессиональной политикой нового режима, наконец, присутствие сил, жаждавших реванша и возвращения прежних порядков, – все эти обстоятельства зимы – весны 1909 г. были чреваты угрозой общественно-политического взрыва.

Мятеж в Стамбуле в ночь с 12 на 13 апреля, поднятый солдатами стамбульского гарнизона и поддержанный духовенством, привел на время к смене политической верхушки. Лидеры младотурок бежали в Салоники, а Абдул Хамид II единолично назначил великого везира и ряд новых министров.

Временная неудача младотурок побудила их консолидировать силы. К тому же население Анатолии в массе своей не поддержало мятежников. Конституционные настроения и преобразования, при всей их противоречивости, оказались необратимыми. Движение объединенных сил младотурок на Стамбул, начатое 16 апреля и встретившее поддержку населения, вылилось 24 апреля в сражение за город, в результате которого 26-го столица перешла под контроль младотурок. Демонстративные акты повешения мятежников, высылка оппозиционеров из столицы, введение военного положения обозначили поражение антиконституционного мятежа, вызвав новый всплеск интереса прессы к событиям на Босфоре.

На подавление реакционного выступления «Шут» откликнулся полосной карикатурой, на которой изображены простые турки – настороженные, напуганные, недоумевающие. Показателен и их разговор:

- Кто же теперь владычествует в Турции?
- Веревка...⁴⁰

Победа партии «Единения и прогресса» была закреплена знаковыми для истории османской государственности актами – низложением Абдул Хамида II, лишением его сана халифа и возведением на престол султана Мехмеда V, не обладавшего

ни способностями, ни правом реально управлять своими подданными. Пережившие шок младотурки, вернув себе бразды правления, не только решительно покончили с наследием низложенного султана, но и озаботились укреплением режима собственной власти. Последовали: запрет на забастовки, цензурные ограничения, подавление национально-освободительных выступлений.

Над особенностями правления нового султана журнал «Сатирикон» начал с готовностью иронизировать по горячим следам апрельских событий в Стамбуле. Ибо в лице Мехмеда V сатирики обрели благодатнейший материал для острот и глумливых аналогий. На обложке очередного номера изображен новый султан, грузный, болезненно отечный, нелепо обвешанный с ног до головы орденами и прочими знаками отличия. Он собирается наградить орденом своего единственного воина (тщедушного, слабого человечка), а тот жалобно просит пощады – ему и орден-то тяжело носить, так он слаб и немощен...⁴¹ Примечательно, что рисунок создан на тему газетного сообщения о том, что *«султаном заказано на сумму 20.000 турецких фунтов орденов»*. Похоже, более важных дел и более нужных трат у нового правителя на закате империи не предвиделось...

Отныне фигура султана, представляя собой не более, чем атрибут церемониала, все более удалялась на задворки политики, центрами силы которой на тот период стали лидеры младотурецкой партии и военная верхушка под руководством Махмута Шевкет-паши. Прямой критикой курса новой военно-политической элиты наполнена карикатура «Шута», изображающая унылую троицу турецких офицеров. Судя по возрасту, выправке и сомнительному благополучию внешнего облика, на рисунке были изображены явно не младотурки и не их сторонники:

– А ты замечаешь, Абдул, разницу, как было до конституции и как теперь?

– Еще бы, до конституции люди болтались в неизвестности, будет ли она, а теперь – на виселицах⁴².

По мере приближения Балканских войн тема ослабления Турции в результате неуспеха реформ получает новое развитие. Дряхлость империи видится как возрастающий ресурс Австрии и Германии, непосредственно заинтересованных в постоянном кризисе в стране и в подрыве ее и без того ослабленной экономики...

Пока же отметим своеобразие момента. Образ турка, врага и соседа, прежде насыщенный историческими архетипами восприятия (степняк, кочевник, завоеватель, соперник в Азии, «гроза» Балкан и пр.) приобретает в эпоху «имперского обновления», запоздавшего не только в «Блистательной Порте», новые черты. Зажатый собственными традициями в узком политическом створе между *желаемым* и *возможным*, этот совокупный *турок* (и правитель, и подданный, и субъект, и объект реформ) все чаще видится прежде всего как *жертва* времени. Времени модернизации, за которой никак не поспевают даже лозунги (не говоря уже о делах) сторонников преобразований.

«Одновременно введя русскую униформу, бельгийские ружья, турецкие фуражки, венгерские седла, английские клинки, французскую строевую муштру, мы создали вместо армии гротескную пародию на Европу», – с грустной самоиронией писал турецкий автор Исмаил Хами⁴³. Еще опасней оказывалась младотурецкая эклектика в области идей и практик новой государственности, подвергшейся лишь *косметической* европеизации.

И здесь русским журналистам, наблюдателям очередного приступа османской и российской модернизации, было над чем призадуматься. Выражать же итоги этих раздумий было сподручнее на «чужом» политическом материале, поскольку цензурные запреты, лишь на время ослабленные Первой русской революцией, вновь сковали пространство российской печати.

«Скажи мне, над чем ты смеешься, и я скажу, что у тебя болит», – такой диагноз можно поставить русской сатирической печати, не без грусти и едва скрываемого сочувствия в адрес народа (не власти!) иронизирующей над попытками Турции прорваться к провозглашенным «единению» и «прогрессу».

Прорваться – сквозь путы монархической традиции, бремя имперской полиэтничности, властолюбие нового режима и своекорыстные западных «союзников». Черты старости, изнурения, сквозящие в образе *турка* на страницах русских сатирических журналов, конечно же, отражают не только возраст опального султана или «изношенность» османского могущества. За этими символами видится, на наш взгляд, и *возраст вражды*, связавшей когда-то судьбы двух государств и народов, но вражды дряхлеющей, в какой-то степени изживающей себя на фоне понимания общности внутренних и внешних проблем. Эмпатия – способность понять и поставить себя на место *другого* – медленно, но верно проникает на страницы сатирических изданий, посвященные проблемам Турции и ее народа, проблемам, связанным с поиском ответов на острые вызовы модернизации.

Преодоление «языка вражды», едва начатое в русской журнальной сатире, было прервано новым витком конфликтности по мере приближения Первой мировой войны. Но самое начало этого процесса было ценно напоминанием о единственном достойном способе преодоления собственной зависимости от «мифологемы Врага». Суть его – в культурном освоении опыта «иног», в способности сочувствовать «чужому», в готовности к критической саморефлексии.

---

¹ Блистательный круг авторов нового издания – А. Аверченко, Ре-Ми (Н.В. Ремизов-Васильев), А. Радаков, А. Юнгер, А. Яковлев, Мисс (А.В. Ремизова), К.М. Антипов, В. Воинов и др. – составил заслуженную славу «Сатирикона», сделав его лидером русской сатиры «серебряного века». Подробнее о происхождении и журнальной политике «Сатирикона» см.: *Евстигнеева Л.* Журнал «Сатирикон» и журналисты-сатириконтцы. М.: Наука, 1968.

² *Ливен Д.* Российская империя и ее враги с XVI века до наших дней. М.: Европа, 2007. С. 262–263.

³ Там же. С. 250–252, 261.

⁴ *Петросян Ю.А.* Османская империя: могущество и гибель: ист. очерки. М.: Наука, 1990. С. 244.

- ⁵ *Киреев Н.* Проблема утверждения в Турции светской модели общества // От Стамбула до Москвы: сб. ст. в честь 100-летия проф. А.Ф. Миллера. М.: Муравей, 2003. С. 212–214.
- ⁶ *Петросян Ю.А.* Указ. соч. С. 216–218; Внешнеэкономические связи Османской империи в новое время (конец XVIII – начало XX в.). М.: Наука, 1989. С. 115–168.
- ⁷ *Ливен Д.* Указ. соч. С. 252–258.
- ⁸ Ахмет Мидхат-паша (1822–1883 или 1884) – сторонник движения «новых османов», один из авторов первой турецкой конституции 1876 г., великий везир в 1872, 1876–1877 гг.; был умерщвлен по приказу султана Абдул Хамида II.
- ⁹ *Kinross J.P.* The Ottoman Centuries: The Rise and Fall of the Turkish Empire. N.Y.: Morrow Quill Paperbacks, 1977. P. 529.
- ¹⁰ Истоки и перспективы кризисной дихотомии, заданной развитию Османской империи еще в эпоху Средних веков и Нового времени, подвергает всестороннему анализу В.И. Шеремет в своем исследовании «Становление Османской империи, XIII–XVI вв. (Новая и новейшая история. 2001. № 1).
- ¹¹ См., к примеру: *Достян И.С.* Россия и балканский вопрос. М., 1972; *Петросян Ю.А.* Указ. соч.; *Фадеева И.Л.* Официальные доктрины в идеологии и политике Османской империи (османизм – панисламизм, XIX – начало XX в.). М., 1985; и т.д.
- ¹² *Петросян Ю.А.* Указ. соч. С. 212.
- ¹³ *Kinross J.P.* Op. cit. P. 578.
- ¹⁴ *Сибгатуллина А.Т.* Султан Абдудхамид II в фотоматериалах, документах и воспоминаниях // Восточный архив. 2011. № 1 (23). С. 43.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ Подробнее о восприятии Абдул Хамида II исламским миром эпохи см.: *Kinross J.P.* Op. cit. P. 551–553.
- ¹⁷ Лорд Кинросс так описывает своеобразие момента: «Антилиберальный и brutальный в своих методах, Абдул Хамид тем не менее открыл путь более либеральному турецкому будущему, создав базовую инфраструктуру для дальнейшего продвижения Турции по тому пути, который она будет склонна избрать» (Ibid. P. 580–581).
- ¹⁸ Цит. по: *Дятлов Ю.В.* Некоторые аспекты националистической доктрины турецкого философа Зии Гёкалпа // Османская империя: государственная власть и социально-политическая структура: сб. ст. М.: Наука, 1990. С. 324.

- ¹⁹ Если в 1910 г. в Турции выходило в свет 130 периодических изданий, то к началу Первой мировой войны их стало 70, а в 1915 г. – всего 6. Исследователь отмечает, что к 1914 г. «уцелели только официозы партии “Единение и Прогресс”». См.: *Желтяков А.Д.* Режим печати при младотурках // Проблемы истории Турции: сб. ст. М.: Наука, 1978. С. 91.
- ²⁰ На эту тему см.: *Голиков А.Г., Рыбачёнок И.С.* Смех – дело серьезное: Россия и мир на рубеже XIX–XX веков в политической карикатуре. М.: Ин-т рос. истории РАН, 2010. С. 57, 60, 228, 270.
- ²¹ После продолжительных массовых выступлений в 1906 г. в Иране произошла революция, в результате чего в стране утвердился конституционный монархизм, но нестабильность сохранилась.
- ²² Сатирикон. 1908. № 15.
- ²³ Там же. № 16.
- ²⁴ Там же. № 19. С. 2–3.
- ²⁵ См.: *Петросян Ю.А.* Указ. соч. С. 236.
- ²⁶ *Freely J.* Istanbul. The Imperial City. London: Penguin Books, 1996. P. 288.
- ²⁷ Шут. 1908. № 26. С. 14.
- ²⁸ Там же. № 32. С. 5.
- ²⁹ Суть программы партии «Единение и прогресс» на тот момент сводилась к ограничению султана в правах и средствах, введению ответственности министров перед парламентом и права депутатов на внесение законопроектов, расширению полномочий парламента, а также демократических свобод (слова, собраний, печати). (См.: *Киреев Н.Г.* История этатизма в Турции. М., 1991; *Фадеева И.Л.* Концепция власти на Ближнем Востоке: Средневековье и Новое время. М., 1993; *Алиев Г.З.* Турция в период правления младотурок (1908–1918 гг.). М., 1972; *Петросян И.Е., Петросян Ю.А.* Османская империя: реформы и реформаторы (конец XVIII – начало XX в.). М., 1993).
- ³⁰ Сатирикон. 1908. № 27. С. 5.
- ³¹ Шут. 1908. № 40.
- ³² Сатирикон. 1908. № 17. С. 16.
- ³³ Там же. № 20. С. 8.
- ³⁴ Там же. № 36. С. 5.
- ³⁵ Там же. № 38.
- ³⁶ Шут. 1909. № 16. С. 7.
- ³⁷ Сатирикон. 1909. № 16. С. 7.
- ³⁸ Шут. 1908. № 40. С. 9.
- ³⁹ Там же.

⁴⁰ Там же. 1909. № 20. С. 5.

⁴¹ Сатирикон. 1909. № 16.

⁴² Шут. 1909. № 24. С. 8–9.

⁴³ Цит. по: *Barber N.* Lords of the Golden Horn. L.: Pan Books Ltd, [1976]. P. 200.

Макаров А.Н.,
Макарова Н.Н.

МИР В ЗЕРКАЛЕ КАРИКАТУРЫ (по материалам печати Магнитогорска 1930-х годов)

Образная форма карикатуры понятнее, эмоциональнее и, главное, нагляднее любой литературной формы, так как сатирический рисунок конкретизирует явления и ситуации, приближает их к глазу читателя, переводит факты с языка логических понятий на язык зрительных образов.

Б. Ефимов¹

Герои сатирического романа «Золотой теленок» И. Ильфа и Е. Петрова в своих разговорах несколько раз упоминают Магнитогорск как символ первой пятилетки и нового индустриализованного общества. Созданный с нуля, город стал своего рода «лабораторным» примером форсированной модернизации сталинского периода. Проблематика социальной истории в последние десятилетия является наиболее популярной в мировой, а с 1990-х годов и в отечественной исторической науке. Постепенно утверждается мнение, что в центре внимания историка и его исследовательской парадигмы должен стоять человек². Социальная, антропологическая, гендерная проблематика и изучение повседневного быта, а часто и менталитета простых людей все устойчивее укрепляют свои позиции в отечественной историографии. Об этом свидетельствует нарастающий поток книг и статей, связанных с социальной историей. Хочется отметить положительную тенденцию, наметившуюся в 2010-е годы. Внимание к истории Магнитогорска проявили профессиональные историки. В сферу их интересов входит изучение социальной, экономической и политической истории города. В историческом ежегоднике «Проблемы российской истории»

появился специальный раздел «Из истории города Магнитогорска», в котором публикуются научные изыскания по истории города³; был издан сборник документов и материалов «Магнитогорск довоенный, 1929–1941 гг.»⁴, а также сборник материалов международной конференции «Социалистический город и социокультурные аспекты урбанизации»⁵, в котором представлены статьи по истории города. В 2013 г. была защищена диссертация, посвященная истории развития Магнитогорска в отражении фоторепортажа⁶. Кроме того, автор опубликовал серию статей, в которых отражены проблемы деятельности фотокорреспондентов на индустриальной стройке, вопросы цензурных ограничений в деятельности журналистов и инфраструктура магнитогорского фоторепортажа⁷.

Особый интерес представляет исследование С. Коткина, лишь частично переведенное на русский язык, «Гора Магнитная: сталинизм как цивилизация»⁸. Автор использовал в своей работе как теории тоталитаризма, так и подходы, характерные для «ревизионистской» историографии⁹. Исследование с позиций социальной истории строительства Магнитогорского металлургического комбината органично сочетается со стремлением автора показать, как в годы первых пятилеток в СССР происходило формирование новой социалистической цивилизации, которая обладала не только собственной идеологией, но и «новыми и «современными» обычаями и институтами и самоидентификацией в качестве высшей формы модерна»¹⁰.

Население города составили в огромном большинстве вчерашние крестьяне. Большинство из них были малограмотны, поэтому наиболее востребованными среди них стали легкие для восприятия визуальные источники информации об окружающем мире. В местной периодике они были представлены фотоиллюстрациями и графическими изображениями. Карикатура играла важную роль в формировании у населения нужных инокультурных представлений, которые бы оправдывали гигантский социальный эксперимент, развернувшийся в Магнитогорске. Образы, созданные карикатуристами, функционировали как абстрактные типажи, но именно в них содержался по-

сыл активации необходимых для населения качеств, практик и ценностей по отношению к капиталистическому миру.

Материально-бытовые и социально-психологические условия жизни в Магнитогорске были крайне сложными, однако годы первых пятилеток были отмечены созданием на Магнитострое разветвленной сети периодических изданий. В 1930-е годы в городе издавалось более десятка газет разнообразной тематики. По инициативе корреспондента «Комсомольской правды» С.Д. Нариньяни на новостройке регулярно выходили газеты: «Комсомольская правда на Магнитострое»¹¹, первая и единственная в СССР ночная газета «Даешь чугуны»¹². В 1930–1931 гг. один раз в пятидневку выпускалась газета «Опыт стройки»¹³, которая расходилась в количестве 15 тыс. экземпляров по всем стройкам Союза. В ноябре 1932 г. вышел первый номер «Магнитогорского пионера». В 1935 г. в городе появились две новые многотиражки: «Магнитогорский металл» и «Магнитострой». Выходили цеховые многотиражные издания «Электроток – в срок», «Коксовик» и др., стенгазеты «Паросиловик», «Разливка», «Сталинец», «За освоение стана» и пр., а также газеты-листки и «молнии». Многие местные издания имели отраслевую специфику либо были ориентированы на конкретную категорию населения. Раз в пятидневку с 1932 г. выходил «Горняк», освещавший развитие горнорудного хозяйства завода. В газете «За металл» освещалось доменное производство, а также проблемы, с которыми рабочие цехов сталкивались в быту, учебе и труде. «Магнитогорский комсомолец» имел комсомольско-пионерскую направленность и, так же, как и ориентированный на подрастающее поколение «Магнитогорский пионер», активно призывал молодежь вступать в ряды ВЛКСМ, помогать социалистическому строительству. «Магнитогорский печатник»¹⁴ на своих страницах публиковал материалы о жизни репортеров и о материально-бытовых трудностях, с которыми они сталкивались в жизни и в процессе издательской деятельности, а также приказы по типографии. Даже при Магнитогорской исправительно-трудовой колонии имелась своя многотиражка – «Борьба за металл»¹⁵, рассказывающая как «рецидивисты и деклассированные элементы превра-

щались в активных строителей социализма»¹⁶. Выходили периодические издания также в пригородных колхозах и совхозах¹⁷. Ведущим печатным изданием города, рассчитанным на широкую читательскую аудиторию, была газета «Магнитогорский рабочий»¹⁸, разовый тираж которой в марте 1931 г. составил 14 895 экземпляров, а 1 августа 1931 г. вырос вдвое, составил 26 тыс. экземпляров¹⁹. Остальные периодические издания города не располагали собственными издательствами и печатались в типографии «Магнитогорского рабочего».

Карикатура использовалась на страницах городских многотиражек довольно интенсивно, особенно в первой половине 1930-х годов. Объяснялось это рядом причин. Во-первых, материально-техническая база городской типографии была крайне скудной и возможности сопровождения текстов фотоиллюстрациями были ограничены. Типографии магнитогорских газет работали на устаревшем оборудовании, ощущался недостаток цветных металлов, бумаги, фотоаппаратов и фотопринадлежностей. Постепенно число фотографий на страницах газет увеличивалось, а карикатур – сокращалось, и к середине 1930-х годов в магнитогорской прессе уже наблюдалась фотографическая «экспансия».

Во-вторых, население Магнитогорска, как и страны в целом, было неграмотно²⁰. Многие не умели читать, а карикатуры были вполне понятными и доступными для всех. Структура карикатурных изображений в местных газетах год от года усложнялась. Если в 1930–1932 гг. карикатуры представляли собой исключительно графические изображения, то с 1933 г. в карикатуре все активнее использовались сопроводительные тексты. У карикатур появились название/заголовок, эпиграф (чаще всего цитата рабкоров Магнитогорска), дополнительные подписи (располагались преимущественно под рисунком). Кроме того, герои карикатур «заговорили». Данная тенденция, конечно, не означала, что Магнитогорск стал городом сплошной грамотности, но в определенной степени свидетельствовала о развитии образования, а также об укреплении материально-технической базы печати. Нередко карикатуры с целью большего воздействия на зрителя сопровождались текстом в виде лозунга или

призыва, иногда в виде стихотворных строк вроде: «Лодырь, рвач и пустозвон из бригад ударных вон»²¹. С 1937 г. местные карикатуры представляли не единичные изображения, а целые серии зарисовок. Так, 28 марта 1937 г. в газете «Магнитогорский рабочий» опубликовали карикатуру «Фашистская Германия уже давно бы напала на Чехословакию, если бы у нее не было договора о взаимной помощи с СССР», которая представляла небольшой цикл зарисовок²². В изображении мира негатива с карикатурой мог конкурировать, пожалуй, лишь изобретенный советскими фотокорреспондентами жанр разоблачительного снимка – фотообвинение. Последний, однако, в 1930-е годы не стал востребованным способом критики и высмеивания разного рода пороков и недостатков, в то время как карикатура, выступающая самостоятельным жанром в периодической печати, не теряла своей актуальности на протяжении всего предвоенного десятилетия.

В первой половине 1930-х годов преобладали карикатуры на местные темы. Критике подвергались те явления, которые мешали успешному процессу строительства комбината и города. Со второй половины десятилетия, когда первоочередные задачи строительства в основном были решены, комбинат вступил в период поступательного развития, а повседневная жизнь стала налаживаться, число карикатур о внешнем мире существенно увеличилось. К тому же это объяснялось усилением общей международной напряженности. Если в начале второй пятилетки число карикатур на международные темы не превышало 20%, то в 1937–1940 гг. их было не менее 46,7%²³.

К сожалению карикатуры, публикуемые в местных газетах в первой половине 1930-х годов, не часто сопровождались подписью автора. Установить, кто именно создал ту или иную зарисовку, практически невозможно. Можно предположить, что авторами карикатур выступали художники из штата типографии «Магнитогорский рабочий»: Г.Я. Соловьев, Г.Е. Шибанов, Б.И. Пророков, Н.М. Аввакумов и некоторые другие. Порой карикатуристами выступали местные жители и рабочие комбината, ставшие рабкорами и не понаслышке знавшие проблемы и трудности, с которыми сталкивался город. Это придавало

карикурам особенно злободневный характер. Карикатуристы использовали фотомонтаж: фотографии реальных людей они дополняли карикатурными изображениями, и появлялась карикатура на конкретного человека, которого ни с кем нельзя было перепутать²⁴. Практически все карикатуры второй половины 1930-х годов имели автора, но при этом многие карикатуры были просто скопированы из центральных газет страны и даже из иностранных периодических изданий. Местные карикатуристы в целом дублировали стандартные изображения и образы из центральных изданий. Ведущим специалистом из Магнитогорска, готовившим карикатуры на международные темы, был Е. Куликов. Среди работ известных советских карикатуристов в Магнитогорске публиковали рисунки Б. Ефимова, Кукрыниксов, Моора и др. Общее число карикатур на международную тему, созданных местными авторами, равнялось 25,3%, из центральных изданий («Правда», «Комсомольская правда», «Известия», «Красная звезда», «DZZ»²⁵ и др.) в местных газетах публиковалось до 62,7%, остальные 22,7% были перепечатками из иностранных изданий, а именно американской газеты «New York Times», английской «Daily Herald», французской «Tribunes de nation», испанской «Mundo Obrero» и некоторых др.²⁶

Тематика карикатурных изображений в городских многотиражных изданиях очень разнообразна. По сюжетному наполнению можно выделить три группы рисунков. К первой можно отнести социально-бытовую карикатуру. Ее популярность понятна – это было связано с неблагоприятными культурно-бытовыми условиями жизни, труда и учебы в Магнитогорске. Критике подвергались тунеядство, алкоголизм, бюрократизм, высмеивались «летуны», хулиганы и т.п. Вторая группа была посвящена внутривнутриполитической ситуации – к ней относились карикатуры, посвященные внутривнутрипартийной борьбе 1920–1930-х годов, а также победам в годы революции и гражданской войны. Их число было незначительным (7,5–8% от общего числа карикатур).

Третья группа карикатур отражала информацию о событиях в мире, формируя инокультурные представления у жителей города. Стоит отметить, что карикатурные изображения мира в

1930–1933 гг. помещались в основном на последней полосе газеты, а с конца 1934 г. многие из них стали публиковаться на первой полосе. Однако с осени 1939 г. карикатуры о мире вновь оказались на последней полосе газет, что было вызвано сменой внешнеполитических ориентиров СССР. Сюжеты, которые чаще всего использовались местными карикатуристами, в целом не отличались от карикатур в центральных изданиях, поскольку до 85,4% перепечатывались из центральных и иностранных изданий. К тому же информация о внешнем мире, доступная подавляющему большинству советских граждан, была ограничена, каналы ее поступления практически полностью контролировались властями²⁷.

Все карикатуры на международные темы можно разбить на три подгруппы. Первая, самая многочисленная, составляющая около 70% от общего числа подобных карикатурных изображений, демонстрировала милитаристские устремления Германии и Италии в Европе и Японии в Китае. Наиболее узнаваемым было изображение А. Гитлера и его приспешников, которых изображали очень похожими на самого фюрера. Более того, даже в быке на карикатуре братьев Абрамовых легко угадывается лицо А. Гитлера, а хвост животного закручивается в форму свастики²⁸. Кроме того, на страницах местных газет легко узнаваемыми стали образы Й. Геббельса, Б. Муссолини, Ф. Франко, а также «японской военщины»²⁹ в лице генерала С. Араки и «предателя гоминьдана» Ван Цзинвэя.

Вторая подгруппа демонстрировала сюжеты, связанные с «агрессией милитаристских государств»³⁰ по отношению к СССР, и мероприятия по самозащите Советского государства. Карикатуры по этой проблеме составляли более 10%. Осенью 1935 г. в газете «Борьба за металл» была опубликована карикатура «Долой фашизм»³¹, на которой друг напротив друга были изображены рабочие, требующие работы и хлеба, и империалист с военным (в форме с изображением, напоминающим свастику). Над последними навис кулак с винтовкой, вызывающей соответствующее отношение у советского населения к врагу. Данная карикатура, как и многие другие, участвовала в формировании «оборонного сознания»³² у населения. Так, работа Ку-

ликова «В бессильной злобе» демонстрировала милитаристов Запада и Востока, тянущих руки к СССР. Но на фоне советского солдата все агрессоры выглядели уродливыми карликами, а дымящиеся трубы Магнитогорского металлургического комбината подтверждали силу и неуязвимость страны³³. По словам А.В. Голубева, образ мира, в первую очередь Запада, для всего населения СССР приобретал явно выраженные карикатурные, гротескные черты. Гротеск сводился не только к неожиданным и невероятным ситуациям, но и к гиперболизации образов, проявившихся, прежде всего, в деформации размеров. Так, карикатура «Фашизм», опубликованная в «Магнитогорском рабочем» 29 августа 1937 г. и ставшая реакцией на недавние акты агрессии Германии и Японии, демонстрирует великана, который шагает через весь мир из Испании в Китай, сминая на своем пути города³⁴.

Но, пожалуй, максимально востребованным здесь, в Магнитогорске – новом индустриальном центре, олицетворявшем собой качественные обновления советской действительности, – стали карикатурные изображения, показывающие сущность «антидемократических режимов в странах капитализма»³⁵. Часто подобные карикатуры на страницах местной прессы становились антитезой к общественно-политической жизни молодого уральского города. Например, в 1937–1939 гг. в стране проходили выборы в Верховный Совет СССР, Верховный Совет РСФСР и в местные советы депутатов трудящихся. Вокруг первых выборов, проводившихся на основе конституции 1936 г., установившей всеобщие равные прямые выборы при тайном голосовании, была развернута грандиозная пропагандистская кампания. С лозунгами, плакатами, снимками многотысячных митингов, прошедших в Магнитогорске, на страницах «Магнитогорского рабочего» удачно контрастировали карикатуры, рассказывающие читателю о выборах, проводившихся в странах Запада и в Японии. Так, на одной из карикатур художников Кукрыниксы, размещенной 14 апреля 1938 г. в городской газете, было показано, как происходило «единодушное» голосование в Австрии. Привязанным к креслам избирателям были завязаны рты. А руки за них поднимают спрятав-

шиеся за спинки кресел военные со свастикой на касках³⁶. Аналогично обстояло дело в Италии. На карикатуре «Выборы в Италии» за спиной избирателя стоит верзила-фашист, приставивший к несчастному избирателю пистолет³⁷. Итальянский парламентаризм, подмененный личной диктатурой Муссолини, также стал предметом внимания карикатуристов. Муссолини, спекулировавший на идее воссоздания великой римской империи, имитировал режим римских императоров. Карикатура «Новоявленный римский цезарь» изобразила дуче с лавровым венком в руках на вершине горы, образованной из человеческих черепов³⁸.

Парламентская система милитаристской Японии в изображении карикатуристов выглядела как крепость, напичканная оружием. Действительно, японские военные в 1930-е годы установили полный контроль над парламентом и правительством страны³⁹. Другая карикатура, перепечатанная в городской многотиражке из «Комсомольской правды», изобразила «избирательные заграждения буржуазной демократии». На рисунке по пути к избирательной урне перед населением были выставлены барьеры с табличками: «лишение женщин избирательного права», «возрастной ценз», «оседлость», «образовательный ценз», «имущественный ценз»⁴⁰. Право подачи голоса, таким образом, оставалось у меньшинства населения страны. На рисунке бюллетень в урну опускают лишь двое буржуа во фраках и цилиндрах, а основная масса избирателей осталась за цензовыми барьерами. Дискриминация по половому признаку, наличие образовательного и имущественного цензов в глазах советского избирателя выглядели дикостью на фоне собственных выборов, ставших «всемирным праздником» и олицетворявших триумф социалистической демократии.

15 июля 1935 г. газета «Борьба за металл» на первой полосе поместила карикатуру «Баланс голода»⁴¹. На рисунке были изображены мертвые тела иностранных рабочих и еле живые люди, требующие работы и хлеба. Над ними нависали огромные мешки с пшеницей и ящики с продовольствием, которые удерживал в своих руках империалист в цилиндре. Подпись под карикатурой гласила: «В 1934 г. в странах капитализма

умерли от голода и покончило самоубийством 3 600 000 человек. В тот же год уничтожено больше миллиона вагонов зерна»⁴². Появление такой карикатуры на страницах магнитогорской газеты выглядело как очередная победа над капиталистами, так как именно в 1935 г. в СССР происходил постепенный отказ от карточек⁴³. В Магнитогорске, в частности, ситуация со снабжением стабилизировалась, а качество питания магнитогорцев улучшилось. Карикатуры, обличающие жадность капиталистов, их стремление заработать деньги за счет жизней простых рабочих, регулярно появлялись на страницах местных газет. Карикатура «Сбор урожая» очень ярко демонстрировала отношение капиталистов и «буржуев» к населению капиталистических стран. Непомерно толстый американец «скашивает» валютное поле, а за его спиной остаются черепа и кости⁴⁴. Кроме того, местные карикатуры демонстрировали проблемы преступности и алкоголизма в странах Европы и Америки. На последней полосе местных газет регулярно публиковалась рубрика «У них. У нас», в которой в сравнительном аспекте освещались достижения Советского государства и города Магнитогорска и просчеты капиталистических правительств, повлекшие за собой забастовки рабочих, голод и пр.

Традиционно местные карикатуристы использовали штампованные черты внешнего облика капиталиста (толстый человек в цилиндре с жадными глазами), военного (задранный кверху нос, безумный взгляд, форма, свастика). Но особой отличительной чертой местных карикатуристов было обязательное отражение в карикатуре мощи советской индустрии. Это проявлялось в систематическом изображении комбината на заднем плане карикатур. Так, Е. Куликов создал серию карикатур, в которой отражал роль Магнитогорска и комбината в уничтожении фашизма. На одной из карикатур рабочий рублем давит Гитлера и Муссолини⁴⁵, а на другой советский солдат, за спиной которого дымят трубы Магнитогорского металлургического комбината, не позволяет фашистам в лице Гитлера, Франко и Муссолини переступить границу СССР⁴⁶.

Как современники «читали» международные карикатуры? Этот вопрос, несомненно, был очень важным для чиновников,

занимавшихся визуальной пропагандой, и для самих художников. О том, какую роль играли внешнеполитические карикатуры в жизни магнитогорцев, судить сложно. В нашем распоряжении есть факты, подтверждающие лишь влияние социально-бытовой карикатуры на сознание горожан⁴⁷. Можно предположить, что и образы мира накладывали отпечаток на сознание магнитогорцев. Возможно, поэтому многие советские граждане Магнитогорска негативно относились к иностранным специалистам, принимавшим участие в строительстве Магнитогорского металлургического комбината, многие из которых, к тому же, жили в элитном поселке «Березки», а основная масса рабочих – в бараках и землянках⁴⁸.

В целом, картина внешнего мира, создаваемая карикатуристами, представляла собой неотъемлемую часть официальной мифологии. Местные карикатуристы, находясь под жестким цензурным контролем, не слишком часто создавали собственные карикатурные образы, а в основном использовали клише центральных периодических изданий. Среди техник повышения достоверности образов в Магнитогорске использовались гротеск, аллегория (чаще всего анималистические образы), гипербола, сказочные мотивы и фотомонтаж. Таким образом, карикатурные изображения активно использовались в местных многотиражных газетах, а образы, создаваемые местными карикатуристами, были вполне понятными и узнаваемыми.

---

¹ *Ефимов Б.* Сорок лет: записки художника-сатирика. М., 1961. С. 90.

² *Соколов А.К.* Социальная история России новейшего времени: проблемы методологии и источниковедения // Теоретические проблемы исторических исследований. М., 1998. Вып. 1. С. 108.

³ *Макаров А.Н.* : 1) Инфраструктура магнитогорского фоторепортажа (1929–1939) // Проблемы российской истории. М.; Магнитогорск, 2009. С. 244–257 ; 2) В объективе Магнитка: история новостройки в советском фоторепортаже 1930-х гг. // Там же. М.; Магнитогорск, 2010. С. 505–518 ; *Макарова Н.Н.* : 1) Из повседневной жизни магнитогорцев: система здравоохранения в 1929–1935 гг. // Там же. М.; Магнитогорск, 2009. С. 257–269 ; 2) Семья и воспита-

- ние детей в первой половине 1930-х гг.: (по материалам Магнитогорска) // Там же. М.; Магнитогорск, 2010. С. 518–530; *Чернова Н.В.* Особенности развития местной и кооперативной промышленности в г. Магнитогорск в предвоенные годы // Там же. С. 530–543.
- ⁴ Магнитогорск довоенный, 1929–1941 гг.: сборник документов и материалов / под ред. Н.Н. Макаровой, Н.В. Черновой. Магнитогорск, 2010.
- ⁵ Социалистический город и социокультурные аспекты урбанизации: сборник материалов междунар. науч. конф. Магнитогорск, 10–11 дек. 2010 г. / под ред. Н.Н. Макаровой, Н.С. Фроловой. Магнитогорск, 2010. Из содерж.: «Первый в СССР чисто советский город...»: Магнитогорск в условиях реализации идеи нового социалистического города (1929–1935) / *Н.Н. Макарова*; Иностранцы на Магнитострое на страницах газеты «Магнитогорский рабочий» в 1930–1933 гг. / *Л.П. Спасова*; «Страна должна знать своих героев»: ударники и стахановцы Магнитогорска в советском фоторепортаже 1930-х гг. / *А.Н. Макаров*; Ударничество и стахановское движение в Магнитогорской артели «Уралшвей» (1933–1939 гг.) / *Н.В. Чернова*; Иностранцы архитекторы на строительстве Магнитогорска: европейские идеи и советская реальность *Е.В. Коньшева*.
- ⁶ *Макаров А.Н.* Информационно-пропагандистское сопровождение индустриализации 1929–1941 гг. средствами советского фоторепортажа (на материалах Магнитогорска): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Челябинск, 2013.
- ⁷ *Макаров А.Н.* : 1) Индустриализация и формирование «нового» человека в изображении фото- и кинохроники 1930-х гг. (по материалам Магнитогорска) // Проблемы истории, филологии, культуры. М.; Магнитогорск; Новосибирск. 2011. № 1. С. 113–125 ; 2) «Советские рабочие живут лучше, чем раньше»: взгляд иностранца на индустриализацию 1930-х гг. // Исторический журнал. 2011. № 3. С. 54–65 ; 3) «Такому человеку нужен телефон»: быт Магнитогорска в фотохронике 1930-х годов // Родина. 2011. № 11. С. 108–111.
- ⁸ *Kotkin S.* Magnetic mountain: Stalinism as a civilization. Berkley, 1993.
- ⁹ *Hedin A.* Stalinism as a civilization: New perspectives on communist regimes // Political Studies Review. 2004. Vol. 2, N 2. P. 166–167.
- ¹⁰ *Ibid.* P. 167.
- ¹¹ Газету выпускали с 1 сентября 1930 г., а в октябре 1930 г. она была переименована в «Магнитогорский комсомолец».

- ¹² Первый номер вышел 2 октября 1931 г. в 3 часа ночи; газета выходила до пуска первой домны.
- ¹³ *Попов Л.С.* Печать на индустриальном фронте. Челябинск, 1975. С. 22.
- ¹⁴ «Магнитогорский печатник»: газета рабочих и служащих издательства «Магнитострой». 1931–1933.
- ¹⁵ «Борьба за металл»: газета лишенных свободы и ИТР Магнитогорской ИТК – орган ГВЧ. 1932–1935.
- ¹⁶ Борьба за металл. 1934. 9 февр.
- ¹⁷ «За хлеб» – ежедневная газета Магнитного зерносовхоза.
- ¹⁸ Магнитогорский рабочий. Орган Магнитогорского горкома КПСС и горсовета депутатов трудящихся. 1930 – 1935 гг. Ее издание началось в 1930 г. Первым редактором газеты являлся А.А. Чистов (1930–1931). С января 1931 г. по 1933 г. главным редактором был А.И. Сагалов. Впоследствии этот пост занимали Г.О. Принцмитул, Г.Г. Малышев, А.А. Уманский и др.
- ¹⁹ МУ Магнитогорский «Городской архив». Ф. 10. Оп. 1. Д. 9. Л. 13.
- ²⁰ *Макарова Н.Н.* «В котле индустриализации»: повседневная жизнь Магнитогорска (1929–1941 гг.). Магнитогорск, 2014. С. 332–364.
- ²¹ Магнитогорский рабочий. 1930. 26 окт.
- ²² Там же. 1937. 28 марта.
- ²³ Расчет сделан авторами.
- ²⁴ Магнитогорский призывник. 1933. 23 авг.
- ²⁵ D[еutsche] Z[entral] Z[eitung] – H[емецкая] ц[ентральная] г[азета]; издавалась в СССР с 1926 (16 мая) до 1939 г. (13 июля) в Республике Немцев Поволжья (на немец. яз.).
- ²⁶ Расчет сделан авторами.
- ²⁷ *Голубев А.В.* Политическая карикатура 1920–1930-х гг. как часть советской повседневности // Повседневный мир советского человека 1920–1940-х гг. Ростов н/Д, 2009. С. 350.
- ²⁸ Магнитогорский рабочий. 1937. 18 февр. Подобные аллегории использовались карикатуристами довольно часто. Фашистов изображали в виде быков, львов, змей, собак и пр.
- ²⁹ Магнитогорский рабочий. 1933. 15 апр; 1935. 4 февр.
- ³⁰ Там же. 1937. 17 сент.
- ³¹ Борьба за металл. 1935. 18 сент.
- ³² *Разгонов В.Л., Лопуха А.Д.* Формирование оборонного сознания военнослужащих // Мир науки, культуры, образования. 2013. № 6. С. 268–271.
- ³³ Магнитогорский рабочий. 1937. 10 июня.
- ³⁴ Там же. 29 авг.
- ³⁵ Там же. 1935. 14 авг.

- ³⁶ Там же. 1938. 14 апр.
- ³⁷ Там же. 1937. 15 сент.
- ³⁸ Там же. 8 апр.
- ³⁹ Там же. 9 апр.
- ⁴⁰ Там же. 20 сент.
- ⁴¹ Борьба за металл. 1935. 15 июля.
- ⁴² Там же.
- ⁴³ Дэвис Р.У., Хлевнюк О.В. Отмена карточной системы в СССР, 1934–1935 годы. URL: http://www.fedy-diary.ru/?page_id=5756
- ⁴⁴ Магнитогорский рабочий. 1940. 24 янв.
- ⁴⁵ Там же. 1937. 30 июня.
- ⁴⁶ Там же. 16 июня.
- ⁴⁷ В отдельных случаях карикатура оказывала заметное влияние на трудящихся. Так, каменщик Григорий Сюткин, замеченный в частой смене места работы, стал героем одной из карикатур, размещенной на листке-«молнии». Рослый широкоплечий парень был изображен в образе ангела-хранителя с крыльшками за спиной и ореолом. Не выдержав насмешек и издевательств над собой, «летун» Сюткин написал в газету покаянную заметку, в которой обещал «не летать с одной стройки на другую в погоне за длинным рублем... и перейти на оседлый образ жизни». Однако прозвище «ангел-хранитель» еще долго преследовало каменщика. Через пару лет в отчетах Магнитостроя Сюткин числился в рядах ударников.
- ⁴⁸ Подробнее об этом см.: Макарова Н.Н. Поселок «Березки» и его обитатели: особенности повседневной жизни // Проблемы российской истории. 2013. № 1. С. 279–294.

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В ИСПАНИИ И СОВЕТСКАЯ КАРИКАТУРА

Герой романа И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев» посещает газету «Станок». В числе ее работников описывается карикатурист. «На псиную голову он надел германскую каску с пикой. А затем принялся делать надписи. На туловище животного он написал печатными буквами слово “Германия”, на вите хвосте – “Данцигский коридор”, на челюсти – “Мечты о реванше”, на ошейнике – “План Дауэса” и на высунутом языке – “Штреземан”. Перед собакой художник поставил Пуанкаре, державшего в руке кусок мяса», – так описывается его «производственный процесс»¹.

Эта зарисовка была сделана не случайно. В те годы политическая карикатура была неотъемлемой частью советской периодической печати 1920–1930-х годов. По мнению исследователей, в условиях того времени карикатура была очень важным источником визуальных образов внешнего мира – наряду с зачастую некачественными фотографиями на газетных страницах².

Значение визуальной сатиры прекрасно осознавалось в Советском Союзе. «Карикатура играет огромную роль в политической борьбе и полемике вообще... Политическая карикатура является острым орудием пропаганды... Политическая карикатура не может удовлетвориться простым смехом своего читателя, будь этот смех самый бурный и самый искренний...» – говорится в предисловии к альбому карикатур, посвященному Гражданской войне в Испании³. Политическая успешность считалась крайне важной в оценке карикатуры – не зря автор предисловия подчеркивает, что именно изданию карикатуры Бориса Ефимова⁴ «вызывают максимальный агитационно-пропагандистский эффект»⁵.

Естественно, что карикатуры не только составляли основу юмористических журналов, таких, как «Крокодил», но и были частыми гостями на страницах крупнейших советских газет, в том числе «Правды» и «Известий».

Особенно популярным был жанр карикатуры в газете «Известия». Там злободневный внешнеполитический рисунок в 1936–1937 гг. выходил примерно в каждом третьем номере. Всего в 1936 г. в «Известиях» было опубликовано 122 работы на внешнеполитические темы, в 1937 г. – порядка 135. В 1938 г. их количество сократилось почти вдвое – до 55 работ. В 1939 г., до капитуляции республиканцев 1 апреля, никаких внешнеполитических карикатур (не только на испанскую тематику) в газете «Известия» не размещалось.

Газета «Правда» проявляла меньше активности: в 1936 г. на ее страницах появилось 33 карикатуры, в 1937 г. – 24 работы. Однако в этой газете спада публикаций в 1938 г. не наблюдается – там в течение года было размещено 35 карикатур. В первые месяцы 1939 г., как и в «Известиях», злободневные политические рисунки не публиковались.

Главным карикатуристом «Известий» был Борис Ефимов. На его долю приходится подавляющее большинство работ. Более того, работы именно этого художника включались в специальные альбомы. Конечно, в этих альбомах преобладали перепечатки карикатур из газет, но были и эксклюзивные материалы⁶. Вероятно, объяснить его активность можно не только запросом редакции на острые и злободневные рисунки – Ефимов в своих мемуарах отмечает, что из-за семейных обстоятельств вынужден был много работать⁷.

В «Правде» почти безраздельно господствовали Кукрыниксы⁸ – лишь дважды за период с начала 1936 по 1939 г. в газете появлялись карикатуры английского мастера Д. Лоу⁹. Перепечатки его работ публиковали и «Известия»¹⁰.

Более того, некоторые издания, не публиковавшие карикатуры на постоянной основе, вдруг приводили такие изображения из «буржуазных» средств массовой информации¹¹ – но эти публикации носили разовый характер.

Все это позволяет говорить о широкой источниковой базе исследований по истории советской карикатуры. Сам жанр не обойден вниманием исследователей¹², однако отражение событий Гражданской войны в Испании (1936–1939) не становилось предметом особого внимания историков, хотя некоторые сюжеты, связанные с реакцией политического руководства на события в Испании, а также с восприятием их в массовом сознании, находят отражение в литературе¹³.

Можно сказать, что карикатура вызывает интерес, как практика «политической культуры: зоны пересечения между политическими практиками и структурами и культурными ожиданиями, нормами и ценностями»¹⁴. Применяя этот тезис к реакции советских мастеров газетного рисунка на испанские события, можно увидеть, как для решения политических задач – привлечения внимания к Гражданской войне, формирования положительного образа республиканской Испании в массовом сознании и организации кампании солидарности – широко использовались культурные стереотипы, существовавшие в советском обществе.

Следует отметить, что до начала Гражданской войны события в Испании оставались на периферии общественного мнения в СССР, что проявлялось и в карикатуре. Так, в «Известиях» в 1936 г. до мятежа появилось две карикатуры на испанские темы, с 17 июля до конца года – 28 работ. В «Крокодиле» с 1922 по июль 1936 г. вышло лишь 14 карикатур с упоминанием Испании, до конца 1936 г. испанская тема обыгрывалась в 22 карикатурах.

В «Правде» ситуация была схожей – в 1936 г. до начала войны ни одной карикатуры на испанские сюжеты в печати не появилось. Первые карикатуры, обыгрывающие реалии Гражданской войны, вышли в газетах в начале августа 1936 г., хотя мятеж начался еще 18 июля¹⁵.

Однако в дальнейшем ситуация резко изменилась: испанская тематика в работах советских карикатуристов занимает очень важное место. Так, в «Известиях» в 1936 г., после начала мятежа 28 карикатур были прямо или косвенно посвящены испанским событиям, всего за этот период вышло 68 работ (41%).

В «Правде» из 17 вышедших после 18 июля карикатур шесть были посвящены испанским делам (35%).

В 1937 г. из 135 опубликованных в «Известиях» работ испанским событиям была посвящена 61 (45%). Наиболее активны карикатуристы были в январе 1937 г., когда из 12 опубликованных карикатур испанской тематике были посвящены девять (75%). К концу года интерес к теме начал спадать: в ноябре 1937 г. не было опубликовано ни одной карикатуры про Испанию, в декабре 1937 г. – лишь две работы. Похожая картина наблюдается в «Правде»: в 1937 г. на 24 карикатуры приходится 10 на испанские темы (42%). По месяцам картина более сглаженная: в январе 1937 г. карикатуры распределились пополам – 2 на 2. Зато в марте все три опубликованные карикатуры были связаны с испанскими сюжетами – победой республиканцев при Гвадалахаре и политикой «невмешательства». Также «стопроцентный результат» – обе опубликованные за месяц карикатуры посвящены Испании – наблюдается в мае того же года.

В «Крокодиле» за год появилось 34 карикатуры на эту тему.

В 1938 г. фиксируется спад интереса к Испании в карикатуре – на фоне общего сокращения внешнеполитических карикатур в газете. Так, общее число работ в «Известиях» за год сократилось до 52, на испанскую тему из них было всего 10 (19%). Причем карикатуры на испанские сюжеты публиковались выборочно – так, они не появлялись в печати летом (с мая по август), а также в ноябре и декабре. В «Правде» падение еще резче: на 35 вышедших карикатуры приходится всего четыре на испанские темы. В «Крокодиле» же за год появилось всего 11 работ на испанские темы.

Причина спада интереса к событиям на краю Западной Европы видится в нескольких факторах: установившийся позиционный характер войны и – как следствие – отсутствие крупных событий, ее затяжной характер (к началу 1938 г. она продолжалась уже почти полтора года), а также появление новых очагов напряженности – аншлюс в марте 1938 г., японская агрессия в Китае, пограничный конфликт на озере Хасан и др.

В 1939 г. «Крокодил» лишь однажды обратил внимание на Испанию, изобразив Франко на коллективной карикатуре, посвященной общеевропейской ситуации, «Ансамбль международной свистопляски»¹⁶. В периодических изданиях в первые четыре месяца года (пока продолжалась война) карикатур на внешнеполитические темы не печатали.

Скорее всего, это можно объяснить не только внутриредакционными обстоятельствами¹⁷, но и общим непониманием того, как нужно освещать реалии внешнего мира в условиях напряженности.

Основные сюжеты «испанских» карикатур можно разделить на две группы: непосредственно связанные с военными действиями на фронтах Гражданской войны и обыгрывающие реакцию международного сообщества на эти события.

Внутрииспанское противостояние практически не нашло своего отражения в карикатуре. Несмотря на то, что в периодике и некоторых полуофициальных документах по отношению к франкистам употребляется слово «белые»¹⁸, на карикатурах практически не появляются образы «буржуа» или католического священника¹⁹. Неясно социальное происхождение мятежников – лишь пару раз в «Крокодиле» делается намек на их люмпенскую, бандитскую сущность: мы узнаем о том, что франкисты «будут драться как львы – впереди ювелирный магазин», а также о бегстве армии каудильо от полиции из-за ее уголовного прошлого²⁰.

Лица конфликта на Пиренейском полуострове представлены мало. Основной враждебный образ – естественно, генерал Франко. Главное карикатурное свойство «каудильо»²¹ – его несамостоятельность, подчиненное положение в отношении других лидеров фашистов – в частности, немецких и итальянских.

Иногда карикатуристы отводят лидеру испанских мятежников роли неодушевленного предмета – так, он становится тряпичной куклой в руках берлинских и римских кукловодов²², им – в качестве тарана – пытаются пробить стену Мадрида²³. В умелых немецких руках перевоплотившийся в игрушку «уйди-

уйди» каудильо требует признания своего правительства «воюющей стороной»²⁴.

Часто Франко изображается в виде животного: то он предстает перед читателем взмыленной лошадью, на которой Гитлер и Муссолини хотят попасть в Мадрид, то в виде мартышки, сидящей на плече у Гитлера, идущего по колено в крови испанского народа²⁵. Он видится мастерам советского сатирического пера маленькой комнатной собачкой, наблюдающей вместе с хозяевами за «танцем семи (а то и больше) покрывал», который танцует неведомая лондонская Суламифь²⁶. Стоит заметить, что художники вообще любили «собачью тему» в отношении Франко – уже в конце 1938 г. он изображается в виде прожорливого бульдога, в пасть которого немецкие и итальянские бонзы бросают лопатами оружие²⁷. Для передачи внутренней сущности генерала Б. Ефимову пришлось выдумать «Саламанкский гибрид» – «помесь зайца и крысы»²⁸.

Впрочем, Франко изображается и как человеческое существо. На ранней карикатуре он преобразуется в индейца, целующего ноги итальянским и немецким конкистадорам в Бургосе²⁹. Франко занимает подчиненное положение на «фашистской кухне войны» – там ему советские карикатуристы отводят роль служки, подбрасывающего дрова в печь. Что интересно, статус каудильо все же выше, чем у Троцкого, которому отводят малоприятную роль крысы, роющей в отбросах³⁰. Будущий вождь испанцев выводится в роли матроса, голого по пояс, с серьгой в ухе, на корабле под командованием адмирала Гитлера³¹. Но стереотипный Франко советской карикатуры – это истерично кричащий маленький человечек, торчащий из сумки или кармана немецкого солдата³².

Правда, вождь испанских мятежников иногда становится полноправным соратником Муссолини, Гитлера и португальского диктатора Салазара – когда его изображают волком, стремящимся съесть мир – «Красную Шапочку»³³.

Другие генералы-мятежники появляются в советской карикатуре крайне редко. Лишь изредка на рисунках появляется генерал Мола³⁴ – в виде куклы вместе с Франко³⁵. Еще одна карикатура изображает группу залитых кровью безымянных

генералов, которые путешествуют на «белом коне», под которым скрываются Гитлер и Муссолини³⁶.

Республиканские лидеры – такие, как неизменно популярные в Союзе Долорес Ибаррури и генеральный секретарь Испанской коммунистической партии (ИКП) Хосе Диас – на карикатурах не выводятся. Лишь несколько раз в карикатурах появляется обычный человек, который или отбивает атаку бросающегося на него оскаленного пса³⁷, или бьет по зубам итальянского вояку³⁸, или пишет на доске «Урок географии»: «Мадрид – не Аддис-Абеба» для взбешенных фашистских лидеров³⁹. Карикатура, как жанр, предполагает гротескное выпячивание негативных качеств объекта сатиры. Соответственно, позитивного персонажа на карикатуре нужно изображать обычным, ничем не выделяющимся – но, что естественно, такой образ меньше запоминается.

Разнообразными изображениями лидера мятежников их отражение в советской политической карикатуре не исчерпывается. Постоянно на сатирических рисунках появляются изображения армии франкистов.

В ее описании акцент делается на неиспанский, ненациональный характер вооруженных сил мятежников. В числе ее характеристик – «марокканские наемники, германские бомбы, итальянские танки»⁴⁰. Мятежников называют «арийскими и неарийскими маврами», объединенными родством «на крови» испанского народа⁴¹. Доблестью для Франко становится присвоение «чина немецкого добровольца»⁴². Франко в ноябре 1936 г. призывает немцев, итальянцев и марокканцев «взять Мадрид и никаких испанцев»⁴³. В составе «Испанской национальной армии» – именно так назывались части, подконтрольные Франко, – исключительно итальянцы и немцы⁴⁴.

За оказанные услуги Франко приходится продавать Испанию в буквальном смысле – то итальянский летчик выставляет каудильо «счет» на Балеарские острова, то будущий генералиссимус подписывает вексель о продаже Испании немцам⁴⁵.

С этими сюжетами советские художники постоянно связывают откровенную помощь Германии и Италии мятежникам, которую в периодике называли «интервенцией». Частый визу-

альный образ – немецкие и итальянские самолеты, бомбящие мирные испанские города⁴⁶. Наверное, использование образа самолета вызвано мощной пропагандистской кампанией в Советском Союзе в отношении авиации Страны Советов⁴⁷. Генерал Франко становится «окрыленным», летя на крыльях рядом с немецкими и итальянскими самолетами. Бомбы, падающие на Мадрид осенью 1936 г., изображаются художниками как «верительные грамоты» от правительства Франко⁴⁸. Однако помощь Франко не ограничивается только самолетами и бомбами – сатирические рисунки пестрят изображением немецких добровольцев, которые изображаются бравыми детинами с ружьем⁴⁹. На карикатурах их в Испанию гонят полками, при этом отправка добровольцев происходит при международном попустительстве⁵⁰.

Немецкие и итальянские солдаты практически всегда изображаются крепко сбитыми парнями с характерными знаками-ярлыками фашистских режимов. У немцев – на рукаве повязка со свастикой, сапоги и мундиры, у итальянцев – фасции (так, на одной из карикатур на затонувшей подводной лодке «неизвестной национальности» найдены фасции, что должно символизировать ее реальное итальянское происхождение)⁵¹.

Жестокости, творимые интервентами, – также очень важный сюжет карикатур. Иногда они изображены без конкретики – в виде посещения итальянскими и немецкими туристами испанского курорта, после которого остаются одни развалины; англичанин из Комитета невмешательства не видит нарушений в разрушенном городе с трупами на улицах; итальянец несет книгу «Убийства женщин и детей». Итальянские артиллеристы называют «блестящей мыслью» выстрелы снарядами по женщинам и детям Мадрида⁵².

Но чаще такие работы привязаны к конкретным событиям. На ожесточенные бомбежки Мадрида германо-итальянской авиацией «Известия» откликнулись коллажем. На нем с самолетами и улыбающимися Гитлером и Муссолини соединены фотографии детей, убитых при авианалете на город⁵³. Интервентов регулярно изображают идущими по колено в испанской крови. Реакцию карикатуристов также вызывали такие собы-

тия, как обстрел с моря Альмерии, вызвавший большие жертвы⁵⁴, и авиабомбардировка Герники, которая «сама себя бомбардировала»⁵⁵, по утверждению министра иностранных дел Рейха Риббентропа. На карикатурах можно увидеть и развалины Малаги после немецкого артобстрела.

Постоянная тема советской карикатуры – умение итальянцев воевать только с заведомо более слабым противником. Потрепанные мятежники «на Мадридском фронте» задаются вопросом – «какая же это война, если у противника есть танки и самолеты?»⁵⁶ Вместо побед на фронте итальянские вояки предпочитают громить кинотеатры с советскими фильмами в Китае⁵⁷, расстреливать мирных жителей в недавно оккупированной Абиссинии – «для поддержки престижа итальянского оружия»⁵⁸. Интересно, что немецкие военные в таком положении не оказываются, – вероятно, здесь карикатуристы обыгрывают стереотип об итальянцах как о плохих, негодных солдатах⁵⁹.

Еще один важный военный мотив Гражданской войны, нашедший частое отражение в карикатуре, – пиратство германо-итальянских военно-морских сил на Средиземном море. Еще осенью 1936 г. итальянские военные топят советское судно «Комсомол», подозревая его в доставке военных грузов республиканцам. Это вызывает мощную кампанию протеста в советской печати, в стороне от которой не оказываются и карикатуристы. Причем сатира уступает на этих рисунках место настоящему возмущению⁶⁰.

В 1937 г. пиратская тема продолжает занимать значительное место на карикатурах. Непризнание подобных действий Германии и Италии мировым сообществом приводит к появлению «пиратов неизвестной национальности»⁶¹. Наглость и нахальство итальянцев не знают границ, на одной из карикатур Муссолини сначала разговаривает с капитаном «неизвестной подводной лодки», поздравляя его с успешной операцией, затем выпроваживает его – в дверях появляется английский посол, прибывший для переговоров о «безопасности в Средиземном море»⁶².

Стоит заметить, что собственно события Гражданской войны на карикатурах обыгрывались редко. Частично это связано

с тем, что крупные военные успехи республиканцев случались нечасто (к ним стоит отнести успешную оборону Мадрида осенью – зимой 1936 г.⁶³, разгром итальянского экспедиционного корпуса под Гвадалахарой в феврале 1937 г.⁶⁴, взятие Теруэля в конце 1937 г.⁶⁵). Тем не менее, разгром под Гвадалахарой обыгрывается в карикатурах многократно – на них изображаются битые лидеры фашистов⁶⁶, поражение под Гвадалахарой и бесплодные потери наступающих франкистов под Харамай становятся поводом для свары между Гитлером и Муссолини⁶⁷. В одной из карикатур Б. Ефимов апеллирует к «Севильскому цирюльнику», говоря о «республиканском бритье», устроенном итальянцам под Гвадалахарой⁶⁸. Взятие Теруэля также стало популярным сюжетом – сатирические рисунки изображают перепуганных союзников Франко, падающих в испуге со стула⁶⁹, а также самого генерала, составляющего сводку о паническом бегстве своих солдат из каталонского города⁷⁰.

Однако стоит заметить, что отношение к этим военным событиям было разным – Гвадалахара упоминалась как символ военного кошмара итальянского фашизма даже через год после самих событий⁷¹, Теруэль же был «отыгран» на стыке 1937 и 1938 гг., далее в карикатурах не упоминался.

* * *

Как уже отмечалось выше, изображение Гражданской войны в Испании не ограничивалось отображением военных событий. Постоянным объектом советской сатиры стала деятельность Лондонского комитета по невмешательству⁷². Его советская печать обвиняла в негласном попустительстве мятежникам и иностранному участию в конфликте.

Такое отношение к этой организации в прессе было обозначено раз и навсегда – в самом начале войны Б. Ефимов нарисовал трех джентльменов в костюмах, которые закрывают уши и глаза, пытаясь не увидеть фашистский самолет, несущий бомбу⁷³.

Громоздкая система принятия решений в Комиссии работает на мятежников – настолько, что Франко вручает главе комиссии лорду Плимуту «орден св. Процедуры»⁷⁴. Лорду советские карикатуристы приписывают изобретение «светофора», который всегда предоставляет зеленый свет грузам для Франко⁷⁵. При этом на формалистов-комитетчиков, если надо, мятежники плюют без зазрения совести, растапывая ноты и другие дипломатические документы⁷⁶.

Образ члена Комитета по невмешательству основан на культурных стереотипах о дипломате. Он всегда в шляпе-цилиндре, во фраке и полосатых брюках. Он крайне доверчив, его легко обманывают Гитлер и Муссолини, вывозящие под лозунгом «эвакуации добровольцев» каски и ружья, и он начинает им аплодировать⁷⁷. В карикатурах часто обыгрывается излишнее внимание дипломатов к формальностям – их страсть к принятию «бумажных» постановлений, что кажется карикатуристам двойным стандартом⁷⁸. Иногда позицию Лондонского комитета характеризуют как «чересчур вежливую», намекая, что дипломаты просто не хотят видеть очевидных вещей⁷⁹.

На карикатурах изображаются и позиции других стран, непосредственно не участвующих в конфликте. Так, Англия – «владычица морей» – принявшая, по сути, военно-морскую блокаду Бильбао франкистами весной – летом 1937 г., изображается в виде морской богини, старающейся не защищать интересы своих подданных, и уступающей мелкому божку со свастикой⁸⁰. Англичане, не пускающие под предлогом безопасности баржи с продовольствием в осажденную столицу Баскони, ставят «кислые мины» в Бискайском заливе⁸¹.

Еще одна страна, чей образ представлен на карикатуре, – Португалия. Это связано с той горячей поддержкой, которую режим Салазара оказал франкистам⁸². Правда, несмотря на это, Португалия изображается маленькой и несамостоятельной страной⁸³. Салазара называют «лиссабонской петрушкой»⁸⁴, он изображается в виде наручной куклы немецкого офицера.

Еще одна страна, на тот момент игравшая существенную роль в европейских делах, – Франция – на сатирических рисунках в контексте испанских событий практически не изобража-

ется. Лишь на одной поздней работе в «Крокодиле» Франция не хочет видеть немецкие пушки на своих южных рубежах⁸⁵.

* * *

Таким образом, на основании вышеизложенного материала, можно попытаться выявить то, как освещались события в Испании и то, какими средствами это делалось. Один из выводов – война на Пиренейском полуострове рассматривалась как глобальный мировой конфликт, в который вовлечены крупнейшие мировые игроки. События Гражданской войны в Испании выходят за локальные рамки, это бой всего человечества с фашизмом – таков, как кажется, посыл карикатуры относительно Гражданской войны. Так, «испанские карикатуры» входят в сборник «Фашизм – враг народов»⁸⁶, а специальный альбом по испанским событиям называется «Фашистские интервенты в Испании».

Стоит также заметить, что антифашистский пафос советской сатиры по поводу войны на Пиренеях в значительной степени заглушает пафос классовой борьбы. Тому может быть два объяснения – с одной стороны, советское общество нуждалось в сплочении именно перед лицом внешнего врага, с другой – испанская Республика, несмотря на свои связи со Страной Советов, не была полностью подчинена политической воле Москвы и вообще была «буржуазной» по своему политическому устройству страной.

Не свободна политическая карикатура того времени от обыгрывания внешнеполитических стереотипов в отношении других европейских стран. Так, немец, как правило, изображается мощным верзилкой, англичанин – аккуратным и подтянутым джентльменом с сигарой и в цилиндре.

В период обостренного интереса к испанской теме – в конце 1936 и до конца 1937 г. – карикатуристы часто обращались к пиренейским событиям. Но и в 1938 г., на фоне общего спада интереса к Гражданской войне, около 20% карикатур в периодике посвящались этому сюжету. Над темой работали почти все ведущие художники этого жанра в СССР.

При этом формирующийся образ Гражданской войны никак нельзя назвать романтическим. Яркие образы, созданные поэтом Лоркой, художником Пикассо, писателем Хемингуэем, остаются за пределами карикатуры. Война полностью лишена национальных испанских черт, более того – она ставится в общемировой контекст. Поэтому ужасы войны в Альмерии и Гернике ставятся в один ряд с взятием Аддис-Абебы и китайских городов японцами. Война представлялась крайне жестокой. Подчеркивалось, что весь мир продал испанскую Республику, позволяя фашистам атаковать ее превосходящими силами. Возможно, здесь можно увидеть апелляцию к многократно обсуждавшейся в литературе пропагандистской модели «осажденной крепости», которая переносилась на Испанию.

---

¹ Ильф И., Петров Е. Двенадцать стульев. М., 1974. С. 174–175.

² Голубев А.В. «Если мир обрушится на нашу Республику...»: советское общество и внешняя угроза в 1920–1940-е годы. М., 2004. С. 238–239.

³ Ефимов Б. Фашистские интервенции в Испании. Карикатуры Бор. Ефимова. [М.], 1937. С. III (предисловие Н. Корнева).

⁴ Борис Ефимович Ефимов (1900–2008) – советский художник, график, карикатурист. Народный художник СССР (1951), Герой Социалистического Труда (1990). В 1930-е годы сотрудник «Известий», автор тысяч политических рисунков. Автор нескольких книг мемуаров: «Мне хочется рассказать» (М., 1970), «Десять десятилетий: о том, что видел, пережил, запомнил» (М., 2000) и др.

⁵ Ефимов Б. Фашистские интервенции в Испании ... С. IV.

⁶ Так, в сборнике «Фашистские интервенции в Испании» из 40 карикатур семь не были опубликованы в «Известиях».

⁷ Ефимов Б. Десять десятилетий: о том, что видел, пережил, запомнил. М., 2000. С. 244–245.

⁸ Кукрыниксы – название творческого и личного союза трех художников-карикатуристов М.В. Куприянова (1903–1991), П.Н. Крылова (1902–1990) и Н.А. Соколова (1903–2000). Работали в жанре карикатуры. Герои Социалистического Труда, многократные лауреаты Ленинской, Сталинской и Государственной премий. Авторы сотен карикатур, плакатов и живописных полотен.

⁹ Правда. 1936. 26 янв.; 24 нояб.

¹⁰ Известия. 1938. 29 марта; 4 авг.

- ¹¹ Литературная газета. 1937. 30 июля. Перепечатаны рисунки из чешской газеты *Simple* и французского юмористического журнала *Canard Enchaîné*.
- ¹² *Голубев А.В.* Указ. соч. С. 239–275; *Голубев А.В., Поршинева О.С.* Образ союзника в сознании российского общества в контексте мировых войн. М., 2012. С. 248–250, 283–292; *Kangas R.* Constructing the Soviet View on the Cold War through Cartoons // Конструируя «советское»? : политическое сознание. повседневные практики. новые идентичности: материалы 8-й науч. конф. студентов и аспирантов (18–19 апр. 2014 г., Санкт-Петербург). СПб., 2014. С. 71–81; *Лазари А., Рябов О.В.* Образ врага: поляки и русские в сатирической графике межвоенного периода (1918–1939) // Историк и художник. М., 2008. № 1–2. С. 68–82; *Невежин В.А.* Образ Польши в советской карикатуре периода Второй мировой войны (к постановке проблемы) // Поляки и русские – преодоление предубеждений. Лодзь, 2006. С. 301–317; *Рябов О.В.* Образ врага с советской политической карикатуре межвоенного периода. Случай Польши // Там же. С. 275–287; *Токарев В.А.* Польская тема за пределами «Правды»: советская сатирическая графика в столичных и провинциальных изданиях // Там же. С. 287–300; и мн. др.
- ¹³ О месте Гражданской войны в Испании в массовом сознании советского общества см.: *Мухаматулин Т.А.* «Правительственные самолеты в Испании и правительственная армия – это наша армия и наши самолеты»: Гражданская война в Испании в массовом сознании советского общества // Конструируя «советское»? : политическое сознание, повседневные практики, новые идентичности: материалы науч. конф. студентов и аспирантов (20–21 апр. 2012 г., Санкт-Петербург). СПб., 2012. С. 122–129; *Фитцпатрик Ш.* Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 1930-е годы: город. М., 2008. С. 205. О роли испанской Гражданской войны в политической истории СССР см.: *Хлевнюк О.В.* Хозяин: Сталин и утверждение сталинской диктатуры. М., 2010. С. 290–297; *Шубин А.В.* Великая Испанская революция. М., 2012.
- ¹⁴ *Кром М.М.* Новая политическая история: темы, подходы, проблемы // Новая политическая история: сб. науч. работ. СПб., 2004. С. 7–21. В данном случае автор цитирует французскую исследовательницу Валери Кивельсон.
- ¹⁵ Правда. 1936. 9 авг.
- ¹⁶ Крокодил. 1939. № 12. С. 8–9.
- ¹⁷ Так, в связи с арестом и расстрелом М. Кольцова из «Известий» был уволен Б. Ефимов. В газете его работы перестали печатать, и заменить его, по-видимому, оказалось некем. См.: *Ефимов Б.* Десять десятилетий ... С. 298.
- ¹⁸ Известия. 1936. 26 июля. В своем очерке И. Эренбург пишет о том, что «республиканцы» знают, за что «умирают в эти знойные дни», борясь с «белыми франкистскими бандами».

- ¹⁹ Их можно увидеть лишь на общих карикатурах, где образы священника, старорежимного офицера, «буржуя» лишены национальных черт и их трудно однозначно отнести к реалиям Испании.
- ²⁰ Крокодил. 1936. № 33. С. 13; 1937. № 6. С. 11.
- ²¹ Каудильо – в испанской традиции так назывался диктатор, глава военного переворота. Это слово использовал для самоатрибуции Франсиско Франко, оно также часто использовалось в советской прессе в отрицательном контексте.
- ²² Известия. 1936. 13 нояб.
- ²³ Там же. 1937. 2 янв.
- ²⁴ Там же. 20 июля.
- ²⁵ Там же. 1936. 15 нояб.; 11 дек.
- ²⁶ Там же. 1937. 15 июля.
- ²⁷ Там же. 1938. 20 сент.
- ²⁸ Там же. 1 авг. Такая атрибуция связана с тем, что долгое время непризнанное правительство Франко имело резиденцией Саламанку, и именно в этом старом университетском городе в Испании каудильо был выбран главой временного правительства страны.
- ²⁹ Известия. 1936. 18 дек.
- ³⁰ Правда. 1937. 1 мая.
- ³¹ *Ефимов Б.* Фашистские интервенты в Испании ... С. 32.
- ³² Известия. 1938. 3 сент.
- ³³ Правда. 1937. 16 марта.
- ³⁴ Эмилио Мола (1887–1937) – испанский военачальник, один из командиров мятежников. Родился на Кубе. Был консервативно настроен, не принял революцию 1931 г. и республиканский строй в целом. В российской историографии считается «главным координатором» мятежа. Погиб 3 июня 1937 г. в авиакатастрофе.
- ³⁵ Правда. 1936. 13 нояб.
- ³⁶ *Ефимов Б.* Фашизм – враг народов. Л., [1937]. С. 107.
- ³⁷ *Ефимов Б.* Фашистские интервенты в Испании ... С. 3.
- ³⁸ Известия. 1937. 22 марта.
- ³⁹ Там же. 16 марта.
- ⁴⁰ *Ефимов Б.* Фашистские интервенты в Испании ... С. 24. Также эта карикатура публиковалась в «Известиях».
- ⁴¹ Там же. С. 25. Эта работа также появилась в «Известиях».
- ⁴² Известия. 1937. 10 янв.
- ⁴³ Правда. 1936. 26 дек.
- ⁴⁴ Известия. 1937. 12 февр.
- ⁴⁵ Там же. 1936. 10 дек.
- ⁴⁶ Интересно, что первая появившаяся в Советском Союзе карикатура на испанские дела как раз обыгрывает «частные художественные визиты» итальянских летчиков в Испанию, см.: Там же. 30 авг.
- ⁴⁷ Здесь достаточно упомянуть сформировавшийся в Союзе культ Чкалова, газетную кампанию по поводу перелетов советских летчиков из СССР в США через Северный полюс, рекордных перелетов на Дальний Восток, женского экипажа Полины Осипенко, Ма-

- рины Расковой и Валентины Гризодубовой, совершивших рекордный беспосадочный перелет из Москвы на Дальний Восток и другие события.
- ⁴⁸ Известия. 1936. 20 нояб.
- ⁴⁹ Там же. 1937. 11 янв.
- ⁵⁰ Там же. 1936. 31 дек.
- ⁵¹ Там же. 1937. 11 окт.
- ⁵² Там же. 28 апр.
- ⁵³ Там же. 1936. 18 нояб.
- ⁵⁴ Там же. 1937. 11 июня. Летом 1937 г. немецкие суда обстреляли с моря республиканский порт Альмерия, расположенный в «красной зоне», что повлекло за собой значительные жертвы среди мирного населения.
- ⁵⁵ Там же. 9 мая. 26 апреля 1937 г. город Герника в Стране Басков был подвергнут разрушительной бомбардировке немецкими самолетами. В городе было уничтожено более 75% построек, число погибших различается от 120 до 2000 человек. События в городе стали символом жестокости франкистов и интервентов на Пиренейском полуострове, вызвав мощную культурную реакцию, достаточно назвать картину П. Пикассо «Герника» и др.
- ⁵⁶ Там же. 14 марта.
- ⁵⁷ Там же. 24 февр.
- ⁵⁸ Там же. 21 марта.
- ⁵⁹ Такой стереотип мог сформироваться в глазах жителей России, например, в годы Первой мировой войны, когда Италия в 1915 г. вступила в войну на стороне Антанты, но ее армия была практически сразу разгромлена австрийскими войсками, что заставило англо-франко-русское командование принимать меры по спасению фронта на Апеннинах.
- ⁶⁰ Известия. 1936. 22 дек., 23 дек., 27 дек.
- ⁶¹ Там же. 1937. 27 авг.
- ⁶² Там же. 1938. 5 февр.
- ⁶³ Тогда наступающим войскам генерала Франко при поддержке итальянского экспедиционного корпуса и немецких авиаполков не удалось взять столицу Испании в ходе стремительного наступления, хотя линия боев проходила по окраинам города. В результате линия фронта стабилизировалась неподалеку от города до февраля 1939 г.
- ⁶⁴ В ходе контрнаступления республиканской армии был разгромлен итальянский экспедиционный корпус, развернутый у города Гвадалахара. Там итальянцы потеряли около 1500 чел. убитыми, тысячи ранеными и плененными. После этого поражения франкисты некоторое время не могли проводить дальнейшее наступление на Центральном фронте, перейдя там к стратегической обороне.
- ⁶⁵ В этот период мятежникам удалось прорваться в тылы «красной зоны», начав активное наступление в Арагоне и Каталонии, с намерением выйти к морю и разрезать территорию Республики на

две изолированные части. Однако в результате удачного контрнаступления ключевой каталонский город Теруэль был взят республиканцами, что на несколько месяцев задержало наступление франкистов.

⁶⁶ Известия. 1937. 14 янв.

⁶⁷ Там же. 6 апр.

⁶⁸ Там же. 15 марта.

⁶⁹ Там же. 24 дек.

⁷⁰ Там же. 23 дек.

⁷¹ Там же. 1938. 1 янв. Там в «Международном обзоре» 1938 год грозит Муссолини «новой Гвадалахарой».

⁷² Комитет был создан в сентябре 1936 г. для того, чтобы не допустить превращения внутрииспанского политического конфликта в общеввропейский. Активное участие в работе организации принимали Великобритания, Франция, СССР и другие страны. В частности, Комитет принял решение о введении эмбарго на поставки вооружений обеим сторонам конфликта, однако представители СССР отмечали, что соглашение нарушается немецкими и итальянскими контрагентами.

⁷³ Известия. 1936. 5 окт.

⁷⁴ Там же. 30 окт.

⁷⁵ Там же. 1938. 3 апр.

⁷⁶ См., напр.: Правда. 1937. 11 янв.

⁷⁷ Известия. 1936. 16 окт.

⁷⁸ Там же. 10 окт.

⁷⁹ Там же. 1937. 4 окт.

⁸⁰ Там же. 15 апр.

⁸¹ Там же. 23 апр.

⁸² Стоит заметить, что именно Лиссабон практически сразу – уже в начале августа 1936 г. – признал правительство Франко в Саламанке и активно помогал Франко в военном отношении, что также обыгрывалось в карикатуре, см.: Известия. 1937. 18 февр.

⁸³ Там же. 3 июля.

⁸⁴ Там же. 21 авг.

⁸⁵ Крокодил. 1938. № 10. С. 7.

⁸⁶ Как минимум, одна работа в этом сборнике посвящена Испании, см.: *Ефимов Б.* Фашизм – враг народов. С. 107. Кроме того, на карикатуре «Будут наши судьи в Берлине» Долорес Ибаррури нарисована в президиуме суда – рядом с Димитровым и Тельманом. См: Там же. С. 140.

ТРЕТИЙ РЕЙХ В СОВЕТСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КАРИКАТУРЕ (1933–1939)

В последние годы российская и советская политическая карикатура активно вводится в научный оборот как исторический источник. В России вышло несколько монографий¹ и целый ряд статей², посвященных этой проблематике.

Специфические черты именно советской политической карикатуры, т.е. карикатуры на международную тематику, были проанализированы в целом ряде публикаций, в том числе в статье, опубликованной в сборнике материалов конференции, состоявшейся в Варшаве в 2010 г.³ Тем не менее в этой статье необходимо хотя бы вкратце напомнить о некоторых характерных чертах советской карикатуры, важных именно для заявленной темы.

Прежде всего – и это постоянно подчеркивала советская историография – советская карикатура отличалась своей демократичностью, точнее, нацеленностью на самые широкие слои населения. Далее, политическая карикатура рассматривалась как эффективное средство пропаганды, доступное самым широким массам⁴.

Уже в первых работах, посвященных изучению содержательной, а не изобразительной стороны советской карикатуры, был сделан вывод о том, что ее характерной особенностью являлась повторяемость и узнаваемость нескольких «масок»: империалист, военный, социал-демократ, полицейский и т.п.

Наконец, советская политическая карикатура имела дело не столько с политическими противниками, сколько с классовым врагом, – отсюда ее жесткость, иногда откровенная грубость, готовность к личным выпадам против видных деятелей самых разных стран и самой различной политической ориентации – от Гувера до Ганди, от Геббельса до Гомперса⁵. Впрочем, как мне уже приходилось отмечать в своих статьях, и карикатура,

нацеленная на СССР, нередко носила не менее, а то и более грубый характер⁶.

На протяжении всего межвоенного периода Германия – сначала Веймарская республика, затем Третий Рейх – занимала ведущее место в советской политической карикатуре. Если брать межвоенный период в целом, с 1922 г. по август 1939 г., то из общего числа примерно 1500 политических карикатур, опубликованных в «Крокодиле», материалы которого и положены в основу данной статьи, примерно 560 (свыше 30%) так или иначе затрагивают связанные с ней сюжеты. Но на эпоху Веймарской республики приходится лишь около 180 карикатур⁷. Зато в 1933–1939 гг. карикатуры на сюжеты, связанные с внутренней или внешней политикой Рейха, составляют свыше 50% всех политических карикатур, появившихся в «Крокодиле»⁸. Рекордными оказались 1933 г. и 1938 г. Если в 1933 г. преобладали карикатуры, связанные с внутренней жизнью Германии, то в 1938 г. на первый план, что неудивительно, выдвинулись темы фашистской агрессии, политики невмешательства, подготовки новой мировой войны.

Антифашистские мотивы присутствовали в советской карикатуре уже в 1920-е годы, однако они прежде всего относились к Италии.

По мнению М.Е. Ерина, первое появление нацистов в советской карикатуре относится к 1933 г. и связано с Лейпцигским процессом. Он в частности отмечает такие сюжеты, как разоблачение антикоммунистической направленности нацистской идеологии и критику фашистской судебной системы⁹.

На самом деле и до 1933 г. немецкие фашисты (а также и социал-фашисты – так в советской пропаганде именовали социал-демократов, прежде всего немецких) нередко появлялись в советской карикатуре¹⁰. Гитлер, например, впервые появился в «Крокодиле» в 1929 г. Тогда его внешность была еще мало кому известна. Без подписи узнать его на карикатуре было бы невозможно: Гитлер был совсем не похож на свои позднейшие изображения: лицо испуганное, довольно молодое, щегольские усики с острыми кончиками и модная тирольская шляпа¹¹. Очень активно нацистская тема присутствовала в советской

карикатуре в 1929–1932 гг., когда разразился мировой экономический кризис и вероятность прихода Гитлера к власти становилась все более очевидной.

После прихода Гитлера к власти, когда в Германии была развернута ожесточенная антисоветская кампания, советская пропаганда некоторое время выжидала. Только в декабре 1935 г. нарком иностранных дел М.М. Литвинов подал на имя Сталина секретную записку, в которой предлагал «дать нашей прессе директиву об открытии систематической контркампании против германского фашизма и фашистов»¹². Позднее с подобной инициативой выступал и заместитель наркома, ранее бывший советским представителем в Германии, Н.Н. Крестинский. Но в полную силу антинацистская кампания развернулась уже в 1936 г.

Интенсивность этой кампании то ослабевала, то усиливалась в зависимости от ситуации, тем не менее именно это направление пропаганды оказало заметное воздействие на общественное сознание, что подтверждается многочисленными свидетельствами.

В статье «Агитационный плакат», опубликованной в журнале «Советское искусство» в июле 1937 г., карикатурист Дени¹³ писал: «Появляется антифашистский плакат. В художественной форме этот плакат говорит о волне мракобесия, изуверства, людоедства и об открытой подготовке фашистского военного нападения на СССР. Советский политический плакат разоблачает фашистскую интервенцию в Испании, всю фашистскую кухню войны... Однако наш плакат страдает еще многими недостатками. В нем еще недостаточно остро разоблачается расовая политика фашизма, его поход против культуры, та нищета, безработица и бескультурье, которые несет фашизм»¹⁴. Впрочем, если говорить о карикатуре, темы репрессий, нищеты, голода и бескультурья в фашистской Германии постоянно присутствовали на страницах «Крокодила».

На первых порах по инерции главной мишенью оставались немецкие социал-демократы – они выражали готовность служить новым хозяевам, стоя перед ними на коленях и прося при этом «на чаек», обманывали рабочих, всячески «урезали» Марк-

са и подносили спички к кострам, на которых сжигались его книги, не упуская при этом случая «погреть руки» (в прямом смысле)¹⁵. На одной из карикатур К. Каутский выполнял давнюю мечту Г. Уэллса, высказанную им еще в брошюре 1918 г. «Россия во мгле», – брил и стриг Карла Маркса, взяв за образец Вилли Маркса¹⁶.

Однако вскоре произошли события, заставившие карикатуристов надолго забыть о любимых сюжетах и персонажах. 27 февраля 1933 г. загорелся рейхстаг, вскоре, в марте 1933 г., вне закона была объявлена коммунистическая партия Германии, а в июне – социал-демократическая партия. На последнее событие «Крокодил» откликнулся так: толпа социал-демократических депутатов, чтобы попасть в рейхстаг, сдает в качестве входных свои партийные билеты; подпись – «Все билеты проданы».

С этого момента главным персонажем карикатур на германскую тему, помимо первых лиц Третьего Рейха, становится штурмовик. Этот образ появляется еще в конце 1920-х годов – как правило, в кепи, небрит, зверообразен, с дубинкой и повязкой на рукаве. Любопытно, что этот образ сохраняется и после 1934 г., когда руководство штурмовых отрядов было уничтожено, а сами отряды распущены. Фигура гестаповца («гестаписта», как иногда писали в те годы) появляется гораздо реже¹⁷.

Конечно, поджог рейхстага и последовавший за ним Лейпцигский процесс не мог пройти мимо внимания карикатуристов всего мира (рисунки на эту тему публиковали Ж. Эффель и Х. Бидstrup), в том числе, конечно, и СССР. На одной из карикатур жена штурмовика удивляется: «От тебя в последнее время почему-то пахнет керосином». На другой адвокат со свастикой и пистолетом требует от обвиняемого признания в поджоге. Уголовнику, пойманному у взломанного сейфа, предлагают на выбор два варианта – год тюрьмы или три выступления на процессе о поджоге рейхстага¹⁸. Завершает эту тему карикатура, появившаяся уже в 1934 г., – с берлинского аэродрома взлетает самолет, увозящий бывших обвиняемых в СССР, толстый штурмовик (очевидно, имелся в виду Геринг, хотя портретного сходства нет) печально смотрит вслед. «Обвини-

тели улетели, обвиняемые остались», – заключает автор, карикатурист Л. Бродаты¹⁹.

На одно из первых мест выходит тема репрессий. Среди наиболее часто встречающихся деталей в карикатурах тех лет на германскую тему – топор; восстановление смертной казни через обезглавливание произвело во всем мире сильное и тягостное впечатление. На фотомонтаже, опубликованном в 1936 г. под нейтральным названием «Коротко о Третьей империи», в пень, срез которого повторял контуры Германии, был воткнут топор со свастикой²⁰.

Пресловутый топор возникает порой в самых неожиданных ситуациях; так, на карикатуре «Фашистская юстиция» была изображена чернильница в виде плахи с топором, а фотомонтаж, посвященный выступлению Гитлера в Вене, незадолго до того оккупированной, представлял самого фюрера в виде окровавленного топора²¹.

Уже в 1933 г. в карикатурах появляется новое словосочетание – «концентрационный лагерь». В концлагерь штурмовики отправляют рабочих; из лагеря иногда выпускают (уголовников прежде всего) – но и вся Германия становится огромным концлагерем (с вкраплением военных лагерей). При этом молодежь отправляется в трудовые лагеря, люди постарше – в семейные, безработные реализуют таким образом право на труд...²² Наиболее выразительно тема концлагерей была представлена карикатурой К. Ротова «Редкое единодушие», на которой нацист в орденах гордо заявлял: «Население нашего города все в одном лагере (концентрационном)»²³.

Впрочем, фантазия карикатуристов шла дальше: на одном из рисунков штурмовик, представляя себе земной шар за решеткой, мечтал посадить все человечество – а потом выпускать поодиночке²⁴.

Карикатура 1934 г. с сочувствием описывала тяжелое положение берлинских дантистов, лишившихся своих пациентов: одним зубы выбили, другим они за отсутствием еды не нужны, третьи боятся рот открыть...²⁵ Вообще тема страха постоянно присутствует в карикатурах – люди боятся собственной тени, прихода штурмовиков. На одном из рисунков студенты пред-

почитают выйти из аудитории во время демонстрации внутренних органов человека – как бы не оказаться среди экспонатов²⁶. Что касается буржуазных свобод (собраний, голосования, слова, печати и др.), по мнению советских карикатуристов, в фашистской Германии место для них оставалось только на кладбище²⁷.

Особое внимание уделялось нацистской пропаганде. Карикатуристы саркастически комментировали гитлеровский 4-летний план развития экономики (кто знает, не вспоминали ли они при этом о другом, еще более амбициозном плане), заставляли обезьян из берлинского зоопарка смеяться над «Фелькише Беобахтер», а появившееся в немецкой печати высказывание о том, что Христос был национал-социалистом, прокомментировали следующим образом: он тоже кормил народ пятью хлебами²⁸.

Как ни странно, расовая политика нацистов отражалась в советской сатире лишь изредка. Конечно, читатель «Крокодила» мог, например, узнать, что Гитлера даже герб Германии, орел, не устраивает формой носа; что подлинных арийцев выращивают на специальных фермах²⁹; что «проверку на чистоту расы» не прошли ни Наполеон, ни папа римский Пий, ни Спиноза; что даже сказочный принц не смог разбудить спящую красавицу – его, как неарийца, схватили штурмовики³⁰. И тем не менее карикатуры на эту тему, а также тему еврейских погромов (в «Крокодиле» за все эти годы им были посвящены лишь три карикатуры), оставались эпизодическими, очевидно, по политическим соображениям.

Зато широко освещалось печальное положение науки и культуры в Третьей империи. В первые годы самой выигрышной являлась тема сожжения неугодных нацистам книг. Постепенно ее сменила тема безработицы среди выпускников университетов и университетских профессоров. На улицах Берлина, по мнению советских сатириков, математики чистили сапоги, инженеры и экономисты устраивались домашней прислугой, а археологи – в полном соответствии со своей научной квалификацией – успешно отыскивали пропитание на свалках³¹. Зато в университетах их заменяли штурмовики – один из

них не мог вспомнить, какую именно кафедру, по музыке или хирургии, он получил, другой просил в виде исключения разрешить ему вместо музыки Мендельсона сочинить теорию Эйнштейна³². «Закрыла» тему карикатура 1939 г., на которой штурмовик в виде обезьяны гордо стоял над трупом немецкой науки³³.

Появлялись карикатуры, посвященные тяжелому положению немецкой литературы, живописи, музеев; особенно популярна была почему-то тема бедствий немецкого театра. Впрочем, один выход для представителей немецкой интеллигенции оставался: по мнению карикатуристов, из них можно было формировать специальные воинские части³⁴.

Вообще тема «Пушки вместо масла» занимала видное место в советской сатире тех лет. Танки давили крестьянских свиней; пахотные земли занимали военные аэродромы; немецкому потребителю вместо хлеба предлагалось железо, вместо мяса – свинец, а вместо мозгов – чугун³⁵. На карикатуре Б. Ефимова «База фашистских вооружений» скелет в немецкой форме, с характерными усиками *a la Hitler*, сидящий верхом на пушке, плетью голода подгонял закованную в цепи, еле бредущую под тяжестью орудия, немецкую семью: отец, мать, трое детей, бледные, истощенные...³⁶

Нищета, голод, безработица в Третьей империи – вот, пожалуй, основной сюжет советских карикатур, посвященных внутренней жизни Германии, особенно во второй половине 1930-х годов. Нет необходимости перечислять многочисленные варианты этих сюжетов; «будни Третьей империи» (карикатура под таким названием изображала огромную очередь безработных) в представлении советских читателей должны были ассоциироваться с голодом, очередями, сосисками из опилок, хлебными карточками. В СССР карточки были отменены в 1935 г., и после этого стало возможным говорить о них применительно к Германии. Так, на фотомонтаже Дж. Гартфилда³⁷ (1937) был изображен перегруженный пушками корабль Третьей империи под парусами из продовольственных карточек³⁸. «Будущее Германии на воде... и хлебе», – подчеркивала одна из последних карикатур тех лет³⁹. Здесь, очевидно, обыгрывалось из-

вестное высказывание Вильгельма II о том, что будущее Германии – на морях.

Всего в «Крокодиле» в 1933–1939 гг. было опубликовано более 200 карикатур, посвященных внутреннему положению Германии. И только три из них касались темы борьбы немецкого народа с фашистским режимом. На одной (1933 г.) штурмовики с опаской поглядывали на руки рабочих, сжимающих коммунистические газеты, на другой – в ночном Берлине рабочие расклеивали «Роте Фане»⁴⁰, в третьем случае речь шла о подпольной немецкой радиостанции⁴¹.

Последняя карикатура, посвященная жизни в Германии, появилась в «Крокодиле» в августе 1939 года. После этого немецкая тема (применительно и к внешней, и к внутренней политике) оказалась для советских карикатуристов запретной: после «пакта Риббентропа – Молотова» пропаганда обеих стран временно прекратила какие-либо выпады друг против друга⁴².

* * *

Внешняя политика гитлеровской Германии в советской карикатуре 1930-х годов – тема, вполне подходящая для отдельной большой статьи или даже монографии. Очевидно, что в данной работе можно лишь вкратце определить основные сюжеты, характерные для советской сатиры на эту тему.

В «Крокодиле» за 1933–1939 гг. этой теме было посвящено более 200 карикатур, кроме того подобные карикатуры регулярно публиковались в других журналах и газетах, в альбомах известных карикатуристов, таких, как Б. Ефимов или Кукрыниксы⁴³, и т.д.

На первых порах преобладала тема перевооружения Германии. Немецкие дипломаты изображались на фоне пушек, генералы просили разрешения построить уже готовые к полету бомбовозы, голубь мира в немецком варианте был приспособлен для фотографирования неприятельских позиций и разбрасывания бактерий⁴⁴. Выход Германии из Лиги наций был расценен карикатуристами как первый шаг к войне – вслед за не-

мецким дипломатом двинулся в путь скелет в противогазе, с винтовкой в руке⁴⁵. Не обошлось, конечно, и без выпадов в адрес мирового империализма: в полном соответствии с официальной советской пропагандой «добрыми феями» Адольфа Гитлера объявлялись магнаты Уолл-стрита, Англии, Франции и Рура⁴⁶.

Ряд карикатур отражал наметившееся сближение Германии и Японии, которые (не без оснований) в советской пропаганде тех лет рассматривались как основные потенциальные агрессоры. «Брак по любви... к чужим территориям» – так называлась карикатура Б. Ефимова, на которой японец, с вожделием рассматривавший глобус, покрытый немецкими и японскими флажками, сжимал в объятиях огромную Германию в тевтонском рогатом шлеме, с длинной белокурой косой... и с неизбежными усиками⁴⁷.

Вскоре появились сюжеты, связанные уже с конкретными территориальными претензиями Германии – относительно Австрии или Саарского бассейна. Что касается антисоветских заявлений гитлеровского руководства, они были прокомментированы следующим образом. Стоящий перед картой пятилетки симпатичный огромный тевтон с мечом предостерегал противного маленького штурмовика с дубиной в руках: «У них есть кое-что, чего не было даже у Рима»⁴⁸.

Особый сюжет этих лет – германо-итальянское сближение, ось «Берлин – Рим». Муссолини и Гитлер фигурировали в целом ряде карикатур. На одной из них тевтон Гитлер и римлянин Муссолини «на потребу богу войны» куют ось для колесницы Марса. Другая представляла собой проект статуи германо-итальянской дружбы, изображающей Гитлера в роли всадника, а Муссолини – соответственно лошади. И, наконец, оба союзника представали голодными волками на европейской дороге (Муссолини, впрочем, опять не повезло – ему, по аналогии с античной легендой, досталась роль волчицы, хотя бы и капитолийской)⁴⁹.

Однако «темой дня» надолго стала немецко-итальянская интервенция в Испании⁵⁰. Только в «Крокодиле» появилось свыше 30 карикатур на эту тему. Вышел и специальный альбом Б. Ефимова⁵¹.

Немецкие «добровольцы» в Испании на фоне трупов и руин, гитлеровские генералы в штабе Франко, жертвы немецкой авиации – все эти сюжеты постоянно повторялись в советской карикатуре в 1936–1938 гг. В этой серии карикатур Гитлер и его союзник Муссолини выглядели довольно опасными и могущественными, зато генерала Франко авторы карикатур то загоняли под стол, за которым сидели немецкие «советники», то заставляли чистить сапоги Гитлеру и Муссолини, а на одном из рисунков Франко – в роли туземца в юбочке из листьев – целовал сапоги немцу-колонизатору⁵².

Почти столь же презрительно изображались в карикатурах на испанскую тему Великобритания, Франция и их политика невмешательства: немцы и итальянцы стригли когти британскому льву, наступали ему на хвост, а тот предлагал им одну уступку за другой.

Если Гитлер и его «соратники» на фоне своих испанских союзников или западноевропейских дипломатических партнеров выглядели весьма грозно, то на фоне СССР они же становились подчеркнуто жалкими, уродливыми, бессильными. Подобные карикатуры с соответствующими надписями, например, «Видит око, да зуб неймет», регулярно появлялись в «Крокодиле». У Гитлера были «коротки руки», чтобы схватить глобус с изображенным на нем СССР; фашистская свинья беспомощно ковырялась у высокого советского забора; немецкий фашист за школьной партой учит уроки истории (Ледовое побоище), географии (где находится озеро Хасан⁵³), арифметики (рост производства в СССР)⁵⁴.

Постепенно, с нарастанием военной опасности, появлялось все больше и больше карикатур, разоблачающих агрессивную политику Германии. Оккупация Австрии, ввод войск в Рейнскую демилитаризованную зону, угрозы в адрес Чехословакии и Польши – все нашло отражение в советских карикатурах. Если на карикатурах 1925 г. Германия изображалась в виде приживалки в «польском коридоре», то в карикатуре 1937 г. лакеем в Данцигском коридоре оказывался уже поляк в конфедератке, а в комнатах уютно устроились хозяева-нацисты⁵⁵. А на

карикатуре 1938 г. польский министр иностранных дел Ю. Бек⁵⁶, в виде собачонки, униженно ждал подачек с немецкого стола⁵⁷.

Германия на карикатурах появляется то в виде свирепого кабана (1936), то в виде паука, подбирающегося к нейтральным странам (Голландия, Бельгия, Швейцария, 1937), то в виде волка из сказки о Красной Шапочке – только Красных Шапочек на рисунке четыре, это Австрия, Венгрия, Румыния, Югославия (1937)⁵⁸.

И по-прежнему жалко и беспомощно выглядят перед лицом агрессора «мюнхенцы» – и британский лев, и Джон Буль, и Марианна, и их восточноевропейские союзники.

Конечно, в карикатурах отражалась и такая тема, как стремление Запада перенацелить агрессию Германии против СССР. На рисунке Б. Ефимова (1938) несколько европейских политиков (в том числе Чемберлен и Даладьё) заклинали духа, выпущенного из бутылки, в тевтонском шлеме со свастикой, с мечом, с челкой и квадратными усиками на черепе, призывая его повернуть на Восток⁵⁹.

Последний блок сюжетов связан с агрессивными намерениями Германии относительно Чехословакии, как до, так и после подписания Мюнхенских соглашений, и Польши. Однако карикатур на эти темы в 1939 г. постепенно становится все меньше. Предпоследняя посвящена немецким туристам в «вольном городе Данциге», любующимся пейзажами, которые, главное, хорошо пристреляны. А последняя карикатура, затрагивающая Германию, появляется уже после начала Второй мировой войны, но и та касается скорее политики Великобритании – англичане опасаются тюками с листовками, приготовленными для сбрасывания на Германию, ушибить немца⁶⁰.

* * *

Лица и маски Германии в советской политической карикатуре межвоенного периода менялись много раз. Образы союзников, грабящих Германию, сменяются портретами «социал-предателей». Затем появляются безымянные штурмовики, которые в свою очередь постепенно вытесняются хорошо узна-

ваемыми лицами из гитлеровского руководства (наиболее популярны, помимо фюрера, были Геринг и Геббельс). Иногда по политическим соображениям карикатура слегка маскируется, хотя сохраняет узнаваемость (классический пример – рисунок Б. Ефимова 1936 г., на котором изображен Гитлер с характерной челкой, однако вместо знаменитых усов под носом нарисована маленькая свастика; подпись, разумеется, отсутствует⁶¹).

Еще один образ, связанный с Германией, – немецкий рабочий, немецкая семья, реже – страдающий немецкий обыватель. В отличие от образов политиков, образ рабочего обычно был лишен каких бы то ни было индивидуальных черт, но явно симпатичен.

Время от времени возникают образы, напоминающие о «другой Германии» – классическая немецкая культура в лице ее виднейших представителей (встречаются Гете, Гейне, Кант, Гегель и др., а также, разумеется, К. Маркс), страдающая от преследований невежественных фашистов; мрачный, голодный, запуганный, но пытающийся выглядеть счастливым немецкий обыватель.

И на протяжении всего периода немецкий народ изображался в качестве либо борца, либо (гораздо чаще) жертвы; маски «немец-враг» в этот период не существовало, ее с успехом заменяли такие маски, как «фашист», «социал-демократ», «штурмовик».

Страна, униженная, но борющаяся; страна, преданная собственными правителями; мрачная страна, покрытая концлагерями и тюрьмами, голодающая, стоящая в очередях и одновременно вооружающаяся до зубов, – такой рисуют Германию советские карикатуристы. Но разглядывая карикатуры, относящиеся к нацистскому периоду немецкой истории, время от времени приходишь к мысли, что перед взором авторов вставала и другая страна, где, правда, не было безработицы, но была агрессивная пропаганда, грандиозные планы, очереди за самым необходимым, репрессии и концлагеря.

Теперь мы знаем, однако, что жизнь в Советском Союзе 1920–1930-х годов была далеко не столь безоблачной, как рисовала советская пропаганда, литература, кинематограф, но

далеко и не так страшна, как может показаться по некоторым современным публикациям. Очевидно, то же относилось и к гитлеровской Германии. Но тема данного очерка – не описание действительности, а образ Германии, доступный советскому человеку, и образ этот оставлял мало поводов для оптимизма.

---

¹ *Голиков А.Г., Рыбаченок И.С.* Смех – дело серьезное: Россия и мир на рубеже XIX–XX веков в политической карикатуре. М., 2010; *Де Лазари А., Рябов О.В.* Русские и поляки глазами друг друга: сатирическая графика. Иваново, 2007; *Ерин М.Е.* Образы лидеров Третьего рейха в советской политической карикатуре 1930–1940-х годов: учеб. пособие. Ярославль, 2009.

² *Голубев А.В.* : 1) Межвоенная Европа глазами советской карикатуры // Европа. (Варшава), 2003. Т. 3, № 3 (8). С. 125–169 ; 2) «Наш ответ Чемберлену»: советская политическая карикатура 1920–1930-х годов // Историк и художник. 2004. № 2. С. 22–139 ; 3) Америка в советской карикатуре 1920–30-х годов // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. М., 2006. Вып. 4. С. 372–412 ; 4) Визуальные образы войны в советской карикатуре межвоенного периода // Очевидная история: проблемы визуальной истории России XX столетия. Челябинск, 2008. С. 269–284; *Невежин В.А.* Образ Польши в советской карикатуре периода второй мировой войны (к постановке проблемы) // *Polacy i Rosjanie – przewycięzanie uprzedzeń* = Поляки и русские – преодоление предубеждений. Łódź, 2006. С. 301–316; *Рыбаченок И.С.* Смеяться вовсе не грешно над тем, что кажется смешно: междунар. отношения в конце XIX – начале XX века в политической карикатуре // Родина. 2007. № 10. С. 59–64; *Рябов О.* Образ врага в советской политической карикатуре межвоенного периода. Случай Польши // *Polacy i Rosjanie – przewycięzanie uprzedzeń* = Поляки и русские – преодоление предубеждений. Łódź, 2006. С. 275–286; *Токарев В.А.* : 1) Польша тема за пределами «Правды»: советская сатирическая графика в столичных и провинциальных изданиях // Там же. С. 287–300 ; 2) «Польша сгинела»: окарикатуренные миры советской пропаганды (1939 год) // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. М., 2007. Вып. 4. С. 216–232; *Филитова Т.А.* : 1) Аспиды и готтентоты: немцы в русской сатирической журналистике // Родина. 2002. № 10. С. 31–37 ; 2) «Благословенная страна»: образ турка в журнале «Сатирикон» // Там же. 2011. № 1. С. 103–106; и др.

- ³ *Golubev A.* The Image of the Eastern Europe in the Soviet Caricature of the 1920^s and 1930^s (in the Published Material of Krokodil) // Images of the Other in Ethnic Caricatures of Central and Eastern Europe. Warsaw, 2010. P. 212–233.
- ⁴ Подробнее см.: *Голубев А.В.* Политическая карикатура 20–30-х гг. как часть советской повседневности // Повседневный мир советского человека 1920–1940-х гг. Ростов н/Д, 2009. С. 350–355.
- ⁵ Сэмюэл Гомперс (1850–1924) – председатель Американской федерации труда с 1882 г.
- ⁶ См., напр.: *Голубев А.В.* «Звериный стиль» в советской политической карикатуре межвоенного периода // От великого до смешного...: инструментализация смеха в российской истории XX века. Челябинск, 2013. С. 239–262.
- ⁷ Об образе Веймарской республики в советской карикатуре см.: *Golubev A.* «Der bleistiftbewaffnete Wachposten»: Deutschland und die Deutschen in der sowjetischen politischen Karikatur 1922 bis 1939 // Stürmische Aufbrüche und enttäuschte Hoffnungen: Russen und Deutsche in der Zwischenkriegszeit. München, 2006. S. 109–134.
- ⁸ Из 726 карикатур с Германией в той или иной мере были связаны 385.
- ⁹ *Ерин М.Е.* Указ. соч. С. 10.
- ¹⁰ Подробнее см.: *Голубев А.В.* «Часовой, вооруженный карандашом»: Германия и немцы в советской политической карикатуре (1922–1939 гг.) // Россия и Германия в XX веке. М., 2010. Т. 2: Бурные прорывы и разбитые надежды. Русские и немцы в межвоенные годы. С. 85–105.
- ¹¹ Крокодил. 1929. № 28. С. 4–5.
- ¹² О подготовке Германии к войне: записка М.М. Литвинова И.В. Сталину, 3 декабря 1935 г. // Известия ЦК КПСС. 1990. № 2. С. 211.
- ¹³ Виктор Николаевич Дени (Денисов) (1893–1946) – график, заслуженный деятель искусств России (1932). Один из основоположников советского политического плаката, карикатурист. Участвовал в выпуске «Окон сатиры РОСТА»; рисовал карикатуры для газет «Правда» и «Известия», сатирических журналов «Крокодил», «Красный перец» и «Прожектор». Заслуженный деятель искусств РСФСР (1932).
- ¹⁴ Цит. по: *Свиридова И.А.* Виктор Николаевич Дени. [М., 1958]. С. 111.
- ¹⁵ Крокодил. 1933. № 5. С. 14; № 8. С. 5, 8, 12; № 10. С. 4; № 16. С. 4; № 17. С. 5.

- ¹⁶ Там же. № 5. С. 14. Вильгельм Маркс (1863–1946) – лидер партии Центра, в 1910–1930 гг. депутат рейхстага, в 1920–1927 гг. председатель фракции партии центра. В 1923–1925, 1926–1928 гг. рейхсканцлер. В 1925 г. кандидат в президенты, в 1926 г. министр юстиции.
- ¹⁷ На карикатуре Б. Ефимова «Опора фашистской диктатуры», появившейся в 1938 г., маленький, смешной Гитлер сидел на плечах угрожавших друг другу пистолетами гестаповца и генерала рейхсвера. Вариант этой карикатуры появился в том же году в «Крокодиле», только там опорами Гитлеру служили рейхсвер и национал-социалистическая партия. См.: *Ефимов Б.Е.* Поджигатели войны. Карикатуры Б. Ефимова. [М.], 1938. С. 67; Крокодил. 1938. № 4. С. 1. Борис Ефимович Ефимов (Фридланд) (1900–2008) – карикатурист, график, народный художник СССР (1967), действительный член Академии художеств (1975), Герой Социалистического Труда (1990). С 1922 г. печатался в газетах «Правда», «Известия», журнале «Крокодил». Лауреат Сталинских и Государственной премий (1950, 1951, 1972).
- ¹⁸ Крокодил. 1933. № 9. С. 1, 12; № 26. С. 4; № 32. С. 11.
- ¹⁹ Там же. 1934. № 8. С. 1. Лев Григорьевич Бродаты (1889–1954) – график, живописец, плакатист, карикатурист. Организатор одного из первых советских сатирических журналов «Красный дьявол» (1918–1919). В 1919–1921 гг. работал в «Окнах РОСТА». Рисовал карикатуры для газеты «Правда» (с 1917); сотрудничал в журналах «Мухомор» (1922–1923), «Бегемот» (1924–1928), «Смехач» (1924–1928). С 1931 г. постоянный сотрудник журнала «Крокодил». Заслуженный деятель искусств РСФСР (1945).
- ²⁰ Там же. 1936. № 29. С. 14.
- ²¹ Там же. № 14. С. 16; 1938. № 10. С. 16.
- ²² Там же. 1933. № 28. С. 8; 1934. № 4. С. 5; 1936. № 5. С. 13; № 9. С. 13; № 12. С. 2, 12; № 19. С. 7; № 24. С. 15; 1939. № 13. С. 11.
- ²³ Там же. 1935. № 20. С. 1. Константин Павлович Ротов (1902–1959) – карикатурист, книжный график. С 1924 г. регулярно публикуется в журнале «Крокодил» и газете «Правда». Арестован в 1940 г., отправлен в ссылку, реабилитирован в 1954 г.
- ²⁴ Там же. 1933. № 30. С. 1.
- ²⁵ Там же. 1934. № 15. С. 13.
- ²⁶ Там же. 1935. № 22. С. 3.
- ²⁷ Там же. 1934. № 15. С. 13; 1935. № 22. С. 3; 1936. № 35. С. 13.
- ²⁸ Там же. 1935. № 25. С. 1.

- ²⁹ В этом случае, как выяснилось позднее, карикатуристы не ошиблись: подобные эксперименты действительно проводились в гитлеровской Германии.
- ³⁰ Крокодил. 1934. № 7. С. 3; 1935. № 12. С. 11; № 35–36. С. 2; 1936. № 1. С. 3.
- ³¹ Там же. 1935. № 3. С. 16; № 4. С. 16.
- ³² Там же. 1933. № 33. С. 9; 1935. № 2. С. 8.
- ³³ Там же. 1939. № 13. С. 7.
- ³⁴ Там же. 1936. № 21. С. 1; 1939. № 7. С. 6.
- ³⁵ Там же. 1936. № 27. С. 14; 1937. № 18. С. 11; *Ефимов Б.* Поджигатели войны ... С. 96.
- ³⁶ Там же. С. 97.
- ³⁷ Джон Хартфилд (Гартфильд) (Херцфельд) (1891–1968) – немецкий художник, плакатист и декоратор, один из создателей жанра сатирического фотомонтажа. В 1930–1931 гг. жил в СССР, затем в Праге и Лондоне. В 1950 г. возвратился в ГДР. Лауреат Национальной премии ГДР (1957).
- ³⁸ Крокодил. 1937. № 28. С. 9.
- ³⁹ Там же. 1939. № 20. С. 16.
- ⁴⁰ «Роте Фане» («Красное знамя») – немецкая газета (1918–1939), основанная К. Либхнехтом и Р. Люксембург, орган компартии Германии. В 1933 г. была запрещена, издавалась в подполье, затем с 1935 г. в Праге и с 1936 по 1939 г. в Брюсселе.
- ⁴¹ Крокодил. 1933. № 29. С. 8; 1938. № 28–29. С. 3; 1939. № 12. С. 3.
- ⁴² Подробнее об этом см.: *Невежин В.А.* : 1) *Метаморфозы советской пропаганды в 1939–1941 годах // Вопросы истории.* 1994. № 8. С. 164–171 ; 2) *Синдром наступательной войны: советская пропаганда в преддверии «священных боев», 1939–1941 гг.* М., 1997.
- ⁴³ Кукрыниксы (псевдоним по первым слогам фамилий) – творческий коллектив графиков и живописцев: Михаил Васильевич Куприянов (1903–1991), Порфирий Никитич Крылов (1902–1990), Николай Александрович Соколов (1903–2000). Действительные члены Академии художеств СССР (1947), народные художники СССР (1958), Герои Социалистического Труда (Крылов с 1972, Куприянов, Соколов с 1973), Лауреаты Ленинской премии (1965), Сталинских (1942, 1947, 1949, 1950, 1951) и Государственной (1975) премий СССР.
- ⁴⁴ Крокодил. 1935. № 7–8. С. 5; № 9. С. 1; № 28–29. С. 21; 1936. № 5. С. 6.
- ⁴⁵ Там же. 1933. № 30. С. 3.
- ⁴⁶ *Ефимов Б.Е.* Бор. Ефимов в «Известиях». Карикатуры за полвека. М., 1969. С. 80.

- ⁴⁷ *Его же*. Поджигатели войны ... С. 67.
- ⁴⁸ Крокодил. 1934. № 5. С. 5.
- ⁴⁹ Крокодил. 1937. № 26. С. 1; *Ефимов Б.Е.* Поджигатели войны. С. 5, 15.
- ⁵⁰ См. статью Т.А. Мухаматулина в настоящем сборнике.
- ⁵¹ *Ефимов Б.Е.* Фашистские интервенты в Испании. Карикатуры Бор. Ефимова. [М.], 1937.
- ⁵² Крокодил. 1937. № 23. С. 4; 1938. № 12. С. 11; *Ефимов Б.Е.* Фашистские интервенты в Испании ... С. 29.
- ⁵³ В июле – августе 1938 г. на озере Хасан у советско-маньчжурской границы произошли столкновения между советской и японской армией.
- ⁵⁴ Крокодил. 1936. № 34. С. 13, 15; 1938. № 31. С. 4.
- ⁵⁵ Крокодил. 1937. № 1. С. 7.
- ⁵⁶ Юзеф Бек (1894–1944) – польский политический и государственный деятель. В 1930 г. заместитель премьер-министра, в 1930–1932 гг. заместитель, в 1932–1939 гг. министр иностранных дел, представитель Польши в Совете Лиги наций. В 1939 г. эмигрировал.
- ⁵⁷ *Ефимов Б.Е.* Поджигатели войны ... С. 61.
- ⁵⁸ Крокодил. 1936. № 35. С. 5; *Ефимов Б.Е.* Поджигатели войны ... С. 48, 55.
- ⁵⁹ Карикатура приведена в книге Б. Ефимова «Сорок лет: записки художника-сатирика» (М., 1961, с. 100).
- ⁶⁰ Крокодил. 1939. № 22. С. 14; № 25. С. 2.
- ⁶¹ Карикатура воспроизведена в его мемуарах: *Ефимов Б.* Сорок лет. С. 109.

ОБРАЗ ВРАГА В СОВЕТСКОЙ И НЕМЕЦКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КАРИКАТУРЕ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Карикатура, как разновидность публицистики, в своеобразной форме отражает факты действительности. Художник оперативно информирует современников об актуальном событии и на языке зрительных образов предлагает определенное толкование и оценку того, что произошло, обращаясь не только к сознанию человека, но, прежде всего, к его эмоциональному восприятию. Поскольку карикатура адресована массовой аудитории, ее авторы используют такие средства и приемы, которые способны внятно и доходчиво передать замысел. Национальная принадлежность художника всегда сказывается на его творениях. Исходя из политических интересов держав и направленности общественного мнения, карикатуристы разных стран давали разные оценки одних и тех же событий и явлений. При этом некоторых событий художники иногда как бы не замечали.

Карикатура – жанр изобразительного искусства, использующий, преимущественно в графике, приемы сатирического гротеска. В этом качестве она изучается искусствоведами. Для карикатуры характерно резкое и намеренное преувеличение отдельных элементов, нарушение внешнего правдоподобия изображаемого объекта. По авторитетному свидетельству мастера изобразительной сатиры Б.Е. Ефимова, «специфика сатирического творчества диктует карикатуристу такой отбор художественных приемов, который зачастую исключает чрезмерное приближение к натуре и правдоподобию... У карикатуры свои законы, своя метафорическая логика, своя система. В ней самым дерзким образом совмещается несовместимое: реальное переплетается с фантастическим... и тем не менее структура и композиция сатирического рисунка подчинены

строгому расчету и замыслу автора, вся внешняя ее фантастика, управляемая твердой рукой художника, служит для выражения конкретной и ясной мысли»¹.

Как исторический источник, карикатура представляет безусловный интерес для историков². Известно, что изобразительные источники отличаются особой формой выражения социальной информации. В содержательном плане зафиксированная в них информация об исторической действительности «является как бы закодированной, а потому скрытой. Для ее «прочтения» и использования в историческом исследовании необходима дешифровка, своеобразное «снятие» прикрывающей ее системы изобразительных принципов и методов, присущих эпохе создания этих источников»³. Знание специальных приемов, которые используют художники-карикатуристы, позволяет лучше понять смысл созданного ими образа и механизмы его воздействия.

Существенной составляющей карикатуры является текст, будь то название, подпись (в форме монолога или диалога, реплики персонажей, наконец, надпись – в том случае, если отсутствует или неочевидно портретное сходство). Карикатурист синтезирует изображение и текст в едином художественном произведении. Подпись может пояснять рисунок, дополнять созданный образ, акцентировать внимание на тех или иных нюансах. При этом в зависимости от ситуации соотношение изображения и текста меняется. В названии и подписи, как и в рисунке, всегда отражена позиция карикатуриста.

Публикация в прессе превращала сатирическую графику в мощное средство воздействия на массовое сознание современников. В статье на примере материалов за 1941–1945 гг., выявленных в старейшем немецком сатирическом еженедельнике «Kladderadatsch» и в издававшемся ЦК ВКП (б) журнале «Крокодил», а также в собрании агитационных политических плакатов «Окна ТАСС», показаны средства и приемы, используя которые советские и немецкие карикатуристы создавали образ врага.

22 июня 1941 г., в день начала войны, по радио выступил заместитель председателя СНК СССР В.М. Молотов с объяв-

лением о нападении Германии на Советский Союз. Он, в частности, сказал: «В свое время на поход Наполеона в Россию наш народ ответил Отечественной войной, и *Наполеон потерпел поражение*, пришел к своему краху. *То же будет и с зазнавшимся Гитлером*, объявившим новый поход против нашей страны. Красная Армия и весь наш народ вновь поведут победоносную отечественную войну за родину, за честь, за свободу»⁴. Кукрыниксы тут же откликнулись карикатурой – плакатом, в название которой были внесены выделенные шрифтом слова из выступления Молотова. Рисунок адекватно переводил его текст на язык зрительных образов. Разорванный советско-германский договор о ненападении и дымящийся пистолет в руке А. Гитлера однозначно указывали виновника войны. Рогатина в могучей руке, нацеленная на Наполеона, и приклад красноармейской винтовки, кажется, намертво припечатавший маленькую фигурку перепуганного фюрера к Наполеону, апеллировали к исторической памяти народа и пророчили германскому рейхсканцлеру судьбу французского императора.

Другую трактовку начала военного противостояния Третьего рейха и СССР дал художник Джонсон в журнале «Kladderadatsch». «Политическая карикатура питается главным образом лицами», – подметил один из первых исследователей произведений сатирической графики А.В. Швыров⁵. В карикатуре образ той или иной державы часто символизировали глава государства, руководитель правительства, политический лидер. Их изображения, даже слегка шаржированные на рисунках, легко узнавались современниками. 13 июня немецкий еженедельник поместил на обложке карикатуру «Неразрывная троица». На первом плане зритель видел И.В. Сталина с пистолетом в руке. Очевиден замысел автора – представить СССР нападающей стороной. Стоящие за спиной Сталина У. Черчилль и Ф. Рузвельт подталкивают его вперед. На этом новом этапе войны, которую ведет Германия, разъясняет таким образом художник, главной силой противостоящей ей коалиции держав являются Англия и США.

Взаимные обязательства СССР, Англии и США, их сотрудничество в годы войны, надежды на раскол среди противников

Германии – постоянные темы карикатуристов журнала «Kladderadatsch». В октябре 1941 г., когда немецкие армии находились на подступах к Москве, в еженедельнике печатается карикатура «Больной Сталин». У постели умирающего собрался консилиум врачей, среди которых лицом к зрителю изображены Рузвельт и Черчилль. Подпись под рисунком знакомила читателя с их вердиктом: «Ему нужна срочная помощь. В противном случае он не переживет эту ночь».

Обещанные поставки вооружения, продовольствия и промышленного оборудования из Англии и США начнут поступать позже. А пока, язвительно констатировалось в подписи под карикатурой «Советский юбилей», министр иностранных дел Англии в ответ на вопрос Сталина: «Принесли ли Вы, наконец, помощь, мистер Иден?» – с любезной улыбкой сообщал: «Я приношу Вам поздравления правительства его величества по случаю 24-ой годовщины СССР».

При сопоставлении произведений сатирической графики советских и немецких художников со всей очевидностью проявляется различие в оценках, которые давались ими одному и тому же факту действительности. 7 ноября 1941 г. Сталин выступил на параде Красной Армии в связи с 24-й годовщиной Октябрьской революции. Напомнив русскую пословицу «Не так страшен черт, как его малюют», он пояснил свою мысль: «Разве можно сомневаться в том, что мы можем и должны победить немецких захватчиков? Враг не так силен... Кто может отрицать, что наша Красная Армия не раз обращала в паническое бегство хваленые немецкие войска? Если судить не по хвастливым заявлениям немецких пропагандистов, а по действительному положению Германии, нетрудно будет понять, что немецко-фашистские войска стоят перед катастрофой»⁶. Это выступление стало информационным поводом для создания Кукрыниксами карикатуры, в название которой вынесена приведенная Сталиным пословица. Зритель видит процесс рождения «монументального художественного произведения» – парадного портрета Гитлера. Художнику позирует маленький тщедушный человечек, а под кистью «живописца» (имперско-го министра пропаганды фашистской Германии Й. Геббельса)

фюрер предстает воителем, один вид которого должен внушать страх и трепет всем и каждому. Его грозный взгляд, могучий торс, закованный в рыцарские латы, мощные бицепсы и огромный кулак, казалось, символизировали несокрушимую силу Третьего рейха. Человечек пыжится изо всех сил, но, вследствие очевидного несоответствия двух изображений, рисунок производит комическое впечатление.

В начале декабря 1941 г. «Kladderadatsch» опубликовал карикатуру «Сталин – Мюнхаузен». В изображении художника Гарвенса Сталин, подобно известному литературному герою, пытается вытащить себя вместе с лошадьёю из трясины, ухватившись за собственные волосы. Эта аллюзия должна была показать рационально мыслящему немецкому читателю, знакомому с рассказами о приключениях барона Мюнхаузена, что положение СССР безнадежно. Но когда в те же дни началось зимнее наступление советских войск под Москвой, фантазия художника оказалась пророческой.

Успех Красной Армии получил образное отражение в карикатуре-плакате Кукрыниксов «Превращение фрицев». Символика рисунка легко прочитывалась. Под карандашом художников марширующие на восток гитлеровские солдаты превращаются сначала в огромные знаки свастики, а затем в ряды деревянных крестов на могилах, над которыми кружит воронье. Рисунок дополнял стихотворный текст Д. Бедного: «Здесь, где окна все – бойницы, / здесь, где смерть таят кусты, / здесь, глотнув чужой землицы, / одураченные “фрицы” / превращаются в кресты». Симптоматичен выбор лексики, обозначающей немецких солдат, – «фрицы». В отличие от слов «гитлеровцы», «фашисты», воспринимавшихся негативно, обозначение «фриц» – нейтрально, поскольку это не что иное, как ставшее нарицательным распространенное немецкое имя. Автор текста чутко откликнулся на слова приказа наркома обороны СССР Сталина в связи с 24-й годовщиной создания Красной Армии: «Было бы смешно отождествлять клику Гитлера с германским народом. Опыт истории говорит, что гитлеры приходят и уходят, а народ германский, а государство германское – остается»⁷.

Летом 1942 г., несмотря на подписанные соглашения между СССР и Великобританией, а затем между СССР и США союзники Советского Союза не спешили оказать ему действенную помощь в ведении боевых действий. На это не без сарказма указал художник Линдлоф в карикатуре «Наступление». В увязывающей в грязи тяжело нагруженной телеге расположились Черчилль и Рузвельт. У обоих на глазах повязки. На грузах читается: «Английское наступление», «Американское наступление». Сталин, впрягшись в телегу, один пытается вывезти ее на твердую дорогу. В подписи под рисунком приведены слова, которыми слепцы «подбадривают» зрячего: «Сталин, ты должен вытащить повозку из грязи. А мы укажем тебе, куда держать путь». На передке повозки надпись: «Русское наступление».

По-разному виделись в канун наступающего 1943 г. перспективы войны из Берлина и из Москвы. «Kladderadatsch» в карикатуре «Счастливое Рождество» представил, как могли бы встретить этот праздник президент Рузвельт и его супруга. Немецкий художник изобразил их любующимися елочкой, увенчанной американским флагом. Но взглядевшись в рисунок, зритель замечал, что рождественское деревце стоит на голове льва, шкура которого служит чете Рузвельтов прикроватным ковриком. Известно, что изображение льва традиционно используется карикатуристами как символ Британской империи. В подписи, дополняющей рисунок, приведены слова Э. Рузвельт, обращенные к президенту: «Прекрасно, Франклин, не правда ли?!» Автор предоставлял зрителю возможность самому сделать вывод, чем так восхищена супруга президента: красотой дерева или проявленным пренебрежением к союзному США государству, что приветствовали бы в Германии.

Символика советской карикатуры «Новогоднее гадание» не дает поводов для разноречивых оценок. Тему рисунка дала традиция, подводя итоги года уходящего, попытаться предугадать, что сулит год наступающий. На листке отрывного календаря – 31 декабря 1942 г. Гитлер гадает. Брошенный в воду перстень отсылает зрителя к описанию сцены гадания в поэме В.А. Жуковского «Светлана». Отклоняющееся коптящее пламя

свечи, основание которой имеет сходство с формой головы Б. Муссолини, напоминает о недавней высадке в Северной Африке англо-американских союзников, открывшей перспективу распада итало-германской коалиции. Туз пик, выпавший при гадании на картах, предрекает фюреру казенный дом. А в зеркале Гитлер видит собственную смерть. Детали рисунка свидетельствуют: будущее не сулит Гитлеру ничего хорошего.

После поражений немцев под Сталинградом и Курском главное внимание художников журнала «Kladderadatsch» сосредоточилось на международном аспекте результатов военных действий. Они чутко уловили и наглядно показали средствами сатирической графики произошедшее изменение ролей в «неразрывной тройце». В августовском номере за 1943 г. еженедельник поместил на обложке как новость первостепенной важности рисунок, сопровождавшийся лаконичной подписью «Конференция». Художник Джонсон изобразил Рузвельта и Черчилля в облике собачек, стоящих на задних лапках перед Сталиным. В руке Сталина нагайка, символизирующая силу.

Информационным поводом для этой карикатуры стала состоявшаяся 12–24 августа в канадском городе Квебек встреча Рузвельта и Черчилля при участии высших военных и политических деятелей США и Англии. В ходе конференции руководители США признали, что СССР является «решающим фактором» в войне против гитлеровской Германии и обеспечении мира в Европе, а также важным союзником для достижения победы над Японией. Карикатура, помещенная на обложке журнала, оперативно проинформировала читателей об этом событии.

Советские карикатуристы, также отмечавшие усиление влияния СССР при решении вопросов мировой политики, ставили другие акценты при характеристике взаимоотношений союзниц по антигитлеровской коалиции. В декабре 1943 г. в журнале «Крокодил» была опубликована карикатура Б. Ефимова «После конференции трех держав». Имелись в виду итоги Тегеранской конференции, в работе которой впервые за время войны приняли участие главы правительств СССР, США и Англии. В декларации, принятой на конференции 1 декабря

1943 г., говорилось: «Мы выражаем нашу решимость в том, что наши страны будут работать совместно как во время войны, так и в последующее мирное время». Главы трех правительств подчеркивали, что они согласовали свои планы уничтожения германских вооруженных сил и что достигнутое взаимопонимание гарантирует победу. Язык сатирической графики точен и понятен. Большой стол, за которым проходили переговоры. На столе рядом три флага стран-участниц конференции. На полу зала заседаний маленький человечек, имеющий очевидное портретное сходство с Геббельсом. Его длинный язык, на котором читается: «Расчеты на раскол среди союзников» – придавлен ножкой стола со стороны фланга СССР. Подпись под рисунком ставит точку над *i*: «Разговор окончен». Вывод автора ясен: завершена работа конференции, решения которой, прежде всего благодаря СССР, окончательно хоронят надежды на раскол среди государств-противников Германии в войне.

В 1944 г. «Kladderadatsch» постоянно акцентировал внимание читателей на определяющем влиянии СССР на принятие решений союзниками по антигитлеровской коалиции. Еженедельник отметил также поворот общественных настроений. Так, летом журнал опубликовал рисунок художника Гарнвея «Английская мода ориентируется на Советы». На головных уборах и платьях модниц, даже на их нижнем белье зритель видел атрибуты советской символики: красные звезды, изображение серпа и молота.

В 1944 г. в преддверии окончания войны Кукрыниксы выразили обозначившуюся для Гитлера перспективу в двухчастной карикатуре «История с географией». В название вынесена цитата из популярного рассказа А.М. Горького «Озорник». В первом рисунке «1941 г. – В скором времени я завоюю весь мир» «озорник» Гитлер изображен с огромным животом, в котором находится земной шар. На втором рисунке ситуация изменилась кардинально: фюрер, хваставший своим отменным аппетитом, оказывается внутри земного шара, параллели и меридианы образуют прочный каркас-клетку, в которой заключен претендент на мировое господство. В подписи под рисунком утверждалось: «1945 г. – В скором времени...». Произведения

советских карикатуристов, созданные в годы Великой Отечественной войны, утверждали: мы сильнее, правда на нашей стороне, а значит, как бы ни было трудно, мы победим.

Карикатура емко отображает знания людей о своем времени и позволяет выявить способы формирования массового сознания. Понимая язык сатирической графики и обращаясь к ней в сочетании с другими источниками, историк получает возможность комплексного, а значит, более многомерного и адекватного представления о прошлом.

-
- ¹ *Ефимов Бор.* Основы понимания карикатуры. М., 1961. С. 26.
  - ² См.: *Финягина Н.П.* Русская сатирическая графика эпохи падения крепостного права как исторический источник: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09. М., 1976; *Голубев А.В.* Образ Европы в советской карикатуре 20–30-х годов // Труды Института российской истории. М., 2005. Вып. 5; Российская империя в европейской карикатуре XVIII–XX веков // *Ливен Д.* Российская империя и ее враги с XVI века до наших дней. М., 2007; *Голиков А.Г., Рыбаченок И.С.* Смех – дело серьезное: Россия и мир на рубеже XIX–XX веков в политической карикатуре. М., 2010; *Филиппова Т.* «Ах, Бонапарт, Бонапарт...»: образ Наполеона в советской карикатуре // Родина. 2014. № 3; и др.
  - ³ *Ковальченко И.Д.* Методы исторического исследования. М., 1987. С. 120.
  - ⁴ Правда. 1941. 23 июня.
  - ⁵ *Швыров А.В.* Иллюстрированная история карикатуры с древнейших времен до наших дней. СПб., 1903 [обл. 1904]. С. 210.
  - ⁶ *Сталин И.* О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1950. С. 70.
  - ⁷ Там же. С. 83–84.

ОТРАЖЕНИЕ ПРОБЛЕМ МИЛИТАРИЗМА В СОВЕТСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ПЛАКАТЕ И КАРИКАТУРЕ (1946–1961)

Ситуация в Европе после разгрома фашистской Германии привела бывших союзников по антигитлеровской коалиции – СССР и США – к неизбежной конфронтации. Зародившаяся холодная война стала чрезвычайно благоприятной средой для дальнейшего развития пропаганды, которая все настойчивее представляла бывших союзников идеологическими врагами, наследниками фашизма. В этот период очень эффективными оказались визуальные средства пропаганды, такие, как политический плакат и карикатура, позволяющие формировать общественное мнение и передавать идеи с помощью запоминающихся и понятных для предполагаемой аудитории образов.

Источниками для данной статьи послужили советские политические плакаты и карикатуры, публиковавшиеся в 1946–1961 гг. О необходимости более широкого вовлечения в исследовательскую работу кинофотофонодокументов говорится в современных работах по источниковедению¹. Стоит отметить, что *пропагандистский плакат, в силу своей заданности и односторонности, не может быть единственным источником для изучения периода, однако может применяться для исследования общественных настроений, пропаганды и политической истории.*

Милитаристская политика Запада, план Маршалла, создание НАТО, проблема создания и использования атомного оружия, безрезультатные переговоры в ООН по разоружению, споры относительно Устава ООН, создание ФРГ и т.д. вызывали негативную реакцию у политического руководства Советского Союза. Эти темы широко разрабатывались советской пропагандой в жанрах политического плаката, газетной и журнальной карикатуры.

Одной из наиболее важных проблем, отобразенной в плакатах и карикатурах периода нашего исследования, является тема милитаризма. Эта тема появилась в советских плакатах и в карикатурах, как только отношения между СССР и США начали ухудшаться. События холодной войны служили для визуальной пропаганды постоянным источником и богатым материалом.

Богач или политик, желающий новой войны для своего обогащения, – вот главный герой плакатов, обличающих милитаристскую политику западных государств. Его антиподом выступает советское государство, часто представленное рабочим, разрушающим эти планы. Например, на плакате И. Янга «Народы мира не хотят...» (1949), который можно считать выражением официальной позиции СССР по НАТО и американской помощи Европе после войны, Советский Союз представлен не только силой, противостоящей западному милитаризму, но и страной – примером для рабочих всего мира. Приводятся слова И.В. Сталина: «Народы мира не хотят повторения бедствий войны». Рабочий решительным жестом отклоняет предложенные ему американским магнатом штык, завернутый в свиток «северо-атлантического пакта» (здесь и далее орфография сохранена), и коробки с надписями “eggs” и “tushonka”. На заднем плане демонстрация с красными флагами, на которых на разных языках написано: «Да здравствует СССР!».

На плакате Л. Самойлова «По рукам» (1952) в первой части изображения капиталисты-заговорщики готовят «пакт», «план мирового господства», «блок». Они сидят за круглым столом и бьют по рукам. Во второй части красный кулак бьет их по рукам. Заговорщики изображены как фашисты.

Похожий сюжет можно встретить в более ранней карикатуре Б. Ефимова «Новый год по московскому времени», опубликованной в № 1 газеты «Известия» за 1947 г. На ней рука с надписью «1947» держит флаг «За подлинную демократию! За мир и безопасность всех народов!» на фоне курантов Спасской башни. В углу изображения помещены грифы в котелках с надписью «поджигатели войны», «фашистская нечисть», таким образом, уже в самом начале холодной войны идеологические

враги представлены как наследники фашистов, рвущиеся к рваншу.

Противопоставление мирной политики СССР, сосредоточенной на повышении благосостояния внутри страны, милитаристской политике Запада представлено в плакате «Два мира – два плана (Мы насаждаем жизнь! Они сеют смерть!)» М. Черемных (1949). На верхней половине плаката бывший военный (на форме отсутствуют погоны, но есть орденская планка) с мешком желудей в руках, показывая на карту сельхозугодий, что-то объясняет пожилому крестьянину. Крестьянин тщательно записывает. Внизу немолодой толстый капиталист с сигарой и дорогим перстнем повелительно тычет в карту военных баз. Военный с угодливостью лакея делает пометки в своем блокноте. Из сюжета этого плаката можно понять, что изображаются две внешне похожие, но по сути противоречащие друг другу модели: засеять поле и сеять смерть. Главная идея плаката в том, что в СССР военные вернулись к мирному труду, а на Западе готовятся к новой войне.

Борьба за мир была важным направлением во внешней политике и идеологии Советского Союза. В связи с установлением 2 октября 1949 г. международного дня борьбы за мир Б. Ефимов изобразил в карикатуре «Смятение на нью-йоркской бирже» (1949) не на шутку перепуганную толпу толстых и худых стариков на красном фоне. Подпись под рисунком гласит: «Господа, получено известие о том, что установлен международный день борьбы за мир». Косвенно здесь также можно проследить мотив обогащения на военных кампаниях. В марте 1950 г. Верховный совет СССР принял Закон о мире, запрещавший пропаганду войны в СССР². Тема миролюбивой политики СССР в противовес западному милитаризму часто была представлена в карикатурах метафорически. Так, например, К. Елисеев в карикатуре «Попал на мирную волну» изобразил капиталиста, которому физически невыносимо слушать хорошие новости об укреплении мира и об успехах СССР.

Советская карикатура демонстрировала читателям не только абстрактные образы врагов периода холодной войны, но и вполне определенных политиков, противников мира. Приме-

ром этого может служить работа Б. Ефимова и Н. Долгорукова «Силы мира непобедимы!» (1950). За вот-вот готовую оборвать чашу весов цепляются карикатурно изображенные фигурки, среди которых дядюшка Сэм с атомной бомбой в зубах, Черчилль, Аденауэр со свастикой на шее, Франко с долларом в зубах и тоже со свастикой на шее. Другую чашу весов уверенно тянет вниз сжатая в кулак рука сторонников мира. Изображая США абстрактно в образе дядюшки Сэма, советская пропаганда хотела подчеркнуть корыстный и коварный характер американского капитализма.

Ярким примером изображения политических деятелей, имевших значительное влияние на политику США, может служить карикатура Б. Ефимова «Не уйти от ответственности!»³ с подписью: «Пронумерованы». На ней изображен ящик с карточками «Буллит»⁴, «Даллес»⁵, «Мак Магон»⁶ (старый пес в очках), «Эрл» (ярый оратор, изо рта которого вылетают атомные бомбы и свастики), «Джордан», «Дорн»⁷. На ящике надпись: «Поджигатели войны». Из ящика рука достает карточку «Буллит».

Гонка вооружений в советской карикатуре представлялась как источник прибыли для американских магнатов. Заокеанский противник изображался как жадный до наживы милитарист, готовый разорять не только противника, но и сограждан. Так, Б. Ефимов в карикатуре «Ответ по существу» (1959) изобразил журналиста, берущего интервью у капиталиста. Бизнесмен имеет подчеркнуто важный вид, курит сигару. Диалог:

- Ваше мнение, мистер, о «чистой» бомбе?
- Для меня это чистая прибыль.

На плакате Н. Долгорукова «На каждом долларе – ком грязи...» (1949) приводятся слова В.И. Ленина: «На каждом долларе – ком грязи от “доходных” военных поставок... на каждом долларе следы крови...» В мрачных тонах представлены видимая и скрытая составляющие военных поставок. На верхней половине плаката спиной к зрителю изображен капиталист, сидящий на груде черепов, из которой сочится кровь. Он ма-

шет белым платочком военным машинам и самолетам, отправляющимся в Грецию, Турцию, Китай, Иран, Индонезию. Вторую половину изображения с первой связывает уже упомянутая струйка крови, обретающая форму золотых монет в руках магната, сидящего перед горой из мешков с деньгами.

Угрозу представляло не только оружие, в том числе и атомное (о нем речь пойдет ниже), но и бюрократы, которые тормозили разоружение. В. Корецкий на плакате «Мы требуем мира!» (1950) изобразил рабочего с красным знаменем, бьющего кулаком по столу, заваленному бумажными проектами и макетами самолетов и бомб, за которыми сидят бюрократы.

Еще одним распространенным сюжетом, иллюстрирующим милитаризм Запада и превосходство русского и советского оружия, является «урок истории». В работе Кукрыниксов «Музей битых» (1952) цитируются слова, приписываемые Александру Невскому: «Кто с мечом к нам войдет, от меча и погибнет». «Музей битых» – это коллекция обломков гипсовых статуй начиная от тевтонских рыцарей и заканчивая Гитлером. На плакате В. Брискина «Урок врагам» (1952) изображены советский боец и целый ряд персонажей периода гражданской и Второй мировой войн, в том числе Гитлер и Муссолини. В этой коллекции есть и свободное место «для потерявших память».

Для милитаризма характерны двойные стандарты, как это обыгрывается в плакате В.И. Говоркова «Фразы и... базы» (1952). Американский военный с пластырями на голове отмечает флажками на карте американские базы. Из заднего кармана его брюк маленький пропагандист в микрофон кричит о мире, обороне и разоружении и машет пальмовой ветвью, в которой запуталась атомная боеголовка. Пропагандист, как инструмент, лежит в том же кармане, что и пистолет. Провод от микрофона тянется из пачки долларов, лежащей в другом кармане.

Похожим образом в советской карикатуре было представлено создание региональных военных блоков во главе с США и связанное с этим размещение американских военных баз. Приведем два примера. Первый – это карикатура Б. Ефимова «На поверхности и в глубине» (1949). На ней плывущие из Нью-

Йорка американские политики держат над водой знамя с надписью «Североатлантический пакт (сугубо мирный и чисто оборонительный!!!)» и голубя мира. Под водой – ракета с надписью «Пакт агрессии», ракету двигает долларовый пропеллер. Второй пример – «Состав холодной войны» Б. Ефимова. На рисунке колеса этого «состава» – НАТО, СЕАТО⁸, СЕНТО⁹. В вагоне – капиталист, военный и фашист с автоматом и топором. В топку локомотива «Гонка вооружений» сыплются доллары. Из трубы в виде бомбы валит дым «антикоммунизма».

Американское руководство распространяло политику сдерживания коммунизма на страны Азии, Африки и Латинской Америки для противостояния революционным национальным движениям, которыми часто руководили коммунистические партии, получавшие финансовую помощь из СССР. В начале 1950-х годов Соединенные Штаты оформили ряд союзов с Японией, Австралией, Новой Зеландией, Таиландом и Филиппинами, среди них АНЗЮС¹⁰ и СЕАТО. Эти договоры гарантировали США целый ряд долгосрочных военных баз. Отметим, что в 1949 г. в непосредственной близости от границ СССР и его союзников располагалось более 300 американских военных баз. Американцы считали, что демобилизация в СССР была незначительной, хотя по официальным данным численность войск Советского Союза с 1945 по 1948 г. сократилась с 11,365 млн. до 2,874 млн. человек¹¹.

Тема «двойного дна» повторялась советской визуальной пропагандой в течение всей холодной войны. Еще одну его трактовку мы находим в карикатуре Б. Ефимова «“Свобода” которую они хотели бы навязать миру...» (1961). С пьедестала статуи Свободы сходит солдат с пистолетом и скрижалью, имеющей единственную надпись: \$. В зубах у него ракета, на голове каска с шипами, напоминающими корону статуи Свободы, и надпись “US”. Текст: «Внедряют // Пентагоновскую моду: // Солдатом хищным // Сделали Свободу».

Сатирический эффект в обличении и осуждении милитаризма достигался путем изображения противника психически больным. В качестве примера приведем две работы Б. Ефимова «Так держать!» (1949), где в одной смиренной рубашке

держат капиталистов и полицейских, и «Неустойчивая психика» с подписью: «Форрестол: – Кто следующий, господа?». На карикатуре читатель видит портрет безумного Форрестола¹² и рядом с ним двух беснующихся американских военных. Б. Ефимов в книге «Б. Ефимов в “Известиях”» так прокомментировал этот рисунок. Форрестол раздувал военный психоз, угодил в психиатрическую лечебницу, услышав сирену пожарной команды, выбросился из окна с криком «Русские танки идут!»¹³.

От себя добавим, что Дж. Форрестол, министр обороны США, отправленный в отставку президентом Трумэнном, погиб в 1949 г., выпав из окна морского госпиталя, где находился на психиатрическом лечении в связи с нервным истощением. Причина его гибели до сих пор неизвестна, однако основной версией считается суицид¹⁴. Нет и достоверных сведений о том, действительно ли он выкрикнул эту фразу¹⁵.

Попытка на высшем уровне сломать лед холодной войны произошла в 1959 г., когда Н.С. Хрущев по приглашению Д. Эйзенхауэра посетил США. Одной из целей визита было обсуждение проблемы разоружения. В том же году советский лидер выступил на Генеральной Ассамблее ООН с проектом всеобщего разоружения, но поддержки не получил.

Наряду с характерными для начала холодной войны сюжетами, приведенными выше, существовали и другие, пропагандирующие мир без антагонизма «мы за мир, они поджигатели войны», среди них рисунок Б. Ефимова «Против холодной войны». Американец и советский гражданин сидят за столом с бутылкой шампанского во льду и двумя фужерами. Гражданин СССР – блондин в галстукке, американец – брюнет с галстуком-бабочкой. Подпись гласит: «Пусть между нами будет только этот лед».

Этот же дух мирной инициативы находим в плакате В. Говоркова «Мы предлагаем торговать и соревноваться» (1959), однако антагонизм в нем все-таки присутствует. На плакате инициатива СССР представлена как открытый жест советского человека на переднем плане, а позиция другой стороны – недо-

верчивый взгляд капиталиста, сидящего под флагом США на ящиках с товаром по ту сторону Атлантики.

В 1959 г. вышел альбом рисунков М. Абрамова и Б. Ефимова «Во имя мира: к поездке Н.С. Хрущева в США». В рисунках очень образно выражается надежда на возможность сотрудничества между Западом и Востоком. Главным отрицательным персонажем сборника является «холодная война», которую карикатуристы изобразили в виде безобразного снеговика, придав ему черты бабы-яги. Ее сторонники – все те же богатые капиталисты, военные из НАТО, а также журналисты-провокаторы, реваншисты и чанкайшист¹⁶, так как в этот период холодная война уже распространилась и на другие континенты в виде конфликтов, связанных с деколонизацией в Африке, событиями на Кубе, в Латинской Америке, противостоянием КНР и Тайваня (Республики Китай).

С появлением атомного оружия одной из ведущих тем в советской политической карикатуре стал «атомный шантаж» Советского Союза со стороны США.

Угроза применения атомного оружия против СССР стала важным элементом американской внешней политики еще до официальной президентской доктрины «сдерживания коммунизма»¹⁷. Трумэн пытался использовать «атомный шантаж» в свое президентство. В это время было разработано несколько планов атомных ударов по СССР: «Пинчер» (1946), «Бройлер» (1947), «Дропшот» (1949)¹⁸.

Следует заметить, что еще до появления у СССР атомного оружия, СССР и США имели разные точки зрения по вопросу контроля за атомной энергией. 14 июня 1946 г. Б. Барух¹⁹, глава американской делегации в Комиссии ООН по атомной энергии, предложил план международного контроля над атомной энергией. СССР был против, так как США, по плану, сохраняли под своей национальной юрисдикцией свой запас атомных бомб до тех пор, пока ООН не установит глобальный контроль над атомной энергией. Через пять дней Советский Союз предложил другой вариант: установить международный запрет на ядерное оружие, но сохранить национальный режим контроля над атомной энергией, а международная организация, дейст-

вующая под контролем Совета Безопасности ООН, должна осуществлять надзор, чтобы атомная энергия использовалась исключительно в мирных целях. Была предпринята попытка сблизить этот план с планом Баруха. В начале 1950-х годов деятельность Комиссии ООН по атомной энергии фактически была заморожена.

В 1950-е годы правительство Д. Эйзенхауэра разработало Единый оперативный план (SIOP) – основу для принятия президентом решений о применении американских ядерных сил и определения характера их использования.

В это время в США и других странах обозначилось социально-психологическое явление, получившее название «ядерный страх»²⁰, который также послужил темой для советских карикатур. Так, начиная с 1947 г. на обложке американского ежемесячного журнала «Бюллетень ученых-атомщиков» (The Bulletin of the Atomic Scientists) *периодически появлялись «часы судного дня», показывавшие степень опасности ядерной войны, – чем ближе стрелки к полуночи, тем больше вероятность конфликта.* В 1947 г. часы показывали 7 минут до полуночи.

В эти годы в антиамериканских карикатурах присутствует сюжет атомного шантажа. Примером такой карикатуры до появления у Советского Союза атомной бомбы может служить рисунок Б. Ефимова «Модный вид “спорта”» (1946). Один господин в котелке накачивает насосом шар «атомный шантаж». Другой, в спортивных трусах, в шляпе, пиджаке и галстук-бабочке, в очках и с сигарой в зубах, толкает ядро «атомной дипломатии». Еще один дует на шар «атомный бум». Подпись «Херстовская»²¹ пресса усиленно занимается толканием ядра (атомного)».

Этой же теме посвящена и другая его карикатура «Шумовой концерт англо-американских шантажистов» (1946). Надпись: «Пугают слабонервных». На ней американец, вооруженный пистолетами, дует в трубу «Новая мировая война неизбежна». К барабану прикреплена атомная боеголовка, на тарелках знак доллара.

Изображение атомной бомбы постоянно встречается на плакатах рассматриваемого нами периода. Маленькая атомная бомба в кармане или другое подобное изображение стали в советском пропагандистском плакате едва ли не обязательным «аксессуаром» внешнего врага. Лучшим примером тому служит известнейший плакат В. Говоркова «Не балуй!» (1948), где советский воин грозит пальцем поджигателю войны дядюшке Сэму с факелом и атомной бомбой в руках. В качестве аргумента советский воин держит книгу «Великая Отечественная война».

Реакция Соединенных Штатов на появление в СССР собственного атомного оружия стала самостоятельным сюжетом в плакатах и карикатурах. Приведем несколько примеров, среди них карикатура Ю. Ганфа «Господи, вот это испытание!». Итак, сюжет: на коленях перед ящиком с атомными бомбами, ядами и папкой «План атомной войны против СССР» стоит старый американец в запонках, с перстнем, с атомной бомбой в кармане. О том, какую страну этот персонаж представляет, говорят галстук и носки расцветки «под американский флаг». В руках он держит газету с заголовком «Советский Союз провел недавно испытания атомной бомбы. Юнайтед Пресс».

Второй пример – это карикатура Б. Ефимова «Лопнувший шантаж» (1949). На первом рисунке американский военный надувает шар «Атомная монополия США». Внизу – лопнувший шар от «сообщения ТАСС от 25 сентября»²². Мы можем утверждать, что главная идея этой карикатуры, с точки зрения идеологии, не только наглядное подтверждение технического прогресса в СССР, но и моральная победа над США.

Еще одна карикатура Б. Ефимова «Чем больше они трясутся, тем устойчивее американская экономика» (1961) показывает большого человека с сигарой, который за ноги трясет маленького, вытряхивая из него доллары в кубышку с надписью «Атомное убежище». Текст под рисунком гласит: «Сознательно разжигая атомную панику, американские монополисты получают огромные прибыли от продажи “противоатомных убежищ” перепуганным американцам». Первые испытания советского атомного оружия в 1949 г. привели к созданию на Западе

системы защиты населения от оружия массового поражения. В 1950 г. в популярных СМИ появились первые статьи, посвященные приемам защиты в случае атомного нападения. В 1951 г. в США было создано федеральное агентство по гражданской обороне, после этого начались мероприятия по подготовке населения к возможной атомной атаке. В июне 1952 г. вышла телепрограмма “See It Now”, в которой демонстрировалось, что ожидает Нью-Йорк в случае атомной атаки. Страх перед атомной бомбой заметно усилился к середине 1950-х годов.

«Бункерный бум» обогатил строителей, так как индивидуальные бомбоубежища строились по всей стране. Всерьез обсуждалась идея принятия законопроекта, разрешающего применение огнестрельного оружия против соседа, который не построил собственное убежище и захотел силой ворваться в чужое²³.

Уже на начальном этапе работы ООН выявилось идеологическое противостояние великих держав и их союзников при учреждении новой организации. Борьба шла не только за включение в организацию своих сторонников, но и за то, кто будет иметь там большее влияние, какие органы получат больше полномочий. США, Англия, Бельгия, Египет и другие страны предложили предоставить Генеральной Ассамблее право пересматривать международные договоры, намереваясь поставить Совет Безопасности в подчиненное положение по отношению к Генеральной Ассамблее. СССР решительно выступил против смещения акцентов и успешно отстоял свою позицию: компетенция Генеральной Ассамблеи – давать рекомендации по широкому кругу вопросов, а не принимать решения обязательного характера²⁴.

Когда ООН начала полноценно функционировать, продолжали раздаваться голоса против «права вето» и принятой системы голосования в Совете Безопасности и Генеральной Ассамблее. Советский Союз продолжал защищать новый принцип голосования, критикуя опыт работы Лиги Наций, напоминая о провале ее деятельности²⁵. Противопоставление Лиги Наций ООН продолжил в своем выступлении 29 октября того же года В.М. Молотов, когда говорил о механизме принятия

решений: в Лиге Наций они принимались единогласно, в Генеральной Ассамблее – необходимо было добиться двух третей голосов. В Совете Безопасности, чтобы решение было принято, требовалось, чтобы за него проголосовали 7 из 11 членов, в том числе 5 постоянных членов США, Великобритания, СССР, Франция и Китай, как гарантия интересов Объединенных Наций в целом. Он опроверг обвинения в недемократичности этого положения, доказывая, что это также абсурдно, как приравнять голос Гондураса к голосу США. Молотов осудил кампанию за отмену «вето», так как отказ от принципа консенсуса великих держав означал бы отказ от фундаментальных основ ООН²⁶.

В дальнейшем СССР последовательно отстаивал принятый принцип голосования в Совете Безопасности ООН и критиковал своих оппонентов. Эта критика не могла не найти отражения и в политической карикатуре. Б. Ефимов в карикатуре «Американские подрывники» (1949) показал здание ООН и колонну «Принцип единогласия пяти великих держав», под которую делают подкоп американцы.

Важной стороной участия Советского Союза в ООН было использование трибуны Генеральной Ассамблеи для пропаганды своих идей, особенно идеи всеобщего разоружения, а также жаркой полемики по идеологическим вопросам. Руководители советских делегаций обличали милитаристские устремления западных держав и стран, выступавших на их стороне. Poleмика на Генеральной Ассамблее, конечно же, переходила и на страницы советских журналов и газет в виде карикатур на политических оппонентов.

Среди примеров назовем карикатуру в журнале «Крокодил» под названием «АккордеООН». На ней солдат в каске с надписью US играет на аккордеоне, составленном из представителей европейских государств. Его руки – когтистые лапы – в крови. Приводится высказывание И.В. Сталина: «По сути дела ООН является теперь не столько всемирной организацией, сколько организацией для американцев, действующей на потребу американским агрессорам (из беседы тов. Сталина И.В. с корреспондентом “Правды”»).

Мишенью советской карикатуры было голосование западных делегатов на Генеральной Ассамблее, например, на карикатуре Б. Ефимова «Голосование ногами»²⁷. На ней видны только пятки бросившейся на выход толпы делегатов, потерявших в спешке свои шляпы и цилиндры. Надпись к рисунку следующая: «В последнее время некоторые делегаты Генеральной Ассамблеи практикуют странный прием – они покидают зал заседаний перед тем, как должно произойти голосование по какому-либо принципиальному вопросу. В журналистских кругах этот прием называют “голосованием ногами” (Из газет)». Приведем конец стихотворения Александра Роховича к карикатуре: «Такое примененье ног // Бесспорно на руку кому-то». Карикатура высмеивает отсутствие «отваги» у некоторых делегатов при голосовании по важным политическим вопросам.

Советская карикатура приписывала США нечестные методы работы в ООН, как, например, в работе Б. Ефимова «Устройство американской машины голосования в ООН» (1947). Машина голосования на рисунке работает так: один капиталист с табличкой USA жмет на кнопку «за», за ним поднимаются лес рук.

ООН как организация, призванная поддерживать мир, упоминается в карикатурах, обличающих милитаристские замыслы США и их союзников. На карикатуре Б. Ефимова «Антисоветское шило в “оборонительном” мешке» (1949) дядюшка Сэм и другие персонажи с ангельскими крылышками выглядывают из мешка, сшитого из лоскутов: «Северо-атлантический (оборонительный) пакт (в целях укрепления безопасности)», «Устав ООН», «верность принципам ООН», «ст. 51 Устава ООН»²⁸, «ст. 52 Устава ООН»²⁹. Шило – торчащий из мешка штык «агрессия против СССР».

В 1950–1960-е годы обе стороны блокировали инициативы друг друга в ООН по проблеме разоружения. Советский Союз отклонил предложение Запада о сокращении обычных вооружений в 1949 и 1952 гг., о частичном разоружении и контроле над вооружением в 1951 и 1952 гг. Запад отверг советские предложения о запрещении атомного оружия в 1946, 1950 и

1952 г. На семь лет (1946–1952) растянулось создание единой Комиссии по разоружению. Медленно решался вопрос о контроле над атомной энергией (организация МАГАТЭ была создана только в 1957 г.)³⁰.

Советская сторона с трибуны ООН винила в неудаче переговоров Запад. В 1960 г. появилась карикатура Б. Ефимова на тему разоружения. Рисунок поделен на две части. Первая картинка названа «Западные предложения (с фокусами)». Фокусник умело переставляет таблички «сначала контроль – потом разоружение», «контроль до разоружения», «контроль без разоружения» и, финальный трюк, «контроль вместо разоружения». Вторая картинка «Советское предложение (без фокусов)»: «разоружение под контролем». Изображена рука, указывающая фокусникам на советское предложение. В связи с этим напомним, что в 1959 г. на XIV сессии Генеральной Ассамблеи (где советская сторона в лице Н.С. Хрущева внесла на рассмотрение ООН Декларацию о всеобщем и полном разоружении) не была принята программа всеобщего разоружения из-за разногласий в очередности ликвидации вооружений. Позиция Советского Союза была следующей: наше ядерное оружие будем уничтожать после полного разоружения Запада³¹.

После окончания Второй мировой войны возобновилось движение за единую Европу. Оно зародилось еще в XVII в., однако на его пути вставали амбиции национальных государств³². У. Черчилль в речи «Трагедия Европы», произнесенной в Цюрихском университете 19 сентября 1946 г., призвал «построить нечто вроде Соединенных Штатов Европы»³³. Этот процесс затрагивал интересы США и Великобритании в Европе. Н. Дэвис отмечает, что Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), созданная для управления фондами в рамках плана Маршалла, «явилась первым шагом в направлении европейской интеграции»³⁴. Советский Союз не принял участия в плане Маршалла и вынудил страны Восточного блока последовать своему примеру. Именно после отказа СССР от участия в плане Маршалла историки говорят об открытом разрыве между союзниками³⁵.

5 июня 1947 г. в Гарвардском университете Дж. Маршалл³⁶ обнаружил программу экономической реконструкции и политической стабилизации в послевоенной Европе. План Маршалла вступил в действие в апреле 1948 г., в нем участвовали 16 европейских стран, включая ФРГ, образованную в 1949 г. На момент окончания действия плана Маршалла в 1951 г. всего было выделено 12,4 млрд. долларов в виде ежегодных государственных ассигнований по 3,1 млрд. долларов в течение четырех лет. 10 декабря 1953 г. Джордж Маршалл стал лауреатом Нобелевской премии мира.

Особенностью плана Маршалла было то, что эти деньги европейцы могли потратить в Америке, закупая товары и услуги. Американцы продавали товары и избавлялись от излишка долларов, стимулировавшего инфляцию. Формально американская помощь гарантировалась всем, в том числе Советскому Союзу и странам, входившим в его сферу влияния. Однако 2 июля 1947 г. СССР отверг американскую экономическую помощь³⁷.

После того, как в СССР план Маршалла был отвергнут, США разорвали советско-американское соглашение о торговле 1937 г. В США был издан закон о запрещении экспорта в СССР. Ответом Советского Союза на эти действия было создание СЭВ в 1949 г. В 1949 г. был образован Координационный комитет по экспортному контролю (КОКОМ). Он контролировал экспорт западных товаров и технологий в страны «социалистического лагеря».

Советский Союз пророчил европейским странам экономическое закабаление американскими монополиями, но этот прогноз не сбылся. Тема обыгрывается в карикатуре Б. Ефимова «Спасательный круг системы Маршалла» (1947). На ней полицейский с территории США бросает в Европу хомут с замком в виде знака доллара. Надпись гласит: «Американский хомут». Ефимов же – автор карикатуры «Дорожка некоторых европейских политиков» (1947) с надписью: «Долларовым строем», изображающей европейских политиков, идущих за американцем, у которого в руках мешок долларов.

Продолжение этой темы можно встретить в карикатуре Е. Щеглова «Кавалер с Уолл-стрита» (1949). Подписи к рисунку

ку гласят: «Он поднес Марианне в порядке помощи сумочку. Но от такой помощи Марианна вынуждена ходить с сумой». На первой картинке американский капиталист дарит Марианне-Франции сумку, на второй Марианна бредет с протянутой рукой в оборванном платье и с сумой.

Еще более метафорично эта идея представлена в карикатуре Б. Ефимова «Троянский конь с Уолл-стрита. Миф об американской помощи Европе» (1947), где из троянского коня в цилиндре цветов флага США с трубкой и в черных очках строем маршируют монетки со знаком доллара в Турцию, Грецию, Италию, Австрию, во Францию. Каждая монетка вооружена: за спиной у нее висит автомат.

Еще один образец пропагандистской критики находим в карикатуре Ю. Ганфа «Крик моды» (1950). Текст к карикатуре следующий:

«Маршаллизированная Европа»:

– Что это такое, сэр? Обещали одеть по последней моде, а мода-то оказалась берлинская, образца 1941 г.

На рисунке даме перелицовывают военный костюм в ателье. Таким образом, план Маршалла в советской карикатуре представлялся, как попытка США усилить свое присутствие на европейском континенте с милитаристскими целями.

Оценку плана Маршалла мы находим также в карикатуре Ю. Ганфа «Америка и Европа» (1952). Окно в комнате скромно одетой дамы – «маршаллизованной Европы» разбивается, и влезает свинья в военной форме со знаком доллара на пятачке. В одной руке она держит мешок, сделанный из американского флага с надписью «Американский образ жизни», из которого торчат рукоятка ножа, наручники и жевательная резинка, в другой – автомат. Женщина смотрит на нее с ужасом и негодованием. Внизу – цитата из «Сорочинской ярмарки» Н.В. Гоголя: «Окно брякнуло с шумом; стекла, звеня, вылетели вон, и страшная свиная рожа выставилась, поводя очами...». Таким образом, враг демонизируется, дискредитируется американский образ жизни.

В своих выступлениях западные политики, в том числе и У. Черчилль говорили о возросшем влиянии сил коммунизма в мире³⁸. Многие, например, К. Аденауэр, противопоставляли их западному капиталистическому обществу и христианству. Возросшая популярность коммунистических партий в послевоенной Европе воспринималась ими как нездоровая и нехарактерная для этих обществ. Советская историография ссылается на фултонскую и цюрихскую речи Черчилля, в которых говорится о создании англо-американского блока и об объединении Европы с включением в ее состав ремилитаризованной Германии, как направленные на подогревание в обществе ненависти к Советскому Союзу³⁹. На призывы объединить Европу перед лицом новой войны и тирании советская визуальная пропаганда отзывалась плакатами и карикатурами, подчеркивавшими военную, милитаристскую составляющую движения за объединение Европы. Как враждебное начинание представляли и план Шумана⁴⁰ (май 1950 г.), предполагавший создание перспективных экономических, военных и политических структур и имевший своей целью в перспективе создание Соединенных Штатов Европы. Он предлагал экономическое взаимодействие в черной металлургии, сталелитейной промышленности, создание европейской армии и, что важно, был направлен на франко-германское примирение.

В результате в мае 1951 г. было создано Европейское объединение угля и стали (ЕОУС), куда вошли шесть стран: Франция, Германия, Италия, Бельгия, Нидерланды и Люксембург. В рамках ЕОУС страны договорились вести бесполошинную торговлю углем и сталью, регулируя их производство и конкуренцию. В Советском Союзе данная инициатива Европы по объединению была воспринята как создание экономического дублера НАТО.

В июне 1950 г. сложился Европейский платежный союз (1951–1958). В 1957 г. были подписаны Римские договоры, в 1958–1971 гг. образованы Европейское экономическое сообщество (ЕЭС) и Европейское атомное агентство (Евroatом), ставшие основой современного Евросоюза.

В одной из политических карикатур того времени происходившие в Европе процессы получили название «Лирико-атлантическая сцена у фонтана. Постановка Уолл-стрита». В середине композиции «фонтан» – американец с мешком долларов, из которого сыплются деньги, протягивает руку к сидящим вокруг него на лавочках европейским политикам, у которых в руках бумаги: «план Шумана» с бантиком из американского флага, «на преследование сторонников мира».

В другой карикатуре, созданной Ю. Ганфом, обыгрывается тема реваншизма. Она называется «В пансионате “Объединенная Европа”» (1953). Нянька, олицетворяющая Соединенные Штаты, подводит к играющим в военные самолетики и пушки малышам в военной форме переростка при оружии с надписью на лацкане «SS». Текст на карикатуре звучит так: «Примите его, детки, в свою компанию, но смотрите, не обижайте». Кроме европейского объединения под неусыпным контролем США, в карикатуре подчеркивается мысль о том, что такое объединение Европы носит милитаристский и реваншистский характер. Западные политики видели в объединении Европы способ навсегда покончить с соперничеством Франции и Германии. Обсуждавшаяся в то время идея ремилитаризации Германии воспринималась Советским Союзом, понесшим колоссальные потери во Второй мировой войне, как реваншистская и подрывающая основы мира.

Кроме экономических инициатив, предпринимались попытки по созданию военных структур, которые неоднозначно воспринимались в самой Европе. Франция и Англия подписали договор об оборонительном союзе в 1947 г. 17 марта 1948 г. был подписан Брюссельский договор о распространении франко-английского соглашения на страны Бенилюкса (Бельгию, Нидерланды и Люксембург). В октябре 1950 г. Франция выступила с инициативой создания Европейского оборонительного сообщества (ЕОС), предусматривавшей создание европейской армии с участием немецкого контингента – план Плевена (по имени французского премьер-министра Р. Плевена⁴¹, выступившего с этим предложением). Через несколько месяцев в Париже началась работа конференции, разработавшей предло-

жение о создании Европейского оборонительного сообщества. В ней участвовали Франция, Италия, Бельгия, Люксембург и ФРГ. В рамках ЕОС предполагалось создать вооруженные силы в качестве наднациональной структуры и работать в тесном контакте с НАТО. Договор был подписан в 1952 г., затем страны-участницы должны были его ратифицировать. Сложные переговоры велись в течение четырех лет. В августе 1954 г. план не был принят, так как Национальное собрание Франции отказалось ратифицировать это соглашение. Франция не хотела образования немецкой армии, ссылаясь на печальный опыт Второй мировой войны⁴².

Военные инициативы Европы становились объектом нападок советской политической карикатуры. В журнале «Крокодил» в 1954 г. была опубликована карикатура Ю. Ганфа «Латы и заплаты». На ней изображена девушка с лентой «Западная Европа», сшитой из флагов европейских государств. Дядюшка Сэм подает ей латы с надписью «Европейское оборонительное сообщество» с вложенным в них свитком «План новой войны». Ковать оружие ему помогает фашист.

Особого внимания, на наш взгляд, заслуживает более ранний плакат на ту же тему, где выведены отношения между союзниками. Он носит название «Европейское содружество» (И. Семенов, 1952), со следующей подписью: «Ясна, понятна для любого // Цена “содружества” такого: // Улыбка на губах, // Елей в речах, // В мыслях – ложь, // За спиной – нож!» (А. Безыменский). Над собравшимися за столом политиками, магнатами и военными, улыбающимися друг другу, два купидона, один в каске, другой в военной фуражке, держат ленту с надписью «Европейское содружество». На столе разложены тексты «Атлантического договора», «Договора о Европейском оборонительном сообществе», «Общего договора», «Управления взаимного обеспечения безопасности» и карта Западной Европы, утыканная американскими флажками. На переднем плане выделяются четыре фигуры: У. Черчилля, премьер-министра Великобритании, дяди Сэма в военной форме, который главенствует и подавляет остальных (отметим, что генерал Д. Эйзенхауэр в 1950–1952 гг. был верховным главнокомандующим

вооруженных сил НАТО), французского политика (Р. Плевен, который в то время был премьер-министром Франции) и К. Аденауэра, канцлера ФРГ, в нацистской форме. На скрытой части (под столом) действие получает совершенно другой оборот. Наиболее крупные на рисунке фигуры Черчилля и дяди Сэма заняты тем, что подпиливают и пытаются выбить друг из-под друга стулья. Америка тянет к себе мешок «колониальные прибыли» из рук Франции. Это намек на то, что Франция теряет свои позиции в Индокитае. Под столом пистолеты приставили к бокам друг друга лидеры Франции и ФРГ. Пол завален оружием, среди которого атомная бомба – главный аргумент в споре. Кроме того, за поясом у американца – шприцы со штаммами опасных болезней (намек на планы бактериологической войны).

После завершения Второй мировой войны одним из важнейших вопросов внешней политики СССР и постоянной причиной разногласий с Западом стал вопрос о положении побежденной Германии, разделенной союзниками на оккупационные зоны. В 1947 г. американцы и британцы в одностороннем порядке объединили свои оккупационные зоны в одну – «Бизонию», включившую весь Рур; позже к ней была присоединена французская часть и образована «Тризония». Следующим шагом стало создание в 1949 г. Федеративной Республики Германия, с принятием в мае 1949 г. конституции ФРГ и формированием правительства. В ответ 7 октября 1949 г. была образована Германская Демократическая Республика.

Ситуация обострилась во время первого Берлинского кризиса. После введения в Западной Германии в обращение новых денег, советская сторона объявила о нарушении четырехстороннего статуса Берлина 2 августа 1948 г., а через несколько дней началась блокада Берлина с целью изолировать его от западной зоны. Положение в городе стало крайне тяжелым. Западные страны установили воздушный мост с Берлином, где на аэродроме Темпельхоф непрерывно приземлялись американские и британские самолеты со всем необходимым для жизни города.

Что касается государственного устройства, союзники решили, что конституция нового государства будет разрабатываться специально созданным немецким Парламентским советом. Совет начал свою работу в Бонне 1 сентября 1948 г. Пост президента парламентского совета получил Конрад Аденауэр, которому на тот момент было 73 года⁴³. Споры между христианскими демократами с одной стороны и социал-демократами с другой велись по поводу того, рыночная или плановая экономика будет у нового государства. Коммунисты в совете вообще возражали против выработки конституции, пока не соберутся представители партий всех четырех оккупационных зон и примут решение об образовании единой немецкой республики. Проект Основного закона был принят Парламентским советом 8 мая 1949 г., а 23 мая его подписали в Бонне, выбранном советом столицей ФРГ, премьер-министры земель и председатели ландтагов⁴⁴.

Пока в совете велась работа над конституцией, США, Великобритания и Франция разработали Оккупационный статут – соглашение трех держав с немецким государством. В соответствии с положениями Основного закона, Оккупационный статут определял федеративное устройство западногерманского государства с широкими полномочиями земель. Западные же страны оставляли за собой регулирование внешней и финансовой политики нового государства и управление Руром. Следует отметить, что Оккупационный статут перестал действовать в мае 1955 г.; тогда же произошло и вступление ФРГ в НАТО.

Все перечисленные выше шаги западных государств и политика канцлера Аденауэра послужили сюжетами для огромного числа советских карикатур, представлявших действия Запада как поддержку германского реваншизма. Так, на карикатуре «Высидели», опубликованной в «Крокодиле», гуси с бантами из флагов США, Франции и Великобритании высидели яйцо, из которого вылупился марширующий гриф с фашистской символикой. Вокруг разбросаны листы «Боннской конституции» и «Оккупационного статута». У американца на груди золотой медальон со знаком доллара.

Сам Аденауэр стал мишенью для бесчисленного множества карикатур, причем не только советских. Исследователи подсчитали, что на него при жизни было опубликовано 22 тысячи карикатур⁴⁵ В советской пропаганде последовательной критике подвергалась как работа по созданию западногерманского государства, так и личность канцлера ФРГ.

В действиях канцлера, убежденного антикоммуниста, пропаганда подчеркивала стремление к реваншизму. Аденауэр считал, что ФРГ должна ориентироваться на Запад, он признавал лидерство США, важность их участия в европейских делах. В отношении к вопросу об объединении он считал, что первым делом должна происходить европейская интеграция, общегерманские вопросы уходили на второй план. Возможности объединения с ГДР в ближайшей перспективе он не видел и считал, что оно может произойти только путем присоединения ГДР к Федеративной Республике. За эти взгляды его критиковали и внутри страны. Вступление ФРГ в НАТО и создание бундесвера Аденауэр оправдывал обеспечением обороноспособности Германии, возможностью остановить советскую экспансию на Запад⁴⁶. К. Аденауэру удалось договориться с Н.С. Хрущевым о возвращении 10 тысяч немецких военнопленных. Советское руководство предпочитало для них другое название – не пленные, а военные преступники.

Все вышеперечисленные пункты политики канцлера были представлены на карикатуре «Сюита Уолл-стрита». На ней военный держит в руках контрабас, на котором написано «Аденауэр». На нотном стане читаем: «Фашизация Милитаризация Реванш Досрочное освобождение нацистских военных преступников».

Интерес К. Аденауэра к созданию общеевропейских военных частей получил следующую трактовку в карикатуре Ю. Ганфа «В мастерской Аденауэра» (1953). Текст к карикатуре гласит: «Макклой⁴⁷ назвал боннского “канцлера” Аденауэра “архитектором новой Европы”». На карикатуре Аденауэр занят проектированием колонн для здания «новой Европы»: мотомеханической, танковой, пехотной. Примечательная деталь:

чертежные принадлежности лежат в каске со свастикой; готовальня на столе также отмечена этим символом.

Для усиления пропагандистского эффекта немецкий канцлер мог представляться в пропаганде и как наследник Гитлера. На карикатуре Б. Ефимова «Знакомый язык» (1960) Аденауэр с военным крестом на шее произносит речь. Его высунутый язык изображен в виде свастики. Вверху (с того света) эту речь слушает и радуется довольный Гитлер.

За налаживание отношений с ФРГ подвергалась критике Франция и ее лидер Шарль де Голль («Де Голль и социаллакеи», карикатура Кукрыниксы). Следствием таких действий пропаганда демонстрировала марширующий по Европе фашизм.

СССР был недоволен тем, как наказали нацистов. Примером политической карикатуры на эту тему служит работа Ю. Ганфа ««Наказанные нацисты», или ... и шуку бросили в реку» (1947), где господин в цилиндре (англичанин) выбрасывает из ведра хищного вида шук с флагом третьего рейха на боку. Поодаль другой господин делает то же самое.

Советский Союз также был недоволен ходом демилитаризации в американской и британской зонах оккупации. Советская сторона обвиняла союзников в том, что на их территории под видом «гражданской гвардии» и «промышленной полиции» (в американской зоне) «сохраняются и создаются новые немецкие формирования военного типа», а в британской зоне «все еще не распущены “рабочие группы”, “транспортные роты”, “команды траления” и другие воинские формирования бывших гитлеровских вооруженных сил»⁴⁸. Этой теме посвящена карикатура Б. Ефимова «Рабочие кадры» (1947). Надпись гласит: «Под видом “рабочих рот” на западе Германии сохраняются фашистские военные формирования (из газет)». На рисунке за солдатом с флагом со свастикой, составленной из букв слов «рабочая команда», маршируют солдаты с табличками «рабочий» на груди.

Еще в сентябре 1945 г. в советской прессе стали появляться статьи о связях американских и германских фирм во время войны⁴⁹. В советских документах подчеркивалась особая роль

американских монополий в финансировании германской тяжелой промышленности до Второй мировой войны⁵⁰. Отражение этих тем мы находим в карикатуре Б. Пророкова «Морган и Круп» (1951). На ней изящная рука с запонкой с надписью “US” передает каску, заполненную долларами, в обмен на которую другая рука с запонкой со свастикой протягивает каску с черепом. Обе руки отличаются ухоженностью и изяществом. Этот прием еще раз подчеркивает многоликость врага, который мог быть не только чудищем с когтистыми волосатыми лапами.

Линия канцлера К. Аденауэра на ремилитаризацию и установление тесных отношений с США вызвала ожесточенную критику в Советском Союзе. Действия Западной Германии и бывшего союзника представляли в политической карикатуре как неприкрытый реваншизм, как, например, в «Западногерманской “Американке”» Б. Ефимова (1951). На рисунке американские военные ремонтируют фашистского солдата. На новых деталях надпись “Made in USA”. Еще один американский военный смазывает его маслом «Реабилитация», также с надписью “Made in USA”.

Мотив присутствия фашистской угрозы после войны прослеживается в карикатурах на Ф. Франко. Отметим, что на Потсдамской конференции союзники заявили о своем неприятии диктатуры Франко, а в 1946 г. ООН приняла решение об отзыве послов из франкистской Испании до тех пор, пока там не установится демократия. Однако холодная война привела к тому, что отношение США к диктатору-антикоммунисту изменилось. Этому же способствовало начало войны в Корее. В 1951 г. ООН подтвердила возобновление дипломатических отношений между США и Испанией. Соединенные Штаты предложили Испании первую экономическую помощь, и 14 декабря 1955 г. Испания была принята в ООН.

В качестве примера приведем карикатуру Ю. Ганфа «Опытная прислуга» в журнале «Крокодил» (1950). Подпись под рисунком гласит: «Франко: Мы с вами сработаемся, мистер! У моего прежнего хозяина были такие же вкусы, как у вас!». Франко, изображенный в костюме горничной поверх военной

формы, с окровавленным топором на поясе и испачканном в крови переднике, показывает американцу и британцу рекомендацию, подписанную Гитлером и Муссолини.

Англо-американские отношения в послевоенный период послужили сюжетом для многих карикатур в советской печати. Великобритания изображалась подчиненной и несамостоятельной по отношению к США.

Послевоенное положение Британии было тяжелым. Окончание американской программы ленд-лиза в августе 1945 г. едва не послужило началом кризиса. Ситуация несколько улучшилась в результате соглашения по англо-американскому займу, переговоры о котором вел Джон Мэйнард Кейнс⁵¹. Одним из условий займа было превращение фунта в полностью конвертируемую валюту по отношению к доллару. Когда в июле 1947 г. фунт стал конвертируемым, последовал валютный кризис, и конвертируемость фунта была прекращена всего через несколько недель. С 1948 г. Британия стала получать помощь по плану Маршалла, и экономическая ситуация значительно улучшилась. Однако другой кризис платежного баланса, случившийся в 1949 г., вынудил канцлера казначейства (министра финансов Англии) Стэффорда Криппса⁵² провести девальвацию фунта.

Экономические отношения Великобритании и Соединенных Штатов стали темой карикатуры Кукрыниксов «У постели больного». На больничной койке лежит истощенный пациент со знаком фунта стерлингов вместо носа. Вокруг него собралась целая группа врачей с печальными лицами, среди которых Криппс и Дикин⁵³. Толстый господин в котелке и с повязкой со знаком доллара на рукаве белого халата замеряет больному пульс. В другую руку пациенту делают инъекцию. На шприце надпись «девальвация».

Неудачи британской экономики также стали сюжетом карикатуры Кукрыниксов «Уолл-стрижка» (1949). В парикмахерском кресле сидит британский лев в переднике с надписью «вашингтонские финансовые переговоры». Лев острижен наголо и привязан к стулу собственным хвостом, у которого обрублена кисточка. Джентльмен в бабочке занят тем, что стри-

жет его гриву. На тумбочке перед зеркалом стоит одеколон «деваЛВАция», рядом со стулом лежит мешок с шерстью и кисточкой от хвоста.

Еще одной мишенью для советской карикатуры стал британский премьер К. Эттли⁵⁴. На карикатуре Кукрыниксов «Мистер Эттли в натуральном виде» в журнале «Крокодил» он изображен с телом льва, подвешенного за ноги, раскрашенного в цвета американского флага.

Сатирически изображались внешняя политика и союзнические отношения Великобритании с Соединенными Штатами. Приведем два примера. На карикатуре Б. Ефимова «Американская заботливость» (1951) изображен британский лев, его лапы и хвост придавлены военными базами США, а к спине прикреплен сачок с надписью «US». Подпись под рисунком: «Еще немного – и ты сможешь быть совершенно спокоен за свою безопасность».

На карикатуре Ю. Ганфа «Бывшая владычица морей Великобритания» (1952) мы видим тяжелую даму, напоминающую царевну-лягушку, с обломанным щитом, с флагом Великобритании и трезубцем, в подвязанной короне, окруженную буйками, выкрашенными в цвета флага США.

Возможно, советская карикатура обратилась к темам, казалось бы, не затрагивающим интересы СССР и его отношений с Великобританией потому, что здесь как раз и показаны «межимпериалистические противоречия», коварство врага даже по отношению к своему союзнику, ведь с распадом Британской империи ориентация Великобритании на США становилась все более очевидной.

Советская пропаганда реагировала и на явно недоброжелательное отношение многих британских политиков к СССР. К карикатурам на эту тему относится работа Б. Ефимова «Закройщик из Лондона» («Красная звезда» 14 июля 1946 г.). Надпись над карикатурой гласит: «История с географией. Английский консерватор мистер Эмери⁵⁵ в статье “Британская империя и Европа” заявляет, что он не считает Советский Союз европейской державой». На рисунке мы видим, что на огромном столе сидит маленький джентльмен в цилиндре, очках, с

ножницами в руках и кроит. Рядом с ним лежит журнал «Антисоветские Моды сезона. Новый расовый покрой». Он сидит на перекроенном и сшитом листе «Карта Европы». Из ящика стола выглядывает флаг со свастикой. Б. Ефимову также принадлежит карикатура «Герцогиня выражает свои чувства...» с надписью: «Польская демократическая общественность возмущена выступлением небезызвестной герцогини Атоллской⁵⁶, которая оправдывает деятельность террористического подполья в Польше» («Известия» 5 февраля 1947). Подпись к карикатуре: «Сердечное рукопожатие». На ней богато одетая дама с букетом в руках пожимает лапу крысе, вылезавшей из норы. У крысы автомат и надпись «фашистский террор», с лапы капает грязь. В связи с этим отметим, что борьба с антикоммунистическим подпольем продолжалась и после завершения Великой Отечественной войны. К середине 1950-х годов было фактически уничтожено вооруженное антикоммунистическое подполье в СССР: бандеровцы на Западной Украине, «лесные братья» в Прибалтике. То же самое происходило в Польше и восточноевропейских социалистических странах⁵⁷.

* * *

Основным материалом для нашего исследования послужил очень типичный для Советского Союза с момента его создания и примерно до 1960-х годов канал пропаганды – плакаты и карикатуры. Плакаты и карикатуры на внешнеполитические темы наглядно доказывали населению правильность советской политики, ее верность идеалам интернационализма и подлинной демократии в противовес Западу. Для достижения этих целей визуальная пропаганда оперировала распространенными в массовом сознании символами и стереотипами, олицетворявшими внешнего врага: капиталист, империалист, дядюшка Сэм. Наряду с ними вводились и новые: атомный шантажист, реваншист.

В отличие от плаката, на создание которого уходило больше месяца, карикатура почти мгновенно отзывалась на все между-

народные события. Ее главными героями чаще, чем в плакате, становились политики и военные: Черчилль, Аденауэр, Эттли, Эмери, Даллес, Форрестол и др.

Обращает на себя внимание и то, что в советской карикатуре для аллегорического изображения Великобритании почти во всех просмотренных нами материалах использовался лев, а не бульдог или Джон Буль. Таким образом, карикатуристы воспользовались именно общенациональным, а не исключительно английским символом. Можно предположить, что использование пропагандой именно этого символа – благородного, сильного животного – преследовало цель показать несамостоятельность политики Великобритании с наибольшей сатирической остротой.

При обличении внешнего врага в советской визуальной пропаганде подчеркивалась приверженность Советского Союза миролюбивой политике. Плакаты часто служили иллюстрацией выступлений советских делегаций на Генеральной Ассамблее ООН. Провал любых миролюбивых инициатив объяснялся происками США.

Кроме ярких запоминающихся образов плакат воздействовал на зрителя с помощью текста, однако в подавляющем большинстве плакатов текст имел все-таки второстепенное значение. Надписи и тексты к карикатурам часто несли гораздо больше информации, чем рисунок (например, Б. Ефимов «Голосование ногами», 1946). Плакаты и карикатуры могли служить развернутой иллюстрацией к цитате советских политических деятелей или деятелей культуры.

Рассмотрев плакаты и карикатуры изучаемого периода, можно сделать вывод, что многие приемы наглядной пропаганды и агитации, своего рода «метафоры», уже отработанные во время революции, строительства социализма 1930-х годов и Великой Отечественной войны перешли в плакат и карикатуру периода холодной войны. В материалах визуальной пропаганды 1946–1961 гг. достаточно часто проводились аналогии между политиками этого периода и Гитлером, а свастика использовалась для усиления убеждающего и объясняющего эффекта карикатур, обличающих милитаризм и реваншизм. В этот пе-

риод сохраняется мотив масок и «переодеваний», смена личин внешнего врага.

-
- ¹ Соколов А.К. Источниковедение новейшей истории России: теория, методология, практика. М., 2004. С. 247.
  - ² Фатеев А.В. Образ врага в советской пропаганде, 1945–1954 гг. М., 1999. С. 126.
  - ³ Известия. 1947. 4 окт. (№ 234).
  - ⁴ Уильям Кристиан Буллит (1891–1967) – американский дипломат, журналист и писатель, яркий антикоммунист.
  - ⁵ Аллен Уэлш Даллес (1893–1969) – руководитель американских секретных служб в Европе во время Второй мировой войны, директор ЦРУ в 1953–1961 гг.
  - ⁶ Брайан Мак Магон (1903–1952) – американский юрист и политик, сенатор от Демократической партии. Председатель Специальной комиссии по атомной энергии и первый председатель Объединенной комиссии по атомной энергии в Конгрессе США, сторонник гражданского, а не военного контроля за разработкой атомных технологий в США.
  - ⁷ Имена Дорна, Джордана и Эрла упоминаются в выступлении А.Я. Вышинского на II сессии Генеральной ассамблеи ООН 18 сентября 1947 г.
Джордж Говард Эрл (1890–1974), американский политик, посланник США в Болгарии; Джордан – председатель Национальной промышленной конференции; Дорн – член палаты представителей. Вышинский цитирует их и некоторых других политических деятелей США, агитирующих за применение атомного оружия. См.: Выступления глав делегаций СССР/Российской Федерации на сессиях Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций: сб. док. М., 2006.
  - ⁸ СЕАТО – Организация договора Юго-Восточной Азии, военно-политическая группировка. Начало организации было положено подписанием США, Великобританией, Францией, Австралией, Новой Зеландией, Пакистаном, Таиландом, Филиппинами 8 сентября 1954 г. договора в Маниле (вступил в силу 19 февраля 1955 г.).
  - ⁹ СЕНТО – Организация центрального договора, военно-политическая группировка, Создана в 1955 г. в составе Великобритании, Турции, Ирака (вышел из организации в 1958 г.), Ирана и Пакистана. После выхода из организации в марте 1979 г. Ирана и Паки-

- стана по инициативе правительства Турции прекратила свою деятельность. Формально США не входили в СЕНТО, но были членами ее основных комитетов. В советской прессе блок, как и СЕАТО, называли агрессивным.
- ¹⁰ АНЗЮС – Тихоокеанский пакт безопасности, военно-политический блок в составе Австралии, Новой Зеландии и США; договор о союзе подписан в сентябре 1951 г. и вступил в силу в апреле 1952 г.
- ¹¹ *Рукавишников В.О.* Холодная война, холодный мир: общественное мнение в США и Европе о СССР/России, внешней политике и безопасности Запада. М., 2005. С. 150.
- ¹² Джеймс Форрестол (1892–1949) – министр военно-морских сил США и первый министр обороны США (1947–1949).
- ¹³ *Ефимов Б.Е.* Бор. Ефимов в «Известиях». Карикатуры за полвека. М., 1969.
- ¹⁴ Отчет 1949 г. адмирала М.Д. Уилкаттса, главного следователя министерства ВМС США по делу гибели Джеймса В. Форрестола. URL: http://www.princeton.edu/%7Emudd/finding_aids/willcutts/
- ¹⁵ *Суворов С.* Броня России. Останется ли она такой же крепкой, как при СССР? // *Обозрение армии и флота.* 2007. № 5. С. 4.
- ¹⁶ Имеются в виду сторонники Чан Кайши (1887–1975), главы правительства Гоминьдана, сохранившего контроль над Тайванем (официальное название – Республика Китай). До 1971 г. именно РК выступала под флагом Китая в ООН.
- ¹⁷ *Рукавишников В.О.* Указ. соч. С. 228.
- ¹⁸ Там же. С. 240.
- ¹⁹ *Бернард Барух* (1870–1965) – американский финансист, политический и государственный деятель. Состоял советником при президентах США В. Вильсоне и Ф.Д. Рузвельте. В 1946 г. был назначен представителем США в Комиссии ООН по атомной энергии.
- ²⁰ *Рукавишников В.О.* Указ. соч. С. 246.
- ²¹ Прилагательное образовано от имени Уильяма Рендольфа Херста (1863–1951), одного из крупнейших американских медиамагнатов. Его издания характеризовались сочетанием «желтизны» и антисоветских настроений.
- ²² 25 сентября 1949 г. ТАСС сообщил о том, что СССР теперь обладает атомным оружием.
- ²³ *Рукавишников В.О.* Указ. соч. С. 248.
- ²⁴ *Гришаева Л.Е.* Россия и ООН: история и современность. М., 2007. С. 106.
- ²⁵ Об этом в своей речи на первой же сессии (в январе 1946 г.) говорил посол СССР в США А.А. Громыко.

- ²⁶ Выступления глав делегаций СССР/Российской Федерации на сессиях Генеральной Ассамблеи ... С. 22.
- ²⁷ Труд. 1946. 4 апр.
- ²⁸ Ст. 51 Устава ООН подтверждает право членов ООН на индивидуальную и коллективную самооборону до принятия Советом Безопасности ООН мер по поддержанию мира. URL: <http://www.un.org/russian/document/basicdoc/charter.htm>
- ²⁹ Ст. 52 Устава ООН, открывающая главу о региональных соглашениях, гласит: «Настоящий Устав ни в коей мере не препятствует существованию региональных соглашений или органов для разрешения таких вопросов, относящихся к поддержанию международного мира и безопасности, которые являются подходящими для региональных действий, при условии, что такие соглашения или органы и их деятельность совместимы с Целями и Принципами Организации». URL: <http://www.un.org/russian/document/basicdoc/charter.htm>
- ³⁰ *Гришаева Л.Е.* Указ. соч. С. 114.
- ³¹ Там же. С. 116.
- ³² *Дэвис Н.* История Европы. М., 2006. С. 790.
- ³³ *Черчилль У.* Мускулы мира. М., 2008. С. 498.
- ³⁴ *Дэвис Н.* Указ. соч. С. 791.
- ³⁵ *Фатеев А.В.* Указ. соч. С. 5.
- ³⁶ Джордж Кэтлетт Маршалл (1880–1959) – государственный и военный деятель США, начальник штаба армии США в 1939–1945 гг., государственный секретарь США в 1947–1949 гг., третий министр обороны США в 1950–1951 гг. В бытность его госсекретарем США была проведена в жизнь «Программа восстановления Европы», известная как План Маршалла.
- ³⁷ *Рукавишников В.О.* Указ. соч. С. 184.
- ³⁸ *Черчилль У.* Указ. соч. С. 485.
- ³⁹ *Трухановский В.Г.* Антони Иден. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1983. С. 282.
- ⁴⁰ Робер Шуман (1886–1963) – французский государственный деятель, премьер-министр Франции в 1947–1948 гг., министр иностранных дел (1948–1953). Стронник западноевропейской интеграции.
- ⁴¹ Рене Плевен (1901–1993) – французский политик и государственный деятель, дважды, в 1950–1951 и 1951–1952 гг., возглавлял кабинет министров.
- ⁴² *Ежов В.Д.* Конрад Аденауэр – немец четырех эпох. М., 2003. С. 166.

- ⁴³ Конрад Аденауэр (1876–1967) – немецкий государственный деятель, федеральный канцлер ФРГ в 1949–1963 гг.
- ⁴⁴ *Ежов В.Д.* Указ. соч. С. 104.
- ⁴⁵ Там же. С. 7.
- ⁴⁶ Там же. С. 88.
- ⁴⁷ Джон Джей Макклой (1895–1989) – американский юрист и банкир, советник президента США, Верховный комиссар США в Германии в 1949–1952 гг.
- ⁴⁸ Заседание контрольного совета (11 февраля) // Внешняя политика Советского Союза, 1948 год: документы и материалы, январь–июнь 1948 г. М., 1950. Ч. 1. С. 374.
- ⁴⁹ *Фатеев А.В.* Указ. соч. С. 37.
- ⁵⁰ Фальсификаторы истории: (ист. справка) // Внешняя политика Советского Союза, 1948 год. М., 1950. Ч. 1. С. 65.
- ⁵¹ Джон Мейнард Кейнс (1883–1946) – английский экономист и политический деятель.
- ⁵² Ричард Стаффорд Криппс (1889–1952) – английский политический деятель, в 1940–1942 гг. посол в СССР. С 1942 г. в правительстве, министр финансов в 1947–1950 гг. У. Черчилль следующим образом высказался о Ст. Криппсе: «Вряд ли кто может сравниться с ним в изобретательности, самоотверженности и напористости, с которой он претворяет в жизнь бесчисленные замыслы, наносящие колоссальный ущерб могуществу и благосостоянию нашей страны». Цит. по: *Черчилль У.* Указ. соч. С. 506.
- ⁵³ Артур Дикин (1890–1955) – видный британский профсоюзный деятель.
- ⁵⁴ Клемент Эттли (1883–1967) – премьер-министр Соединенного Королевства в 1945–1951 гг.
- ⁵⁵ Леопольд Чарльз Эмери (1873–1955) – британский политический деятель, министр по делам Индии в 1940–1945 гг.
- ⁵⁶ Катарин Стюарт-Мюррей, герцогиня Атольская (1874–1960) – британский политический деятель. С 1945 г. проводила кампанию против советского контроля в Польше, Чехословакии и Венгрии.
- ⁵⁷ *Рукавишников В.О.* Указ. соч. С. 269.

Н.С. ХРУЩЕВ В СОВЕТСКИХ И ЗАПАДНЫХ СМИ: ЭВОЛЮЦИЯ ОБРАЗА*

Среди средств массовой информации главная роль в презентации имиджа Н.С. Хрущева принадлежала прессе. Пресса служила одновременно каналом трансляции сконструированного имиджа и тестовым полем, отражающим адекватность его восприятия журналистами. Журналисты выступали таким образом в роли лидеров мнений, транслирующих свои взгляды на массовую или специальную аудиторию. Поэтому работа с зарубежными корреспондентами и другими представителями СМИ являлась важной частью пропагандистской деятельности вообще и деятельности по формированию международного имиджа советского лидера, в частности¹.

Представление международного имиджа Хрущева на страницах советской и западной прессы различалось не только в силу разности политических позиций журналистов. Не меньшую роль в данном случае играли разные ценностные ориентации «своей» и «чужой» аудитории. Помимо ценностных ориентаций аудитории на презентацию образа влияют контекстные условия. Поэтому изменения образа Хрущева в советской и западной прессе будут рассмотрены на примере трех контекстных ситуаций: 1) во время официального визита (США, сентябрь 1959 г.); 2) в ситуации скандала (У-2, май 1960 г.); 3) на представительном международном форуме (ООН, сентябрь – октябрь 1960 г.). Выбор данных конкретных исторических ситуации обусловлен тем, что они оказались поворотными моментами в развитии международного имиджа Хрущева.

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта «Хрущев и новый образ СССР: формирование международного имиджа страны и ее лидера в годы “оттепели”, 1953–1964 гг.» (проект № 12-31-01240).

Выбор контекста определил и выбор аудиторий: в качестве главных целевых аудиторий, на которые транслировался имидж Хрущева, в данном случае выступают советская («своя»)² и американская («чужая») аудитории. Несмотря на то, что эти аудитории не были абсолютно гомогенными и объединяли представителей разных групп населения, отличающихся по интересам и ожиданиям, можно говорить о некоторых общих ценностных установках, характерных для «своей» и «чужой» аудиторий в целом. Система ценностных ориентаций «среднего американца», согласно исследованиям американских социологов, объединяет четыре ключевых позиции: 1) свобода, включающая индивидуализм, независимость от правительства, расчет на самого себя, отсутствие внешнего принуждения; 2) равенство, включающее конформность, низкий уровень классового сознания, равенство возможностей, боязнь занять более низкое положение, эгалитаризм, терпимость к меньшинствам; 3) религия, включающая веру в бога, моральность, подчинение высшему закону, совесть; 4) собственность, включающая достижения, свободное предпринимательство, прогресс, состязательность, деловую ориентацию, погоню за деньгами, протестантскую этику, склонность торговаться, рассмотрение работы как ценности³.

Представления о ценностной шкале советских граждан в «хрущевский период» дают, например, данные социологических опросов, проведенных Институтом общественного мнения «Комсомольской правды» под руководством Б.А. Грушина. По аналогии с ценностями американской аудиторией выделим несколько ключевых позиций, значимых для аудитории советской: 1) мир на Земле, как высшая ценность; стремление к мирному сосуществованию и предотвращению войны; 2) благополучие Родины; 3) подчинение личных интересов интересам государственным; 4) коллективизм; восприятие личного блага через благо общественное; 5) труд, презрение к тем, кто живет за счет других; 6) атеизм, неприятие религии; 7) стремление к культуре и приобщению к культурным ценностям; 8) крепкая семья⁴.

Таким образом, ценностные ориентации советской и американской аудиторий по ряду позиций (коллективизм – индивидуализм, атеизм – религиозность, приоритет личности над государством и государства над личностью) оказываются противоположными. Однако и ту, и другую аудиторию в 1950–1960-е годы объединял один общий и главный интерес, одна доминанта – стремление к миру.

Эту позицию подтверждают, например, письма советских и американских граждан, адресованных Хрущеву накануне его визита в США. «Не могу не выразить свою радость по поводу предстоящей Вам поездки в США, в результате которой должны далеко продвинуться назад от мысли об ужасах войны, а это даст возможность улучшить условия жизни всех живущих на Земле и нуждающихся в этом», – писала гражданка СССР Алимova⁵. К. Сенфорд из американского города Пойнт Ричмонд обращался к Хрущеву с такими словами: «Я хочу поблагодарить Вас за проникательность, смелость и величие, которые Вы проявили, выдвинув предложение, открывающее путь к осуществлению мечты о прекращении гонки вооружений и устранении войны. Благодарю Вас от всего сердца за это великое предложение о мире. Вы можете быть уверены, что тысячи людей, подобных мне, также приветствуют и благодарят Вас»⁶.

Восприятие международного имиджа Хрущева «своей» аудиторией в целом оказалось более устойчивым, чем аудиторией западной, и в основном не противоречило тому образу «миротворца», а потом «борца за мир», который транслировали отечественные СМИ. Что касается западных СМИ и западной, прежде всего американской, аудитории, то презентация и восприятие образа Хрущева на этом поле менялись в зависимости от ситуативного контекста.

В материалах советской прессы, посвященной визиту Хрущева в США, поддерживалась главная позиция его международного имиджа: «Хрущев – истинный борец за мир во всем мире». Вот что писал в статье «Визит мира и дружбы» накануне визита украинский поэт Микола Бажан: «Стремительная серебряная птица мчит Главу Советского Государства <...> к берегам Америки. Мысли, волнующие его сейчас – это мысли

всех нас. Слова, которые он скажет людям Америки – это слова всех нас. Надежда, за которую он борется – это надежда всех нас. Злобный визг кучки гешефтмахеров войны и профессиональных убийц бессилён внести сколько-либо значительную дисгармонию в то единодушное одобрение, радость и упование, которым человечество окружило встречу»⁷. Хрущев, таким образом, презентировался не только как «миротворец», но и как человек, воплотивший в себе лучшие побуждения советского народа.

Международный имидж Хрущева, созданный советскими пропагандистскими службами, требовал подтверждения соответствующей атрибутикой. Хрущев полетел в Америку на «самом передовом» ТУ-114 и взял с собой копию «лунного» вымпела для подтверждения приоритета СССР в освоении космоса (этот символ приобрел особый смысл после того, как аналогичная попытка американских ученых закончилась провалом). Журнал «Крокодил» публикует несколько карикатур, на которых изображен Хрущев, рукой запускающий «лунник», вслед ему президент Эйзенхауэр озадаченно смотрит в небо. Подобные зарисовки появились во многих советских газетах и иллюстрированных журналах. С 18 сентября 1959 г. по московскому телевидению регулярно транслировался специальный новостной выпуск, посвященный одной теме – победам Хрущева в «лагере империализма».

Этот победный образ был вполне адекватно воспринят отечественной аудиторией, что подтверждают письма советских граждан, направленные накануне визита лично Хрущеву, в Совет министров СССР и Верховный совет СССР. Приведем несколько типичных выдержек из этих писем: «Советский народ в Вашем лице видит умудренного опытом руководителя – посланца мира и доброй воли. Дорогой Никита Сергеевич! Расскажите в Америке о чувствах простых советских людей, о том, что они за добро платят добром» (Р. Вечтомов)⁸. «Ваш приезд в США еще раз докажет всему миру ту величайшую заботу, которую Вы проявляете в деле сохранения мира во всем мире» (А. Арефьев)⁹. «Я в одном только наметившемся обмене визитами вижу победу советской внешней политики и

Ваши заслуги в проведении активной, последовательной политики в борьбе за устранение угрозы войны. А что может быть благороднее, чем борьба за мир, я не представляю» (И.С. Игнатенко)¹⁰.

Люди возлагали на Хрущева и его американскую поездку большие надежды, однако одновременно выражали обеспокоенность по поводу возможных «происков», которые можно ожидать во «враждебном лагере». Они давали Хрущеву советы и предостерегали от излишней доверчивости:

«У меня мысль, а не захватят ли они Вас? Не объявят ли нам о капитуляции идей марксизма-ленинизма? Главное – быть осторожным» (П.Е. Морозов)¹¹. «Вы едете не к друзьям, а к врагам, к людям бесчестным и недобросовестным. Может быть, Вас приглашает волк в овечьей шкуре, я этого боюсь, нельзя им верить. Прошу Вас, охраняйте свой самолет и день и ночь, не пускайте его осматривать никого, и даже лучше если бы за Вами прилетел другой к Вашему отъезду, и ничего не берите американского, даже воды» (без подписи)¹².

Среди корреспонденции Хрущева встречались и письма с практическими советами. Один из анонимных авторов, например, писал: «Я хочу, чтобы тов. Хрущев в США интересовался бы всем и особенно руководством в крупных сельхозах. Я хочу, чтобы центр и особенно тов. Хрущев научились бы разбираться в качествах, которые необходимы руководителям»¹³.

Другой корреспондент Хрущева рассуждал в духе «агитации за коммунизм»: «В частных беседах или на банкете, в удобном случае капиталистам можно дать намек, что бояться коммунизма им не следует, что если их народ когда-нибудь вздумает устроить в США коммунистические порядки, то они могут быть включены в строительство Нового общества, они могут быть руководителями государства, трестов, директорами заводов и фабрик и т.д. Пожилым капиталистам будут назначены хорошие пенсии»¹⁴.

Было много писем, авторы которых призывали Хрущева выступить с «просветительской» миссией по отношению к западным руководителям: «Вразумите президента и правящую верхушку США, от которых зависит мир, что их политика па-

губна для дела мира» (А.Ф. Форсман)¹⁵. «Когда Вы будете выступать перед американским народом, не можете ли Вы придумать более яркие выражения для всех поджигателей войны и их пособников, которые стремятся развязать войну. Про таких людей в газетах пишут, что они преступники, сумасшедшие, авантюристы. Такие слова, на мой взгляд, малоубедительны. Таких людей независимо от занимаемой ими должности нужно сравнивать с преступниками, которые с ножом в руках врываются в чужую квартиру и убивают людей» (П.В. Мясников)¹⁶.

Иначе в преддверие визита Хрущева в США была настроена американская аудитория. Имеющиеся в нашем распоряжении источники не позволяют выявить какие-либо количественные характеристики настроений американцев. Однако анализ писем и газетных материалов дает возможность зафиксировать определенные тенденции в развитии этих настроений. Накануне визита Хрущева американской аудиторией владели амбивалентные чувства – недоверия и любопытства. Лишь немногие готовы были искренне приветствовать Хрущева. Среди последних – американский гражданин Р.Дж. Браун, который писал Хрущеву в Москву: «Продолжайте хорошую работу. Ваши слова доходят до американского народа, несмотря на тенденциозность тех, кто комментирует новости»¹⁷.

Как свидетельствовали, например, репортажи газеты «Нью Йорк Таймс», значительная часть американцев вообще не желала видеть Хрущева в качестве своего «гостя»¹⁸. По свидетельству редакции газеты, ее в буквальном смысле забрасывали как гневными, так и положительными откликами на предстоящий визит Хрущева¹⁹. Американское общество накануне этого события оказалось буквально расколото на два лагеря.

На отношение к Хрущеву и факту его визита граждан США, безусловно, оказали влияние стереотипы восприятия СССР и недостаток информации о стране и ее лидере. В теории коммуникации это называется «галло-эффектом» или «эффектом ореола». Под «галло-эффектом» понимается распространение в условиях дефицита информации о человеке общего оценочного впечатления о нем на восприятие его поступков и личностных качеств²⁰. Негативное или, по крайней мере, настороженное

отношение к Хрущеву значительной части американцев было обусловлено его восприятием как посланника «недружественной» страны – стереотип отношения к СССР, поколебленный за последние годы, но не преодоленный вовсе.

Стремясь учесть сложную палитру настроений американцев и их плохую информированность о Советском Союзе, «Нью-Йорк Таймс» за неделю до визита каждый день стала публиковать на своих страницах серию очерков Г. Солсбери под общим названием «Хрущевская Россия»²¹. Эти материалы, сопровождаемые фотографиями, занимали целую полосу на первой странице газеты – факт, сам по себе свидетельствующий о том значении, которое придавала редакция газеты публикации. Солсбери, неоднократно приезжавший в СССР, знакомил читателей с жизнью страны и особенно теми переменами, которые произошли после смерти Сталина. Он представлял Хрущева как антипода Сталина, человека, разумно мыслящего и стремящегося к мирному разрешению накопившихся проблем. «Главное отличие России Никиты Хрущева от сталинской заключается в том, – писал Солсбери, – что Россия Хрущева не боится чего-то нового. Это является следствием действий Никиты Хрущева, который пытается управлять страной не прибегая к страху. Основная часть нового поколения не знает, что такое террор. Это продукт хрущевского либерализма»²². Последний, восьмой очерк из серии «Хрущевская Россия» появился 15 сентября – в тот день, когда Хрущев прибыл в США. Всего же накануне, во время и после визита – с 8 сентября по 4 октября 1959 г. – имя Н.С. Хрущева упоминалось в «Нью-Йорк Таймс» более 900 раз²³.

Для освещения визита Хрущева были задействованы небывалые для того времени информационные ресурсы. Вот как описывал подготовку к дислокации журналистов на территории США помощник государственного секретаря США Э. Бердинг: «Визит Хрущева поставил перед нами проблему, представляющую особый интерес. Я имею в виду приготовления печати к этому визиту. Это возложило на Белый Дом и государственный департамент колоссальную задачу. О ее масштабах можно судить по двум группам цифр. Во-первых, государ-

ственный департамент в связи с этим визитом выдал удостоверения личности не менее, чем 2500 журналистам и фотокорреспондентам американской и иностранной печати, представителям радио, кинохроники и журналов плюс 41 советскому журналисту. Из этого числа около 750 удостоверений пришлось на долю радиотелевизионной системы. Во-вторых, нам пришлось подготовить транспорт приблизительно для 300 журналистов и фотокорреспондентов (за их счет) плюс для должностных лиц отдела печати и работников радио и телевидения. Это потребовало трех, а затем и четырех специальных самолетов и семи, а потом и девяти специальных железнодорожных вагонов»²⁴.

Как считали сами американцы, ни одна предвыборная кампания республиканцев или демократов в печати и по телевидению не освещалась с таким беспримерным размахом. Американские журналисты, занимаясь интерпретацией имиджа Хрущева, неизменно ставили на полосах своих газет один и тот же вопрос: «Кто Вы, мистер Хрущев?» Ответы на него можно представить следующим образом:

1. Полномочный представитель великой державы.

«Дорогой господин Хрущев, – писала “Нью-Йорк Телеграмм энд Сан”, – мы приветствуем Вас по прибытии в Америку как, может быть, самого необычного посетителя в нашей истории. Мы все признаем Вас в качестве руководителя великой мировой державы»²⁵.

2. Лидер, демократичный в общении.

«Нью-Йорк Геральд Трибюн» обращала внимание, что «улыбка Хрущева, простота в общении и внимание к простым американцам обезоруживают»²⁶.

3. «Миротворец» – если не номер один, то, по крайней мере, номер два – после Эйзенхауэра. По мнению «Стар», стремление Хрущева к миру в беседах с президентом Эйзенхауэром «поможет согреть атмосферу и создать новый климат обоюдного доверия»²⁷. Более сдержанно оценила впоследствии хрущевскую миротворческую функцию «Нью-Йорк Геральд Трибюн»: «несомненно, что эта поездка не подтвердила ни чрезмерных надежд одних, ни чрезмерных опасений других»²⁸.

4. Политик мирового уровня.

«Недооценка Хрущева не даст ничего хорошего, – говорилось в “Йоркшир Пост”. – По своей ловкости, искусности и целеустремленности он, несомненно, принадлежит к крупнейшим политическим и государственным деятелям»²⁹.

5. «Человек-загадка».

Вильям Джорден в статье «Хрущев – человек и его тайна» пытался разгадать загадочную русскую душу советского лидера. По мнению автора, Никита Хрущев весьма непредсказуем и непостоянен³⁰.

6. Волевой человек, обладающий яркой политической харизмой.

Практически все американские газеты отдавали должное Хрущеву, как яркому, артистичному политику.

Если попытаться суммировать те настроения, которые американские журналисты транслировали аудитории, можно утверждать, что разброс мнений был достаточно широк. Однако первый визит советского лидера в США в целом стал большим успехом советских пропагандистских служб и лично Хрущева. С каждым днем пребывания Хрущева в США его стереотипный образ менялся на глазах, избавлялся от негативной заданности и становился более человечным. После посещения Хрущевым Лос-Анжелеса Председатель Совета Министров СССР вошел в историю Соединенных Штатов Америки и стал желанным гостем континента: его автобиография была опубликована в популярной энциклопедии «Кто есть кто в Америке». Данное издание, включающее сведения о 100 самых выдающихся политических деятелей США, пополнилось новой фамилией.

Вместе с изменением общей тональности прессы менялось и настроение американской аудитории. П. Балиоз из г. Лос-Анжелес писала Хрущеву: «Знаете ли Вы, что вчера толпы людей стихийно собрались в долине Сан-Фернандо? Никто не знал, где будет проходить Ваш маршрут, но они ждали и ждали Вас на различных улицах, разочарованные тем, что Вы не появились. Ваш ум, смелость, чувство юмора и манера держаться вызвали всеобщий восторг и завоевали чувство уважения и

дружбы по отношению к Вам и Вашим согражданам»³¹. Ей вторил Д. Хатчисон, тоже житель Лос-Анжелеса: «В отличие от Вас мы не сторонники социализма. Но мы восхищаемся лично Вами, Вашей силой и человечностью»³².

После визита секретариат Хрущева стал получать письма не просто с положительными отзывами, но и просто восторженные. В их числе было письмо от Е. Парсонса: «За каких-нибудь 12 дней Вам, как волшебнику, удалось развеять у многих американцев чувство недоверия и вражды, тщательно насаждавшейся на протяжении 10 лет. У нас сейчас такое ощущение, будто наши умы глубоко перепаханы плугом. Недоверие отошло на задний план, его место заняло чувство надежды на мир во всем мире»³³. Среди корреспондентов Хрущева были даже дети: «Моя учительница говорит, что все мы должны уважать Вас. Моя мама не хочет, чтобы у меня были такие чувства к Вам. И все-таки Вы мне нравитесь. Я не понимаю, почему наши две страны не могут добиться мира» (Джон Лонг, 11 лет, г. Дерри)³⁴.

Хрущев завоевывал американскую аудиторию по разным каналам. Большим успехом, например, пользовалось его выступление по радио и телевидению. Одно из распространенных мнений на этот счет выразила Э. Нельсон из г. Сизтл: «Я только что имела возможность прослушать Ваше выступление по радио и Ваше интервью в Клубе печати в Вашингтоне. Я домашняя хозяйка. Мне хочется поздравить Вас с тем, как Вы искренне и умело ответили на каждый вопрос. Я испытываю потребность писать Вам и выразить глубокую благодарность за попытку остановить эту безумную и глупую “холодную войну”». В этом письме встречаются зачеркнутые строки, одна из них: «Я умоляю Вас, будьте терпеливым с нами»³⁵.

Некоторые отзывы свидетельствовали о том, что Хрущеву в ходе визита удалось переломить настроение американской аудитории, даже ее пессимистически настроенной части. «Я решил написать Вам письмо с извинением за то, что не аплодировал, когда Вы проезжали мимо Белого Дома в исторический день Вашего прибытия в Соединенные Штаты, – писал Г. Коннели из Вашингтона. – Печать нашей страны убедила меня, как и

слишком многих других американцев, критически отнестись к Вашему визиту <...>. Следя по телевидению за каждым Вашим словом и действием, я пришел к убеждению, что Вы искренне посвятили себя делу обеспечения мира для всех народов на Земле. Пусть другие американцы поверят в Вас так, как поверил я»³⁶. «Я верю в то, что Вы искренне стремитесь к миру», – такими словами заключал свое послание Хрущеву Д. Фокнер из Нью-Йорка³⁷.

Эти письма, как и другие аналогичного содержания, можно рассматривать как кредит доверия от значительной части американских граждан, который стал одним из главных результатов визита Хрущева. Его имидж «миротворца» в тот раз успешно прошел фильтры американской аудитории. Особенно импонировал американцам открытый стиль общения советского премьера, его дружелюбие и демократизм. Образ «коммунистического монстра», все еще характерный для восприятия Хрущева частью американской аудитории, в ходе визита был вытеснен образом «обычного человека», в котором советский лидер предстал перед американцами и был принят ими. В этой позиции мнение «своей» и «чужой» аудитории совпали.

Настроения американцев, которые столкнулись с Хрущевым «лицом к лицу», оказали свое влияние и на изменение отношения к советскому лидеру других представителей западного мира. Так, опрос, проведенный во Франции в преддверии официального визита Хрущева в эту страну в марте 1960 г., выявил следующую тенденцию: 73% французов высказались за теплый и вежливый прием гостя и лишь 15% – за холодный или демонстративно-враждебный, остальные не высказали своего мнения³⁸.

Изменение восприятия имиджа Хрущева американской, как и вообще западной аудиторией начинается после инцидента с американским самолетом-разведчиком У-2 в мае 1960 г.

В сфере политической коммуникации ситуация скандала часто является полем смены как самого имиджа, так и его восприятия. Это связано со спецификой скандала, как политического действия, которое, как правило, носит ярко выраженный демонстрационный характер и в этом смысле может рас-

смагиваться в контексте шоу-политики, как элемент «политического театра»³⁹. Инцидент с американским самолетом-шпионом У-2, нарушившим 1 мая 1960 г. воздушное пространство СССР и сбитым советской ракетой, – типичный пример «скандальной истории»⁴⁰. Особенность данного скандала состояла в том, что он получил широкий международный резонанс и повлек за собой изменение международного имиджа Н.С. Хрущева.

Обстоятельства данного инцидента получили широкое освещение как в советской, так и мировой прессе. Именно с помощью журналистов развернулась большая «дуэль» между СССР и США, за развитием и исходом которой наблюдал весь мир. Скандал проник в сферу досуга, в частности через кинематограф. В московских кинотеатрах демонстрировался двадцатиминутный фильм о падении шпионского самолета. Для информирования населения широко использовалось радио. При этом иностранные программы либо прерывались, либо создавались помехи, делавшие невозможным их прослушивание.

Пиком драматизации послужила «раскрутка» скандала с У-2 накануне Парижской встречи в верхах. Советские СМИ преподнесли инцидент как желание Запада сорвать встречу глав государств и противодействие миролюбивым планам СССР. Таким образом, Хрущев презентировался в роли «спасителя мира», а Эйзенхауэр – как главный виновник обострения международной ситуации.

Советское население узнало о вторжении самолета в преддверии праздника 9 мая – 15-летия со Дня Победы над фашистской Германией. Данное стечение обстоятельств было использовано советскими средствами массовой информации соответствующим образом: полет американского самолета интерпретировался как «тень войны», политика США сравнивалась с политикой Гитлера. Выступая на сессии Верховного Совета СССР 5 мая 1960 г. Хрущев говорил: «Самолеты бесноватого Гитлера не раз перед второй мировой войной вторгались в воздушное пространство нашей родины. Советское правительство

протестовало, но Гитлер не признавал этих протестов, а затем напал на нас. Чем это закончилось – всем хорошо известно»⁴¹.

В газетах «Правда» и «Известия» были опубликованы статьи и фотографии, снятые в парке Горького, где были выставлены обломки самолета Ф. Пауэрса⁴². Сам факт, что шпионские трофеи демонстрировались в том же павильоне, что и военные трофеи времен войны с гитлеровской Германией, имел символическое значение. И снова в центре событий – Хрущев, избличающий «мировой империализм», а точнее, «американскую военщину», угрожающую миру. Поскольку президент Эйзенхауэр отказался принести извинения СССР за полет самолета-шпиона, советские СМИ немедленно возложили всю вину за эскалацию конфликта и последующий фактический срыв Парижского саммита на американскую сторону. Позиция Хрущева во время инцидента подавалась как его «огромная дипломатическая победа»⁴³.

Заключительным аккордом всей пиар-кампании стала публикация в прессе ответов Хрущева на вопросы журналистов во время пресс-конференции. Он выступал в роли главы государства, долг которого защищать его интересы, и одновременно как человек, которому нанесли личное оскорбление⁴⁴. Его транслируемый СМИ образ был существенно скорректирован в сторону силовых нюансов. «Наша страна – сильное мощное государство», «мы заставим всех уважать наши законы», «наши ракеты будут на земле агрессора» – эти и подобные высказывания советского лидера много и охотно цитировали отечественные журналисты. И хотя Хрущев делал также заявления, что «мы хотим жить в мире и дружбе со всеми народами»⁴⁵, силовая и обличительная нота его речей оказывала на аудиторию гораздо большее эмоциональное воздействие.

Образ сильного политика, который принял Хрущев во время инцидента с самолетом-шпионом, был по-своему истолкован западной прессой. «Русские угрожают делу мира», – комментировала заявления Хрущева «Нью-Йорк Таймс»⁴⁶. Хрущева обвиняли в срыве Парижского саммита. «Встреча на высшем уровне и мечта о мирном сосуществовании разбились о скалу

упорной воинственности Никиты Хрущева», – говорилось в журнале «Тайм»⁴⁷.

Западные журналисты нашли новый ответ на вопрос «Кто есть мистер Хрущев?». Газета «Дейли Геральд» 18 мая 1960 г. писала: «Господин Хрущев не должен иметь иллюзий. Со времени Гитлера и Сталина никто не пытался запугивать нас так, как он»⁴⁸. Хрущева, точнее, его образ, такая оценка фактически опрокидывала к истокам, к исходной точке, с которой он и советская пропаганда начинали выстраивать его международный имидж: Хрущев снова стал восприниматься как политик, угрожающий миру (отсюда сравнение с Гитлером и Сталиным).

Примечательно, что советский журнал «СССР», выходявший в США, не предпринял никаких усилий, чтобы повлиять на настроения американской аудитории, и вообще никак не отреагировал на «шпионский скандал»: не только комментарии, но и просто упоминания об инциденте в журнале отсутствуют вовсе, и в самые «горячие» месяцы это издание по-прежнему было выдержано в спокойно-дружественном тоне. За этим умалчиванием вряд ли стояла определенная политическая линия, скорее сказалось отсутствие прямых указаний из Москвы (во всяком случае, в архивных документах следов этих указаний обнаружить пока не удалось). Особенность момента заключалась в том, что журнал «СССР» был не единственным источником информации о состоянии отношений между Советским Союзом и США. Поэтому его нейтральная позиция на фоне разгоравшейся «информационной войны» между советскими и американскими СМИ, выглядела как очевидный просчет советской пропаганды: возможность представить и прокомментировать обстоятельства скандала в выгодном для СССР свете перед американской аудиторией была упущена.

Освещение «шпионского скандала» в советской и американской прессе в значительной степени определили отношение к нему читательских аудиторий этих стран. Влияние пропаганды на умы советских граждан особенно хорошо заметно по так называемым коллективным письмам. Например, типичный образец подобных обращений представляет собой следующее письмо, написанное от имени «работников школы № 4»: «Вы-

ражаем гневный протест против наглых провокаций американской военщины, приславшей воздушного шпиона в Советский Союз. Поэтому мы горячо поддерживаем меры, принятые Советским Правительством по уничтожению воздушного пирата, появившегося над нашей Родиной и присоединяемся к заявлению Главы Советского Правительства Н.С. Хрущева, что в случае повторения подобных полетов будут нанесены уничтожающие удары по американским базам»⁴⁹.

Другая группа советских граждан советовала Хрущеву найти менее скандальный выход из ситуации и даже призывала сделать «добрый жест». Так, анонимный автор предлагал: «А что если бы мы проявили еще один дружеский акт и перед лицом всей взволнованной мировой общественности преждевременно освободили Пауэрса <...> Такое решение Советского Союза явилось бы еще одним беспрецедентным в истории гуманным шагом во имя торжества принципов человеческой солидарности»⁵⁰.

Американцы, как и отечественная аудитория, в большинстве своем разделяли позицию своих СМИ и рассматривали Хрущева как человека, обманувшего их доверие. Некоторые выражали обеспокоенность, не станет ли «шпионский скандал» поводом к военному конфликту. Как писал Хрущеву анонимный автор, «я слышал, что вы начинаете войну. Если так, то учтите, что у США есть оружие, которое будет сильнее вашего в бою. У нас в США найдется много людей, готовых сражаться за свою свободу»⁵¹.

Подведем итоги. Инцидент с самолетом-разведчиком У-2 можно рассматривать как попытку Хрущева и его окружения через СМИ репозиционировать его как лидера мирового уровня, представив его как не просто «миротворца», но чуть ли не единственного борца за мир среди лидеров великих держав. Однако Хрущев выдвигая на этом поле претензии в адрес Эйзенхауэра, явно не учел сложности ситуации, а потому в конечном счете проиграл. Он, а вслед за ним и советские СМИ, позволил себе применить в отношении Эйзенхауэра модель поведения, принятую по отношению к лидерам стран Восточ-

ной Европы, что было в принципе неприемлемо и вызвало соответствующую реакцию у западных СМИ.

Этот новое позиционирование Хрущева в западной прессе еще более укрепилось после памятного пребывания советского премьера в ООН осенью 1960 г. В освещении этого события позиции советских и западных журналистов отличались часто кардинальным образом. Хрущев прибыл на этот раз в США на теплоходе «Балтика». Для советских газетчиков Хрущев, стоящий на мостике «Балтики», – единственная надежда мира, он плывет в Америку, чтобы сорвать «агрессивные планы США и их приспешников»⁵². В то же время в западной прессе вояж Хрущева саркастически оценивался как «увеселительная морская прогулка, внеплановый отпуск»⁵³.

В советских газетах и журналах появляются соответствующие моменту карикатуры, в основном однотипного содержания. Например, карикатура «Рыцари», опубликованная в «Известиях», изображает оппонентов Хрущева, которые ломают голову над вопросом: «Что придумать, чтобы он не покорил ООН?»⁵⁴. Газета «Известия» рассказывала своим читателям о «теплой встрече» советского лидера рядовыми американцами: «Американский народ встречает Хрущева аплодисментами и восторгом. Нет, не заговором молчания, а цветами и улыбками встретил Нью-Йорк Председателя Совета Министров СССР, прибывшего с миссией мира на форум народов»⁵⁵.

«Нью-Йорк Таймс» представила сюжет встречи в ином ключе. В статье под характерным заголовком «Хрущева ожидает холодное приветствие по прибытию в Нью-Йорк на борту “Балтики”» говорилось: «Премьер-министр Хрущев не считал нужным потратить время на завоевание американского и мирового общественного мнения в начале своего вояжа. Его речь по прибытии явилась длинными рассуждениями, призванными создать впечатление, что он является адекватным государственным деятелем, целью прибытия которого является продвижение дела мира и переговоры к дальнейшему укреплению советско-американской дружбы. Однако его слова сильно расходятся с делом»⁵⁶.

Несмотря на общий холодный и критический тон американской прессы, в некоторых материалах встречались и вполне дружелюбные высказывания в адрес Хрущева, которые отбирались и затем перепечатывались в советских газетах. «Ни дождь, ни туман не омрачили встречи Никиты Хрущева. Он выглядел уверенным, улыбался», – отмечалось, например, в «Нью Йорк Пост»⁵⁷.

Однако подобные высказывания были скорее исключением. В целом американская пресса, обращаясь к положительному впечатлению, который произвел первый визит Хрущева в США, теперь представляла советского лидера по принципу от противного – как человека, обманувшего доверие американцев. В статье под заголовком «Большая ложь Хрущева» говорилось: «В использовании лжи и подлога коммунистами нет ничего нового, сей факт не требует специальных комментариев. Но та захватывающая дух наглость в использовании техники “Большой Лжи”, которую вчера продемонстрировал Хрущев перед Генеральной Ассамблеей Организации Объединенных Наций, глубоко оскорбила все человечество»⁵⁸.

Вместе с тем, несмотря на критичность высказанных в адрес главы советской делегации оценок, единого мнения среди американских журналистов относительно Хрущева не было. В сознании репортеров еще были живы впечатления от его первого визита в США: в данном случае сыграл свою роль «эффект памяти», когда первое восприятие образа оказывается сильнее последующих и препятствует таким образом негативному репозиционированию.

Пока длились заседания 15 сессии Генеральной Ассамблеи ООН, Хрущев оставался главным героем газетных полос, телевидения и кинохроники. С того момента, как Хрущев сошел на берег с борта «Балтики», за его передвижениями непрерывно следили несколько телекамер⁵⁹. Можно утверждать, что сессия ООН прошла «под знаком» Хрущева. Или, как признавалась «Нью-Йорк Геральд Трибюн», «это – ассамблея Хрущева, он здесь в большей степени хозяин, чем Хаммершельд»⁶⁰. «Нью Жоурнал Америка» цитировал заявление члена американской делегации, адресованное журналистам: «Я хотел бы, чтобы вы,

ребята, не уделяли ему так много внимания. Вы цитируете его слова всякий раз, как он открывает рот. В ООН телевизионные камеры направлены почти всегда на него, независимо от того, кто выступает. По-видимому его мимическая реакция на то, что говорится, имеет большее значение, чем то, что говорится. Если он поворачивается на своем стуле, то за этим следит вся страна. Если он встает, чтобы пройтись, то это уже сенсация»⁶¹.

Неоднозначно был расценено в американских СМИ уклонение Эйзенхауэра от прямого диалога с Хрущевым в ООН (Эйзенхауэр выступил на сессии раньше, до того, как Хрущев прибыл в Нью-Йорк). В частности, «Нью-Йорк Пост» бросала упрек президенту: «Ошибка Эйзенхауэра было то, что он позволил Хрущеву поймать себя в ловушку, показав, что решение президента было продиктовано оскорбленными личными чувствами и чувством оскорбленной национальной гордости. Эйзенхауэр позволил себе сражаться на мертвом ринге в Париже в мае, а не на живом ринге в Нью-Йорке в сентябре»⁶². «Нью-Йорк Геральд Трибюн» обращалась к Эйзенхауэру с прямым вопросом: «Почему Вы боитесь открытой борьбы идей на ассамблее? Почему Вы боитесь вызовов Хрущева?»⁶³.

Это не значит, что упреки в адрес Эйзенхауэра положительным образом отразились на коррекции имиджа Хрущева в западных СМИ. Большинство из них по-прежнему репозиционировали советского лидера как человека, сменившего «мантию мира» на угрожающую позу «мы вас закопаем» (этот словесный пассаж не раз припоминали Хрущеву в дни сессии ООН). В противовес им советские СМИ продолжали транслировать прежний образ Хрущева-миротворца. Так, усилиями А. Аджубея и подведомственной ему газеты «Известия», Хрущев позиционировался как «сеятель добра и мира на каменной глыбе Нью-Йорка»⁶⁴.

Настроения советской и американской аудиторий в период пребывания Хрущева в ООН в целом соответствовали тональности прессы. Накануне поездки советские граждане, уже достаточно хорошо «разогретые» СМИ, советовали Хрущеву проявить более жесткую позицию перед западным миром. Как пи-

сал, например, С.А. Чернаихов, «хочу сказать Вам от себя и от товарищей, которые меня слушали, что Вам надо было ответить на грубость грубостью, Вы кажется забыли, что за Вашей спиной стоит двести миллионов людей с первоклассной техникой! Людей, которые за свою Родину пойдут на все. Так что, Никита Сергеевич, Вам надо было говорить так, как говорят русские люди»⁶⁵.

Еще более конкретно высказывался В.А. Дунюшкин: «Прощу Вас еще раз доказать господам американцам и их прислужникам по разным блокам и группировкам, что с русским народом пусть разговаривают и встречаются как с Великой и Могучей Державой, иначе быть не может. Русский народ в пух и прах разбил Гитлера, а если требуется, может крепко стукнуть по Пентагону, Генералитету средствами массового уничтожения, пусть эти генералы перед выступлениями сначала думают, с кем имеют дело»⁶⁶.

Настроения «стукнуть по Пентагону» были в тот момент отнюдь не единичны. Содержание подобных писем доводилось до сведения Хрущева. И его воинственный тон на трибуне ООН объясняется, помимо собственной позиции, еще и убеждением, что он таким образом исполняет «наказ» своего народа. Перед нами, таким образом, типичный случай, когда аудитория не только пассивно воспринимает имидж, но и в известной степени тоже участвует в его корректировке.

И если поведение Хрущева в ООН американской аудиторией воспринималось как противоречащее имиджу «миротворца», то советские граждане в большинстве своем были уверены, что таким образом и надо «защищать мир». Как писал Хрущеву Н. Ярещенко, впрочем, довольно невразумительно, «я все Ваши выступления в ООН прочитал в газете “Известия”. Где Вы как борец за имя Мира во всем Мире проработали достойную волю во всем человечестве, во имя Мира и счастья во всем человечестве»⁶⁷.

Подобное мнение разделяли многие: «Я знаю, что там, в Нью-Йорке, Вы боролись за счастье простых людей всего мира, а это значит и за мое счастье» (Л. Аршавская)⁶⁸. «Вы поднимаете свой могучий голос за мир, справедливость и равенст-

во для всего человечества, независимо от расы и цвета кожи. Да здравствует Никита Сергеевич Хрущев, борец за мир и справедливость» (И.Ф. Скороходов)⁶⁹. «Уважаемый Никита Сергеевич! Вы настоящий рыцарь-защитник рабочего класса и трудового крестьянства. Вы смело и настойчиво боретесь с врагами народов и мира. Вы не только смелый, Вы и очень умный политический деятель» (В. Федоров)⁷⁰. «Мне хочется поблагодарить Вас, уважаемый товарищ, за вашу неутомимую работу на 15 Ассамблее в США. Наше дорогое время и вы, как великий герой, защищали мир во всем мире» (Г.А. Рыжов)⁷¹.

В западной прессе и в глазах западной аудитории новый образ Хрущева – результат негативного репозиционирования 1960 г. – оказался довольно устойчивым. События 1961–1962 гг. – сначала новые ядерные испытания и Берлинский кризис, а потом Кубинский кризис – закрепили его. Американский журналист Г. Шварц в этой связи писал: «В последнее время в своих речах и пропагандистских СМИ Хрущев делал акцент на том, что Советский Союз чрезвычайно силен, что он может делать что ему вздумается всякий раз, когда он решит, что его величие затронуто. Великая опасность состоит в том, что премьер Хрущев, как и Гитлер, может не увидеть ту черту, после которой каждый неосторожный шаг может привести к третьей мировой войне со всем современным оружием»⁷².

Советские ракеты, которые Хрущев часто использовал как доказательство силы Советского Союза, западной аудиторией воспринимались по-другому – как символ угрозы⁷³. Осенью 1962 г. в результате размещения советских ракет на Кубе эта угроза из гипотетической превратилась в реальную. Ядерный блеф помимо политических потерь стоил Хрущеву также утраты части положительных характеристик международного имиджа. В глазах западного мира ракета (бомба) стала таким же обязательным атрибутом его имиджа, как когда-то ботинок в ООН⁷⁴.

Таким образом, в разных контекстных ситуациях средства массовой информации выступали не только как каналы трансляции, но и как инструмент корректировки международного имиджа Хрущева. И именно СМИ в первую очередь играли

активную роль в восприятии имиджа Хрущева советской и западной публикой.

Сравнивая результаты трансляции имиджа Хрущева на «свою» и «чужую» аудиторию в разных контекстных ситуациях 1959–1960 гг., можно сделать вывод, что советские пропагандистские службы делали это с разным успехом. Сначала им удалось не только создать образ Хрущева-миротворца, но и добиться, чтобы он был принят и советской, и американской аудиториями. При этом в случае с американской аудиторией пришлось преодолевать и «гало-эффект» прежних мнений, и влияние текущей пропаганды. Однако выбранный имидж оказался настолько адекватным ситуации (требуемый имидж совпал с ожидаемым и реальным), а поведение Хрущева было в этом смысле безукоризненным, что новый образ легко прошел фильтры аудитории и был принят.

Напротив, смена образа в 1960 г. за счет акцентирования внимания на его силовой компоненте была проведена без учета настроений западной аудитории. Поэтому международный имидж советского лидера был скорректирован в глазах западного мира, но вовсе не в том направлении, как задумывали советские службы пропаганды и сам Хрущев. Образ Хрущева, как он сформировался в глазах западной аудитории в 1960 г. – после «шпионского скандала» и сессии Генеральной Ассамблеи ООН, оказался настолько устойчивым, что в дальнейшем не претерпел существенных изменений. Частичная положительная корректировка образа советского лидера в восприятии западного мира началась только после преодоления Кубинского кризиса 1962 г. и заключения договора о запрещении ядерных испытания в трех сферах в 1963 г. Однако, несмотря на усилия советской пропаганды, полностью восстановить утраченный имиджевый статус лидера-миротворца, а вместе с тем вернуться к пику своей популярности на Западе Хрущеву так и не удалось.

---

¹ См. подробнее: *Зубков С.А.* Хрущев и западные журналисты: практики формирования международного имиджа советского лидера //

- Проблемы российской истории. Магнитогорск, 2008. Вып. 8. С. 314–323.
- ² О реакции советской аудитории на внешнеполитические инициативы Советского Союза и особенно на визит Н.С. Хрущева в США см.: *Magnúsdóttir R.* “Be careful in America, Premier Khrushchev!”: Soviet perceptions of peaceful coexistence with the United States in 1959 // *Cahiers du Monde russe*. 2006. N 47, 1–2. P. 109–130.
- ³ Политическое консультирование. М., 1999. С. 137.
- ⁴ *Грушин Б.А.* Четыре жизни России в зеркале опросов общественного мнения: очерки массового сознания россиян времен Хрущева, Брежнева, Горбачева и Ельцина: в 4 кн. М., 2001. Жизнь 1-я: Эпоха Хрущева. С. 531.
- ⁵ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 5446. Оп. 93. Д. 1309. Л. 93.
- ⁶ Там же. Оп. 94. Д. 1272. Л. 88.
- ⁷ Правда. 1959. 15 сент.
- ⁸ ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 93. Д. 1309. Л. 203.
- ⁹ Там же. Л. 146.
- ¹⁰ Там же. Л. 96.
- ¹¹ Там же. Л. 161.
- ¹² Там же. Л. 91.
- ¹³ Там же. Л. 103.
- ¹⁴ Там же. Л. 191.
- ¹⁵ Там же. Л. 83.
- ¹⁶ Там же. Л. 39.
- ¹⁷ Там же. Оп. 94. Д. 1272. Л. 102.
- ¹⁸ Khrushchev’s visit opposed in house // *The New York Times*. 1959. 8 Sept.; Pickets to protest Khrushchev’s visit // *Ibid.* 12 Sept.; 500 in city protest Khrushchev’s visit // *Ibid.* 14 Sept.; Church unit protests: Fundamentalist group scores reception for Khrushchev // *Ibid.* 15 Sept.; A “naive” demonstration // *Ibid.*
- ¹⁹ *Ibid.* 15 Sept.
- ²⁰ Политическое консультирование. С. 133.
- ²¹ *Salisbury H.* Khrushchev’s Russia // *The New York Times*. 1959. 8–15 Sept.
- ²² *Ibid.* 10 Sept.
- ²³ Подсчитано по материалам интернет-архива газеты “The New York Times” (URL:<http://www.nytimes.com>).
- ²⁴ Цит. по: *Аджубей А.* Те десять лет. М., 1989. С. 455.
- ²⁵ Цит. по: Правда. 1959. 17 сент.
- ²⁶ Там же.
- ²⁷ Цит. по: Там же. 16 сент.

- 28 The New York Gerald Tribune. 1959. 19 Sept.
29 Цит. по: Лицом к лицу с Америкой. М., 1960. С. 469.
30 The New York Times. 1959. 13 Sept.
31 ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 94. Д. 1272. Л. 45.
32 Там же. Л. 59.
33 Там же. Л. 23.
34 Там же. Л. 15.
35 Там же. Л. 100.
36 Там же. Л. 97.
37 Там же. Л. 92.
38 Визит Н.С. Хрущева во Францию: отклики буржуазной печати. М., 1960. С. 67.
39 *Käsler D.* Der politische Skandal: Zur symbolischen und dramaturgischen Qualität von Politik. Opladen, 1991. S. 9.
40 *Тихомиров А.А.* Скандал как предмет исторического исследования: на примере инцидента с американским самолетом-шпионом У-2 1 мая 1960 года в СССР // Актуальные проблемы всеобщей истории: дипломатия и безопасность, коммуникация и политическая культура, гендер. Ярославль, 2003. С. 59–60.
41 Правда. 1960. 6 мая.
42 Там же. 8 мая; Известия. 1960. 8 мая.
43 Правда. 1960. 10 мая.
44 Там же. 13 мая.
45 Там же.
46 The New York Times. 1960. 5 Mai.
47 Confrontation in Paris // Time. 1960. 23 Mai.
48 Цит. по: Российский государственный архив новейшей истории. Ф. 5. Оп. 33. Д. 152. Л. 31.
49 ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 94. Д. 1335. Л. 135.
50 Там же. Д. 1284. Л. 92.
51 Там же. Оп. 96. Д. 1307. Л. 93.
52 Известия. 1960. 19 сент.
53 Цит. по: Там же.
54 Там же.
55 Там же. 20 сент.
56 The New York Times. 1960. 20 Sept.
57 Цит. по: Правда. 1960. 30 сент.
58 The New York Times. 1960. 24 Sept.
59 Ibid. 17 Sept.
60 Цит. по: Ibid. 28 Sept.
61 Цит. по: Ibid.
62 Цит. по: Правда. 1960. 21 сент.

- ⁶³ Цит. по: The New York Times. 1960. 20 Sept.
- ⁶⁴ Известия. 1960. 14 окт.
- ⁶⁵ ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 94. Д. 1284. Л. 157.
- ⁶⁶ Там же. Л. 54.
- ⁶⁷ Там же. Л. 142.
- ⁶⁸ Там же. Л. 136.
- ⁶⁹ Там же. Л. 49.
- ⁷⁰ Там же. Л. 109.
- ⁷¹ Там же. Л. 98.
- ⁷² *Schwarz H.* Khrushchev: There Are Many Reasons for His Move But a Major One is to Test the Allies // The New York Times. 1961. 20 Aug.
- ⁷³ A Bang in Asia // Time. 1961. 8 Sept.
- ⁷⁴ Pinja und die Bombe // Der Spiegel. 1964. 21 Okt. S. 106.

3. ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОВОСПРИЯТИЯ В ПЕРИОД КОНФЛИКТОВ И ВОЙН

Мироненко-Маренкова И.К.

ЦАРЬ-ТИРАН И ЕГО ДИКИЕ РАБЫ: ОБРАЗ РОССИИ ВО ФРАНЦУЗСКОЙ ПРОПАГАНДЕ ВРЕМЕН КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ*

С началом любой войны, а зачастую и заблаговременно запускается машина государственной пропаганды. По аналогии с военной тактикой ее действия можно разделить на оборонительные и наступательные. «Оборонительная» пропаганда стремится продемонстрировать общественности благие и справедливые цели, которые страна преследует в войне, максимально идеализировать собственную армию и народ, а «наступательная», соответственно, обличает коварного противника и обнажает его подлость, несправедливость и в то же время комичность. По всем «законам жанра» велась и пропагандистская кампания 1853–1856 гг. В частности, в «наступательной» французской пропаганде активно создавался чудовищный – одновременно устрашающий и нелепый – образ Николая I, олицетворявшего Российскую империю.

Отношение французов к далекой восточной державе до начала Крымской войны определялось недавней историей и, прежде всего, опытом наполеоновских войн, памятью о казаках и вступлении русских войск в Париж¹. Заметно влияли на об-

---

* Статья подготовлена при поддержке Центра франко-российских исследований в Москве.

шественное мнение и неоднократные переиздания (в 1843, 1844, 1846, 1855 гг.) книги французского путешественника маркиза Астольфа де Кюстина «Россия в 1839 году»². Критические оценки де Кюстина часто воспроизводились в пропагандистских изданиях середины столетия. Их авторами Россия изображалась как «страна наполовину цивилизованная, все еще близкая к варварским ордам Азии, страна, которая в своих нравах, привычках, законах, религии не имеет ничего европейского, страна, так сказать, идолопоклонническая, которая почитает своего царя-понтифика как божество». При этом утверждалось, что «именно в ней заключается главная опасность для Европы»: «Россия – это бедствие для Европы, и чем больше мы будем знать об этом и повторять, тем лучше поймем и почувствуем, что этому пора положить конец. Покуда мы отправляем людей и корабли на Восток и Север, чтобы сокрушить и материально подорвать это ненавистное господство, мы чувствуем необходимость сокрушить его, пригвоздив Россию (этот очаг гнусности, который под маской религии добивается своих целей), ее правительство, ее религию, политику ее кабинета, ее властителей к позорному столбу общественного мнения»³. Публицисты охотно выстраивали более или менее стройные концепции, убеждая читателей в агрессивности России и ее чуждости европейской цивилизации. Обычно основными причинами этого считались устройство страны и личность правителя.

Один из памфлетов, содержавших стандартный набор стереотипов о России и русских, назывался «Царь Николай и Святая Русь». Он был подписан именем Ахилла Галле де Кюльтюр и опубликован в 1855 г. О его авторе ничего не известно, кроме того, что он, по собственному признанию, успел ознакомиться со всеми сторонами жизни России, где провел много лет, вплоть до начала войны служа у богатого русского аристократа. Его брат Бенедикт также будто бы находился в России в качестве журналиста. Господин де Кюльтюр иногда ссылается на чужие мнения (в том числе и на сочинение де Кюстина), но это не мешает ему претендовать на оригинальность и точность своего труда, основанного на личных впечатлениях и изысканиях, и противопоставлять его многочисленным брошюрам,

изданным с начала войны и повторяющим друг за другом одни и те же заблуждения и поверхностные суждения.

Начиная свое описание России с главы «Существует ли русская аристократия?», автор пытается доказать, что «русские дворяне – это просто титулованные крепостные»⁴. Их значение в обществе определяется только чином и милостью императора. Они лишь часть огромной машины, которой царь управляет по собственному желанию, осыпая их милостями или лишая всего. Дворяне оторваны от народа, потому что благосостояние их основано на эксплуатации крестьян, которые видят в них своих главных врагов и по возможности жгут их поместья. Царь же, наоборот, в глазах крестьян воплощает отца, Бога, справедливого судью, карающего виновных, к которому вызывают, когда иссякает всякое терпение. Таким образом, дворяне, терпящие самоуправство сверху и вызывающие ненависть снизу – «сегодня приговоренные к бездействию, завтра – к смерти», – не имеют будущего⁵.

Буржуазия, владеющая богатствами и интеллектуально развитая, также не занимает подобающего ей места. Ее сковывают тысячи ограничений и нелепых условностей, не позволяющих ей развиваться и стать опорой государства. Не имея доступа к правительственным должностям, она, несмотря на богатство, не пользуется влиянием в стране.

Большинство населения составляют крепостные – масса обездоленных полулюдей, которым не принадлежат не только дом и семья, но даже собственные тело и душа. Самое подходящее сравнение для русского крестьянина, по мнению автора памфлета, это собака, страдающая от дурного обращения и побоев, ненавидящая своего хозяина и готовая растерзать его, как только представится такая возможность. Ведь «вчера кнут, сегодня розги, если понадобится – Сибирь, таковы его бесподобные воспитатели»⁶. Соответственно «характер крепостного есть отражение его участи: он покорен, беззаботен, хитер, коварен, алчен и пьет до саморазрушения. То, что китаец ищет в гашише, он находит в алкоголе, который дает ему не радость, но забытие. Вера его определяется его естеством: она слепа и глупа, это вера факира в своего идола. Крестные знамена и

коленипреклонение составляют ее форму и содержание, символ и нравственное ядро»⁷. Вместе с тем автор «Царя Николая и Святой Руси» считал, что стоит лишь показать крепостным их численное превосходство и силу, а также человеческое, а не божественное происхождение царской власти, как они пробудятся и свергнут ненавистных дворян-угнетателей и самого императора.

Из крестьян в России набирают и солдат, с которыми чаще всего приходится сталкиваться ведущим войну французам. Попасть в солдаты – величайшее несчастье для русского крестьянина, поэтому нередки случаи бегства и даже сознательного членовредительства. Те же несчастные, кто становится рекрутом, обречены на тяжелейшую службу в течение 25 лет, после чего они уже не нужны ни семье, ни государству и вынуждены заниматься убийствами и разбоем.

Немногим лучше и положение русских офицеров, к которым в царствование Николая предъявляют многочисленные и бессмысленные требования. Офицер мечтает лишь о том, чтобы стать полковником и разбогатеть, грабя своих подчиненных, воруя хлеб, порох, пули. В отличие от французов, любящих отечество, русских в армии удерживает только страх: «Если бы совершенная машина была хорошим солдатом, то русский солдат не имел бы себе равных. Его ценность состоит в покорности, он боится вражеских пушек гораздо меньше, чем палки своего офицера. Его жестокость схожа с отвагой, это противоположность пассивному послушанию. Он убивает, потому что ему приказывают убивать, но он не любит крови. Нет ничего более нежного, чем славянин». Поэтому «русский надвигает шапку на глаза и идет вперед, француз идет вперед и смотрит». «Пассивная покорность и мрачное смирение. Героические деяния, которые любовь к славе внушает европейским нациям, почти неизвестны в русской армии, армии, которую слишком хвалили, – заявляет автор. – Грозная на собственной территории, где природа и климат служат ей могущественными помощниками, за ее пределами она внушает страх лишь численностью своих батальонов. Ее дикая невозмутимость – это отрицательное качество, следствия которого бывают иногда благо-

приятными, никогда решающими, и часто роковыми. Московского солдата убивают, громят и идут дальше, как при Альме»⁸.

«Сначала кажется, что русские отважны, – утверждалось в другом памфлете. – Ба! Русские сражаются потому, что если они повернут вспять, их товарищам приказано стрелять в них... Сражение для них – это вид наказания»⁹. Едва ли не все пропагандистские сочинения того времени изображали русских солдат подневольными, забытыми животными, сражающимися по приказу, а не из любви к отечеству: «У русского народа совсем нет военной гордости, энтузиазма и патриотизма, он идет в бой не для того чтобы победить или умереть, а чтобы слушаться; он сражается так же, как и трудится, с терпением вьючного животного и его бесчувственностью»¹⁰.

Лишь по окончании войны, в условиях наметившегося русско-французского сближения, стали появляться воспоминания побывавших в Крыму французов, уже не столь упрощенно, а иногда даже сочувственно писавших о русских солдатах и в особенности о хорошо образованных и учтивых офицерах. Во время же Крымской войны в пропагандистской литературе доказывалось, что русские никогда не побеждали европейцев. Так, утверждалось, что в 1812 г. французы выиграли все сражения, а лучшую в мире армию погубили силы природы и самоуверенность Бонапарта.

Сама принадлежность России к числу христианских стран ставилась французскими пропагандистами под сомнение. «Считается, что русские религиозны, – писал “грузинский князь Шаривариков”. – Еще одно заблуждение. Они держатся за религию ради корысти: они знают, какой вред им принесло бы отречение от нее. Для правительства и знати это способ при случае доводить народ до фанатизма и закабалить его, ничего более. Для народа религия означает частые дни отдыха и пьянства, поскольку, кроме воскресений, в их Церкви существует сотня праздников в году, когда запрещено работать... Ни один народ в мире, даже дикари, не имеет более смутных представлений о Боге»¹¹. Русское духовенство упрекалось памфлетистами в лицемерии и невежестве. «Есть нечто более грубое, лукавое, фанатичное, пьяное и отсталое, чем мужик – это мо-

нах», – полагал де Кюльтюр¹². Поскольку православную Церковь, в отличие от католической, возглавляет царь, священники являются его агентами, не отличающимися ни знаниями, ни добродетелями. Между тем вся Церковь, подобно царю, которому она служит, мечтает о всемирном господстве. Практически все публицисты, упоминавшие о религии в России, писали, будто Николай I узурпировал духовную власть и является в своей империи папой – прозвище царь-понтифик прочно закрепилось за ним в Европе. В подчинении духовенства светским властям французские публицисты видели основу его нравственного бессилия и морального упадка всего народа. При этом они не упоминали о том, что в Англии, недавно ставшей союзницей Франции, главой доминирующей Англиканской церкви была королева...

По мнению памфлетистов, Россия управлялась исключительно на основании капризов царя, а Свод законов представляет собой «бесполезный памятник приукрашенного варварства». Права подданных ничем не обеспечены, и любой, оказавшийся под следствием, уже приговорен, так как царь не может подозревать кого-либо безосновательно. Рассказывая про произвол и бесправие, царящие в России, Галле де Кюльтюр сообщал, в частности, своим читателям о том, как Пушкин будто бы был высечен за дерзкую оду, после чего поник духом и отказался от сочинения политических стихов, перестав отстаивать социальные и гуманистические идеи и заслужив этим благоволение властей. Тех же, кто не поддавался давлению, убили, как Лермонтова, или объявили сумасшедшими, подобно Чаадаеву. Из этого, видимо, следовало сделать вывод о том, что работа духа и мысли в России если и возможна в принципе, то в реальности всегда трагически подавляется государством, одержимым идеями всемирного господства и панславизма.

Российскому императору часто приписывалось стремление объединить под своим скипетром славян, превратив все остальные народы Европы в вассалов. В большинстве памфлетов эпохи Крымской войны подобные замыслы связывались с пресловутым «завещанием Петра Великого» – фальшивкой, сочиненной и не раз публиковавшейся во Франции (в 1812 г.,

1836 г. и т.д.). Нередко заявлялось также, что Николай I готовит всей Европе участь Польши¹³. При этом многие европейские публицисты отмечали масштаб личности императора Николая Павловича и писали о его мужестве, силе воли, красоте, образованности. Почти все они соглашались, что это необыкновенный человек («homme extraordinaire»), однако, как правило, его незаурядность усматривали не в добродетелях, а в доведенных до крайности пороках – самомнении, высокомерии и ненависти к людям¹⁴. Его считали неплохо образованным (благодаря европейским учителям), но чуждым подлинной науке и не признающим, что знания «есть нравственные тормоза для власти»¹⁵, а не только средство укрепления своего господства. Поэтому образование его признавалось поверхностным и лишь немного смягчающим варварские наклонности и жестокость. Впрочем, памфлетисты признавали, что хотя царь – деспот и его ярость непредсказуема, иногда он способен проявлять великодушие, о чем в народе рассказывают анекдоты. При встрече с ним каждый старается стать незаметным, сбежать, но если это невозможно – остается лишь замереть и замороженно ожидать своей участи, поскольку самодержец подвержен «наследственной мономании, приведшей его к убеждению, что он превышает всего сущего». «Впрочем, – отмечал де Кюльтюр, – это убеждение подкрепляется бесконечным раболепством его окружения»¹⁶. Так или иначе Николай «держит в руках крест, оканчивающийся мечом, и скипетр с кнутом на конце... это самый абсолютный властитель на земле, не исключая Великого Могола и императора Поднебесной»¹⁷. Все выдающиеся люди империи из-за своих независимых взглядов или вовсе беспричинно лишились должностей и положения в обществе, и только беспрекословные и беспринципные сатрапы могут находиться возле монарха.

Николая I то и дело сравнивали со львом, не знающим жалости, или с жестоким и коварным пауком¹⁸. К примеру, Мишле уподоблял царя и дворян двум паукам, наблюдающим друг за другом и не знающим, враги они или друзья. Галле де Кюльтюр, вспомнив этот образ, отмечал, что дворянство всего лишь беззаботная муха, перед которой паук уже расставил свою

сеть¹⁹. Особенно грубо и прямолинейно российский император обвинялся в наиболее примитивных произведениях французской пропаганды, вроде листка, озаглавленного «Семь смертных грехов, или Николай и православные иезуиты»²⁰.

По мнению де Кюльтюра, поведение императора объяснялось не только его личными качествами и окружением, потворствующим деспотизму, но и дурной наследственностью. Иван Грозный, Борис Годунов, Петр I, Екатерина II – все являлись мучителями собственного народа и притеснителями европейских стран. Не удивительно, что уверенный в своем всемогуществе «Николай Павлович – мономан». Ведь «Павел I-й был помешанным, Константин – буйный сумасшедший, Александр – липеманьяк». Вместе же «эти четыре коронованные особы представляют весь научный спектр безумия!»²¹.

Но хотя тиранами были все русские цари, именно Николай упразднил свободу вероисповедания, ограничил права дворян, усложнив им условия выезда за границу, и довел террор до крайности, переселяя и уничтожая не только отдельных людей и их семьи, но и целые нации – прежде всего, поляков и евреев. Наиболее жестокие свои поступки император совершает, будучи подвержен приступам дурного настроения. Именно тогда появляются самые преступные его указы. Но, признавая, что такой стиль управления и продажная администрация развращают население, Галле де Кюльтюр, в отличие от многих других авторов, видевших в России только рабов²², довольно снисходительно, иногда даже с сочувствием писал о подданных царя. Он утверждал, что «русский народ не повинен в своих пороках»²³ и всему виной деспотическая власть, не создавшая достойной системы образования, и суровый климат – унылые бесконечные степи, ледяные пустыни, нескончаемые леса и печальные города, где девять месяцев в году царят ужасные холода. «России требовался законодатель, реформатор, – полагал французский публицист. – Она же получила завоевателя, но завоевателя посредством указов, который, за редким исключением, не брал в руки шпаги, кроме как на парадах»²⁴.

Однако насколько слаба его армия, набранная из подневольных крестьян, настолько и сам император ничего не смыс-

лит в военном деле: «Одна из слабостей Николая состоит в том, что он считает себя генералом. Подобно своему отцу Павлу, братьям Константину и Михаилу, он путает достоинства главного сержанта и командующего армией. Кажется, ему неизвестно, что военная наука состоит не в строгом соблюдении формальностей, безупречности мундира и четкости движений. Это ловкий офицер-наставник, хороший инспектор для парадов – и ничего более»²⁵. Тем не менее, пытаясь воплотить в жизнь давнюю мечту Петра I, Екатерины II и прочих русских царей, стремившихся распространить влияние России на Восток, стареющий и осознающий свое бессилие император даже отказался от роли защитника порядка, которую самозабвенно разыгрывал перед легковерной Европой. В развязывании Восточной войны де Кюльтюр видел жест отчаяния и бессилия: не желая освободить крестьян, Николай I бросил свои армии в бессмысленный бой, однако, убедившись в том, что тиран может быть побежден, русский народ, страдающий от угнетения, восстанет. К тому же, повелевая миллионами солдат, царь не имеет толковых адмиралов, генералов и дипломатов. Таким образом, варварская страна, ведущая несправедливую войну против Турции и всей Европы, не располагающая ничем, кроме толп диких солдат, воющих из страха, обречена на поражение и вызывает только презрение, порою смешанное с жалостью.

Схожие представления о Российской империи и ее правителе в той или иной мере прослеживаются в многочисленных публикациях времен Крымской войны, рассчитанных на читающую публику Франции и Европы²⁶. К примеру, в книге «Русские» население России изображалось как сборище грязных, пьяных дикарей, чей образ жизни напоминал смесь средневековых нравов и восточной роскоши²⁷. Для пропаганды же среди солдат использовались прежде всего карикатуры и песни, в которых русские выставлялись совершенно неумелыми вояками во главе с хищным и столь же нелепым императором²⁸. Почти всегда в них упоминались кнут и орда диких казаков. Так, сугубо сатирически как неглупые, но жадные и хитрые злодеи русские были показаны в сочинении «Господа казаки, описание комическое и правдивое великих деяний рус-

ских на Востоке»²⁹. Это издание также изобиловало насмешками над Николаем I, духовенством и православием, используемым для оправдания политических амбиций. Конечно, в середине 1850-х годов появлялись и более сдержанные сочинения, гораздо реалистичнее изображавшие Россию и ее императора, а также устремления других европейских держав, ввязавшихся в конфликт на Востоке³⁰. Однако удельный вес их был сравнительно мал и вовсе не они определяли тональность французской пропаганды.

---

¹ О восприятии русских перед началом наполеоновских войн см.: *Митрофанов А.А.* Русско-французские отношения в зеркале бонапартистской пропаганды (1800–1801 гг.) // Французский ежегодник, 2006. М., 2006. С. 130–145. Об изображении русских во французской литературе см.: *Krauss Ch.* La Russie et les Russes dans la fiction française du XIXe siècle (1812–1917): D'une image de l'autre à un univers imaginaire. Amsterdam; N.Y., 2007.

² Об этом сочинении см.: *Мильчина В.* Послесловие // *Кюстин А. де.* Россия в 1839 г. М., 1996. См. также: *Liechtenhan Fr.-D.* Astolphe de Custine, voyageur et philosophe. Paris, 1990; *Milchina V.* La Russie en 1839 du marquis de Custine et ses sources contemporaines // *Cahiers du monde russe.* 2000, Janvier–mars. 41, 1. P. 151–164.

³ *Sirtema de Grovestins Ch.-F.* Tableau politique et moral de la Russie aux XVIe et XIXe siècles, par le baron Sirtema de Grovestins, Paris, 1854. P. VII–VIII, 41–42.

⁴ *Gallet de Kulture A.* Le Tzar Nicolas et la Sainte Russie. Paris, 1855. P. 6. (Далее: Le Tzar Nicolas).

⁵ Ibid. P. 7.

⁶ Ibid. P. 17.

⁷ Ibid. P. 19.

⁸ Ibid. P. 25–27.

⁹ *Charivarikof K., prince géorgien.* Mystères de la guerre d'Orient et de l'empire russe. Paris, 1854. P. 34–35.

¹⁰ *Boulin F.* Histoire complète de la Guerre d'Orient: depuis l'ambassade du prince Menschikoff jusqu'au congrès de Paris par Félix Boulin. Lyon, 1856. P. 8.

¹¹ *Charivarikof K.* Op. cit. P. 40.

¹² Le Tzar Nicolas. P. 37.

- ¹³ *A.W.* Ni paix ni sécurité pour L'Europe avec la Russie telle qu'elle est / par *A.W.* Paris, 1855.
- ¹⁴ Более взвешенную характеристику Николая I см.: *L'Orient défendu par la France, l'Angleterre et l'Autriche: Relation complète de la guerre d'Orient jusqu'à la levée du siège de Silistrie* / par Noël Ségur. Paris, 1854. P. 41–42.
- ¹⁵ *Le Tzar Nicolas*. P. 114.
- ¹⁶ *Ibid.* P. 116.
- ¹⁷ *Ibid.* P. 204.
- ¹⁸ См. репринт издания 1854 г.: *Les Russes: ou l'histoire dramatique, pittoresque et caricaturale de la Sainte Russie commentée et illustrée en bandes dessinées par Gustave Doré; avec une petite suite chronologique par Alain Meylan, Henry Veyrier*. Paris: H. Veyrier, cop. 1974. First published in 1854 under title: *Histoire pittoresque, dramatique et caricaturale de la Sainte Russie*.
- ¹⁹ *Le Tzar Nicolas*. P. 8.
- ²⁰ *J.C.* Les sept péchés capitaux ou Nicolas et les jésuites orthodoxies / par *J.C.* Lille, s.d. pièce.
- ²¹ *Le Tzar Nicolas*. P. 182. Липемания – мрачное помешательство.
- ²² Так, к примеру, *А. де Гаспарен* заявлял: «Нация, где никто не имеет права ни верить согласно своим убеждениям, ни исповедовать свою веру, ни высказываться, ни публиковать, ни путешествовать, если это не удовлетворяет государство, где почти все лишены возможности иметь собственность и, наоборот, сами находятся в чьей-то собственности, где безграничный произвол постоянно угрожает разорвать родственные узы, где военная служба их рвет в действительности, где армия забирает людей и не возвращает их, такая нация не только лишена либерализма, но и устроена против свободы» (*Gasparin A., de. Après la paix: Considérations sur le libéralisme et la guerre d'Orient*. Paris, 1856. P. 112). См. также: *Charivarikof K.* *Op. cit.*
- ²³ *Le Tzar Nicolas*. P. 44.
- ²⁴ *Ibid.* P. 208.
- ²⁵ *Ibid.* P. 136.
- ²⁶ *Sirtema de Grovestins Ch.-F.* *Op. cit.*; *Charivarikof K.* *Op. cit.*; *Gasparin A., de.* *Op. cit.*; *A.W.* *Op. cit.*
- ²⁷ *Pommier A.* *Les Russes*. Paris, 1854.
- ²⁸ *Guinard É.* *Chants français* par *É. Guinard de Montpellier*. Montpellier, s.d. P. 7–8.
- ²⁹ *Delord T., Carraguel C., Huart L.* *Messieurs les cosaques, relation charivarique, comique et surtout véridique des hauts faits des Russes en*

orient / par Mm. Taxile Delord, Clément Carraguel et Louis Huart.
Paris 1854–1855. Vol. 1–2.

³⁰ См., в частности: *Joly V.* Mensonges et réalités de la guerre d'Orient /
par Victor Joly rédacteur du *Sancho*. Bruxelles, 1855.

ГЕРМАНСКИЙ ВОЕННО-МОРСКОЙ ФЛОТ В ПРЕДСТАВЛЕНИИ РУССКИХ ВОЕННЫХ В КОНЦЕ XIX В.

Первая мировая война началась в 1914 г., но угроза войны между Россией и Германией возникла намного раньше – после Берлинского конгресса 1878 г. В сознании русских военных существовали определенные представления о военном потенциале вероятного противника, в том числе о его военно-морских силах.

Цель данной статьи состоит в том, чтобы реконструировать образ германского флота в сознании русских военных в конце XIX в. на основе материалов официального органа Морского министерства России – журнала «Морской сборник» и ряда архивных документов.

Последние десятилетия XIX в. были временем, когда бронированные паровые корабли уже полностью вытеснили парусные, но подводный и воздушный флот еще переживали эмбриональный период своего развития. Морское сражение представлялось как торпедно-артиллерийская дуэль броненосных сил при поддержке крейсеров и миноносцев, задача борьбы с торговым судоходством противника возлагалась на крейсера.

К моменту, когда Германия из союзника России превратилась в ее вероятного противника, времена русского господства на Балтийском море давно ушли. Германский флот представлял собой серьезную силу, и русские военные моряки должны были это учитывать. В 1879 г. «Морской сборник» писал:

«В 1821 г. шведский король Карл XIV дал командиру корвета “Свелан” тайную инструкцию, в которой рекомендовалось при посещении <...> прусских портов “в разговорах высказывать удивление по поводу равнодушия прусского правительства к заведению флота для охраны своей торговли и берегов, так как не-

сколько малых бригов, какой угодно нации, могут блокировать все прусские гавани и уничтожить всю морскую торговлю”. Несмотря на такие предостережения короля шведского прошло более четверти столетия, прежде чем пруссаки сознали необходимость собственного военного флота. Для этого понадобилось чувствительное оскорбление, нанесенное в 1848 г. небольшой морской державой (Данией. – *А. Ч.*), флот которой блокировал тогда все германские порты. С этих пор начался рост германского флота. В 1861 г. в Англии и Франции были заказаны первые броненосцы, а теперь Германия представляет вполне организованное морское государство, имеющее возможность строить и вооружать свой броненосный флот без помощи иностранцев»¹.

Налицо было понимание того обстоятельства, что боевые действия флотов, в том числе и на Балтийском театре военных действий, будут иметь определенное значение для исхода войны. В 1890 г. «Морской сборник» опубликовал статью некоего германского морского офицера Е., в которой описывалась война между Двойственным и Тройственным союзами весной 189... г.

Как писал автор статьи, «не подлежит сомнению, что флоты примут деятельное участие в этой борьбе, и что союзные государства условятся относительно плана военных действий. Решительные действия могут быть только в Средиземном или Балтийском морях, так как нельзя ожидать чего-либо существенного и решающего от предприятий против колоний.

Франция всегда может воспрепятствовать объединению германского флота с австрийско-итальянским. Ее главные морские силы будут на Средиземном море. В случае победы она будет иметь сообщение с Алжиром, бомбардировка Неаполя и Рима и высадка десанта произведут на итальянскую армию и население очень нехорошее впечатление. Французский и австрийско-итальянский флоты почти равны. В любом случае, будет генеральное сражение. Где оно произойдет – безразлично, кто одержит победу – предсказать невозможно. Италия, даже потерпев поражение, должна будет собрать остатки флота и выступить на защиту своих берегов. Если поражение потерпит Франция, она должна будет отозвать северную эскадру и произвести новое нападение.

На Балтике германский флот слабее франко-русских сил. Начнется блокада германских берегов, и, быть может, произойдут высадки русского десанта. В этом случае германский флот будет вести активную оборону, и, возможно, вблизи берегов союзники не будут иметь успеха. Если же Франция отзовет северную эскадру, германский флот вступит в бой с русским. В случае победы он сможет атаковать Кронштадт»².

Этот вариант, высадка германского десанта на побережье Финского залива, рассматривался русскими военачальниками, как самая большая опасность, но до конца 90-х годов XIX в. вероятность такого развития событий оценивалась как низкая. В 1888 г. русской разведке удалось выкрасть копию протокола заседания Совещания по обороне государства в Берлине от 16 октября 1882 г., где обсуждалась атака на Петербург с моря³. Эта копия была представлена начальнику Главного штаба генералу Обручеву, который направил ее для ознакомления начальнику Главного Морского штаба адмиралу Чихачеву. Тот заверил Обручева, что атака германского флота на Кронштадт будет отбита; по его словам, «такая атака была не под силу соединенному англо-французскому флоту в 1854–1855 годах». Невозможно, чтобы она удалась германскому флоту, имеющему лишь «8 броненосцев, большая часть из которых относится к раннему периоду броненосного кораблестроения»⁴.

Менее чем через десятилетие после такой оценки ситуация изменилась кардинальным образом. Германский флот стал расти просто сказочными темпами. В марте 1897 г. морской министр Германии адмирал Гольман потребовал у рейхстага утвердить ассигнования на флот до 1901 г. в размере 328 371 тыс. марок. «Морской сборник» писал об этом:

«Объявление этого нового проекта произвело громадную сенсацию и вызвало против него целую бурю. Говорили о бесконечных требованиях морского министерства; об увеличении государственного долга; о том, что судьба Германии в случае войны будет решаться армиями на сухом пути, а не флотами; что такие требования противны конституции, что рейхстаг не имеет права связывать руки по финансовым вопросам будущим депутатам,

утверждая расходы на судостроение будущих годов и т.п. Ввиду такой оппозиции и по другим соображениям правительство решило не настаивать пока на осуществлении своего проекта и он был временно отложен»⁵.

Но уже осенью 1897 г. новый морской министр Германии, адмирал Тирпиц, предложил еще более амбициозный проект судостроения, чем его предшественник. Предполагалось до 1905 г. построить 7 броненосцев, 2 больших и 7 малых крейсеров, потратив на это 997 200 тыс. марок. Как говорилось в русской военной печати, «после 4-месячного обсуждения в рейхстаге участь морского законопроекта была, наконец, решена в смысле благоприятном для правительства»⁶.

В начале 1898 г. в «Морском сборнике» в обзоре итальянской военной печати говорилось:

«Военно-морские силы Германии хотя и слабее по сравнению с ее армией, но со времени объединения империи сделано очень много для усиления и устройства ее флота. Германский флот обладает для своего будущего могущества всеми элементами силы, чем он обязан природной энергии тевтонской расы и географическим условиям страны. Все способности и силы народа в этом направлении уже хорошо развиты, и в настоящее время германский флот уже считается настолько сильным, что может отвечать новейшим условиям морской войны»⁷.

В начале нового, XX в. на страницах «Морского сборника» говорилось:

«Первоначальные задачи флота объединенной Германии ограничивались защитой ее берегов от внезапной атаки. Флот был как бы добавочной силой ее могущественной армии <...> Германия была в числе сильнейших континентальных держав, но в числе морских держав стояла наряду с государствами третьей величины.

По мере поразительного роста ее морской торговли, судостроения и колониальных интересов, возрастал постепенно и флот <...>.

Несмотря на ожесточенную оппозицию со стороны социалистов и доктринеров-либералов, сопротивляющихся всякому уве-

личению боевой силы империи, общественное мнение в Германии стало на сторону правительства, и основной закон о флоте был принят народным собранием и утвержден императором 14 апреля 1898 г.

Не прошло и двух лет, как в 1900 г. был внесен дополнительный закон, увеличивающий окончательную силу боевого флота почти вдвое. И этот закон был принят, после некоторых сокращений, рейхстагом.

Основные положения сторонников увеличения флота были следующие:

1. ежегодный прирост населения Германской империи делает для нее вопрос о сбыте произведений своей промышленности и вывозе сырья вопросом жизненным;

2. этим неотложным требованиям процветания народа может в достаточной мере удовлетворить только морская торговля;

3. беспримерный рост германской морской торговли, судостроения и других видов промышленности, с ней связанных, а также колониальные приобретения, служащие опорными пунктами, не имеют соответственной защиты;

4. наилучшая защита отечественных берегов, отдаленных колоний и торгового флота заключаются в боевом линейном флоте <...>;

5. материальные жертвы, приносимые германской нацией для защиты своих интересов, меньше, чем жертвы остальных великих держав;

6. материальные и интеллектуальные силы империи допускают еще значительное увеличение ее флота без чувствительного обременения народа»⁸.

С увеличением германского флота соотношение сил на Балтийском море менялось, тем более что значительная часть русского Балтийского флота в это время была переброшена на Тихий океан. Теперь в случае единоборства с Германией господство на море должно было оказаться в руках противника.

В 1901 г. была проведена оперативная игра «Война с Германией в 1905 г.», где посредником возглавлял генерал Михневич⁹. В своих военно-теоретических работах этот генерал утверждал, что России выгодно начинать войну ранней весной, чтобы в Германии не успели собрать урожай. Для флота это

время было признано неблагоприятным, ибо Балтийское море у восточного побережья еще сковано льдом, но поскольку морской театр будет второстепенным, флот должен подчиняться интересам сухопутной армии. Россия объявила войну в 01.00 1 марта, начав ее внезапным нападением на базы германского флота. «Германцы» заявили протест: нападение не может быть внезапным, ибо объявлению войны должно предшествовать предъявление ультиматума со стороны России. Пришлось обратиться за консультацией в МИД, где ответили, что международное право допускает объявление войны без предъявления ультиматума. Все же посредники согласились, что войне в любом случае должно предшествовать обострение международной обстановки, поэтому в конце февраля германский адмирал отдал приказ по флоту: «Быть готовыми к внезапному объявлению войны».

В ходе игры посредники продолжали подыгрывать «русским» (в германском флоте не была организована разведка, крейсер «Светлана», впоследствии потопленный при Цусиме, уничтожил несколько германских крейсеров еще до объявления войны и т.д.), но уже 01.04 «германцы» высадили десант и через неделю овладели Ригой. Это так потрясло генерала Михневича, что игра была прекращена¹⁰.

Поскольку будущая война неизбежно должна была стать коалиционной, а Франция – союзником России, то объединенный франко-русский флот по силам не уступал германскому. В 1902 г. капитан 2 ранга, а впоследствии адмирал и командующий Балтийским флотом Эссен, описывая осенние маневры германского флота, писал:

«Воюя с одним противником, нападающим со стороны Немецкого моря¹¹ (т.е. Францией. – *А. Ч.*), Германия, пользуясь удобством сообщения через канал императора Вильгельма, может быстро сосредоточить весь свой флот в Вильгельмсгафене и отсюда стараться или уничтожить своего противника, если флот его слабее германского, или воспрепятствовать блокаде портов <...>.

При двух противниках, одном со стороны Немецкого моря, а другом со стороны Балтийского (т.е. России. – *А. Ч.*), задачей германского флота будет воспрепятствовать их соединению. По от-

делении главных сил в Немецкое море для действий против западного противника, остальная часть германского флота будет стараться удержать восточного противника»¹².

Однако русско-японская война, в которой Россия потеряла почти весь флот, и последовавшая затем замена броненосцев линкорами в качестве главной силы флота, существенно изменили перспективы боевых действий на Балтийском море.

---

¹ Морской сборник. 1879. № 1. С. 129–130.

² Там же. 1890. № 6. С. 93.

³ См.: Российский государственный архив Военно-Морского Флота (РГА ВМФ). Ф. 417. Д. 446. Л. 35.

⁴ Там же. Л. 42.

⁵ Морской сборник. 1898. № 9. С. 86.

⁶ Там же. С. 94.

⁷ Там же. № 2. С. 83–84.

⁸ Там же. 1901. № 8. С. 17–19.

⁹ РГА ВМФ. Ф. 417. Д. 2472–2473.

¹⁰ Там же. Д. 2472. Л. 86.

¹¹ Ныне Северное море.

¹² Морской сборник. 1902. № 10. С. 75.

ИНФОРМАЦИОННАЯ ВОЙНА ЯПОНИИ И РОССИИ 1904–1905 ГГ.*

Соприкосновение российской и японской семиосфер выступило одной из важных составляющих русско-японской войны 1904–1905 гг., получившим отражение в культурном пространстве также и третьих стран. Историки активно обращаются к анализу сопутствовавших этой войне социокультурных факторов: изучают отражение войны в русской и японской культуре, восприятие ее в обществе и его исторической памяти, влияние на интеллектуальную, политическую, эстетическую мысль¹, международный имидж обеих стран². Наиболее видимым и резонансным проявлением этого соперничества явилось японо-русское противостояние в информационно-пропагандистской и идейной сферах, которое было важным в первую очередь для самих воюющих сторон. Специалисты по СМИ давно выяснили значение стереотипов, посредством которых формируется общественное мнение, а также роль повременной печати как (в прошлом) основного канала воздействия на него³. Газеты, пишет об общемировой тенденции начала XX в. Луиза Макрейнольдс, «упрочили себя в качестве господствующего фактора политического дискурса»⁴. Идеи и оценки, высказанные в русско-японской заочной печатной полемике и появившиеся в ее ходе стереотипы не только формировали отношение мировой общественности к России и Японии и определяли весь международный общественно-политический климат войны 1904–1905 гг. Они имели непосредственное отношение к таким утилитарным вопросам, как получение иностранных кредитов, размещение в зарубежных странах военных заказов, помощь в

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Русско-японское идейно-пропагандистское противостояние на мировой арене в войне 1904–1905 гг.», проект № 10-01-00502.

добывании секретных сведений о противнике, время и условия окончания войны.

«Войну идей», как и сами боевые действия, открыла японская сторона – ее первый «выстрел» прозвучал на третий день конфликта, 11 февраля 1904 г. Это была речь барона Кэнтё Суэмацу, посланного с пропагандистской миссией в Великобританию, произнесенная по-английски на борту парохода “Yuo-tan-gu” перед спутниками-иностранцами по случаю Дня японской Конституции⁵. Темой последнего медийного «залпа» военных лет выступили события начала сентября 1905 г. в Японии – массовые беспорядки, вызванные недовольством условиями Портсмутского мира. Последствия ее военного успеха, отмечают Д. Уэллс и С. Уилсон, «простирались от коренного изменения баланса сил в Азии до недвусмысленного вызова доминировавшему представлению о “белом”, европейском превосходстве в мире»⁶. В японской историографии высказано убеждение, что «выверенная зарубежная пропаганда» явилась одним из главных факторов, которые обеспечили Японии победу в войне с Россией⁷. Однако насколько справедлива и универсальна подобная оценка?

Основными участниками идейной борьбы, разумеется, выступали Япония и Россия, но поскольку «борьба за умы» велась, главным образом, на территории третьих, нейтральных государств, в это противоборство так или иначе оказались вовлечены государственные и общественные деятели, политики и публицисты многих стран мира. «Площадками» этого соперничества были газеты и журналы Старого и Нового Света и самих Японии и России. Однако зоной их особой пропагандистской активности стали Корея и особенно Китай. Военные действия на их территории привлекли в регион сотни журналистов со всего света. Влияние на мировое общественное мнение оказывали материалы и самой дальневосточной периодической печати, которые публиковались за рубежом. Поэтому соперничество России и Японии на информационно-пропагандистском пространстве стран Дальнего Востока фактически явилось схваткой за умы не только азиатского, но, по существу, и мирового сообщества.

Создание Россией и Японией собственного благоприятного образа на Западе уже не раз становилось объектом исследования⁸. Настоящая статья изучает их деятельность того же рода на дальневосточной информационной «кухне» – в том новостном «котле», из которого черпали сведения, а порой и оценки местные и иностранные журналисты, представители мировых информационных агентств. Работа основана на служебной переписке и мемуарах очевидцев и участников описываемых событий, а также на материалах периодической печати – главного зеркала общественного мнения, его генератора и поля идейных баталий.

В решении стратегической задачи манипулирования общественным мнением посредством печатного слова Япония и Россия следовали сходной тактике, но использовали различные приемы. Тактика предусматривала, во-первых, издание собственной печатной продукции в дальневосточном регионе, во-вторых, негласное субсидирование туземной и иноязычной, формально независимой, прессы и, наконец, в-третьих, – отслеживание иностранной периодики и соразмерное ее настроениям воздействие на журналистов, которые освещали и комментировали ход войны. Алгоритмы реализации этих трех составляющих в агитационно-пропагандистской практике Японии и России были различны. Разными были и целеполагания.

Идейная составляющая русско-японской *Kulturkampf* включала интерпретацию таких фундаментальных вопросов, как причины, цели и характер войны для каждой из конфликтующих сторон (часто – исходя из общих рассуждений на тему столкновения «желтого» и «белого» миров, христианской и нехристианской культур), ответственность за ее начало, национальные особенности русских и японцев и степень их «цивилизованности», состояние вооруженных сил противников, ход самих боевых действий, взаимоотношения оккупационных войск с местным населением. Уделялось внимание внутреннему положению России и Японии – ходу мобилизации и общественным настроениям, отношению к войне, состоянию промышленности, финансов, экономики в целом, их текущей государственной и общественно-политической жизни.

Содержательно японская пропаганда была явлением крайне противоречивым, зависимым от ее адресата и потенциального потребителя. В высказываниях, рассчитанных на западноевропейцев и американцев, она акцентировала родство «новой азиатской» (японской) и западной, христианской, культуры и, исходя из этого, подчеркивала общечеловеческую, цивилизаторскую и, в сущности, прозападную миссию своей страны в дальневосточном конфликте. Барон Кэнтаро Канэко, направленный с аналогичной Суэмацу пропагандистской миссией в США, заявлял в англоязычной прессе, что на Дальнем Востоке Япония «сражается в интересах англо-американской цивилизации», а не в своих собственных⁹. В справедливости дела Японии и ее «уверенности в конечном торжестве права над силой» в марте 1904 г. убеждал зарубежных военных корреспондентов заместитель министра иностранных дел Сотэми Тинда¹⁰. Популяризация этих «полуправд», надуманных, а отчасти вымышленных представлений составляла главное содержание японской пропаганды в первой половине 1904 г. в «западном» исполнении¹¹.

Восточной же аудитории, включая свою собственную, внушались в корне иные, паназиатские постулаты. «На наше государство, знаменосца азиатской культуры, весь Восток взирает с надеждой... – говорил в августе 1904 г. президент Палаты пэров японского парламента принц Ацумаро Коноэ. – На нас лежит священный долг оказать помощь всем, уповающим на нас: Китаю, Индии, Корее, всякому цивилизованному азиату, и освободить их от Европы»¹². Таким образом, Япония позиционировалась как защитница угнетенных народов Востока, лидер их антиколониальной борьбы. В общем, в Азии она претендовала на такую же мессианскую роль, что и в отношении Запада. В этой связи бывший (и будущий) японский премьер-министр граф Сигэнобу Окума в одном из публичных выступлений назвал свою страну «квинтэссенцией лучших начал Востока и Запада»¹³.

Однако эту «Прекрасную Теорию» (используя выражение Герберта Спенсера) «убивает шайка Грубых Фактов» – преследуя в действительности экспансионистские цели, Токио в сво-

их соседях и соплеменниках разжигал в первую очередь антизападную ксенофобию. Подконтрольная Японии синоязычная пресса активно спекулировала на тему неизбежности массовых волнений в Поднебесной, направленных против всей «белой расы»¹⁴. Японские солдаты вместе с китайским простонародьем устраивали шествия под антирусскими лозунгами – например, в Шанхайгуане и Цинвандао в августе 1904 г.¹⁵ В сентябре 1904 г. в российский МИД поступили сведения об усиленной деятельности японцев в главных центрах Китая «с целью возбудить беспорядки против всех иностранцев без различия национальности»¹⁶. Летом 1905 г. при участии японских агитаторов в крупнейших китайских портах прошла акция бойкота американских товаров, а в декабре подоспел и «беспрецедентный налет на иностранцев» (по оценке газеты “North China Daily News”) в Шанхае. Для защиты своих консульств и подданных от погромщиков и поджигателей западные державы ввели в европейские кварталы города команды военных моряков, причем главную роль в подавлении возмущения сыграл отряд британских матросов. «Антибелая пропаганда японцев, – комментировал шанхайские события русский военный атташе К.Н. Дессино, – настолько пустила корни в Китае, что недалеко то время, когда вообще всем иностранцам придется очень плохо в Китае»¹⁷.

Корейская туземная печать, накануне войны не выказывавшая особых симпатий к Японии, с прибытием японских оккупационных войск, по наблюдению американского историка Андрэ Шмида, не только стала выступать «с энергичными призывами к региональному и расовому единению», но и начала освещать войну «как конфликт белой России против желтой Японии», от исхода которого зависит, «выживут ли желтые народы или будут уничтожены»¹⁸. Антизападной направленности корейская пресса, контролируемая Японией, продолжала придерживаться и впоследствии: «Сегодня раса борется с расой», – писала в сентябре 1907 г. сеульская “Taikan Nippo”, призывая соотечественников верить своим почти единоплеменникам-японцам, а не белым – представителям «враждебной расы»¹⁹.

Наряду с воинствующей антизападной риторикой в странах Востока обстоятельства начала дальневосточного конфликта – высадка Японией своих войск в формально независимой и нейтральной Корее и ночная атака ее миноносцами русских судов на рейде Порт-Артура без объявления войны, – заключали в себе большую опасность для имиджа Японии как миролюбивого государства, выполняющего общечеловеческую цивилизаторскую миссию. Несмотря на это, Япония сумела завоевать почти всеобщие симпатии и в первой половине 1904 г. в идейно-пропагандистском плане доминировала. Угрозу зачисления в агрессоры и «варвары» ей удалось от себя отвести, и многие американские и западноевропейские журналисты, политические, финансовые и общественные деятели охотно высказывались на тему об агрессивности России, возлагая именно на нее ответственность за начало войны. На англоязычном Западе Япония представлялась «рыцарем в сияющих доспехах, спасающим Запад»; Россия, напротив, выводилась из «клуба» цивилизованных держав²⁰. «Американский народ верил, что Япония ведет войну из самозащиты, и ее отважное противостояние могущественной России вызывало огромное восхищение... – констатируют обозреватели американской печати военных лет. – Финансовые и университетские круги Америки были одинаково убеждены, что военные успехи Японии означают прогресс цивилизации... Американская пресса приветствовала Японию как идеал молодой нации, сражающейся за альтруистическое дело»²¹.

Стержень такого, внутренне противоречивого, отношения к Японии западного сообщества афористично выразил военный корреспондент “Times” Уильям Гринер: «Японцы – язычники, которые, однако, усвоили себе западную систему моральных ценностей (ethical code)»²². Как следствие, ни одна из великих держав официально не поддержала обвинения Россией своего противника в вероломстве и изначальном нарушении норм международного права²³. Более того, ведущие американские и британские правоведы доказывали, что, нападая на Россию без объявления войны, Япония действовала закономерно. Профессор йельской Школы права Теодор Вусли, например, в этой

связи заявил, что «в современных условиях объявлять войну необязательно», а потому «в атаке японскими миноносцами русских кораблей в Порт-Артуре не было ничего вероломного или неверного»²⁴. В итоге правовая оценка действий Японии в начале ее вооруженного конфликта с Россией увязла в юридических спорах и, взвешенная и общепризнанная, отсутствует по сию пору – каждая сторона продолжает настаивать на своем.

Россию японская пропаганда характеризовала как «великого врага гуманности» и «подлинной цивилизации»²⁵, как прямую угрозу территориальной целостности Китая, независимости Кореи и существованию японского государства. Такой образ врага, в свою очередь, способствовал тотализации войны для самой Японии. Особенно ярко стремление дегуманизировать противника сказалось на изображении русской действующей армии. Ее оценки были выдержаны в уничижительном тоне и подчас подавались в расистском ключе. «Ни мозгов, ни планов, ни карт, ни подкреплений», «командир в панике», «русская армия деморализована» – обычные газетные lamentации на этот счет²⁶. Предметом почти исключительного внимания прессы выступали действительные или мнимые факты неумелого командования, трусости солдат, плохого снабжения и санитарного состояния войск. Газеты писали о пьянстве и кровожадности «вороватого москвитя» (thievish Moscovite), его жестокости в обращении с местным населением и пленными, о демонстративном и циничном поведении им представлений о гуманности и норм международного права. “Mujik’у”, основе армии, подхватывал ту же ноту американец Н. Бэйкон, «недостает грамотности, трезвости, предприимчивости, энергии и честности». «Все это – характерные черты славянской расы, – заключал публицист, – и мои личные наблюдения позволяют классифицировать их в целом как стоящих на более низкой ступени развития, чем негры наших южных штатов»²⁷.

Распространявшиеся прессой домыслы и слухи относились к разным сторонам армейской и флотской жизни. Печать сообщала то о трагедии, сопровождавшей переход «большого подразделения русских» озера Байкал по льду (итог – 600 замерзших насмерть)²⁸; то о собственноручном расстреле замест-

ником провинившегося офицера перед строем²⁹; то о коварном плане русских отравить реку Ялу, для чего в ее верховья якобы свезено огромное количество «ядовитых медикаментов»³⁰. Казаки изображались как «далеко не храбрые» полузвери, предпочитающие спать на голой земле, ловить птиц и живьем их пожирать³¹. Русские дальневосточные моряки, в интерпретации русофобских газет, не столько воевали, сколько пиратствовали, захватывая иностранные торговые суда³², которые к тому же подрывались на минах, намеренно ими разбросанных³³, либо обстреливали мирных японских рыбаков.

В описании боевых действий японские газеты оперировали информацией, тщательно «отфильтрованной» правительственной цензурой. Их итоговый новостной продукт читателем неапонец оценил следующим образом: «Существуют только японские победы, японское геройство, японский военный гений, в противоположность русским непрерывным поражениям и бегствам, русской трусости, русскому варварству и скотству»³⁴. По данным официальной японской прессы, уже к августу 1904 г. безвозвратная убыль русской армии составила порядка 50 тыс. человек³⁵ – почти столько, сколько в действительности Россия потеряла за все время войны. О собственных потерях печать хранила молчание, хотя к концу ноября 1904 г., по конфиденциальной информации военного министра Маса-такэ Тэраути, Япония лишилась не менее 100 тыс. солдат (примерно 60 тыс. убитыми и ранеными и 40 тыс. заболевшими «бери-бери», дизентерией и брюшным тифом)³⁶. О потоплении в мае 1904 г. новейшего, британской постройки, броненосца “Yashima” мир узнал из французских газет лишь в конце того же года. Совершенно умалчивались другие потери японского военного флота, в действительности весьма немалые.

Негативное отображение японской армии не могло попасть в японскую печать не только по цензурным условиям. Сообщения такого рода изымались самими редакциями как «необоснованные», поскольку были несовместимы с представлениями японского журналистского сообщества о патриотизме и лояльности. Вследствие этих внешних и внутренних ограничений, отмечает исследователь японской прессы военных лет, ее

продукция оказалась лишена «протяженности во времени, глубины и контекста. В результате, общим местом стал стереотип»³⁷, отправными пунктами которого были справедливость войны для Японии, чистота и добросердечие ее намерений, имманентная порочность противника. Описание хода военных действий было сведено к казенным победным реляциям в шовинистическом обрамлении, печать всерьез рассуждала об «уникальности» японской нации, которой «по праву принадлежит лидерство в Азии и во всем мире»³⁸. Налоговый гнет и обнищание населения, упадок торговли и рост преступности – об этих и других проблемах японского общества, в конечном счете вызванных войной, из японских газет узнать было невозможно. В общем, японская пресса, «характер и новостная энергетика» которой еще недавно восхищали представителей зарубежной печати³⁹, в годы войны содержательно деградировала. Этот важнейший просчет руководителей японской пропаганды был чреват потерей ею влияния и авторитета, особенно за пределами страны.

В схожих идейных рамках действовала прояпонская пресса Китая. Газеты, с одной стороны, писали о бездарности и трусости русских генералов и кровожадной дикости солдат, якобы живущих подаянием или грабежом местного населения⁴⁰, а с другой – восхваляли японских военных, подчеркивая их мужество, благородство, рыцарство и доблесть⁴¹. Иллюстрируя высокие патриотические чувства японцев, печать сообщала о полумиллионе добровольцев, якобы готовых немедленно отправиться на театр войны⁴², хотя волонтерских формирований в армии Японии не существовало вовсе. «Великая Япония» предстала перед читателем как бескорыстная защитница свободы, территориальной целостности и независимости Китая от России – «государства с привычками тигра и волка». Тот же комплекс оценок развивали листовки, которые японцы и их туземные единомышленники нелегально распространяли в китайских городах. Одна из них, расклеенная в Гирине в июне 1905 г., начавшись констатацией «мы глубоко ненавидим русских», далее сообщала, что Россия издавна «придерживаясь политики поглощения чужих земель», ныне стремится «окон-

чательно поглотить Китай и пожрать, подобно морскому чудовищу, его население... Русские войска жгут и грабят в наших деревнях без малейшей пощады, насилуют и оскорбляют». Япония же – «дружественное нам государство; она честна и справедлива. Япония... двинула под своими знаменами воинов победоносно наказать русских за их преступления. Из этого видно, что действия японцев направлены к пользе Китая, к устранению его большой печали и к отмщению за попрание его народа... В японской армии существует строгая дисциплина; там не делают ни малейшего проступка по отношению к [китайским] жителям»⁴³. Одновременно японские прокламации предостерегали жителей Поднебесной от какого бы то ни было сотрудничества с русским агрессором: «Придет время, – говорилось в одной из них, – когда мы, японцы, явимся в город и всех их [коллораборационистов] казним. Имущество же их и дома будут розданы нашим войскам в награду»⁴⁴.

Повседневную жизнь Маньчжурии под русской оккупацией туземная прояпонская печать подавала с обилием неточностей, искажениями фактов, приданием незначительным событиям статуса важнейших. Русская жительница Тяньцзиня ситуацию в местной прессе описала следующим образом: «Из местных газет (их три) усердствует в распространении небылиц относительно нас “The China Times”, иные номера которой наполовину заполнены полуфантастическими сведениями о русско-японском конфликте и рассуждениями по этому поводу. Два казака повздорили с лавочником-китайцем... и в результате громадная статья в хронике под тройным заголовком, один из которых читается так: “Терроризация русскими солдатами Takuroad” (столкновение произошло на улице этого наименования), и еще несколько статей по этому поводу, одна из них передовая... Казачья сотня, стоявшая здесь, ушла в Фынхуанчен (в Маньчжурии), оставив только один взвод. И этот уход вызвал несколько статей под громкими заголовками вроде: “Русские войска покидают Китай”»⁴⁵.

Искуса бульварщины не смогла избежать и более респектабельная иноязычная пресса, региональная и зарубежная. В июле 1904 г. официозная токийская “Japan Times”, например, пове-

дала историю о некоем русском офицере, который живьем скормил тигру даляньского зоопарка двух своих служанок-японок, когда те попытались скрыться ввиду приближения японских войск⁴⁶. Лондонская “Times” до публикации подобных несуразностей, разумеется, не опускалась. Свои колонки она заполняла пространными комментариями военного обозревателя, кабинетного аналитика полковника Чарльза Курт-Репингтона – продуктом его собственных измышлений и «вольного» прочтения европейских газет. Благодаря ему и некоторым из его коллег, представление об отношении русских к японцам в начале XX в. как к «желтым обезьянам», или «макакам»⁴⁷ по сей день остается стереотипным. Между тем, исследователи русской повременной печати начала XX в., включая автора этих строк, не находят в ней подобных эпитетов⁴⁸.

Русская пропаганда, адресованная Западу и Востоку, также различалась, но не столь полярно, как японская. Своего и западного читателя российская пресса убеждала главным образом в том, что русско-японская война «есть столкновение двух взаимно-непонимающих и подчас даже взаимоисключающих культур»⁴⁹, и христианские морально-этические ценности несовместимы с лишь внешне «западной» Японией. Адресуясь же восточной аудитории, она акцентировала экспансионистские аппетиты своего оппонента, вынужденный и ответный характер собственного участия в войне. Тайные царско-бездобразовские замыслы отторжения Маньчжурии от Китая и установления «господства на своем берегу Тихого океана» русские пропагандисты не афишировали⁵⁰, тему «желтой угрозы» западной цивилизации старались не поднимать. Впрочем, на внутрисоссийском информационном «рынке» эта тема также не являлась ни широко востребованным, ни ходовым «товаром». Отчасти по причине отсутствия в русском обществе устойчивого и безусловного неприятия японцев, отмеченного современниками⁵¹, отчасти же под влиянием рекомендаций Главного управления по делам печати, которое одним из январских 1904 г. циркуляров предписало газетам «воздерживаться» от «шовинистических статей»⁵². Расистские демарши обласканных властью публицистов (например, близкого импе-

ратору издателя «Санкт-Петербургских Ведомостей» князя Э.Э. Ухтомского⁵³) по адресу японцев и азиатов вообще в публике встречали безразличное молчание, либо насмешки. После войны выражение «желтая угроза» приобрело в России уже прямо комический оттенок.

По наблюдению Д.А. Седых, наиболее острую реакцию в России вызвала не столько война с Японией, сколько обстоятельства ее начала, особенно атака японцами русской эскадры в Порт-Артуре до объявления войны. Сам этот факт, а равно последующие попытки японских дипломатов публично оправдать его соображениями военной целесообразности вызвали негодование в русском обществе и серию газетных статей относительно «моральных и расовых недостатков» своего противника, неспособного «усвоить нравственную сторону культуры»⁵⁴. Но вне военных сюжетов, о проблемах простых японцев – их бедности и болезненности, высокой продолжительности рабочего дня, бесправии женщин – даже близкая правительству светская печать отзывалась скорее сочувственно. «Мы воюем не с народом», – писало в марте 1904 г. «Новое Время». – «Наш враг – это японская интеллигенция, это юристы, профессора, журналисты, военные и депутаты. Это потомки тех самураев, которые... оставшись не у дел, занялись политикой»⁵⁵.

Дальневосточная российская пропаганда стремилась дискредитировать в глазах западного и восточного сообществ лозунг азиатского единения в его японском исполнении, выдвигая более гуманную, христианскую, альтернативу решению проблемы «Восток–Запад». В типографии формально независимой шанхайской “China Gazette” и от лица ее редакции русские дальневосточные власти тиражами в 3–3,5 тыс. экземпляров печатали и рассылали в парламенты, библиотеки, клубы, редакции журналов и газет многих стран мира сборники статей и речей, брошюры и литографии с фотоснимков. На фотографиях были запечатлены сцены расстрела японскими солдатами корейских крестьян, распятых на крестах. Подпись под ними гласила: «Утонченный японский призыв к поддержке и сочувствию, обращенный ко всем нациям “желтой угрозы”, против

европейской цивилизации и особенно христианства. Эти казни были совершены 15 сентября 1904 г. в Сеуле японскими властями. Фотографии сделаны японским фотографом в Чемульпо, где их можно купить за несколько центов»⁵⁶. В другом издании в английском переводе была напечатана откровенно антиевропейская по смыслу статья тьянцзиньской прояпонской газеты “Takung-Pao”. Ее анонимный автор писал об империализме «тевтонской, латинской и славянской рас», обращенном против «цветных» (coloured races), и во имя «великой мечты о Золотом веке и Всемирной империи» звал всех «монголов» (Mongols) к единению⁵⁷. В качестве более действенного и гуманного способа разрешения «глубокого непонимания и антагонизма между Востоком и Западом» в той же брошюре воспроизводился призыв китайского императорского «Общества по распространению христианства среди китайцев» к просвещению и христианскому милосердию⁵⁸.

Летом 1904 г. наместник Е.И. Алексеев направил главному куратору иноязычной дальневосточной прессы со стороны России, дипломату А.И. Павлову, «перечень вопросов, которых было бы желательно коснуться в “Чайна Газет” в ближайшем времени». Перечень включал следующие группы тем и сюжетов: (1) «о безупречном обращении русских с населением Маньчжурии», (2) «о появлении в Южной Маньчжурии фальшивых (русских. – Д.П.) кредитных билетов по мере прибытия туда японцев», (3) «о недовольстве китайцев скупостью и жестокостью японцев» и (4) «опровержение известия, что война с Японией началась из-за Маньчжурии и что Китай на этом основании имеет право вмешаться»⁵⁹. Этой «программы» “China Gazette” и стала придерживаться в дальнейшем.

Другая пророссийская газета, издававшаяся в Китае, “Chefoo Daily News”, в течение полугода после заключения ее редактором в августе 1904 г. секретного контракта с Россией, опубликовала несколько сот статей, в которых приводила факты нарушения Японией китайского нейтралитета, указывала на опасность для Запада возможного японо-китайского союза, писала об истязаниях и казнях японцами китайцев и корейцев, заподозренных в шпионаже, сообщала о финансово-эконо-

мическом истощении самой Японии, об огромных потерях ее армии в ходе осады Порт-Артура. Состояние же российских дел преподносилось с противоположным «знаком» – одну из рубрик газеты ее закулисный руководитель чиновник Министерства финансов Л.Ф. Давыдов так условно и назвал: «Финансы России находятся в прекрасном состоянии»⁶⁰. «Агент Рейтера и другие корреспонденты “(Chefoo Daily News”. – Д.П.) сделали свое дело, оправдывая таким образом внимание, которое мы оказывали им различными способами, но главным образом, конечно, в виде благодарности, выраженной в мексиканских долларовых банкнотах», – довольно цинично заключал Давыдов в докладе министру финансов⁶¹. «Русская» дальневосточная печать, а вслед за ней – и центральная российская пресса приводили факты сознательного обстрела японцами санитарных поездов и порт-артурских госпиталей, писали о притеснениях русских пленных в лагере Мацуяма. В действительности, обращение с пленными с обеих сторон было очень гуманным, но шельмования и оболгания японцев, Японии и ее вооруженных сил не практиковали и здесь. Равным образом русские кураторы китайской печати старались пресекать ее чересчур акцентированное русофильство⁶².

В общем, в содержательном плане русская дальневосточная пропаганда по преимуществу «держала оборону», ограничиваясь тем, чтобы возможно доказательнее парировать нападки русофобской прессы⁶³. В полемике с прояпонской печатью здешние «русские» газеты, хотя и допускали передержки и «фигуры умолчания», все же, как правило, стремились не выходить за рамки фактов, делать ставку на оригинальность и полноту своей информации и избегать домислов, демагогических и бульварных приемов. Основной разоблачительный акцент был сделан на вероломстве и жестокости японской политики на Азиатском континенте с прицелом не допустить вступления в войну Китая под флагом расового единения с Японией.

Таким образом, театр русско-японской войны 1904–1905 гг. явился также передним краем идейно-пропагандистской борьбы Японии и России. Важнейшей «площадкой» их информационного соперничества стала туземная и иноязычная печать

стран Дальнего Востока. Захватив (вместе с Германией) инициативу в колониальной политике на севере Азии в середине 1890-х годов, Токио приступил к освоению здешнего идейно-пропагандистского пространства. Союзный договор 1902 г. с Великобританией, заключенный, по признанию самих японцев, преимущественно «для противодействия поступательному движению России на Востоке», укрепил позиции Японии на мировой арене и стал краеугольным камнем всей ее внешней политики⁶⁴. В результате с первых дней вооруженного конфликта с Россией японская пропаганда рука об руку с британской повела наступление широким фронтом, наряду с негласным субсидированием «независимой» дальневосточной прессы используя методы активной открытой антирусской агитации. Годовой бюджет ее центрального пропагандистского аппарата в Токио, по русской оценке, составлял не менее 10 млн иен, или сумму, кратно превышавшую траты японского Генштаба на разложение своего противника изнутри путем тайного финансирования его революционных партий и военно-технической подготовки вооруженного восстания в России⁶⁵.

Благодаря всему этому в первые месяцы войны Япония доминировала на региональном и западном информационном пространстве, убеждая мировое сообщество, что не она, а Россия является подлинной виновницей и инициатором вооруженного конфликта на Дальнем Востоке. Успех Японии в позиционировании себя как миролюбивой, бескорыстной, цивилизационно близкой Западу державы получил в ее дальневосточной пропаганде парадоксальное преломление. Он позволил Токио отбросить первоначальные тревоги относительно возможного вступления в войну на стороне России других западных стран, движимых опасениями «желтой угрозы», и активизировать паназиатскую пропаганду среди своих ближайших соседей и соплеменников. «Япония стремится сгруппировать вокруг себя все народы Востока, дабы новой коалицией стран желтой расы оказать могущественный противовес всякому влиянию белых», – заключил Давыдов, воочию наблюдая работу ее пропагандистской машины на Дальнем Востоке⁶⁶.

В годы русско-японской войны Япония пошла по пути идеологической ассимиляции, по терминологии Альфреда Рибера⁶⁷, азиатских народов – ближайшего объекта своего культурного воздействия. Ее паназиатская пропаганда, с одной стороны, стала ферментом для активизации антиевропейских настроений в Китае и Корее, с другой – выступила частью «лексикона власти» Токио в Азии, явившись идеологическим фундаментом для продолжения экспансии Японии на азиатском материке и ее попыток утвердить там «новый порядок» под своей эгидой четверть века спустя. Культура самой Японии 1890–1945 гг., считает Вера Маки, «была пропитана чертами колониальной и имперской державы, сама японская идентичность являлась идентичностью субъектов империи»⁶⁸.

Самодержавная бюрократия, не умея, а часто и не желая конструктивно взаимодействовать со своей прессой, в решении внешнеполитических проблем отводила мнению российского общества лишь «эпизодическую роль»⁶⁹. В то же время она придавала значение созданию благоприятного образа России на мировой арене, а начало войны с Японией еще больше актуализировало эту задачу. По мнению западных исследователей, учет фактора общественного мнения явился одним из признаков упадка старой, «кабинетной» дипломатии и вступления внешней политики царизма в переходную эпоху, которая в основном завершилась к Первой мировой войне⁷⁰. Соответственно этому, Бюро печати в центральном аппарате МИД начало функционировать только в думский период, а решение о создании пресс-служб в составе русских зарубежных представительств «в целях более правильного и широкого осведомления зарубежного мнения о внутренних делах России» было принято уже Временным правительством – в августе 1917 г.⁷¹

Вступив в идейно-пропагандистское соперничество с Токио с большим опозданием, Петербург руками своих военных и гражданских представителей на Дальнем Востоке попытался переломить русофобский настрой региональной печати и завоевать симпатии азиатских народов. При сходстве тактики, задачи и организационно-финансовые ресурсы ее пропагандистской деятельности были намного скромнее японских. Отра-

жая идеологические атаки противной стороны, российская пропаганда стремилась не более чем создать в странах региона то, что сегодня именуют “climate of opinion” – сделать благожелательную в отношении России тенденцию туземных общественных настроений господствующей. Другая цель заключалась в том, чтобы подорвать образ Японии как цивилизованной миролюбивой страны и показать подлинную (экспансионистскую) направленность ее дальневосточного курса.

Осуществить задуманное в полной мере не удалось, призывы доморощенных «востокофилов» решать имперские задачи на Дальнем Востоке «во всеоружии культурного влияния на Китай и китайцев»⁷² остались фигурами речи. Региональные газеты, которые находились под русским контролем, смогли лишь поколебать монополию японского воздействия на дальневосточную аудиторию и снизить «градус» ее прежде «необузданной» японофилии. «Война и непрерывные победы японцев, – доносил в октябре 1905 г. в Брюссель бельгийский посланник в Пекине, – безусловно произвели огромное впечатление если не на массу, то на образованный класс китайцев. С белой расы снят ореол непобедимости, который обеспечивал ей если не симпатию, то уважение китайцев... В печати, в собраниях воспеваётся эта победа и из нее выводят заключение, что если 40 миллионов японцев продиктовали свою волю самой грозной европейской державе, то 400 миллионов китайцев, хорошо вооруженных и умело руководимых, могут справиться со всем миром»⁷³. Исследователи также отмечают отношение китайцев к Японии тех лет как к наставнику, у которого следует поучиться; паназиатская проповедь Токио находила отклик в широком спектре китайского общества, от придворных кругов до революционеров, с последующим «великим исходом» китайцев на учебу в Японию⁷⁴. Проекты Петербурга распространить свое идейное влияние на остальную Азию провалились – в годы русско-японской войны симпатии крупнейших колониальных народов Востока также оставались на японской стороне⁷⁵.

Вместе с тем, усилия России по обретению «своей» прессы в Китае и Корее оказались бесполезными. Региональная пе-

чать, находившаяся под ее негласным контролем, вместе с зарубежными военными корреспондентами выступила «рычагом» для воздействия на мировое общественное мнение в выгодном для России, антияпонском духе. В результате их скоординированных шагов с осени 1904 г. прежний «глянец» образа Японии, несмотря на ее продолжавшиеся военные успехи, стал тускнеть (что, однако, не добавило популярности в мире дальневосточной политике Петербурга). Новый всплеск антиросийских настроений на Западе в связи с октябрьским (1904 г.) «гульским инцидентом» уже не имел японофильской подоплеки и тихо сошел на нет в ходе международного расследования действий русской эскадры в Северном море. Мало того, в ходе обсуждения этого инцидента западноевропейские публицисты, вспомнив обстоятельства начала дальневосточной войны, впервые заговорили о Японии, как об агрессоре. К моменту подписания Портсмутского мирного договора мировая печать была настроена уже заметно настороженнее к Японии и благожелательнее к России, нежели в начале дальневосточной войны. Ход портсмутских переговоров, условия мира и особенно массовые протесты в самой Японии против его «унизительных» статей подорвали представление об альтруизме ее политики. Помимо этого в ходе беспорядков 5–6 сентября 1905 г. иностранцам угрожали физической расправой, а в одной японской столице было разгромлено с десяток культовых сооружений неправославных христиан. На Западе «токийский бунт» расценили уже как конфликт цивилизационного уровня с неизбежным последующим охлаждением прояпонских симпатий.

---

¹ *Mikhailova Yulia*. Images of Enemy and Self: Russian “Popular Prints” of the Russo-Japanese War // *Acta Slavica Iaponica*. 1998. 16. P. 54–73; *Седых В.А.* Трансформация восприятия войны русским обществом в конце XIX – начале XX в. // Опыт мировых войн в истории России. Челябинск, 2007; *Barlett Rosamund*. Japonisme and Japonophilia: The Russo-Japanese War in Russian Cultural Consciousness // *The Russian Review* 2008. 67, 1. P. 8–33; *Oleinikov D.* The War in Russian Historical Memory // *The Russo-Japanese War in Global Perspective*. World War Zero. Leiden; Boston; 2005. Vol. 1. P. 509–522.

- ² См.: *Lehmann J.P.* The Image of Japan: From Feudal Isolation to World Power, 1850–1905. London, 1978; *The Walls Within: Images of Westerners in Japan and Images of the Japanese Abroad.* Vancouver, 1989; *Молодяков В.* «Образ Японии» в Европе и России второй половины XIX – начала XX века. М.; Токио, 1996; *Malia Martin.* Russia under Western Eyes: From the Bronze Horseman to the Lenin Mausoleum. Cambridge, Mass., 1999; Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. М., 2006–2007. Вып. III–IV; Japan and Russia. Three Centuries of Mutual Images. Folkestone: Global Oriental, 2008; и др.
- ³ См., напр.: *Ogle Marbury Bladen, Jr.* Public Opinion and Political Dynamics. Cambridge, Mass., 1950.
- ⁴ *McReynolds Louise.* The News Under Russia's Old Regime: The Development of a Mass-Circulation Press. Princeton, New Jersey, 1991. P. 7.
- ⁵ См.: *Matsumura M.* Introduction // *Suematsu Kencho.* The Risen Sun. Folkestone: Global Oriental, 2004. P. 2. (Japanese Propaganda: Selected Readings. Series 1: Books 1872–1943; Vol. 3).
- ⁶ The Russo-Japanese War in Cultural Perspective. Palgrave, 1999. P. IX (Preface).
- ⁷ *Matsumura M.* Introduction // *Suematsu Kencho.* The Risen Sun. Folkestone, 2004. P. 8.
- ⁸ *Valliant R.* The Selling of Japan: Japanese Manipulation of Western Opinion, 1900–1905 // Monumenta Nipponica 1974. 29, 4; *Мацумура Масаёси.* Российская пропаганда во время русско-японской войны 1904–1905 гг. // Россия и АТР. Владивосток, 2002. № 4 (38). С. 63–70; *Куланов А., Молодяков В.* Россия и Япония: имиджевые войны. М., 2007. С. 67–141; *Павлов Д.* Япония эпохи Мэйдзи в восприятии западного сообщества: технологии западно ориентированного имиджмейкинга // Россия XXI. 2009. № 3. С. 58–91.
- ⁹ The Japan Times. 1904. 26.7 (No 2226).
- ¹⁰ Ibid. 8.3 (No 2108).
- ¹¹ Подробнее об этом см.: *Павлов Д.* : 1) Китай, 1904–1905: русско-японское идейно-пропагандистское противостояние // Acta Slavica Iaponica. 2005. 22. P. 56–58 ; 2) «Христианский вопрос» в годы русско-японской войны 1904–1905 гг., или планировала ли Япония сделаться христианским государством?: (по материалам мировой печати) // Ibid. 2009. 26. P. 69–78.
- ¹² Цит. по: Русь. 1904. 9 (22).12 (№ 359).
- ¹³ Новое Время. 1904/1905. 31.12/13.1 (№ 10359) (Перепечатка из пекинской «китайско-японской» газеты Shun-Tian-Shi-Pao от 19.11 и 22.11.1904).

- ¹⁴ Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 143. Оп. 491. Д. 62. Л. 292–292 об. (Секретная телеграмма посланника в Китае П.М. Лессара в МИД, Пекин, 29 ноября / 12 декабря 1904 г.).
- ¹⁵ Там же. Д. 60. Л. 9.
- ¹⁶ Там же. Л. 162 (Секретная телеграмма министра В.Н. Ламздорфа посланнику П.М. Лессару в Пекин. С.-Петербург, 26 сентября 1904 г.). Лессар в ответ сообщил, что, по его данным, «правильной японской организации для возбуждения волнений нет» и дело пока ограничивается распространением японских прокламаций об «окончательном поражении русской армии» (Там же. Д. 61. Л. 22 (Секретная телеграмма П.М. Лессара в МИД. Пекин, 1/14 октября 1904 г.)).
- ¹⁷ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2000. Оп. 1. Д. 6998. Л. 10 об. (Рапорт генерала К.Н. Дессино в Главный штаб. Шанхай, 20 декабря 1905 г. / 2 января 1906 г. № 135).
- ¹⁸ *Schmid A. Korea between Empires, 1895–1919.* New York, 2002. P. 92.
- ¹⁹ Цит. по: *McKenzie F.A.. The Tragedy of Korea.* London, 1908. P. 215.
- ²⁰ *Журавлева В.И.* Образ русской революции в американской политической карикатуре // Российско-американские отношения в прошлом и настоящем. Образы, мифы, реальность. М., 2007. С. 159.
- ²¹ *Tupper Eleanor, McReynolds George.* Japan in American Public Opinion. New York, 1937. P. 6–7.
- ²² *Greener William O.* A Secret Agent in Port Arthur. London, 1905. P. 246–247.
- ²³ 9 (22) февраля 1904 г. г.р. В.Н. Ламздорф циркулярно предписал российским представителям за рубежом передать правительству страны пребывания официальный протест относительно «самого возмутительного попрания» Японией «общепринятых постановлений, определяющих взаимные отношения между цивилизованными государствами», которое она, по мнению Петербурга, демонстрировала с самой «минуты разрыва» (АВПРИ. Ф. 184. Оп. 520. Д. 1133. Л. 87).
- ²⁴ Цит. по: *The Japan Times.* 1904. 10.3 (No 2109).
- ²⁵ *Wasuke J.* Introduction // *The Russo-Japanese War.* [Tokyo], 1904–1905. No 1–10.
- ²⁶ *The Japan Times.* 1904. 23.6 (No 2198). (Перепечатка из “Daily Mail”).
- ²⁷ Цит. по: *Ibid.* 7.8 (No 2237).
- ²⁸ *The New York Times.* 1904. 17.2 (No 16886); *The Japan Times.* 1904. 16.3 (No 2113). (Перепечатка из «Tagliche Rundschau»).
- ²⁹ *North China Herald.* 1904. 5 (18).3.

- ³⁰ The Japan Times. 1904. 5.6 (No 2183); 19.7 (No 2220).
- ³¹ Ibid. 13.4 (No 2137).
- ³² Ibid. 6.8 (No 2236). (Перепечатка из “Asahi”). По данным специалиста по военно-морской истории сэра Джулиана Корбетта, за весь период войны японский военный флот захватил или потопил 61 торговое судно, включая не только русские, но норвежские, шведские, китайские, французские, германские и даже британские и американские пароходы, а русский – 58, 22 из которых были японскими. Подсчитано нами по: *Corbett. Julian S. Maritime Operations in the Russo-Japanese War, 1904–1905. Annapolis, M.d.; Newport, R.I., 1994. Vol. 2. P. 431–442.*
- ³³ Одно из сообщения прессы о таком подрыве посланник Лессар в секретной депеше в МИД прокомментировал следующим образом: «О таковых (русских минах. – Д.П.) слухи постоянно идут из столь заведомо ложных источников, как американские и японские газеты. В действительности, джонку, вероятно, потопило японское военное судно. В последнее время это часто делается, причем топят с экипажем и пассажирами, чтобы не было свидетелей, объясняя исчезновение судов русскими плавучими минами» (АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 59. Л. 199–199 об. (Шифрованная телеграмма П.М. Лессара в МИД, Пекин, 22 августа / 4 сентября 1904 г.)).
- ³⁴ *Николай Японский. Дневники Святого Николая Японского. СПб., 2004. Т. 5. С. 110 (запись от 30 июня / 13 июля 1904 г.).*
- ³⁵ The Japan Times. 1904. 10.8 (No 2239).
- ³⁶ *Awakening Japan: the Diary of a German Doctor: Erwin Baelz / ed. by his son Toku Baelz. Bloomington; London, 1974. P. 329.*
- ³⁷ *MacDermid Susan Ch. Print Capitalism and the Russo-Japanese War: BA thesis M.A. University of British Columbia, 1990. P. 79, 83, 138.*
- ³⁸ Ibid. P. 92.
- ³⁹ *Bennet Burleigh. Empire of the East, or Japan and Russia at War, 1904–1905. London, 1905. P. 68.*
- ⁴⁰ РГВИА. Ф. 869. Оп. 16. Д. 29304. Л. 69–69 об., 437–437 об. (Переводы статей газет “Tun-Van-Hu-Pao” и “North China Daily News”).
- ⁴¹ См., напр.: North China Herald. 1904. 27.5 (No 1920).
- ⁴² Da-Gun-Pao. Tientsin, 1904. 16.5.
- ⁴³ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 26663. Л. 1–1 об. (Перевод с китайского языка текста листовки, распространявшейся в Гирине в середине июня 1905 г.).
- ⁴⁴ Там же. Л. 4 (Перевод на русский язык рукописной прокламации, снятой в городе Чжендзятунь округа Ляо-юань провинции Мукден утром 7 августа 1905 г.).
- ⁴⁵ Новое Время. 1904. 12 (25).2 (№ 10036).

- ⁴⁶ The Japan Times. 1904. 27.7 (No 2227).
- ⁴⁷ The War in the Far East, 1904–1905 by the military correspondent of “The Times”. London, 1905. P. 7–8; *Greener William O.* A Secret Agent in Port Arthur. P. 38.
- ⁴⁸ «В прочитанных мною сотнях статей разных газет о войне я ни разу не обнаружила слова “макаки”», – констатирует Л. Макрейнольдс. См.: *McReynolds Louise*. Op. cit. P. 193 (note).
- ⁴⁹ Новое Время. 1905. 15 (28).1 (№ 10367).
- ⁵⁰ Зарубежные миссии в этой связи получили указание Петербурга избегать суждений относительно будущего образа действий России на Дальнем Востоке. См.: История внешней политики России, конец XIX – начало XX века: (от русско-французского союза до Октябрьской революции). М., 1997. С. 164, 171.
- ⁵¹ См., напр.: The New York Times. 1904. 16.2 (No 16885). По наблюдению литературоведа Барбары Хелдт, в русской изящной словесности тех лет японцы изображались «со смесью уважения, враждебности и восхищения», причем этот стереотип сохранялся и впоследствии. См.: *Heldt Barbara.* «Japanese» in Russian Literature: Transforming Identities // *The Walls Within: Images of Westerners in Japan and Images of the Japanese Abroad.* Vancouver, 1989. P. 247, 252.
- ⁵² На этот циркуляр в одном из частных писем директору I («Азиатского») департамента МИД Н.Г. Гартвигу ссылался издатель «Нового времени» А.С. Суворин (Hoover Institution on War, Revolution and Peace. В.И. Nicolaevsky Collection. № 65. 14 (2). С. 9. (Письмо А.С. Суворина Н.Г. Гартвигу, С.-Петербург, март 1904 г.)). В бумагах Главного управления по делам печати МВД нам его обнаружить не удалось.
- ⁵³ См.: The Fortnightly Review. 1904. March. P. 419 (Интервью Э.Э. Ухтомского газете «Frankfurter Zeitung», данное в феврале 1904 г.). Подробнее о проблеме «желтой угрозы» в русской публицистике см.: *Сунь Чжинцин.* Китайская политика России в русской публицистике конца XIX – начала XX века: «желтая опасность» и «особая миссия» России на Востоке. М., 2008.
- ⁵⁴ Цит. по: *Седых Д.А.* Указ. соч. С. 340.
- ⁵⁵ Новое Время. 1904. 17 (30).3 (№ 10070).
- ⁵⁶ АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 2985. Л. 25.
- ⁵⁷ Там же. Л. 23 а.
- ⁵⁸ Там же.
- ⁵⁹ Там же. Д. 57. Л. 160–160 об. (Секретная телеграмма дипломатического чиновника при наместнике Г.А. Плансона А.И. Павлову в Шанхай, Мукден, 29 июня 1904 г.).

- ⁶⁰ Этот тезис не вполне соответствовал действительности. В конфиденциальном письме министру иностранных дел В.Н. Ламздорфу министр финансов В.Н. Коковцов признавал «чрезвычайное напряжение всех сил и средств России, вызванное происходящими на Дальнем Востоке событиями» (Там же. Д. 63. Л. 189).
- ⁶¹ РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 288. Л. 61 об. (Секретное донесение Л.Ф. Давыдова министру финансов В.Н. Коковцову в Петербург, Пекин, 2/15 сентября 1904 г. № 12/356).
- ⁶² Так, публикация шанхайской газетой «Écho de Chine» репортажа своего «петербургского корреспондента» о сверхпочетной (якобы с коленопреклонением) встрече жителями русской столицы японских военнопленных стала поводом для резкого сокращения ее субсидирования Павловым.
- ⁶³ В воспоминаниях иностранных журналистов, очевидцев военных событий, можно встретить упоминания о воззваниях на китайском языке, которые в начале войны распространялись в Маньчжурии от лица русского наместника. По сообщению британца Беннета Берлей, одна из таких прокламаций «в грубой форме» и под угрозой «неизбежной кары» призывала китайцев «довериться России, остерегаться японцев и помогать царю и его подданным» (*Burleigh Bennet*. Op. cit. P. 127). Поскольку в российских источниках нам не встретилось каких-либо упоминаний на этот счет, рискнем предположить, что к наместнику Е.И. Алексееву подобные листовки отношения не имели.
- ⁶⁴ Российский государственный архив Военно-Морского Флота (РГА ВМФ). Ф. 418. Оп. 1. Д. 4487. Л. 15, 17 (Справки Морского Генерального Штаба о Японии, 1910–1917 гг.).
- ⁶⁵ Подробнее об этом см.: *Akashi Motojiro*. Colonel Akashi's Report on His Secret Cooperation with the Russian Revolutionary Parties during the Russo-Japanese War. Helsinki, 1988; *Павлов Д.Б.* Японские деньги и первая русская революция. М., 2011.
- ⁶⁶ РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 311. Л. 59 (Копия донесения Л.Ф. Давыдова генерал-адъютанту А.Н. Куропаткину Пекин, 10/23 декабря 1904 г. № 1171).
- ⁶⁷ *Rieber Alfred J.* Persistent Factors in Russian Foreign Policy: an interpretive essay // *Imperial Russian Foreign Policy*. [Washington, D.C.]; Cambridge; New York: Woodrow Wilson Center Press: Cambridge University Press, 1993. P. 343.
- ⁶⁸ *Mackie Vera*. Picturing Political Space in 1920^s and 1930^s Japan // *Nation and Nationalism in Japan*. London; New York: RoutledgeCurzon, 2002. P. 40.

- ⁶⁹ *McDonald David MacLaren*. United Government and Foreign Policy in Russia, 1900–1914. Cambridge, Mass.; London, 1992. P. 5.
- ⁷⁰ *Hughes Michael*. Diplomacy Before the Russian Revolution. Britain, Russia and the Old Diplomacy, 1894–1917. Houndmills, Basingstoke, Hampshire: MacMillan; New York: St. Martin's Press, 2000; *Taranovski Theodore*. Institutions, Political Culture, and Foreign Policy in Late Imperial Russia // Kazan, Moscow, St.-Petersburg: Multiple Faces of the Russian Empire. Moscow, 1997. P. 64–65.
- ⁷¹ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 99. Т. 2. Л. 419 (Секретная телеграмма МИД послу в Вашингтоне Б.А. Бахметеву, Петроград, 3/16 августа 1917 г. № 4102).
- ⁷² *Ухтомский, Эспер, князь*. Перед грозным будущим: к русско-японскому столкновению. СПб., 1904. С. 12.
- ⁷³ АВПРИ. Ф. 150. Оп. 493. Д. 226. Л. 373 об.–374 (Перевод донесений бельгийского посольства в Пекине. Депеша от 16 октября 1905 г.).
- ⁷⁴ *Wang Y.C.* Chinese Intellectuals and the West, 1872–1949. Chapel Hill, 1966. P. 227–229; *Whiting Allen S.* China Eyes Japan. Berkeley: University of California Press, 1989. P. 31–32.
- ⁷⁵ Подробнее см.: *Marks Steven*. «Bravo, Brave Tiger of the East!»: The War and the Rise of Nationalism in British Egypt and India // The Russo-Japanese War in Global Perspective. World War Zero. Leiden; Boston, 2005. Vol. 1. P. 612–613.

РОССИЯ И ТУРЦИЯ НАКАНУНЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В ДОКУМЕНТАХ РУССКИХ И ТУРЕЦКИХ СПЕЦСЛУЖБ

Устойчивый, систематический сбор сведений военного, экономического и культурно-политического характера о Турции и турках фиксируется автором этих строк со времен создания (по инициативе А.В. Суворова) осведомительной службы по османской армии М.И. Кутузовым в 1793–1794 гг. Аналогичную деятельность в Османской империи предпринял по приказу Селима III вице-адмирал османского флота Васыф Шеремет-бей на рубеже 1780–1790-х годов. Позднее эта деятельность то угасала, то активизировалась властями обеих стран¹. Все определяли изменчивые военно-политические и экономические факторы².

Турецкие разведслужбы (личная султанская и вторая – общевоинская) начали собирать корректные сведения (вне обычной для турок XVIII–XIX вв. «коллекции слухов») под влиянием неудач России в войне с Японией. Есть новейшие данные турецких архивов, что к этому секретных эмиссаров Абдул Хамида II, известных в Стамбуле под наименованием «джурналджи», подвигли японские агенты в Османской империи уже в 1904–1906 гг.³

В России формировать специальный «альбом» – сборник документированных данных разведуровня – начал Осведомительный отдел Кавказского военного округа в 1905 г., когда в Петербурге были получены первые данные о тайной организации в среде офицеров Македонской группировки войск Османской империи (офицеры-младотурки)⁴. Балканские войны Турции с соседями заставили Генеральный штаб плотно заняться сбором и анализом данных о турецком военном потенциале.

Сбор информации об османах активизировался и уточнялся с осени 1913 – весны 1914 г. Инициатива составления «пано-

рамного» освещения Турции принадлежала, во-первых, руководителю военно-морской, наиболее действенной части русской разведслужбы на Ближнем Востоке в 1909–1915 гг. А.Н. Щеглову, во-вторых, генерал-квартирмейстеру Ставки Верховного главнокомандующего – шефу военной разведки генерал-лейтенанту Ю.Н. Данилову⁵.

Генерал Данилов, находясь в плену предвзятых мыслей (сложившихся, впрочем, на основе сообщений от своей резидентуры), считал, что Стамбул не имеет альтернатив военной политики. Только в русле и в лоне союза с Германией и Австрией. Ю.Н. Данилов предложил Генеральному штабу свое видение перспектив конфликта с Турцией. Иного развития событий он вообще не увидел. По моему мнению – не захотел увидеть, положив «под сукно» доклады А.Н. Щеглова, сообщавшего о наличии в Турции серьезной «мирной партии»⁶.

Данилов считал, что операционной базой османов будет район Эрзерум – Карс – Тифлис. В основе его убеждения лежали не новейшие разведданные и донесения из Стамбула 1912 – начала 1914 г., а общий анализ военных действий между Россией и Турцией в 1853–1856 и 1877–1878 гг.⁷

Определенные основания для оказавшихся далеко не оправданными выводов у шефа военной разведки, признаем, были. Это и нелояльность к османам армянского и курдского населения Карсского вилайета (исторический факт), и активное строительство властями Османской империи дорог широтного направления через Карс. В России это строительство восприняли как своего рода дубль Багдадской железной дороги к Абхазии, Аджарии, к «русской» Грузии. В действительности речь шла о широтных магистралях трансанатолийского торгового пути Стамбул – Тебриз – Северо-Западная Индия.

Русская военная контрразведка⁸ своевременно получила сведения, но не сумела оценить масштабы и роль японских «наблюдателей» и советников при турецких штабах в этом регионе в 1904–1914 гг. Сказывалось и пренебрежение к «азиатам», будь то турки или японцы – все едино, «что они понимают», «они всегда нам враги». Кроме того, только в 1908 г. при директоре Департамента полиции М.И. Трусевиче была созда-

на контрразведывательная комиссия из числа чинов Военного министерства и МВД для противодействия «турецким розыскам на русском Кавказе». Жандармское, по составу, начало этой комиссии, ее заданность на искоренение «революционной заразы» в России и в младотурецкой Анатолии объясняют непонимание либо нежелание видеть суть событий в сопредельных районах Российской и Османской империй.

Российские военно-морские агенты и отдельно – агенты военные акцентировали в своих донесениях за 1908–1913 гг. (сводных аналитических справок пока обнаружить не удалось) следующие представления с мест.

В Европейской Турции и в Западной Анатолии идет нарастание экономического, а после укрепления власти младотурок – и военного влияния Германии. Отмечается общий рост благосостояния в христианских селениях и кварталах городов в Европейской Турции при падении уровня жизни мусульман. Военно-морские агенты опирались на торговую статистику турецких портовых властей и подчеркивали, что «торговые обороты и особенно перспективы таковых с Югом России и российским Кавказом затмевают всё, касаемое войны за потерянный (в 1783 г. – *В.Ш.*) Крым, Анапу и прочее... В портовых городах стало заметно процветать больше купцов-турок, и всё за счет посредничества торговли России с Западом. <...> Торговец-турок боится даже не войны с Россией, а даже вскользь брошенного воинственного намека. От воинствующих, а это больше нищие дервиши и бродячие музыканты, скорее отодвигаются, не забыв бросить пару пиастров. Турки в обороте (с Россией. – *В.Ш.*) войны страшатся больше, чем христиане. Говоря при том, что христианам есть куда бежать или хватать второй паспорт (двойное и пр. подданство. – *В.Ш.*), а нам – мусульманам – куда? Арабы нас, турок, ненавидят, в Боснии (исламизированной. – *В.Ш.*) голодно и приюта нет... Мир – наше спасение...»⁹.

Иные настроения наблюдались в Восточной Анатолии. В исходе лета 1908 г. врио начштаба Кавказской армии генерал Н.Н. Юденич докладывал «наверх», что, по данным разведки, в Карсе де-факто сложилась мощная турецкая резидентура, хотя

таковых органов турецкая армия еще не знала. Хорошо образованный, энергичный пограничный комиссар по службе и – негласно – глава резидентуры в Карсе Хасан Фахри-бей заблаговременно, как считал Н.Н. Юденич, собирал чисто военную информацию в пограничье Ольты – Саракамыш, действительно ставшем в 1915–1916 гг. зоной напряженных боев. Однако отмечалось, что параллельно Фахри-бей ведет работу с очень дальним прицелом. «Готовит настроения в пользу турок» в смешанных по национальности селениях на русской стороне – в десятках, а то и в сотнях верст в глубь российской территории; ведет политическую панисламистскую пропаганду под видом культурно-религиозной работы близ Тифлиса и даже дальше, на Северном Кавказе. Деятельно формирует антирусские настроения, развивая идеи пантюркизма и духовной власти османского султана-халифа; засылает своих агентов в Поволжье и Среднюю Азию. В Стамбул сообщает данные о якобы массовом недовольстве всего Предкавказья и Поволжья, причем и мусульман, и немусульман, властью Петербурга...

Хасан Фахри-бей деятельно, но, как стало ясно позднее, в 1915–1916 гг., сугубо неверно формировал у своего стамбульского командования образ готовых восстать против ига России тюркских этносов Юга и Кавказа. Работал ли он на члена младотурецкого триумвирата, военного министра Энвер-пашу, будущую «среднеазиатскую надежду» В.И. Ульянова-Ленина (1920–1921) и эмира басмачей Средней Азии (1922–1923)? Пока не ясно.

Интересно, что при Фахри-бее подвизался пылкий молодой дервиш, талантливый сказитель и толкователь Корана Саид Нурси. Этот человек станет с годами «певцом туранизма» и столь яростным апологетом воинствующего джихадизма, что уже в наши дни его учение «нурджулук» («светоносность ислама») будет запрещено как экстремистское и в современной Турции, и в Российской Федерации. Фактически на сотню лет вперед заглянули идеологи – разведчики эпохи младотурок! Оценить это дальнейшее направление младотурецкой разведки в русском Управлении генерал-квартирмейстера не смогли.

Русский военный агент в Стамбуле полковник И.А. Хольмсен и посол Н.В. Чарыков писали в Петербург как об отдаленной опасности о деятельности исламских проповедников в тюркоязычных районах России и далее до Афганистана и Индии; сходные данные сообщал военно-морской агент А.Н. Щеглов¹⁰.

Что же касается предметной «военно-разведывательной» деятельности турецких спецслужб в зоне ответственности русской Кавказской армии в 1913–1914 гг., то она, как свидетельствуют буквально все исследователи, отечественные и турецкие, была парализована русскими спецслужбами. Реальной картины русского Закавказья в военном плане турецкие агенты создать не сумели.

Следует отметить, что оценки текущей и перспективной ситуации в отношениях между Турцией и Россией, взгляды на баланс сил в Европе и на Востоке, на позицию России существенно различались в зависимости от ведомственной принадлежности их составителей. Турецких армейских офицеров, занятых в разведывательной службе, интересовало, что естественно, создание оперативной картины главного, как полагало военное ведомство Турции, Кавказского театра военных действий. О единичном случае перспективного видения и глубокого внедрения агентов влияния панисламистов и пантюркистов мы упомянули, но это особая тема. У турецкой военной разведки кавказско-анатолийского и европейско-черноморского направлений не было сомнений ни в том, какая страна будет противником, ни в том, что война, и «очень большая» (Энвер-паша), неизбежна.

Образ военной России формировался как образ изначально ослабленного противника. Причины слабости – тяжелая война на Дальнем Востоке; внутренняя нестабильность, как следствие сложных и не понимаемых русским крестьянством (как полагала турецкая разведка) реформ П.А. Столыпина, вялость военных преобразований, низкая боеспособность русских резервных, запасных частей; крайняя слабость мобилизационно-организационной деятельности Генштаба, большое германское влияние на высшее военно-дипломатическое руководство Рос-

сии, отсутствие либо крайне низкая эффективность шоссейно-железнодорожной системы и т.д. При этом отдавалось должное моральным, особенно религиозно-патриотическим и коллективистским чертам рядового состава русской армии и отчасти офицерства. Вывод был очевидный: в этой войне младотурецкая по духу, обновленная и оснащенная Германией османская (именно так!) армия одержит победу. По крайней мере, на Кавказе.

Иначе выглядели оценки и выводы дипломатов, служивших в России, Австро-Венгрии, балканских странах. Младотурки по формальному участию в движении «Единение и прогресс» или по близости к его руководству, на 90% военные по образованию, чаще всего полученному в Германии, и по предшествующей деятельности, эти дипломаты многие события в России кануна войны видели иначе, чем их товарищи, в буквальном смысле, из военных органов. Видели больше, шире, возможно, глубже. Настроены были по-другому.

Ограничимся мнениями двух турецких послов – в Петербурге и в Вене. Фрагменты их личной переписки в копиях, частично дешифрованной в 1914–1915 гг., частично – автором статьи в наши дни, дошли до нас благодаря искусству сотрудников Морского генерального штаба (до осени 1917 г.), а затем архивистов нового советского государства.

Оба, посол в Вене Хюсейн Хильми-паша и его друг, посол в Петербурге Ниязи Фахретдин-бей, были из числа «фракийских львов» – младотурок. В целой череде писем Хильми-паша обращал внимание своего петербургского коллеги и друга на бесперспективность упований России в возможных конфликтах на Юго-Востоке Европы на христианских подданных Стамбула, как это было в прошлых войнах. Сейчас (1913 г.) все они обрели национальные государства и ждут помощи скорее от Запада.

Другая опасность – беженцы-христиане, но особенно турки-мусульмане, как следствие Балканских войн. «Турецкие беженцы, – писал Хильми-паша, – хлынули в Восточную Анатолию из бывшей Европейской Турции, а там их не ждали... Они опасны, ибо могут стать орудием в руках любого, кто пообещает им помощь».

щает им вернуть земли на Балканах... Они – символ и провозвестник крушения самой Турецкой империи».

Переселенчество и фанатизм утративших родной очаг людей – часть национального горя Турции, но если грянет война и на дорогах Восточной Европы и Юга России появятся еще миллионы славянских беженцев, то «рухнут многие кабинеты». Так писал из Вены Хильми-паша. «Нет, право, – делал он вывод, – нельзя воевать на Балканах. Нельзя!»¹¹

В июне 1914 г., т.е. до сараевского убийства, Хильми-паша поделился с Фахретдин-беем своим планом предотвратить возможную войну в Европе. Надо создать союз России, Турции и молодых славянских государств с возможностью присоединения любого другого государства. Цель – предотвратить вторжение Австро-Венгрии на Балканы, ибо это, как считал посол, станет началом страшного пожара, который может уничтожить сразу три империи – Османскую, Австро-Венгерскую и Российскую...¹²

Хильми-паша делился с другом резкой оценкой панисламизма младотурецкого руководства, как не оправдавшего себя в идее халифата османского султана, так и особенно вредного в «напряжении умов и сил на Балканах и в России сейчас», т.е. в 1914 г.

Из переписки послов удалось выяснить, что, помимо воинственного и русофобски настроенного Энвер-паши (его настроения, однако, не помешали ему после падения своего правительства бежать в Советскую Россию), в руководстве младотурок имелись (1913–1914) люди, стремившиеся избегать любых осложнений с Россией. Они были готовы до середины 1920-х годов занимать выжидательную позицию на Востоке и в Европе; активизировать ее в 1930-х; к концу 1940-х – началу 1950-х занять прочное лидирующее положение на Балканах и Ближнем Востоке. Всё – при сохранении мира с Россией. Правда, и здесь планировалось то, что в переписке послов деликатно называлось «активной политикой среди тюркоязычного населения России и балканских стран...».

В отношении царского правительства послы полагали, что ситуация достаточно прочна в политическом смысле, но закон-

чит перевооружение Россия только к середине лета 1917 г. «Поэтому, – писал в Вену, опираясь на беседы с русскими генштабистами, Фахретдин-бей, – воевать раньше этого срока не входит в планы русских»¹³.

Турецкий посол в Петербурге горько сетовал на своего атташе по военно-морским делам (1911–1914), некоего Али Мухтар-бея, в 1908–1911 гг. адъютанта самого Энвер-паши. И было на что сетовать. Атташе сверял свои шаги в русской столице не со своим послом, а с посланником Австро-Венгрии. Дешети Мухтар-бея в Стамбул содержали преимущественно «поношения» в адрес свиных отбивных, черной икры и слишком крепкой русской водки, сетования по поводу излишне долгих праздников в конце одного года и начале нового... Нет, русские не хотят, просто не смогут воевать! «Мы, турки, будем воевать! Или все совершенно погибнем, или отыграем великую славу Дома Османов! Война, война! Скорее! Русские уже на Босфоре!» Так обобщили позицию турецкого атташе умельцы из Осведомительного отдела, знакомясь с письмами Мухтар-бея.

Посол Фахретдин-бей, человек трезвый (во всех смыслах) и осторожный, категорически отрицал возможность положительных для Турции перспектив в войне с Россией, отвергая саму возможность поднять «сразу и вдруг» мусульманское население России на войну. В конце лета – начале осени 1914 г. он писал в Вену: «Я не раз зондировал русских, не считают ли на Певческом мосту (где был расположен МИД. – *В.Ш.*) турок более удобными и менее капризными союзниками, чем тех, с кем связывают Россию скорее исторические реминесценции, чем политические и военные реалии XX века?» И сам отвечал: «Русские не доверяют болгарам; к румынам их доверие также сильно поубавилось, как, впрочем, и к грекам... Нам, туркам, верят менее всего»¹⁴. Тут, видимо, Фахретдин-бей глубоко вздохнул, перо дрогнуло в крепкой руке, привычной к поведьям, – посол упорно пользовался в Петербурге изумительным аргамаком, демонстративно пренебрегая новехоньким «Руссо-Балтом». Бумага письма чуть прорвалась, появилось небольшое чернильное пятно, аккуратно присыпанное тончайшим песком с золотыми блестками.

Посол с полным основанием полагал, что Османская империя будет проигравшей стороной при любом исходе мировой войны. «Победа русских повлечет за собой в будущем разрешение вопроса о Проливах (Босфоре и Дарданеллах. – *В.Ш.*) и предъявление некоторых других требований. Естественно, – продолжал он, – что после (тут он, видимо, долго выбирал слово – поднятое перо подсохло, и на бумаге последовал сухой росчерк, затем обведенный с очевидным нажимом. – *В.Ш.*) умаления Австрии русские станут хозяевами на Балканах». Ниязи Фахретдин-бей призывал своего венского корреспондента и, пожалуй, стамбульское руководство крепко, как он выразился, придумать над опасностью окончательно утратить позиции на Балканах.

«Если русские и победят (Ниязи Фахретдин-бей отнюдь не желал видеть традиционного противника в числе победителей. – *В.Ш.*), то между Россией и Англией, которые ныне случайно объединились против общего соперника – Германии, тотчас произойдет естественное охлаждение». В итоге нового этапа соперничества Англии и России неизбежно и очень серьезно пострадает Турция.

«Если верх возьмет Германия, – рассматривал он иной исход войны, – то разве могут быть сомнения в том, что немцы сделают из Турции второй Египет, после того как захватят в свои руки правление»¹⁵.

Он очень хорошо знал ситуацию, этот эlegantный, подтянутый красавец-турок, победитель шуточного конкурса петербургских дам на самые красивые мужские усы. Кто еще из послов имел формуляр в Императорской Публичной Библиотеке? Фахретдин-бей имел. Из регулярно прочитываемых там газет, как и от своего конфиденца в Вене, он знал, что кайзер назвал русского министра иностранных дел С.Д. Сазонова и одного из лидеров младотурок Талаат-пашу, посмевших мирно встретиться в Ливадии летом 1914 г., «двумя восточными негодьями», а младотурок – «изолгавшимися, ненадежными, чванливыми и продажными». Известен был и разнесен прессой по Европе в мае 1914 г. «окончательный приговор» Вильгельма II: «Турцию нельзя более спасти. Она теперь ничего не сто-

ит. Она может попасть в руки Антанты, иначе говоря, развалиться на куски».

Фахретдин-бей заметно волновался. Ажурная вязь арабского письма стала стремительно скручиваться книзу, почти сливаться изящным узором в стремительном полете мысли. «Необдуманное выступление может оказаться губительным для государства». И точка. Четкая и определенная, как след от пули. «Что делать? – спрашивал сам себя посол. И отвечал: – Надлежит принять необходимые меры и произвести частичную мобилизацию, сохраняя при этом нейтралитет. В зависимости от оборота, который примет война, быть готовыми ко всякой случайности и выступить при удобном случае...»

Печальным прощанием Османской империи с империей Российской прозвучала фраза из письма Ниязи Фахретдин-бея в Вену от 3 сентября 1914 г.: «Сазонов, русский министр иностранных дел, сказал мне на днях: “Если вы начнете войну, Россия вам этого никогда не простит. Я верил в вас, в турецкий нейтралитет и вел политику в соответствии с этим. Но теперь, – заключил Сазонов, – я нисколько этому не верю...” Вот и все, мой досточтимый паша. Совсем все. Я в скором времени буду иметь честь увидеться с вами». Легкий росчерк подписи завершил письмо. Песок с золотыми блестками лег на плотную, по-старинному скатанную бумагу.

Хильми-паша так и не получил это письмо. Оно прошло через умелые руки офицеров отдела дешифровок с Певческого моста, обрели первоначальный вид печати на свитке. Однако письмо задержалось при отправке адресату, а там и мир перевернулся. Империи Османов и Романовых рухнули.

---

¹ *Шеремет В.И.* Империя в огне: сто лет войн и реформ Блистательной Порты на Балканах и Ближнем Востоке. М., 1994. С. 66–70; Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1117. Оп. 1. Д. 9. Л. 4–8, 50–58 об.; Ф. 19. Оп. 4. Д. 121. Л. 78–110.

² *Шеремет В.И.* Война и бизнес: власть, деньги и оружие: Европа и Ближний Восток в новое время. М., 1996. С. 123–148, 521–527;

- Российский государственный военно-исторических архив (РГВИА). Ф. Военно-ученый архив (ВУА). Д. 9468. Ч. 1–2; Российский государственный архив Военно-Моского Флота (РГА ВМФ). Ф. 19. Оп. 4. Д. 125. Л. 30–31 об., 113–113 об.; Д. 324.
- ³ *Engin V. II Abdülhamid ve Dış politika* = (Абдул Хамид II и внешняя политика). İstanbul, 2005; *Sultan II. Abdülhamid'in Arşivinden Dünya: The World from the Archive of Sultan Abdülhamid II*. İstanbul, 2010.
- ⁴ Очерки истории российской внешней разведки. М., 1996. Т. 1. С. 229.
- ⁵ См.: Записку Ю.Н. Данилова о вариантах военных действий Тройственного союза против России (10 апреля 1914 г.): Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1118. Л. 101–101 об. Об А.Н. Щеглове и его донесениях см.: РГА ВМФ. Ф. 898. Д. 401, 404, 417, 418; *Шеремет В.И.*: 1) Босфор: Россия и Турция в эпоху Первой мировой войны: по материалам рук. военной разведки. М., 1995. С. 7–51 ; 2) «Средств личных вовсе никаких не имею. Силы и умение положил на служение Отечеству» // Спецслужбы и человеческие судьбы. М., 2000. С. 9–46; *Малевицкая М.Е.* Военно-морские рапорты как источник по истории стран Азии во второй половине XIX – начале XX веков (по материалам Рос. гос. арх. Военно-Морского Флота): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09. М., 2004.
- ⁶ *Шеремет В.И.* Босфор: Россия и Турция ... С. 92–101.
- ⁷ *Зайончковский А.М.* Подготовка России к мировой войне в международном отношении. [Л.], 1926. С. 23–25.
- ⁸ Положение о контрразведывательных отделениях при армейских штабах, инструкция начальникам КРО и штаты КРО были утверждены военным министром В.А. Сухомлиновым 8 июня 1911 г. после затяжных двухлетних дискуссий в полицейском и военном ведомствах.
- ⁹ Здесь и далее цитируются донесения А.Н. Щеглова. См.: *Шеремет В.И.*: Босфор: Россия и Турция ... С. 60–94.
- ¹⁰ РГВА. Ф. 2000. Оп. 15. Д. 63, 78, 626; Оп. 1. Д. 3827 и др.; *Шеремет В.И.* Босфор: Россия и Турция ... Приложения.
- ¹¹ Цит. по: *Шеремет В.И.* Босфор: Россия и Турция ... С. 50.
- ¹² Там же. С. 53.
- ¹³ Там же. С. 54.
- ¹⁴ Там же. С. 55.
- ¹⁵ Там же. С. 58.

Гуларян А.Б.,
Третьяков О.В.

ТЕМА ГРЯДУЩЕЙ ВОЙНЫ В СОВЕТСКОЙ ФАНТАСТИКЕ

Процесс дестабилизации мира, начавшись с войны в бывшей Югославии и военными операциями в Ираке, Афганистане и Ливии, вплотную подошел к границам нашей страны. Это подстегнуло в российском обществе интерес к военно-утопическому роману, иначе говоря, к теме «грядущей» войны. В 2005–2006 гг. издательства «Эксмо» и «Яуза» издали серию «Войны Будущего» из пятнадцати книг. В 2009 г. была создана серия «Войны завтрашнего дня». В 2011 г. молодой подающий надежды автор Александр Афанасьев издал цикл из семи романов под общим названием «Период распада». С 2013 г. издательство «Эксмо» стало издавать серию с говорящим названием «Враг у ворот». На полках книжных магазинов указанные издания не залеживаются. Более того, одному из авторов стало известно, что после начала кризиса на Украине в соседней с ней Румынии возрос интерес к вышедшему в 2012 г. роману «Кровь на Днестре» румынского писателя Кристиана Негря. Роман описывает войну Румынии с Украиной и Россией в 2014 г. из-за Молдовы. Так что тема грядущих войн не исчерпана ни у нас, ни на Западе.

Современная эпоха не единственная, когда в обществе обостряется интерес к теме грядущих войн. В советскую эпоху подобный интерес также переживал и взлеты, и падения.

Одной из наиболее характерных черт истории советского общества 1920-х годов являлись так называемые «военные тревоги». В историографии это определение прочно утвердилось за социально-политическим кризисом 1927 г., связанным с угрозой скорой войны, однако внимательное изучение современными историками общественных настроений на протяжении

всего периода 1922–1929 гг. доказывает, что «военные тревоги» возникали постоянно. Мир представлялся общественному сознанию молодого советского общества короткой передышкой перед новой неизбежной войной с империалистами. На протяжении всех 1920-х годов любое событие, происходившее на международной арене и как-то затрагивающее Советский Союз, воспринималось массовым сознанием, прежде всего, как признак надвигающейся (а нередко – начавшейся) войны. В подобных условиях романы о будущей войне – «Гиперболоид инженера Гарина» (1925) Алексея Толстого, «Трест Д.Е.» (1923) Ильи Эренбурга, «Иприт» (1925) Всеволода Иванова и Виктора Шкловского, «Я жгу Париж» (1928) Бруно Ясенского, «Борьба в эфире» (1927), «Продавец воздуха» (1928) и «Властелин мира» (1929) Александра Беляева – вызывали ажиотаж у читающей публики.

Эта эпоха мыслилась современниками как прорыв в «абсолютное будущее», и грядущая война зачастую представлялась как социальное противостояние. Фантастические романы становились средством конструирования желаемого будущего. Поэтому и сюжеты упомянутых романов, при всем своем разнообразии, сводятся к двум принципиальным схемам.

Первая схема: 1. Начинается межимпериалистическая война из-за внутренних противоречий капиталистической системы («пес ест псов»). 2. Империалисты втягивают в свою войну СССР или же советские добровольцы, защищая интересы Советского государства, сами втягиваются в империалистический конфликт. 3. Вступление СССР в войну (или действия советских добровольцев) меняет характер этой войны, провоцирует восстание пролетариата в других странах и начало Мировой Социалистической революции.

Вариант второй: 1. Империалисты первыми нападают на СССР, чтобы предотвратить пролетарскую революцию в своих собственных странах или в колониях. 2. На начальном этапе войны СССР несет ощутимые потери в населении и в территории; империалисты торжествуют. 3. Собравшись с силами, СССР наносит ответный сокрушающий удар; одновременно вспыхивает восстание европейского пролетариата.

В обоих вариантах сюжета войну провоцирует «волшебное» изобретение (гиперболоид, «бессонный» газ, телепатический генератор), которое используется как оружие для достижения мирового господства.

Помимо революционного романтизма эпохи поражает научно-просветительский энтузиазм романов 1920-х годов, которые постулируют мистическую роль науки в юном советском обществе. То один, то другой персонаж «Гиперболоида...» или «Иприта» – Роллинг, Гарин, Манцев, Нетлих, Син-Бин-У – останавливается, чтобы прочесть читателям маленькую лекцию о роли анилина в химической промышленности, об устройстве гиперболоида или планеты Земля, о значении течения Гольфстрим в геополитике или азотных удобрений в сельском хозяйстве.

Главные персонажи указанных выше произведений – Петр Гарин, Павел Словохотов, Енс Боот – триксеры, нарушители всех и всяческих норм и установлений. Триксер постулирует абсолютную внутреннюю свободу, что было созвучно самой эпохе, эпохе свободы, эпохе поисков, многочисленных социальных экспериментов. Показательно, что два известных всей стране литературных персонажа, появившихся в рассматриваемую эпоху, – Остап Бендер и Буратино – тоже триксеры. Это была эпоха триксеров.

Но не только триксеры были характерными героями эпохи. Революция разбудила инициативу широких народных масс, что отразила современная событиям литература. По своей собственной инициативе преследует Гарина коммунист Шельга в «Гиперболоиде инженера Гарина». По своей инициативе водоллив Сарнов и студент Син-Бин-У из романа «Иприт» становятся сыщиками, преследующими немецкого шпиона Кюрре. По своей инициативе китаец Чуг поднимает разбитую Красную Армию на Польшу в романе «Трест Д.Е.». Их никто на это не уполномочивал.

Но вот в этом и заключалась загвоздка – их никто не уполномочивал. Ни Совнарком, ни ЦК ВКП (б), ни ОГПУ. А в конце 1920-х – начале 1930-х годов перечисленные учреждения все сильнее накладывали свою руку на общественную инициативу. И вот уже Всеволод Иванов и Виктор Шкловский, словно

испугавшись дышавшей им в затылок системы, сами разрушают созданный в романе мир, сводя его в последней главе к безответственным рассказам сельского чудака Павла Словохотова. И в этом состоит главная неудача творческого тандема.

1929 г. принято называть «годом великого перелома». Именно тогда было принято решение о сворачивании НЭПа и переходе к сплошной коллективизации. И именно в это время появляются научно-фантастические произведения, где идея грядущей войны, как социального противостояния, трансформируется в войну, как противостояние технологий. В 1928 г. вышел в свет научно-фантастический роман «Радиомозг» Сергея Беляева, в 1929 г. – роман «Властелин мира» Александра Беляева.

Сюжеты обоих романов весьма схожи. В руках безнравственных людей оказывается волшебное изобретение, позволяющее им читать и записывать мысли людей, а также излучать безотказные мысленные приказания. Этими маньяками овладевает идея мирового господства. Они начинают действовать. Все мировое сообщество ищет защиту от нового оружия. Им оказывается аналогичное изобретение нашего соотечественника, и претенденты на мировое господство оказываются побежденными.

Более любопытны различия сюжетов романов.

В романе Сергея Беляева на сцену выведены социальные силы, и конфликт вокруг радиомозга приобретает характерный для 1920-х годов социально-классовый мотив. То есть изобретатель Тах в борьбе против братьев Гричаров опирается на мощь советской страны и поддержку советского народа. У Александра Беляева война будущего показана как война технологий. Классового врага сменил недобросовестный изобретатель Штирнер, который, кстати сказать, и не собирался трогать СССР. Советский инженер Качинский схлестнулся с ним по собственной инициативе после просьбы, озвученной частными лицами.

Начиная с этого времени в сюжетах будущей войны тема социального противостояния сменяется темой технического противостояния; борьба изобретательских умов и война мото-

ров сменяет романтику грядущей мировой революции. Это изменение в литературе коррелирует с изменением государственной политики в стране, с принятым Сталиным курсом на форсированную индустриализацию. Надежды на скорую мировую революцию у советского руководства развеялись окончательно. Если до этого советские фантасты в своих произведениях побеждали врага за счет преимуществ социального строя, то теперь они описывали преимущества советской техники. Однако мотив классовой войны никуда не ушел. Он изменился: фантастические произведения 1930-х годов утверждают, что научный и технический приоритет над капиталистическим окружением автоматически обеспечен Советской стране преимуществами социального строя. Кроме того, мотив «мирового пожара» пережил короткий ренессанс перед самой Великой Отечественной войной, в 1938–1940 гг.

Абсолютное техническое превосходство Советского Союза перед врагами в будущей войне описали: Владимир Киришин в пьесе «Большой день» (1936), Петр Павленко в романе «На Востоке» (1937), Николай Шпанов в романе «Первый удар» (1939), Георгий Байдуков в повестях «Разгром фашистской эскадры» (1938) и «Последний прорыв» (1938), Сергей Беляев в произведении «Истребитель 2Z» (1939) и многие другие советские писатели довоенного периода. Главными врагами Советского Союза в этих романах выступали Япония на востоке и Германия на западе. Второстепенным врагом – Польша.

На примере указанных произведений можно увидеть следующие изменения в сюжете грядущей войны: 1. Декларируется, что преимущества социального строя дают СССР абсолютное технологическое превосходство перед противниками. 2. В этих условиях первый удар империалистов, в сценариях 1920-х годов страшный и кровавый, превращается в «попытку с заранее негодными средствами». 3. Красная Армия сразу переходит в наступление; это наступление провоцирует начало пролетарского восстания в Европе и Азии.

Апофеозом описанного сюжета стал кинофильм «Если завтра война», созданный в 1938 г. коллективом режиссеров под

руководством Ефима Дзигана на основе кинохроники, снятой во время маневров Красной Армии.

Какие особенности литературных произведений предвоенного периода бросаются в глаза, кроме общей неправдоподобности сценариев и фантастических тактико-технических характеристик (ТТХ) используемой Красной Армией техники? Это, прежде всего, утверждение предпочтительности советского наступления перед обороной. Кроме того, рассказы, написанные военными профессионалами (например, Георгием Байдуковым), часто предвосхищали тактику, использованную во время Второй Мировой войны. Но в целом можно сказать, что писатели, как и генералы, «готовились к прошлой войне», и представляли себе грядущую войну как постепенную эскалацию военных действий.

Сюжеты произведений Киршона, Павленко, Шпанова, Байдукова свидетельствуют также о том, что сталинское руководство по-прежнему готовилось к революционно-классовой войне. Оно надеялось превратить войну против СССР в борьбу против фашизма и империализма в капиталистических странах.

Фантастика в предвоенном СССР выполняла важнейшую функцию мобилизации общественного сознания накануне войны. А так как весь предвоенный период мыслился руководством страны и большей частью общества как «канун войны», то сценарии грядущей войны появлялись в фантастической литературе постоянно. И эта пропаганда сыграла свою роль: грядущей войны перестали бояться, ее стали чаять (по крайней мере, романтически настроенная часть молодежи):

«И все же мы дойдем до Ганга
И мы еще умрем в боях,
Чтоб от Японии до Англии
Сияла Родина моя!»

Подлинная война отрезвила. Цена, которую советское общество заплатило за Победу, оказалась такой невероятной, что привела к появлению синдрома боязни грядущей войны. Фраза из пьесы писателя Александра Володина «Пять вечеров»

(1959): *«Лишь бы не было войны»* – надолго стала всенародным лозунгом. Чтобы исключить саму вероятность войны против себя, советские люди готовы были голодать и холодать, создали атомную бомбу, содержали огромную армию. И непозволительно расслабились, когда выяснилось, что наши вероятные противники боялись войны не меньше нашего.

В подобных условиях авторы, пишущие в жанре научной фантастики, обходили тему грядущей войны стороной. Единственное исключение только поверяет правило. Роман Александра Казанцева *«Пылающий остров»*, вышедший в 1946 г. и претерпевший авторскую редакцию (правку и дополнения) в 1955 и 1975 гг., был задуман еще в 1935 г., в 1936 г. был реализован в качестве киносценария и опубликован как роман в журнальном варианте в 1940–1941 гг. И по сценарию и по стилистике это произведение 1930-х годов.

Все остальные писатели-фантасты соблюдали негласный общественный договор, и если и говорили о грядущей войне, то очень глухо, сквозь зубы, как это сделал в своих бессмертных романах *«Туманность Андромеды»* (1955–1956, опубликован в 1957 г.) и *«Час быка»* (1963–1968) Иван Ефремов. Он упоминает о великой войне, предстоящей его современникам, как о древнем событии: ведь между нашим временем и Эрой Великого Кольца несколько тысячелетий.

И так продолжалось до тех пор, пока в декабре 1979 г. наши войска не вошли в Афганистан. Общество расценило это как одностороннее нарушение властью негласного общественного договора. Одновременно под влиянием истерики, устроенной американцами в информационном пространстве, усилились страхи перед возможной будущей ядерной войной.

В 1983 г. появился киносценарий Вячеслава Рыбакова и Константина Лопушанского при участии Бориса Стругацкого *«Письма мертвого человека»*. В нем описана не сама война, а послевоенный, постъядерный мир, где жизнь продолжает теплиться только в бомбоубежищах, а на поверхности постепенно наступает ядерная зима. Для авторов любой сценарий ядерной войны являлся неприемлемым. Поэтому самой войне в сценарии посвящено несколько кадров.

Вслед за сценарием последовали два литературных произведения Вячеслава Рыбакова – повесть «Первый день спасения» (написана в 1984 г., опубликована в 1990 г.) и «Носитель культуры» (1989), посвященные постапокалипсису. Первая повесть описывает, как в последних убежищах, уцелевших после ядерной войны, сошлись в войне за уцелевшие ресурсы кабинет министров и комитет начальников штабов – всё, что осталось от человечества. «Носитель культуры» – рассказ-притча о том, как на месте погибшей человеческой цивилизации появляется новая – крысиная. Крысы спасают отдельных людей. Но только тех, которые являются носителями культуры и смогут доказать это. При этом часто «носителями культуры» объявляют себя приспособленцы и профанаторы.

Фильм «Письма мертвого человека» был снят, вышел на широкий экран и произвел эффект разорвавшейся бомбы. Премьера фильма состоялась 15 сентября 1986 г., через пять месяцев после Чернобыльской аварии, что усилило его воздействие на умы. По данным статистики, этот фильм посмотрело 9 млн. 100 тыс. зрителей.

Вне зависимости от того, какие цели и задачи преследовали авторы фильма «Письма мертвого человека», он стал одним из ударов, поколебавших общественное сознание в период ранней перестройки, что в дальнейшем способствовало дестабилизации ситуации в стране. Реакция публики была предсказуема: если народ не хотел даже в фантазиях повторения Великой Отечественной войны, то сценарий ядерного апокалипсиса был для него абсолютно неприемлем. Фильм стал одним из факторов формирования в общественном мнении позднего СССР снисходительного отношения к внешнеполитическому курсу Михаила Горбачева, к так называемому «новому политическому мышлению».

Здесь уместно будет сравнить процессы в советской культуре и в западной.

Тема постапокалипсиса разрабатывалась и в западном кинематографе – достаточно вспомнить фильмы «На берегу» (США, 1959), «На следующий день» (США, 1983), «Нити» (США, Великобритания, Австралия, 1984). Но тема постапока-

липиса не стала на Западе доминирующей. Одновременно была развязана кампания антисоветской истерии, и стали выходить романы с сюжетами о грядущей войне его, Запада, со злокозненным Советским Союзом и о победе в этой войне. Среди них можно перечислить “World War 3” под общей редакцией Ш. Бидвелла (1979), «Август 1988 г.» Д. Фрезера (1983), «Третья мировая война» Д. Хэкетта (1983). Эти произведения декларировали, во-первых, возможность сценарного применения ядерного оружия, отличного от «слепого» обмена массовыми ядерными ударами «по площадям», и, во-вторых, рефреном прославляли политическое руководство Запада за отказ от политики разоружения. Кто-нибудь из читателей может припомнить подобные прославления в советской фантастике?

Сценарий, предложенный западному обывателю в этих книгах, прост до безобразия: 1. СССР наносит неожиданный и вероломный удар по странам НАТО. 2. Войска НАТО перегруппируются и наносят всеокрушающий контрудар Советам. 3. В своем романе Хэкетт не только громит, но и «оккупирует» Советский Союз. Такой литературный сценарий можно назвать типичным, его использовали и наши писатели в 1920-х годах.

Так что это была тщательно контролируемая истерия. Истерия, призванная мобилизовать и консолидировать общественное сознание в предвоенный период. И не последнем инструментом в этом процессе была литература.

Если в конце 1930-х годов фантастические произведения о грядущей войне выполнили важные для общества функции предупреждения о надвигающейся войне и мобилизации общественного сознания в предвоенный период, то после Великой Отечественной войны наше общество лишило себя такой возможности, предоставив тем самым лишние козыри Западу в «холодной войне».

**«ВОЗДУШНЫЕ РАБОЧИЕ»
ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ:
ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЙ ФРОНТОВОЙ ОПЫТ
ЛЕТЧИКОВ ЕВРОПЫ**

Многие из нас еще хранят в памяти один из лучших советских фильмов о Великой Отечественной войне – ленту 1967 г. «Хроника пикирующего бомбардировщика». Вспомним один из ее эпизодов, когда стрелок-радист Женя Соболевский, которого блистательно сыграл Олег Даль, обращаясь к своим товарищам, говорит о волнующем его вопросе: что чувствует воюющий с ними немецкий пилот («какой-нибудь Фриц или Ганс»): страдает ли он, какие проблемы волнуют его; переживает ли он те же чувства, что и они? Этот вопрос тогда так и остался открытым. Долгие годы после войны не только массовый зритель и читатель, но и многие специалисты не могли найти ответа на него: источники по этой теме были крайне скудны, да и вести дневники в годы войны советским летчикам строго запрещалось¹.

Между тем, данный комплекс проблем имеет очень важное научное и общечеловеческое значение, поскольку необходимо понять, в чем же заключались как «точки отталкивания», так и «точки соприкосновения» между представителями воюющих сторон, в данном случае – между пилотами-фронтовиками.

В последние годы ситуация заметно изменилась к лучшему. Был опубликован целый ряд интереснейших воспоминаний летчиков различных стран Европы о пережитом ими трагическом военном опыте². Попробуем, опираясь на них и используя современные разработки военно-исторической антропологии, рассмотреть эту сложную тему. Воспользуемся при этом обращением к постулатам философии экзистенциализма и современного психоанализа: именно таким путем можно глубже по-

нять многие особенности мировосприятия летчиков-фронтовиков: увиденное и пережитое ими – это, прежде всего, новый духовный опыт в пограничной, стрессовой ситуации, по сути своей, глубоко экзистенциальной³.

Несмотря на жестокое противостояние – военное, психологическое, идеологическое и духовно-нравственное – военных летчиков, сражавшихся друг с другом в период Второй мировой войны, всех пилотов сближали *общие* моменты. В чем же они проявлялись?

Во-первых, летчиков объединяли сами *объективные условия летного труда*: постоянная борьба с изначально-враждебными природными стихиями, нередко и с непослушной техникой, но, главное, – *с самим собой*, ибо в воздухе пилоту постоянно приходилось утверждать собственное «я». Об этом, в частности, ярко писал А. де Сент-Экзюпери⁴.

Отметим такой момент, как романтику неба, которая была свойственна всем европейским летчикам. В СССР под знаком «азромании» прошли предвоенные годы⁵. Буквально вся страна, охваченная военным обучением⁶, была увлечена авиацией, а через школу ОСОАВИАХИМа прошли все без исключения советские пилоты. Герой Советского Союза В. Решетников вспоминал:

«Еще с летной школы к инструкторам я относился благоговейно, почти с религиозным чувством преклонения... О, как любил я летать! Физически и эмоционально испытывал волнующее чувство огромной радости, почти счастья от каждого полета... И это на многие годы... было главным аргументом всей моей жизни, ее высшим и лучшим проявлением»⁷.

В свою очередь, это рождало *особый корпоративный дух*, когда большинство пилотов превыше всего дорожило высоким престижем летного и боевого мастерства своей профессии⁸.

Именно понимание общего летного труда, летной романтики сближало летчиков разных стран. В своем дневнике от

26 февраля 1943 г. в конце тяжелейшего боевого дня Х. Кноке записал:

«Я не мог перестать думать об американских летчиках. Когда придет наша очередь? Эти люди такие же романтики неба, как и мы. Сейчас мы разделены барьером войны, но после смерти в воздухе мы пожмем друг другу руки»⁹.

Эти же мысли мы встречаем и в других свидетельствах фронтовиков. Так, немецкий летчик-истребитель Г. Бломертц, воевавший на северо-западе Франции и Бельгии, описал, как реагировали германские пилоты на приглашенного ими на свою вечеринку попавшего в плен английского летчика Д. Бадера (воевавшего, как и наш А. Маресьев, на протезах):

«Странность ситуации и размышления о сбитом противнике вызывали у всех одинаковые мысли. Летчики проклинали войну и судьбу, которая бросает человека после его рождения в обществе... Почему каждый из них не родился в Англии? Тогда эта страна получила бы еще много классных пилотов. Почему англичанин, сидевший у камина, не был немцем? Вероятно, он мог бы стать нашим командиром... Вдруг стало совершенно непонятно, как люди с одинаковыми чувствами, желаниями и нуждами могли уничтожать друг друга»¹⁰. А об одном из воздушных боев с английским «Спитфайром» он писал так: «Каждый из нас боролся за свою жизнь и за жизнь другого. Я посмотрел на кабину “Спитфайра” и увидел его, выпускника Оксфорда или клерка, или кем он раньше был... Почему мы должны стрелять друг в друга? Почему мы не могли приземлиться, пожать друг другу руки и сыграть партию в скат?»¹¹

Вместе с тем, подобные взгляды были характерны в основном для пилотов Западной Европы: давали о себе знать общие «цивилизационные корни». Для советских же людей, как и для пилотов люфтваффе, как правило, на переднем плане были чувства *неприязни и ненависти* к врагу.

Однако и советских, и французских, и английских, и германских летчиков отличали такие общие черты, как *влюбленность в авиацию, боевой дух, незаурядная воля*. Изу-

чая их систему жизненных ценностей, невольно поражаешься тому, что некоторые качества, присущие нам сегодня (включая конформизм – современную «духовную болезнь»¹²), у летчиков-фронтовиков никак не проявлялись. «Самодостаточных» эгоцентриков среди них практически не было, большинство пилотов-комбатантов были ярко выраженными пассионарными личностями, главное – *пассионариями-коллективистами*.

У британских и французских летчиков индивидуализм был выражен более ярко, чем у советских, однако и они умели подчинять личные интересы коллективным.

Противоборствующим летчикам были присущи близкие *эмоционально-психологические установки* и очень сходное *поведение в бою*. Имеется в виду не так называемый «летный почерк», (у каждого он индивидуален), а исходная мотивация, общее отношение к войне: с одной стороны, как неоправданной жестокой *бойне*, а, с другой, – как *вынужденной* мере, призванной защитить своих близких, свой народ, свою страну.

«О, как я люблю жизнь! – восклицал в своем последнем письме родным 7 августа 1942 г. командир эскадрильи капитан Анатолий Тарасов. – Как дороги для меня Вы и как хочется отомстить, с какой злобой бью!»¹³

А вот свидетельство Х. Кноке: «Сейчас я лечу над Гамбургом... Целые районы лежат в руинах. Около 100 000 человек погибло... На небе ни облачка. Огромные столбы дыма поднимаются в лазурное небо. Ужас происходящего потряс меня. Это ужасная картина человеческих страданий. Я немедленно хочу вернуться в бой, несмотря на раненую руку»¹⁴.

Итак, налицо попытки дать *нравственную* оценку войне; при этом на передний план выходили ее разрушительные, *антигуманные* свойства.

Авиация, неразрывно связанная в массовом сознании с ужасом бомбежек¹⁵, нередко воспринималась в годы войны как воплощение *демонического* начала. Писатель В. Гроссман приводит трагедийно-курьезное свидетельство, когда человек,

уткнувшись лицом в землю, бормотал во время бомбежки: «Как правильно сделал Иоанн Грозный, когда сбросил этого холопа с колокольни...»¹⁶. Отсюда – и ненависть гражданского населения к летчикам-врагам. Как отмечает О. Кузнецов, собравший уникальный военный архив, в 1942 г. немецкий бомбардировщик «Хейнкель-111», сбитый над саратовским шарикоподшипниковым заводом, «стал отлетать в сторону, сбрасывая остаток бомб куда попало», а одна бомба «упала на улицу поселка Мочиновка, что вызвало гибель одного подростка и маленького ребенка». Реакция молодых саратовцев оказалась неожиданной: «В отместку друзья подростка ночью выкопали присыпанные землей сотрудниками НКВД трупы двух членов экипажа, отрубили им лопатами головы и подвесили за ноги на березе»¹⁷.

На войне постепенно размывалось различие между нормой и патологией, что часто вело к тяжелым нервно-психологическим срывам: фрустрациям, фобиям и посттравматическому синдрому.

Особенно остро переживали пилоты смерть своих боевых товарищей.

А. де Сент-Экзюпери: «Нет, никто никогда не заменит погибшего товарища... Нет соколовища дороже, чем столько общих воспоминаний, столько тяжелых часов, пережитых вместе, столько ссор, примирений, душевных порывов»¹⁸.

Хайнц Кноке: «Мы храним в памяти их жесты, походку, голос, смех... Они остались в облаках – наших облаках, которые мы знаем и любим. Разве мы не стремимся к ним, измучившись в этом безумном мире?...»¹⁹

Фронтное братство, как объединяющее начало, у всех летчиков было очень сильным (хотя нередко они и «кучковались по интересам – летчики отдельно, штурманы отдельно»²⁰). Один из наиболее ярких примеров – гибель французского летчика Мориса де Сейна вместе с русским механиком Владимиром Белозубом, когда француз отказался прыгать с горящего самолета, поскольку у нашего механика парашюта не оказа-

лось²¹. Советские же летчики даже сравнивали свою дружбу – ее крепость, возвышенность и чистоту – с дружбой русских былинных богатырей.

Сегодня, в наше прагматичное время, мы можем улыбнуться подобным ассоциациям, однако они имели под собою вполне реальные основания. В годы войны проявились лучшие качества²² советского менталитета (опиравшегося, впрочем, на традиционные духовные ценности)²³. наших летчиков (как мужчин, так и женщин²⁴) отличали удивительная скромность, отзывчивость и взаимовыручка²⁵, прямота и бескомпромиссность суждений, жизнерадостность и вера в победу. Евгения Руднева (студентка механико-математического факультета Московского университета, ставшая в годы войны летчицей, погибла в 1944 г.) писала в своем дневнике 22 февраля того же года:

«Огонек молодости и задор свободного сына (или дочери, подумаешь – разница!) нашей Родины у нас, коммунистов, должен быть всегда, независимо от возраста!»²⁶

Описания летчиками пережитых ими стрессовых ситуаций в ходе боев очень схожи. Это особые, пограничные состояния, в которых оказывались и душа, и тело, порой балансировавшие на зыбкой грани галлюцинации, сна и здравого смысла. Сверхперегрузки тела и психики вызывали мощное потрясение. Вот как описывает Г. Бломертц свое состояние после приземления на парашюте:

«Руки и ноги в крови... Я больше не чувствую боли, и знаю только одно: несмотря на то, что огромная опасность угрожала мне всего тридцать секунд, я стал старше на несколько лет. С усилием я кричу привет стоящему вдалеке крестьянину. Да, он из этого мира. Это я прибыл из другого»²⁷.

Настоящим шоком для многих становилось первое совершенное ими *убийство человека*. Раскаяние по поводу этого приходило позже.

Г. Бломертц: «С какой радостью я жал руки моих друзей! С каким сияющим лицом я выпрыгнул из кабины в то время, когда душа покинула еще теплое тело убитого мной человека. Какая гордость распирала меня до того, как по пилоту, которого я сбил, зазвонил колокол»²⁸.

Еще Ф. Ницше, идеи которого широко использовались идеологами Третьего рейха, отмечал, что жестокость и насилие порождают мощный психологический *освобождающий* эффект. Как мы видим, для личности, не утратившей совести и чести, этот эффект носил *кратковременный* характер.

Сближало многих пилотов и то, что воевали они не по шаблону – они *творили* рисунок боя, проявляя нередко удивительную изобретательность и хитрость²⁹. Почему это было так важно? Об этом точно сказал Василий Решетников:

«Настоящая мера радости, а то и счастья – в преодолении. В нем – счастливейшие из мгновений жизни. Но без риска потерять все его осознания не постичь»³⁰.

Таким образом, для летчиков, наиболее остро воспринимавших военную повседневность, именно фронтовая жизнь с ее удивительным экзистенциально-трагическим опытом обретений и утрат стала источником для глубоких философских и даже отчасти метафизических выводов о дуализме самого человеческого бытия, о Добре и Зле, как его изначальных регуляторах³¹.

Конечно, пилотов, сумевших подняться над тревожно-угнетающей военной повседневностью, было немного. Чаще других размышлял и писал об этом, бесспорно, А. де Сент-Экзюпери³². Опыт именно мировой войны оказался здесь беспрецедентным: обретения и потери передовой формировали человека, как личность, гораздо динамичнее, чем в мирное время, реализуясь в условиях жесткого Противостояния³³. Не случайно *нафосно-трагедийные* ощущения стали неотъемлемым элементом психологии летчика-комбатанта³⁴, а микроклимат их фронтовых коллективов буквально пронизывали как жестокие, так и жизнеутверждающие начала сурового, но, все

же, *неповторимого* военного бытия. Так, погибшая в 1943 г. штурман звена Галина Докутович писала в своем фронтовом дневнике 28 июня того же года:

«Иногда мне кажется: и война, и все, что я сейчас вижу, – это быстро пройдет, и потом все это вспомнишь, как полузабытый сон. И все-таки вместе с этим думаешь и о другом: что сейчас здесь видишь лучшее, на что способна человеческая душа...»³⁵

В то же время глубинная «запятанность» военных переживаний требовала воплощения в форме поэтизации военной повседневности лишь у наиболее остро воспринимающих трагедию жизни и смерти фронтовиков. Примечательно, что у женщин это качество проявлялось ярче и острее, чем у мужчин, что, видимо, было связано с особенностями женской психики, – более гибкой, сложной и противоречивой. К тому же женщина острее ощущала несправедливость самой войны, как взаимного смертоубийства³⁶. Многим из летчиков было свойственно на войне предвкушение смерти, которая наконец-то придаст *истинный смысл* их жизни. В основе этого явления лежали как экзистенциальные, так и *христианские* духовные начала, загнанные в СССР и социумом, и государством, и самой личностью в глубокие тайники подсознания, однако в начале войны внезапно «реабилитированные» в целях мобилизационного сплочения населения³⁷.

Особо отметим такой момент, как *восприятие природы* на войне. С одной стороны, природа воспринималась пилотами, как мир красоты, и одновременно – как мистическо-сакральное явление, *противостоящее* миру насилия и убийства. В этом ярко проявилась тоска комбатанта по высшей гармонии, интуитивно угадываемой человеком в природе³⁸. Примечательно, что летчики практически всех сражавшихся друг с другом армий любовно относились к собакам, порою даже брали их на боевые вылеты, надеясь на интуицию животных при появлении сзади врага³⁹. Не забывали они и про *юмор*, так необходимый на передовой⁴⁰.

Всех военных пилотов сближало и *трепетное отношение к технике*. Выделим тенденцию к «одушевлению», или «антропоморфизации» самолета, от «поведения» которого зачастую зависела жизнь⁴¹. Об этом много писал А. де Сент-Экзюпери. Позже этой же теме была посвящена знаменитая песня В. Высоцкого о «Яке-истребителе».

Что касается летчиков СССР, Франции и Великобритании, то их сближало понимание того, что они сражаются *за справедливое дело*; и не только за свое национальное, но и за *общечеловеческое*⁴².

Вот слова Георгия Захарова: «Разговаривая с французскими летчиками, я часто думал: до чего же бывает красив и внутренне раскрепощен человек, когда знает, что борется за правое дело! В них словно вливалась часть той силы, которая сделала непобедимым наш народ»⁴³.

Немецкие летчики, как правило, осознавали, что они воюют лишь за «фатерлянд»⁴⁴. Конечно, и это было для них мощным стимулом, но, видимо, не таким глобальным, как для летчиков стран антигитлеровской коалиции, хорошо понимавших свою общечеловеческую миссию в великой битве с фашизмом. Напротив, многие немцы ощущали свою *вину* перед другими народами Европы⁴⁵, и налеты англичан воспринимались, как «наказание Господне»⁴⁶.

Что же *разъединяло* летчиков Второй мировой войны?

Во-первых, их принадлежность к различным, воюющим друг с другом державам; приверженность разным идеологиям.

Во-вторых, у летчиков разных стран ярко проявлялись особенности *национального менталитета*, что находило отражение и в бою, и в бытовавших воинских традициях, и в отношении к противнику⁴⁷.

У многих советских пилотов проявлялось такое типично национальное качество, как *русская удаль* – безграничная смелость в бою, причем иногда неоправданная. Немцы, напротив, превыше всего ценили *агрессивность, волю к победе, психологию победителей*. По их мнению, именно бла-

годаря этим качествам они долгое время сохраняли свое господство в воздухе⁴⁸. В то же время характерное для советских летчиков самопожертвование большинство немецких пилотов считало фанатизмом либо глупостью. Многие советские летчики также были противниками воздушных таранов, однако по *принципиально иным* причинам, считая этот боевой прием *недостаточно эффективным*⁴⁹.

Примечательно, что подавляющее большинство случаев уважительного отношения к противнику со стороны пилотов люфтваффе имело место по отношению либо к англичанам, либо к американцам, но отнюдь не к советским пилотам, которых немцы люто ненавидели. Впрочем, были и исключения – как с той, так и с другой стороны. Так, Гюнтер Ролль (занесенный в книгу Гиннеса как третий по счету пилот, сбивший наибольшее количество самолетов противника – 275) рассказал О. Кузнецову такой случай:

«Бой был под Архангельском. Я летел на “Фоккевульф-190”. Зашел к русскому самолету в “мертвую зону” – чуть сзади и левее крыла... Русский ничего сделать не может. Он – в моей власти. Вдруг пилот на меня оглянулся – такой молодой, симпатичный мальчишка. И хоть рука у меня лежала уже на гашетке, я дал очередь в небо, развернулся и улетел»⁵⁰.

Итак, даже в условиях боя находилось место отдельным случаям милосердия, проявлению *сострадания и эмпатии*⁵¹, что, отметим, в корне противоречило учению Ф. Ницше⁵², столь любимого фашистскими идеологами.

К сожалению, стереотипы восприятия образа врага оказались очень живучими. Так, в современной России даже попытки говорить о социокультурных моментах, *сближавших* фронтовиков СССР и Германии, порою воспринимаются в научной среде как «антипатриотичные».

Резко отрицательными были отношения между немцами и французами. Попавших в плен французских пилотов, как правило, расстреливали. Однако несмотря на жестокое военное противостояние, французских и немецких пилотов все же

сближала *цивилизационная общность* западноевропейской культуры.

Если советские пилоты воевали за себя, за своих близких и за страну в целом, совершенно не думая при этом о наградах и деньгах⁵³, то у летчиков других стран ситуация была иная: они вели себя более прагматично, стремясь «отработать» полученные денежные выплаты.

В ходе войны четко проявились различия между советскими и французскими летчиками. Французы вначале проявляли излишний индивидуализм, понимая воздушный бой «как стихию, в которой каждый может вытащить печальный жребий»⁵⁴, однако затем под влиянием советских пилотов быстро поняли все преимущества коллективной борьбы⁵⁵. Вместе с тем, в летной среде порою практиковался и сознательный отказ личности от общепринятых правил и устоев, выдвигание на передний план не рационального, а *интуитивного* начала, что также было обусловлено психологией войны. Сыграло свою роль и *разочарование в обыденной жизни*⁵⁶, и спокойно-критическое отношение к «перегибам» официальной советской пропаганды (зачастую отвлекавшим силы от жизненно необходимого летчикам отдыха⁵⁷), и восприятие войны как средства для морального *самоиспытания*.

Организованный индивидуализм также был необходим в воздушном бою. Отметим такое явление, как «охоту», или «свободную охоту». Кадры «охотников» (прежде всего, 176-й гвардейский истребительный авиакорпус) составляли золотой фонд советской авиации. Обученные приемам «свободной охоты», наши летчики на равных противостояли опытным немецким асам⁵⁸.

Специального научного анализа требует психология *летчиков-инвалидов* – Алексея Маресьева⁵⁹, Захара Сорокина⁶⁰, Ивана Леонова⁶¹, англичанина Дугласа Бадера⁶² и других. Выделим их исключительную *веру в себя*, что приобрело в условиях войны огромное воспитательное и мобилизующее значение.

По-разному относились летчики отдельных европейских стран к *женщине на войне*. Условно на первое место можно

поставить галантных французских пилотов⁶³, на второе – советских, как правило, относившихся к женщинам на войне с уважением, состраданием и любовью⁶⁴.

В.В. Решетников писал в своих мемуарах: «Святые женские души, наши незабвенные мадонны того сурового времени...»⁶⁵

Англичане же и немцы относились на фронте к представительницам «прекрасного пола» в массе своей весьма потребительски. Но, с другой стороны, немцы почти не брали женщин (также подвергавшихся жесткой «идеологической обработке»⁶⁶) на фронт, а если и брали (в основном, в конце войны⁶⁷) – то заботились о них гораздо лучше. Долгие годы в СССР не принято было об этом ни говорить, ни тем более писать по идеологическим соображениям.

Запретные темы касались и многих других вопросов⁶⁸. Так, писать о том, что немецкие пилоты были гораздо лучше защищены в бою (что отражалось и на психологии летчиков) после окончания войны могли позволить себе лишь такие асы, как А.И. Покрышкин⁶⁹.

Итак, экзистенциальный военный опыт нашел весьма многостороннее отражение в документальных свидетельствах фронтовых летчиков Европы, что позволяет нам лучше понять трагическую историю Второй мировой войны. Итальянский режиссер Франко Дзеффирелли в одном из своих телеинтервью 2006 г. точно описал роль войны в развитии человеческой личности: «Теперь я что-то должен, потому что зачем-то же я остался в живых. Ты начинаешь ценить деревья вокруг себя, небо, землю, людей. Ты начинаешь ценить то, что происходит внутри тебя... Ты остаешься одиноким, но тебе не страшно». Подобный путь, связанный с личностной переоценкой «катастрофического военного бытия»⁷⁰ и успешным вытеснением биологического инстинкта самосохранения духовным началом, прошли все фронтовые пилоты⁷¹.

Значимость фронтового опыта летчиков (в боевых достижениях которых велика роль и умелой кадрово-воспитательной политики⁷²) заключается также в том, что благодаря знакомст-

ву с ним уже после Великой Победы 1945 г. миллионы людей смогли не только почувствовать глубокий драматизм войны, экзистенциальный опыт которой был введен в более широкий культурный контекст⁷³, но и осознать необходимость *консолидации* всех созидательно-жертвенных усилий для строительства великого храма новой культуры⁷⁴.

Экзистенциальный фронтовой опыт привел к созданию гуманистической системы ценностей и новой исторической памяти, стал важной вехой в воспитании и обучении военных пилотов⁷⁵, открыл всему миру безграничные возможности человеческого духа⁷⁶.

---

¹ См., напр.: Суднов Николай Степанович // URL: <http://iremember.ru/letchiki-istrebiteli/sudnov-nikolay-stepanovich.html> (дата обращения: 30.03.2014).

² *Спик М.* Асы союзников. Смоленск, 2000; *Кноке Х.* Я летал для фюрера: дневник офицера люфтваффе, 1939–1945. М., 2003; *Бломмертц Г.* Следующая остановка – небеса: откровения офицера люфтваффе. М., 2004; *Клостерман П.* Большое шоу: Вторая мировая глазами французского летчика. М., 2004; *Скоморохов Н.М.* Боем живет истребитель: 46 побед над Люфтваффе. М., 2009; *Ютилайнен И.* Я бил «сталинских соколов»: лучший финский ас Второй Мировой. М., 2013; и др.

³ См. также: *Сенявская Е.С.* Время и пространство в восприятии человека на войне: экзистенциальный опыт участников боевых действий // История и историки в контексте времени = History and Historians in the Context of the Time. Сочи, 2004. № 2. С. 4–17.

⁴ *Сент-Экзюпери А. де.* Военные записки, 1939–1944: худож. публицистика. М., 1986.

⁵ См.: *Лазарев С.Е.* Советские фильмы 1930-х гг. о летчиках // История в подробностях. М., 2013. № 1 (31). С. 20–27; *Горных А.А.* Медиа и общество. Вильнюс, 2013. Из содерж.: Ч. 1: Кино – история и память. Вторая мировая война в советском кинематографе 1940–1960-х годов.

⁶ См. также: *Голубев А.В.* «Россия может полагаться лишь на саму себя»: представления о будущей войне в советском обществе 1930-х гг. // Российская история. 2008. № 5. С. 172–191; *Пузырев А.Ю.* Военная подготовка гражданского населения СССР нака-

- нуне Великой Отечественной войны: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Тамбов, 2010; *Слезин А.А., Пузырев А.Ю.* Военная пропаганда в провинции 1930-х гг. как инструмент защиты национальной безопасности СССР // Национальная безопасность / nota bene. М., 2012. № 2. С. 153–187.
- ⁷ *Решетников В.В.* Что было – то было: вся правда о войне из первых уст рядовых солдат и боевых генералов! М., 2004. С. 19.
- ⁸ См. также: *Иванов В.П., Король В.В., Юнгмейстер Д.А.* Братство военлетов (летчики Юнгмейстеры). СПб., 2009.
- ⁹ *Кноке Х.* Указ. соч. С. 109.
- ¹⁰ *Бломертц Г.* Указ. соч. С. 16.
- ¹¹ Там же. С. 108.
- ¹² См.: *Ильин В.А., Кондратьев М.Ю.* Групповое давление и групповое влияние: конформизм, неконформизм, личностное самоопределение // Социальная психология и общество: междунар. науч. журн. 2012. № 1. С. 44–58.
- ¹³ Цит. по: *Садовников С.И.* Летчик-истребитель Анатолий Тарасов: «Враг пришел на землю русского народа» // Новый исторический вестник. М., 2011. № 28. С. 105. См. также: *Покрышкин А.И.* Познать себя в бою. М., 1986. С. 153.
- ¹⁴ *Кноке Х.* Указ. соч. С. 134.
- ¹⁵ *Сомов В.А.* Бомбежки г. Горького и массовое сознание в годы Великой Отечественной войны // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. Пенза, 2007. № 1. С. 33–39; *Кутузов А.В.* «Учить Советы обороняться от авиационных налетов все равно, что обучать “янки” играть в бейсбол» // Вестник гражданских инженеров. СПб., 2010. № 3. С. 165–170. Отмеченная тенденция проявлялась во всех воюющих европейских странах; в Германии она усугублялась в результате тотальных жестоких бомбардировок, беспрецедентных в ходе всей мировой войны: *Crane C.C.* Bombs, Cities, and Civilians: American airpower Strategy in World War II. Lawrence, Kan., 1993. См. также: *Беккер К.* Военные дневники люфтваффе: хроника боевых действий германских ВВС во Второй мировой войне, 1939–1945. М., 2004. С. 538.
- ¹⁶ *Гроссман В.С.* Записные книжки // *Гроссман В.С.* Годы войны М., 1989. С. 245. (Ср.: *Кольцов М.* Испания в огне. М., 1987. [Т.] 1. С. 317).
- ¹⁷ Цит. по: *Крутов А.* Подбиты над Саратовом, эвакуированы на базу // URL: <http://old.om-saratov.ru/article/detail.php?ID=21953>
- ¹⁸ *Экзюпери А. де.* Планета людей // *Экзюпери А. де.* Избранное. М., 1987. С. 166. Ср.: *Кноке Х.* Указ. соч. С. 164–165.
- ¹⁹ *Кноке Х.* Указ. соч. С. 164–165.

- ²⁰ Брок-Бельцова Галина Павловна // URL: <http://iremember.ru/letchiki-bombardirov/brok-beltsova-galina-pavlovna/stranitsa-3.html>
- ²¹ См. также: *Емельяненко В.Б.* В военном воздухе суровом... М., 1985. С. 190 и др.
- ²² См.: *Сенявский А.С., Сенявская Е.С.* Трансформация советской идеологии в период Великой Отечественной войны и ее влияние на психологию народа // Труды Института российской истории [РАН]. М., 2012. Вып. 10. С. 155–176.
- ²³ *Николаев Р.М.* Роль традиционных ценностей в процессе становления новой культурной идентичности советского народа в довоенный и военный период // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2, Гуманитарные науки. Екатеринбург, 2011. Т. 90, № 2. С. 196–208.
- ²⁴ См. также: *Krylova A.* Soviet Women in Combat: A History of Violence on the Eastern Front. Cambridge; N.Y., 2010. P. 14, 43 (о целенаправленном конструировании ментальности «женщины-бойца» в предвоенный период).
- ²⁵ У каждого советского летного соединения в годы войны был свой девиз, в т.ч. такой: «Сам погибай, а товарища выручай». Как вспоминает летчик Н.С. Суднов, «во мне это укоренилось даже в обычной жизни. В воздухе... надо сразу думать. Если таранят, подставляй сам себя, чтобы защитить командира. Ведомый прибавляя газ, заслоняет командира своим самолетом. 80–90% это выполняли. Такие были отношения» (URL: <http://iremember.ru/letchiki-istrebiteli/sudnov-nikolay-stepanovich/stranitsa-3.html>).
- ²⁶ Цит. по: *Руднева Ж.* Из писем и дневников // В небе фронтовом: сб. воспоминаний советских летчиц – участниц Великой Отечественной войны. Изд. 2-е, доп. [М.], 1971. С. 255. См. также о ней: *Руднева Е.М.* Пока стучит сердце: дневники и письма Героя Советского Союза Евгении Рудневой. [М.], 1958; *Milanetti G.P.* Soviet Airwomen of the Great Patriotic War: A pictorial history. Rome, 2013.
- ²⁷ *Бломертц Г.* Указ. соч. С. 205.
- ²⁸ Там же. С. 23.
- ²⁹ Об огромной роли творчества в воздушном бою: *Платонов К.К.* Психология летного труда. М., 1960. С. 198.
- ³⁰ *Решетников В.В.* Указ. соч. С. 328.
- ³¹ Этому способствовала и неоднократно отмеченная в источниках поляризация эмоционального восприятия войны фронтовиками. См., напр.: *Гроссман В.С.* Указ. соч. С. 314. Особенно остро эта дихотомия ощущалась во время бомбардировок: *Михайловский Н.* Таллинский дневник. 3-е изд., испр. и доп. М., 1985. С. 115; и др.

- ³² Подробнее см.: *Козлов С.А.* Литературно-фронтовой опыт А. де Сент-Экзюпери в контексте современных историко-антропологических изысканий // *Клио.* 2005. № 1. С. 180–193.
- ³³ Г.П. Брок-Бельцова вспоминает: «Я была человеком философского склада мышления, увлекалась классикой, литературой. Мы много читали, зачитывались Шолоховым, Эренбургом, Алексеем Толстым, Симоновым, газетными статьями, “Как закалялась сталь” Островского. Все передавали из рук в руки... Даже письма, например, мои письма зачитывались вслух – брали и читали все» (URL: <http://iremember.ru/letchiki-bombardirov/brok-beltsova-galina-pavlovna/stranitsa-3.html>).
- ³⁴ См., напр.: «Гремят в шлемофоне зловещие звуки вагнеровского “Полета валькирий”, а наяву под нами рушится Вальгалла, гибнут боги “третьего рейха” в грохоте взрывов»: *Удинцев Г.* Не вернулся с боевого вылета... // *Москва.* 2002. № 5. С. 208. (Ср.: *Кноке Х.* Указ. соч. С. 135, 186–187).
- ³⁵ Цит. по: *Гельман П.* Галя // *В небе фронтовом.* 2-е изд., доп. М., 1971. С. 177.
- ³⁶ Наиболее образно и, вместе с тем, весьма антипатриотично эту, в целом, гуманистическую установку выразила современная поэтесса Инна Кабыш: «Снова в поле чистом кто-то стонет, / А над ним кружится воронье: / Никакая родина не стоит, / Тех, кто умирает за нее»: *Кабыш И.* Снова в поле чистом кто-то стонет... (URL: http://kabysh.boxmail.biz/cgi-bin/guide.pl?id_razdel=24474&action=article). См. также: *Линдсей Ш.* Женщины и война: пер. с англ. М., 2003; *Кузьминых А.Л.* Иностранцы военнопленные и советские женщины // *Российская история.* 2008. № 2. С. 114–119; *Krylova A.* Op. cit.
- ³⁷ См.: Спаси и сохрани: свидетельства очевидцев о милости и помощи Божией России в Великую Отечественную войну. М., 2006; *Сеняевский А.С.* Роль идеологии и пропаганды в формировании феномена массового героизма советских людей в период Великой Отечественной войны // *Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Сер. «Общественные и гуманитарные науки».* 2012. Т. 1, № 7 (128). С. 17.
- ³⁸ Отметим и такой широко распространенный среди летчиков Второй мировой войны прием, как изображение на фюзеляжах самолетов природных символов-пиктограмм. См., напр., об этом явлении в частях люфтваффе: *Новиков А.А.* В небе Ленинграда: из записок командующего авиацией // *Война, авиация, жизнь: к 100-летию главного маршала авиации А.А. Новикова.* М., 2000. С. 331.

- ³⁹ См. напр., о летчике К. Аверьянове и его верном друге псе Болтике: *Емельяненко В.В.* Указ. соч. С. 428.
- ⁴⁰ *Девятьяров А.А.* Земля под крылом. Ижевск, 1973. С. 49; и др.
- ⁴¹ См., напр.: «Но машина вдруг вздрогнула, рванулась из стороны в сторону и... стремительно понеслась вверх... Обе облегченно вздохнули: выбрались наконец»: (*Амосова (Тараненко) С.* В боях за Новороссийск // В небе фронтовом. 2-е изд., доп. М., 1971. С. 197); «Вдруг наш старый и маломощный мотор расчихался, раскашлялся и вскоре заглох. Стало ошеломляюще тихо...»: (*Гашева Р.* Леля // Там же. С. 213); «У меня дрожат руки и ноги, первый раз на моих глазах сгорел самолет... Машина у меня ходила по курсу как пьяная...»: (*Руднева Ж.* Из писем и дневников. С. 249); «Время растянулось. Мотор натужно выл. Вой делал ожидание невыносимым» (цит. по: *Финогеев В.* Таран // 7 дней. М., 2003. 9–5 июня (№ 24). С. 76); «Внезапно мой измученный самолет попал под град огня... Мой самолет содрогнулся от удара»: (*Кноке Х.* Указ. соч. С. 141).
- См. также: *Платонов К.К., Гольдштейн В.М.* Психология личности пилота. М., 1972. С. 253–254 (сравнительный анализ возможностей пилота и авиационной техники); *Хорошилов Б.М.* Семантизация машины как «существа» во взаимодействии человека и сложной техники в профессиональной деятельности // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. «Психология». 2009. Т. 3, № 1. С. 24–34.
- ⁴² См. также: *Голубев А.В.* Советское общество и формирование антигитлеровской коалиции // Военно-исторический архив. 2012. № 11. С. 92–109.
- ⁴³ *Захаров Г.Н.* Я – истребитель. М., 1985. С. 182.
- ⁴⁴ Признания о своей борьбе как общеевропейской битве с коммунизмом встречаются в свидетельствах пилотов люфтваффе значительно реже: *Кноке Х.* Указ. соч. С. 234; и др.
- ⁴⁵ Там же. С. 100.
- ⁴⁶ См. также: *Галланд А.* Первый и последний: немецкие истребители на западном фронте, 1941–1945. М., 2004; *Соколов Б.В.* Герман Геринг: железный маршал. М., 2006.
- ⁴⁷ См. также выводы, относящиеся как к «интернациональному единству субкультурной психологии летчиков-истребителей», так и к их «национальному ментальному коду»: *Приказчикова Е.Е.* Советские и немецкие стереотипы воинского поведения летчиков-истребителей // Quaestio Rossica. Екатеринбург, 2014. № 1. С. 163–188.
- ⁴⁸ *Кноке Х.* Указ. соч. С. 235–236; и др.

- ⁴⁹ Приведем характерное свидетельство: «Таран – это нежелательная вещь, и сам рискуешь, и того можешь не сбить. Например, если просто бой с истребителями, то серьезного повода для таранов нет. Вот если бомбардировщик идет, к нему можно подойти снизу и рубануть винтом по хвостовому оперению... Вот если патронов нет, нечем стрелять, а эту “птицу” нельзя упустить, тогда можно пойти на таран. Но аккуратненько, чтобы самому живым остаться...». См.: Мухмедиаров Владимир Михайлович // URL: <http://iremember.ru/letchiki-istrebiteli/mukhmediarov-vladimir-mikhaylovich/stranitsa-5.html>
- ⁵⁰ Подробнее о материалах саратовского архива О. Кузнецова см.: *Крутов А.* Указ. соч.
- ⁵¹ См. также еще об одном характерном эпизоде проявления жалости к врагу во время боя: *Линферт Г.* Дневник гауптмана Люфтваффе: 52-я истребительная эскадра на Восточном фронте, 1942–1945. М., 2008. С. 113.
- ⁵² См.: *Франк С.Л.* Фр. Ницше и этика «любви к дальнему» // *Франк С.Л.* Соч. М., 1990. С. 26–29.
- ⁵³ По свидетельству военного летчика В.М. Мухмедиарова, за сбитого истребителя нашим пилотам выплачивали 1000 р., а за сбитого бомбардировщика 1500 р., однако реальные выплаты происходили уже в конце войны (URL: <http://iremember.ru/letchiki-istrebiteli/mukhmediarov-vladimir-mikhaylovich/stranitsa-6.html>).
- ⁵⁴ *Захаров Г. Н.* Указ. соч. С. 178.
- ⁵⁵ Там же. С. 179.
- ⁵⁶ См., напр.: «В воздухе я становился совсем другим человеком, чем на земле, – спокойным, хладнокровным, рассудительным» (*Архипенко Ф.Ф.* Я начал войну на «Чайке»: записки летчика-истребителя. М., 2007. С. 241).
- ⁵⁷ Как признается летчица Т.У. Памятных, после боевых вылетов «были политинформации, но не очень нас мучали» (Памятных Тамара Устиновна // URL: <http://iremember.ru/letchiki-istrebiteli/pamyatnikh-tamara-ustinovna/stranitsa-2.html>; см. также: *Пушкарев Л.Н.* Источники по изучению менталитета участников войны (на примере Великой Отечественной) // Военно-историческая антропология: ежегодник. М., 2002: Предмет, задачи, перспективы развития. С. 325–327).
- ⁵⁸ *Решетников В.В.* Указ. соч. С. 133–157; *Емельяненко В.Б.* Указ. соч. С. 391. См. также: *Мухин Ю.И.* Асы и пропаганда: дутые победы Люфтваффе. М., 2007; *Рябцев А.В.* Воздушные асы Восточного фронта: реальное мастерство или мифы «великих побед»? // Вестник Московского государственного областного гуманитарно-

- го института. Сер. «История, философия, политология, право». 2012. № 1. С. 17–23. Однако в современной литературе высказываются и иные оценки; см., напр.: *Смирнов А.А.* : 1) Боевая работа советской и немецкой авиации в Великой Отечественной войне. М., 2006. С. 145 и др. ; 2) «Соколы», умытые кровью: почему советские ВВС воевали хуже люфтваффе?; «Все было не так». А.И. Покрышкин. М., 2010.
- ⁵⁹ См.: *Маресьев А.П.* На Курской дуге. М., 1960; Наш Маресьев / сост. В.С. Шантарин. Камышин, 1996. Вместе с тем, зарубежные исследователи порою пытаются «дегероизировать» подвиг летчика, одновременно принижая его нравственно-воспитательную значимость. См., напр., об «эстетизации протеза» (?!) в повести Б. Полевого: *Мурав Х.* Настоящие люди и фантомные истории: насилие и протезирование в советской военной литературе // *Ab imperio*. Казань, 2008. № 4. С. 521–538.
- ⁶⁰ См.: *Сорокин З.А.* : 1) Друзья-однополчане. М., 1962 ; 2) Звезды на фюзеляже. М., 1977 ; 3) На выражах мужества. М., 1978.
- ⁶¹ *Лазарев С.Е.* Летчик – это навсегда // *История в подробностях*. М., 2013. № 6 (36). С. 72–77.
- ⁶² См.: *Бриксилл П.* Безногий ас // *Летчики его величества*. М., 2002.
- ⁶³ *Турабелидзе Г.* Встреча боевых друзей // *В небе фронтовом*. 2-е изд. М., 1971. С. 157–158; и др.
- ⁶⁴ См.: *В небе фронтовом*. 2-е изд. М., 1971. С. 134, 149, и др.; *Ракобольская И.В., Кравцова Н.Ф.* Нас называли ночными ведьмами. 2-е изд. М., 2005; *Rossi M.* «Le streghe della notte»: Storia e testimonianze dell'aviazione femminile in URSS (1941–1945). Milano, 2003; *Каменева Г.Н.* Так воевали «ночные ведьмы» // *Военно-исторический журнал*. 2010. № 3. С. 16–20; *Биливненко С.Н., Молдавский Р.Л., Соляник Н.А.* Советская женщина в условиях Второй мировой войны // *Наукові праці історичного факультету Запорізького національного університету*. Запоріжжя, 2012. Вып. 32. С. 256–263. Эта социокультурная установка проявлялась и в других родах войск. Вместе с тем, наблюдались и иные тенденции, связанные с противоречивой реальностью войны: *Сенявская Е.С.* Женщины освобожденной Европы глазами советских солдат и офицеров (1944–1945 гг.) // *Ученые записки / Петрозаводский государственный университет. Сер. «Общественные и гуманитарные науки»*. 2012. № 3. С. 13–19. См. также о фронтовом насилии над женщинами в советских летных частях: Куница Нина Ивановна // URL: <http://iremember.ru/letno-tekh-sostav/kunitsina-nina-ivanovna.html>
- ⁶⁵ *Реишников В.В.* Указ. соч. С. 282.

- ⁶⁶ *Ермаков А.М.* Конструирование образа Советского Союза в Национал-социалистической женской организации // Научные ведомости / Белгородский государственный университет. Сер. «История. Политология. Экономика. Информатика». 2010. № 13. С. 175–182.
- ⁶⁷ *Бломертц Г.* Указ. соч. С. 185.
- ⁶⁸ См. также: *Тимошина С.А., Шпаковский В.О.* Советские газеты о сталинских соколах, немецких пилотах, самолетах наших врагов и союзников // История в подробностях. М., 2013. № 1 (31). С. 34–39.
- ⁶⁹ *Покрышкин А.И.* Указ. соч. С. 203. Как вспоминает другой летчик, Н.С. Суднов, «меня всегда удивляло, почему так мало было приборов»: так, «на Як-7Б так и не появился авиагоризонт. А у немцев давно стояли эти приборы» (URL: <http://iremember.ru/letchiki-istrebiteli/sudnov-nikolay-stepanovich/stranitsa-3.html>).
- ⁷⁰ При этом именно диалектика фронтовых утрат и обретений выступала в качестве мощной «витальной жизненной силы» (А. Бергсон) и душевной энергии, не только организуя и детерминируя сознание пассионарных летчиков-комбатантов, но и *преображая* его. См. также: *Алексеевко М.С.* Развитие личностного потенциала летчика в процессе профессионального становления: автореф. дис. ... канд. психол. наук: 19.00.01. М., 2011.
- ⁷¹ См. также: *Галлай М.* Небо, которое объединяет. СПб., 1997; *Краснов В.Н.* «В небе войны»: советско-германское противостояние в воздухе глазами противников сторон (1941–1945) (фотоархив ВИЕТ) // Вопросы истории естествознания и техники. 2010. № 2. С. 40–48. Советские летчики, как и другие боровшиеся с фашизмом воины, смогли (во многом ценою самопожертвования) преодолеть одну из главных исходных установок человека – его постоянное стремление к самосохранению, экзистенциальное содержание которого точно определил философ Мигель де Унамуно: «Наше страстное желание никогда не умирать и есть наша действительная сущность»: *Унамуно М. де.* О трагическом чувстве жизни: пер. с исп. Киев, 1996. С. 30.
- ⁷² См.: *Карташев А.В.* Подготовка летных кадров в СССР в ходе коренного перелома в Великой Отечественной войне // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 12. С. 83–89.
- ⁷³ О значимости экзистенциального опыта Второй мировой войны см. также: *Гессе Г.* Письмо в Германию (1946) // *Гессе Г.* Избранное. М., 1991. С. 534–535.
- ⁷⁴ «Теперь я лучше постигаю, в чем смысл победы, – отмечал Сент-Экзюпери. – Тот... кто носит в своем сердце образ будущего собора, – уже победитель... Нас согревает тепло наших связей – поэтому мы победители» (*Сент-Экзюпери А. де.* Военный летчик // *Сент-*

- Экзюпери А. де.* Избранное. М., 1987. С. 338. Ср.: *Жоффр Ф. де.* Нормандия – Неман: воспоминания летчика. М., 1982. С. 175).
- ⁷⁵ См.: *Шулика В.Н.* Воспитательная работа в воздушных армиях фронтовой авиации в годы Великой Отечественной войны: опыт и уроки: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Монино, 2006.
- ⁷⁶ См. также: *Лысакова Е.Н.* Отечественная авиационная психология: итоги развития (1912–2012 гг.) // Вестник Самарского государственного университета. 2012. № 8. 1 (99). С. 208–215; *Пономаренко В.А.* О духовном смысле трансцендентного общения летчиков с небом // Психология обучения. М., 2014. № 8. С. 37–50; *Марчуков А.В.* Герои-покрышкинцы о себе и своем командире. Правда из прошлого, 1941–1945. М., 2014.

4. РОССИЯ (СССР): ВЗГЛЯД ИЗВНЕ

Мезин С.А.

ФРАНЦУЗСКАЯ РОССИКА КОНЦА XVII – ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII В.*

Сегодня ни один серьезный труд по истории петровского времени не обходится без обращения к сочинениям иностранцев о России, которые традиционно именуется Россикой. Записки Г.Ф. Бассевича, Ф.В. Берхгольца, К. де Бруина, Х.Ф. Вебера, И.Г. Корба, Дж. Перри, Ч. Уитворта, И.Г. Фоккеродта, Ю. Юля давно стали своеобразной классикой среди иностранных источников конца XVII – первой четверти XVIII в. Заметим, что в этом перечне имен нет ни одного представителя Франции.

Действительно, сочинений французов о «преображенной» России не так уж много. Оставлю в стороне донесения дипломатов, которые временно или постоянно находились при русском дворе (Ж.К. де Балюз, А. де Лави, Ж.Ж. де Кампредон). Не буду называть мемуаристов, наблюдавших Петра I во время его путешествия во Францию в 1717 г., а также автора компилятивной биографии царя, опубликованной по случаю визита¹.

Обращу внимание лишь на сочинения, специально написанные авторами, побывавшими в России, чтобы расширить представление французских читателей о далекой северной стране. (Не буду останавливаться на сочинениях путешественников, которые посетили и описали Петербург в 1724 и 1726 гг. – П. Дешизо и О. де ла Мотре.)

---

* Работа выполнена при поддержке Дома наук о человеке (Париж).

Список сочинений французов о России петровского времени открывают «Записки о Московии» французского дипломата Фуа де ла Невилля, научное издание которых осуществлено в 1996 г. А.С. Лавровым. Невилль прибыл в Москву в августе 1689 г. как дипломатический агент польского короля Яна Собесского, в тот самый момент, когда произошла смена власти, и Петр I, сместив царевну Софью, окончательно утвердился на престоле. Таким образом, записки де ла Невилля замыкают ряд сочинений французов о допетровской Руси и одновременно кладут начало французской Россике петровского времени. Это произведение, единственное из всех, которые предполагается рассмотреть, содержит не только сведения о политических событиях, но и небольшую главу «Нравы и религия московитов». В полном соответствии с наблюдениями своих предшественников² Невилль делает вывод о «варварстве» русских: «Московиты, собственно говоря, варвары. Они подозрительны и недоверчивы, жестоки, склоны к содомии, прожорливы, скупы, негодяи и трусы, все они рабы, за исключением трех иностранных семей... Кроме того, они очень невежественны... Они очень грязны...»³ Приход к власти Нарышкиных автор (горячий сторонник В.В. Голицына) рассматривает как победу грубых и невежественных варваров, которые влезли «в свою прежнюю шкуру, столь же черную, сколь и зловонную»: «Эти невежды... вновь запретили въезд иностранцам в страну. Считают также, что они принудят московитов не учиться ничему, кроме чтения и письма, как прежде; встав в этом, как и в других делах на путь тиранического правления...» Не вызывает у Невилля симпатии и молодой царь Петр, у которого глаза «такие блуждающие, что тяжело в них смотреть; голова все время трясется», который «развлекается, стравливая своих фаворитов; часто они убивают друг друга, боясь потерять его милости»⁴. У автора явно просматривается недружелюбное отношение к России.

Книга де ла Невилля, вышедшая во время Великого посольства, была воспринята русскими властями как антипетровский памфлет. Несмотря на то, что прогнозы Невилля в отношении

правления Петра I не оправдались, вышеприведенные оценки оказались довольно живучими во французской России.

Почти не скрываемая политическая враждебность и негативный образ России в первое десятилетие правления Петра определяли отношение французов к России. Как писал в 1704 г. русский агент в Париже П.В. Постников, «здесьшний двор великою злобою и противностью дышет на интересы его священного царьского величества»⁵.

Лишь Полтавская победа побудила французские власти обратить более пристальное внимание на царя Московии, вызвала к нему определенный интерес во французском обществе. Явно на волне этого интереса в Париже в 1710 г. выходит небольшая книга «Le prince Kouchimen, Histoire Tartare...»⁶, которая затем переиздавалась во Франции и в Голландии. Это – беллетризованная биография царского фаворита А.Д. Меншикова. Существует два мнения о ее авторстве. Л.Л. Альбина и А.М. Шарымов, подготовившие русское издание текста, обосновали принадлежность этого сочинения Жозефу Гаспару Ламберу де Герену – инженеру, находившемуся на русской службе в 1701–1706 гг. Он был человеком, близким к царю и Меншикову, автором проектов Петропавловской и Новодвинской крепостей, кавалером ордена Андрея Первозванного, но затем покинул Россию со скандалом⁷. Недавно Н.А. и Н.П. Копаневы вернулись к старому предположению французских библиографов об авторстве Франсуа Тимолена де Шуази, литератора и члена Французской Академии⁸. Правда, исследователи не отрицают, что главным источником информации для писателя мог быть Ламбер де Герен. Версия Копаневых представляется менее убедительной. В основе ее лежит идея о том, что сочинение создавалось по заказу французского правительства с целью дискредитировать русского царя, представленного здесь «в образе варварского диктатора».

Думается, что авторы видят вражеские происки там, где их на самом деле не было. Романизованная биография Меншикова прежде всего служила для развлечения читателей⁹. Однако в ней заметно, как это показал А.М. Шарымов, хорошее знание российских реалий, знакомство с русским языком, на-

званиями и географией. Знал автор и сочинение де ла Невилля¹⁰. При этом общая оценка деятельности царя в повести сильно отличается от «пророчеств» Невилля, ее нельзя признать враждебной и отрицательной. Напротив, здесь мы едва ли не впервые встречаем у французского автора упоминание о желании царя «просветить свою, дотоле варварскую страну», высокую оценку роли Лефорта и Великого посольства, положительную оценку военных и созидательных дел царя, свидетельствующих о его «глубоком гении» и о «величии его желаний». Даже внешняя политика Петра вызывала сдержанное одобрение. Но автор не был бы французом, если бы не упомянул при этом, что «этот государь представляется нам непривычным в некоторых противных нашим обычаям поступках». В частности, в повести отмечается «суровое почти тираническое правление» царя, вызывающее ненависть «почти у всех сословий». Еще более привлекательным рисуется образ Меншикова, который «проявил характер благородный и весьма редкий»¹¹.

Приведенные оценки косвенно свидетельствуют в пользу авторства Ламбера де Герена, который, как известно, не терял надежды вернуться на русскую службу.

Линию Ламбера де Герена по реабилитации образа русского царя в глазах французских властей продолжил Жан Луи д'Юссон де Боннак. Этот дипломат, кажется, не бывал в России, но представляя интересы французского короля в Польше, а позже в Турции, он, несомненно, был осведомлен о том, что происходило в соседней стране, грозившей нарушить политическое равновесие в Европе. В июле 1711 г. Боннак передает «Мемуар о наиболее значительных событиях, произошедших на Севере с 1700 по 1710 годы...»¹² Марии Аделаиде Савойской, матери будущего Людовика XV (не к ней ли обращался и автор «Князя Кушима»?) Как отмечает Ф.Д. Лиштенан, опубликовавшая текст на русском языке, «Записка» Боннака является «первым французским текстом, прославляющим Петра»¹³. Французская исследовательница справедливо полагает, что Боннак кое-что читал о начале царствования Петра. Можно предположить, что опытный дипломат был в курсе памфлетной войны, которая велась шведскими и русскими пропагандиста-

ми в германских изданиях, широко расходившихся по Европе (наиболее активным автором был М. Нейгебауер, который выступал как смертельный враг царя и Меншикова и критик «русского варварства», а в 1710 г. уже вышла апологетическая биография Петра I, автором которой считается И.Г. фон Лоэнштейн)¹⁴. Весьма вероятно, что слова автора о французах, «которые мало преуспели в этой стране (России. – С.М.) из-за экстравагантности наших первых соотечественников, прибывших сюда», относятся к Ламберу де Герену.

Под пером французского автора Петр I выступает как гениальный властитель, борющийся с варварством и жестокостью в себе и в своем народе («московиты были самым грубым и самым презренным народом в Европе...»). Боннак проявляет явное стремление поспорить с распространенной в Европе репутацией Петра как «государя жестокого и варварского». После Полтавы можно было отвергнуть сомнительные суждения «относительно храбрости царя» (об этом много писали шведские памфлетисты после Нарвы). При Полтаве Петр «разработал план сражения, достойный великого полководца, и очень уверенно атаковал шведов во главе своего войска». При этом Боннак славил не столько победителя Карла XII, сколько «государя, имеющего разносторонние дарования» и постоянно стремящегося к приобретению новых знаний. Между прочим, автор отмечал, что царь «при всяком случае демонстрировал расположение к французской нации, почтение к персоне короля и желание установить с Францией тесные отношения, как только для этого представится возможность»¹⁵.

Говоря о достоинствах царя, французский автор самым замечательным его качеством называет «способность к дружбе и признательности», что показано на примере его дружбы с Меншиковым. Боннак дает довольно взвешенную характеристику Меншикова, но при этом намекает на гомосексуальные отношения царя со своим фаворитом, информацию о которых он якобы имел из надежных источников¹⁶.

Следующее сочинение французского автора о петровской России – это «Записки политические, забавные и сатирические» Ж.Н. Моро де Бразе, вышедшие в Амстердаме в

1716 г., а затем переизданные в 1735 г.¹⁷ Автор – военный и литератор, служивший во Франции, в Испании и в России, опубликовавший ряд брошюр о военных кампаниях в разных странах, а также комедий. В качестве командира Казанского драгунского полка он был участником Прутского похода 1711 г., который подробно описал в своих мемуарах. В литературе до сих пор распространено мнение, что он присвоил себе слишком высокий чин бригадира¹⁸, однако этот чин подтверждается дипломом, подписанным Петром I собственноручно¹⁹. В книге Моро де Бразе немало забавных анекдотов и шуточных наблюдений, касающихся придворных порядков в России и в Саксонии, но наибольшую ценность представляет рассказ о Прутском походе. Это, по словам А.С. Пушкина, «лучшее место изо всей книги, отличается умом и веселостью беззаботного бродяги; он (рассказ. – С.М.) заключает в себе множество любопытных подробностей и неожиданных откровений, которые можно подметить только в пристрастных и вместе искренних сказаниях современника и свидетеля»²⁰. Именно Пушкину отечественные читатели обязаны переводом части «Записок», посвященной Прутскому походу²¹. Современный исследователь поддерживает мнение о «Записках» как о «чрезвычайно ценном источнике»²².

Поразительно, что одно из первых имен, которое встречается на страницах «Записок» Моро де Бразе, – это имя автора вышеописанной записки маркиза Боннака, который характеризуется как автор миротворческого проекта европейского масштаба²³. Россия для французского наемника – далекая, «затерянная» страна Севера. Автор начинает описание событий с похода Карла XII на Россию, который обернулся для короля «печальной катастрофой», потерей армии и многих прибалтийских провинций. Энергичные завоевания царя, по словам автора, удивили турецкого султана, который не желал иметь столь сильного соседа и объявил войну России. Описание Моро де Бразе наполнено подробностями похода, сквозь которые, однако, просматривается его отношение к русским и к Петру.

Причину катастрофы русской армии на Пруте автор видит в авантюрном решении идти через «пустыню» на Прут, которое

царь принял на военном совете под давлением своих министров и «русских генералов» вопреки мнению «немецких генералов» о необходимости оставаться у берегов Днестра. Когда дела у них идут хорошо, – утверждает де Бразе, – русские ради своего честолюбия не хотят слушать иностранцев, но как только они из-за своей неопытности попадают в трудное положение, вся ответственность возлагается на «немцев». К тому же он упрекает русских в безмерном пьянстве.

Французский автор приписывает царским министрам коварный план: русские любят спокойствие и лень, они не склонны к военным занятиям; министры специально хотели втравить Петра в дело, заранее обреченное на провал, с тем чтобы отбить у царя природную склонность к войне и побудить его к мирной жизни.

Исподволь обвиняя царя в излишней любви к славе, автор вместе с тем отмечает, что в самых трудных обстоятельствах Петр «щадил себя не больше, чем самый смелый солдат его армии». Во время битвы он появлялся повсюду, ласково и дружески говорил с генералами, офицерами и солдатами, требовал отчета о том, что происходило на их посту. Из описания де Бразе можно сделать вывод о чрезвычайной стойкости русской армии перед лицом сильного противника²⁴. Правда, окончательный вывод французского автора состоит в том, что именно иностранным генералам царь «обязан своим спасением, как и спасением своей царицы, своих министров, своей казны, своей армии, своей славы и величия». О царице Екатерине, находившейся вместе с мужем в походе, автор невысокого мнения: это «женщина ничтожного происхождения, безо всякого образования, не воспитанная в чувствах величия и душевной возвышенности»²⁵.

Наконец, самое известное произведение французской Россики петровского времени традиционно приписывается контр-адмиралу Никите Петровичу Вильбуа²⁶. В полном составе так называемые «Записки Вильбуа» включают в себя следующие рассказы: «Вильбуа. Анекдот о русском дворе в правление царя Петра Первого и его второй жены Екатерины»; «Анекдоты касательно подлинной причины смерти царя Петра Первого и

касательно Всешутейшего и всепьянейшего собора, учрежденного этим государем при дворе»; «Стрельцы. Восстание и подавление стрельцов в России в царствование Петра Первого или Великого»; «Краткий рассказ или анекдоты о жизни царицы Евдокии Федоровны, первой жены царя Петра I»; «Анекдоты или краткий рассказ о жизни Екатерины, русской императрицы, второй жены царя Петра Первого»; «Краткий рассказ или анекдоты о жизни князя Меншикова и его детей до 1734 года»²⁷.

Специальное изучение биографии француза на русской службе Франсуа Гийемо де ла Виллебье (1674–1760), известного в России под именем Никиты Петровича Вильбуа, приводит к двум выводам: первый рассказ из сборника не может рассматриваться как автобиография Вильбуа; обрусевший и перешедший в православие француз Никита Петрович Вильбуа не мог быть автором приписываемых ему записок²⁸. Автор этих строк не первым пришел к такому заключению. На титульном листе рукописи, хранящейся во Французской национальной библиотеке, имеется надпись: «Anecdotes de Russie. Villebois n'est pas l'auteur»²⁹. В свое время весомые доказательства против авторства Вильбуа привел Р.И. Минцлов³⁰, однако его наблюдения остались незамеченными.

Все рассказы, приписываемые Вильбуа, относятся к популярному в XVIII в. жанру анекдотов, т.е. неизданных рассказов о жизни известных людей, как правило, содержащих занимательные, пикантные детали. Текст записок сложился в начале 1740-х годов. Известен целый ряд их изданий, как правило, неполных. Единственное издание на русском языке также является неполным и далеким от требований современной археографии³¹.

В целом со страниц анекдотов встает своеобразный образ России и ее царя. Петр рисуется как «умный и смелый» государь, «единственный в своем роде», «необыкновенный как в своих добродетелях, так и в своих недостатках», противостоящий «невежественному, суеверному и дикому народу». Личные качества царя далеки от идеала: он влюбчив, непостоянен, резок, жесток. Царь обладает неограниченной деспотической

властью над подданными, так же, как господа полностью распоряжаются жизнью своих крепостных. Вместе с тем власть в России нестабильна, как из-за отсутствия твердого закона о престолонаследии, так и из-за того, что в России не принято соблюдать законы.

Из текста анекдотов следует, что их автор был французом, католиком, человеком, хорошо разбиравшимся в тонкостях европейской политики. Он пояснял факты из русской жизни парижскими аналогиями, он вдавался в тонкости французского языка. Наконец, он был прекрасно знаком с европейской Россией. Он упоминал брошюру «Le prince Kouchimen», ему была известна статья Ричарда Стила в английском журнале «Зритель» 1711 г. о превосходстве Петра I над Людовиком XIV³². Он постоянно полемизировал с изданиями Руссе де Мисси (Ивана Нестесураноя) «Записки о царствовании Петра Великого» (1725–1726) и «Записки» об императрице Екатерине I (1740). Ему был известен факт участия барона Г. Гюйссена в этих изданиях, и он лично вступал в полемику с немецким бароном, которого считал основным автором сочинений, вышедших под «русским» псевдонимом Ивана Нестесураноя. Таким образом, есть все основание поддержать мнение Р.И. Минцлова о том, что автор сборника анекдотов, ошибочно приписываемых Вильбуа, принадлежал к среде французской дипломатии. Об этом прямо свидетельствует надпись на одной из рукописей анекдотов, хранящейся в Российской национальной библиотеке: «Ce manuscrit rare et précieux vient d'un ministre de France resident à la cour de Russie du temps de Pierre I-er et témoin de tous les faits qu'il avance»³³.

Подводя итог обзору произведений французской России петровского времени, следует прежде всего констатировать определенную преемственность в подходах, сюжетах и оценках авторов, вплоть до прямых заимствований. Нельзя не отметить общие черты, свойственные всем рассмотренным сочинениям: отсутствие у их авторов глубокого интереса к географии, экономике, социальной структуре, религии и обычаям русского общества; преобладание сюжетов персонального, придворного, политического и дипломатического характера; склонность к

беллетристике, к жанру анекдотов – «устной истории» XVIII в., что в сумме приводило к довольно поверхностному взгляду на Россию и делало эти сочинения особенно сложными для использования в качестве источников.

Французская Россия рассматриваемого периода сохранила приверженность к образу «русского варварства» и, за редким исключением, недружелюбное отношение к России. Авторы подчас жаловались на грубое обращение с ними в русском обществе. Русские продолжали оставаться для них варварским народом, хотя и наделенным отдельными положительными чертами (например, смелость, выносливость). Созданный французскими авторами образ выдающегося, даже «гениального» царя Петра I не смог сломать негативных стереотипных представлений о далекой стране Севера.

---

¹ См.: *Мезин С.А.* Взгляд из Европы: французские авторы XVIII века о Петре I. 2-е изд., испр. и доп. Саратов, 2003. С. 44–64.

² См.: *Mervaud M., Roberti J.-C.* Une infinie brutalité: L'image de la Russie dans la France des XVIe et XVIIe siècles. Paris, 1991.

³ *Невилль де ла.* Записки о Московии. М., 1996. С. 106–167.

⁴ Там же. С. 164, 169.

⁵ *Шмурло Е.Ф.* П.В. Постников. Несколько данных для его биографии. [Юрьев, 1894]. С. 135 (Приложение).

⁶ Современный перевод см.: История Князя Меншикова. СПб., 2003. См. также: *Минцлов Р.И.* Петр Великий в иностранной литературе. СПб., 1872. С. 532–534.

⁷ См.: *Les Français en Russie au siècle des Lumières / Sous la direction d'Anne Mézin et de Vladislav Rjéoutski.* Ferney-Voltaire, 2011. Vol. 2. P. 459–461.

⁸ *Копанев Н.А., Копанева Н.П.* Первое жизнеописание князя Меншикова: к вопросу об авторстве // Меншиковские чтения-2010. СПб., 2010. С. 94–101.

⁹ «Эта первая относительно полная перелицованная биография Меншикова была сделана всего лишь для забавы», – отмечал Р.И. Минцлов (*Минцлов Р.И.* Указ. соч. С. 533).

¹⁰ Об этом, в частности, свидетельствует словесный портрет царевны Софьи, который почти дословно совпадает с описанием де ла Не-

- вилля – *единственным*, оставленным современником. См.: История Князя Меншикова. С. 11; *Невилль де ла*. Указ. соч. С. 159.
- ¹¹ См.: История Князя Меншикова. С. 12–15, 23–24.
- ¹² *Лиштенан Ф.-Д.* «Битва во славу рода человеческого»: как Жан-Луи Боннак Петра прославил // *Родина*. 2009. № 7. С. 67–69; *Bonac J.-L. d'Usson*. Mémoire du Marquis de Bonac sur les affaires du Nord de 1700 à 1710... // *Revue d'histoire diplomatique*. Paris, 1889. 3-е année. P. 92–116.
- ¹³ *Лиштенан Ф.-Д.* Указ. соч. С. 66.
- ¹⁴ См., например: *Ермасов Е.В.* Петр Великий и Россия в немецкой публицистике первой четверти XVIII века // *Историографический сборник*. Саратов, 1999. Вып. 18. С. 40–62.
- ¹⁵ *Лиштенан Ф.-Д.* Указ. соч. С. 69.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ *Moreau de Brasey J.N.* Mémoires politiques, amusans et satiriques... A Véritopolie, [1716]. Т. 1–3; (2-е изд.: Véritopolie [i.e. Amsterdam], 1735).
- ¹⁸ *Les Français en Russie ...* P. 614.
- ¹⁹ См.: *Фейнберг И.Л.* Читая тетради Пушкина. М., 1985. С. 88; *Письма и бумаги Петра Великого*. М., 1964. Т. 11, вып. 2. С. 64.
- ²⁰ *Пушкин А.С.* Записки бригадира Моро де Бразе, касающиеся до Турецкого похода 1711 года // *Полн. собр. соч.*: В 10 т. Л., 1978. Т. 8. С. 283.
- ²¹ Там же. С. 284–330.
- ²² См.: *Водарский Я.Е.* Загадки Прутского похода Петра I. М., 2004. С. 14–18.
- ²³ *Moreau de Brasey J.N.* Op. cit. Véritopolie [i.e. Amsterdam], 1735. Т. 1. P. 4.
- ²⁴ *Ibid.* P. 11, 19, 24–25, 58, 65, 81.
- ²⁵ *Ibid.* P. 66.
- ²⁶ См.: *Беспярых Ю.Н.* Иностранные источники по истории России первой четверти XVIII в. (Ч. Уитворт, Г. Грунд, Л.Ю. Эренмальм). СПб., 1998. С. 16, 44.
- ²⁷ *Bibliothèque nationale de France*. Ms fr. 14637. 188 f. Названия рассказов даны в редакции рукописи Французской национальной библиотеки, кроме первого рассказа, который озаглавлен по рукописи из Библиотеки Вольтера: *Memoires pour l'histoire de Russie par Voltaire*. Т. II: *Bibliothèque de Voltaire*, arm. 5. № 242. F. 1.
- ²⁸ См.: *Мезин С.А.* : 1) Никита Петрович Вильбуа // *Труды Государственного Эрмитажа*. СПб., 2011. Т. 58: Петровское время в лицах-2011: к 30-летию Отдела Государственного Эрмитажа «Дворец

- Меншикова» (1981–2011): материалы науч. конф. С. 281–290 ;
2) Об одном источнике «Истории Российской империи при Петре Великом» Вольтера: так называемые Записки Вильбуа // Вольтеровские чтения. Вып. 2. (В печати).
- ²⁹ «Российские анекдоты. Вильбуа не является автором» (фр.).
- ³⁰ *Мицлов Р.И.* Указ. соч. С. 141–153.
- ³¹ *Вильбуа.* Рассказы о российском дворе // Вопросы истории. 1991. № 12. С. 192–206; 1992. № 1. С. 139–155; № 4/5. С. 137–148.
- ³² См.: *Берелович В.* Петр Великий и Людовик XIV: скрытое противопоставление в России XVIII века // Пинакотека. 2001. № 1–2.
- ³³ Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Фр. FIV. № 162. Ф. 1: «Эта редкая и ценная рукопись происходит от французского посла при Российском дворе времени Петра I и свидетеля всех дел, которые он начал» (фр.).

**«ЖЕНСКИЙ ПОРТРЕТ В ИНТЕРЬЕРЕ»:
РОССИЙСКАЯ ИМПЕРАТРИЦА АННА ИОАННОВНА
И ЕЕ ДВОР ГЛАЗАМИ АНГЛИЙСКОЙ ЛЕДИ**

В последние годы в российском обществе заметно возрос интерес к отечественной истории. Неизменным спросом у читательской аудитории пользуется литература, посвященная видным государственным и политическим деятелям России прошлых столетий. Между тем нельзя сказать, чтобы все исторические личности в одинаковой мере становились объектом исследований историков. Если обратиться к истории XVIII в., то убедимся, что больше всего монографий посвящено Петру Великому и Екатерине II, реформаторская деятельность которых позволила преобразовать Россию из отсталой и патриархальной страны в динамично развивающуюся империю. В то же время не все российские правители той эпохи могли гордиться подобными достижениями. Были среди них и те, чьи имена упоминаются потомками с долей осуждения. В их числе императрица Анна Иоанновна, правление которой тесно связано с т.н. «бионовщиной», засильем немцев в управлении государством, и пр. Но что собой представляли императрица и ее фаворит? Об этом в современной исторической литературе написано еще не так много. В этой связи такой малоизученный источник, как «Письма леди Рондо»¹, позволит пролить свет на правление императрицы Анны Иоанновны как бы со стороны, глазами одной из знатных дам, силою обстоятельств ставшей свидетельницей придворной жизни России в эпоху «бионовщины».

Письма леди Рондо, жены английского резидента при русском дворе в царствование императрицы Анны Иоанновны (“Letters from a Lady who resided some years in Russia to her friend in England; with historical notes”) были изданы в Лондоне в 1775 г., на русский язык переведены в 1836 г. В своем преди-

словии издатель источника К. Бестужев-Рюмин сообщал, что сочинительница писем родилась в 1699 г. В Россию она приехала с первым своим мужем, английским генеральным консулом Томасом Уордом. После его смерти вторым браком сочелась в 1732 г. с Клавдием Рондо. По характеристике князя П.В. Долгорукого, К. Рондо, сын французского протестанта, поселившийся в Англии и сделавшийся английским баронетом, слыл искателем приключений, своей карьерой был обязан жене, «одной из величайших интриганок того времени»². По-видимому, сам издатель подобного мнения о супруге Рондо не разделял. Во всяком случае, он считал леди Рондо «наблюдательной, образованной, умной и веселой, светской женщиной, чуждой всякого педантизма, претензий и предвзятых мыслей»³. В какой мере справедливы подобные характеристики? Что собой представляла леди Рондо в действительности? Об этом можно судить из ее писем.

Джейн Рондо (в девичестве Гудвин) родилась в английском графстве Йоркшир, в семье священнослужителя. Информация о юношеских годах и образовании Джейн очень скупа. После бракосочетания с генеральным консулом и агентом Русской компании Томасом Уордом она вместе с супругом в 1728 г. отправилась в Россию. Миссия Уорда заключалась в налаживании дипломатических отношений между британским королем Георгом II Ганноверским и российским императором Петром II. Супруги поселились в Петербурге, откуда порой наезжали в Москву. Оказавшись в незнакомой стране, Джейн начала писать письма своей приятельнице в Англию, в которых делилась впечатлениями о России, а также о придворной жизни, свидетельницей которой ей довелось быть. Совместная жизнь супругов оборвалась через три года: Томас Уорд скончался в феврале 1731 г. Впрочем, столь печальное событие не заставило Джейн покинуть Россию: спустя полгода после кончины мужа, она вторично вышла замуж. Ее избранником стал секретарь Уорда – Клавдий Рондо. В свое время Рондо отмечал доброе расположение консула Уорда к себе, а его супругу называл «женщиной величайших достоинств». Английский дипломат пробыл на своем посту в России с 1731 по 1739 г., занимаясь,

помимо своих прямых обязанностей, также литературной деятельностью. Рондо оставил после себя дипломатическую переписку, а также краткие характеристики многих русских вельмож, с которыми ему довелось близко общаться (Г.И. Головкин, М.М. и Д.М. Голицыны, А.И. Остерман, П.И. Ягужинский, И.Ю. Трубецкой и др.)⁴. В 1739 г. супруги Рондо покинули Россию. Спустя год Джейн Рондо вновь овдовела. Впрочем, грустила в одиночестве она недолго: коммерсант Уильям Вигор стал третьим мужем Джейн. Она прожила долгую жизнь, скончалась 6 сентября 1783 г. в преклонном возрасте.

Прижизненное издание писем леди Рондо было издано в 1775 г. Спустя год в Роттердаме вышел французский перевод издания. Письма леди Рондо оказались одним из немногих (если не сказать единственным) британских источников, связанных с эпохой правления Анны Иоанновны. Тот факт, что указанный источник принадлежал перу женщины, безусловно, отразился на его содержании. Как отмечал К. Бестужев-Рюмин, в книге леди «нечего искать обстоятельного изложения религии, правления, законов и т.п. Она дает легкие очерки нравов, соборная анекдоты, сплетни, характеристики тех лиц, с которыми судьба ее сводила»⁵. При этом автор обращает внимание на тот факт, что не все характеристики леди Рондо были верны. Как бы то ни было, данный источник в силу своей оригинальности и слабой изученности в отечественной науке способен привлечь внимание исследователей истории России в XVIII в.

О чем же писала леди Рондо своей приятельнице в Англию, оказавшись с мужем в Петербурге, в феврале 1730 г.? Подобно большинству путешественников, прибывавших в Россию, она в первую очередь подробно описала свои впечатления о столице, замечая, что Петербург «живописно расположен на прекрасной реке, называемой Невою», в котором «дома и улицы очень хороши, однако мало обитаемы». Зимний дворец ей показался маленьким и некрасивым: «в нем большое число маленьких комнат, дурно расположенных, и нет ничего замечательного в отношении архитектуры, живописи или мебелировки»⁶. Поскольку супруги пробыли в Петербурге недолго, Джейн не могла рассказать о своих впечатлениях от города более деталь-

но: уже 5 марта они отправились в Москву, ко двору царствующего в ту пору императора Петра II. Проезжая через Новгород, Джейн отметила, что город «беден, хотя и велик, дома все деревянные, низки и малы». В то же время Тверь ей показалась «хорошеньким городом», с чистыми и опрятными деревянными строениями. В целом же, впечатления англичанки о просторах русской земли мало чем отличались от описаний других путешественников:

«За исключением хижин, находящихся на пространствах между станциями, можно подумать, что проезжаешь через пустынную страну, где не видно ни городов, ни домов, и где встречаются только густые леса», – заключала Джейн⁷.

Как супруга дипломата Джейн, должна была ежедневно посещать «лиц высшего круга». Чаще всего общество собиралось у супруги польского министра (Лефорта). Англичанка сетовала, что большинство вельмож приходило на подобные ассамблеи ради игры в карты. На ее взгляд, «беседа была бы там приятна, если бы карты не были известны в России»⁸. Придворная жизнь включала в себя собрания «два раза в неделю», а также балы и маскарады в императорском дворце или у иностранных министров.

Одно из торжеств, которые довелось посетить Джейн, было посвящено помолвке императора Петра II с княжной Долгорукой. Знаменательное событие, которое происходило 28 декабря 1730 г., было описано англичанкой самым подробным образом:

«Все лица высшего круга были приглашены и, собравшись, сели на скамейках в большой зале: с одной стороны государственные сановники и знатные русские, с другой – иностранные министры и знатные иностранцы». Когда все разместились, появился император, а затем прибыла и невеста, одетая в платье из серебряной ткани, «плотно обхватывающее ее стан». Англичанка не преминула отметить «большое количество алмазов», украшавших прическу невесты, а также маленькую корону на ее голове. Не забыла Джейн дать описание и жениха. Император Петр II «высокого роста и очень полон для своего возраста, так как ему только

15 лет; он бел, но очень загорел на охоте; черты лица его хороши, но взгляд пасмурен, и, хотя он молод и красив, в нем нет ничего привлекательного или приятного. Платье его было светлого цвета, вышитое серебром»⁹. Далее Рондо описывала церемонию помолвки, которая завершилась балом.

Как известно, русский двор оставался в Москве в течение четырех лет, с 1728 по январь 1732 г. После смерти императора Петра II (англичанка в одном из своих писем упоминала, что «царь умер от оспы в день, назначенный для свадьбы», 19 января 1730 г.) с перемещением двора в Петербург, Джейн вместе со своим супругом К. Рондо также покинули Москву. Уже в первом письме к своей подруге из столицы леди Рондо рассказала о торжественной встрече императрицы Анны Иоанновны в Петербурге в 1733 г.:

«Ее величество за две мили от города была встречена членами судебных мест, сухопутными и морскими офицерами, иностранными негодичантами, чинами академии и иностранными министрами. Она проехала через пять триумфальных арок, построенных по этому случаю, затем посетила церковь, и, после краткой молитвы села в карету и с тою же торжественностью вступила во дворец, где ей было сказано несколько речей, заключавших в себе поздравления с ее прибытием». После обеда, на котором присутствовало до 80 особ («первые чины двора», а также иностранные министры с супругами), состоялся бал. Леди Рондо представила также портрет императрицы. «Она (императрица) почти моего роста, – отмечала англичанка, – чрезвычайно полна, но, несмотря на это, хорошо сложена и движения ее свободны и ловки. Она смугла, волосы ее черны, а глаза темно-голубые; во взгляде ее есть что-то царственное, поражающее с первого разу. Когда же она говорит, то на губах ее является невыразимо приятная улыбка. Она много разговаривает со всеми и в обращении так приветлива, что, кажется, будто говоришь с равной себе; однако же, она ни на минуту не теряет достоинства государыни. Она, по-видимому, очень кротка, и если бы была частным лицом, то, как я думаю, считалась бы чрезвычайно приятной женщиной». Императрица говорит только по-русски, но понимает и по-немецки¹⁰.

Вскоре леди Рондо сблизилась с супругой графа Бирона. Та являлась большой любительницей вышиванья и, узнав, что у англичанки имелось несколько вышивок собственной работы, пожелала их видеть и пригласила ее к себе работать два-три раза в неделю. Леди Рондо приняла это приглашение с удовольствием, как она поясняла, по двум причинам. «Во-первых, – писала она, – господин Рондо, занимая настоящий пост, может извлечь из этого выгоды, и, во-вторых, мне представляется случай видеть царицу в такой обстановке, в какой иначе ее никак нельзя было бы видеть, потому что она постоянно проходит через ту комнату, в которой мы занимаемся рукоделем». Англичанка подробно описывала свои встречи с императрицей.

«Так как комнаты ее (императрицы) смежны с комнатами графини (Бирон), то она после обеда много раз приходит к нам, не обращая внимания на то, встаем ли мы перед нею или нет. Иногда она садится за пьалы, работает вместе с нами и много расспрашивает меня об Англии и в особенности обо всем, что касается королевы. По ее словам, она так желает видеть королеву, что охотно сделала бы полдороги навстречу ей. По-видимому, она довольна, когда я стараюсь говорить с ней по-русски, и так милостива, что учит меня, когда я выражаюсь худо или затрудняюсь в разговоре... Во время ее присутствия у графини Бирон бывают обыкновенно пять или шесть дам и один или два придворных кавалера, которые ведут самый обыкновенный разговор. Иногда императрица принимает в нем участие как равная, сохраняя однако свое достоинство, но таким образом, что при этом не чувствуется никакого стеснения. Я несколько раз видела, как печальные рассказы вызывали на ее глазах слезы; она обнаруживает врожденный страх ко всему, что имеет оттенок жестокости; сердце ее одавлено такими хорошими качествами, каких мне никогда не удавалось видеть у кого бы то ни было, и это, – принимая в соображение ту власть, которая ей принадлежит... Она бывает иногда насмешлива... но насмешливость ее всегда умна и умеряется такой добротой, что никого не оскорбляет. В ней много отваги и нет вовсе притворства; она презирает всякие опасности... У нее прекрасный голос и говорит она очень явственно»¹¹.

Как видно, императрица произвела на англичанку самое благоприятное впечатление.

Бесспорный интерес вызывают характеристики ближайших придворных императрицы, представленные в письмах леди Рондо. Наиболее подробно она описала известного фаворита Анны Иоанновны – Бирона и его супругу. Англичанка подчеркивала, что граф Бирон и его жена были «первыми любимцами ее величества», а потому на них все смотрят как на лиц, которые пользуются неограниченной властью. Обер-камергер Бирон «представителен собою, но взгляд у него отталкивающий». Джейн Рондо полагала, однако, что «взгляд его не соответствует характеру». Что касается графини, супруги Бирона, то она «невысокого роста, но так испорчена оспой, что кажется узорчатой; у нее прекрасный бюст», какого англичанка, по ее собственному признанию, «никогда не видела ни у одной женщины». Последующие впечатления от супругов Бирон, высказанные леди Рондо спустя три года, отличались уже большей категоричностью и касались скорее характеров супругов, нежели их внешности.

«Герцог и герцогиня курляндские (они... были прежде граф и графиня Бирон) пользуются таким фавором, что от их сумрачного взгляда или улыбки зависит как счастье, так и бедствие целой империи, т.е. настолько, насколько зависит первое от благосклонности, а второе от немилости. Здесь, – продолжала леди Рондо, – весь народ находится в их власти. Герцог очень тщеславен и вспыльчив и когда выходит из себя, то выражается запальчиво. Если он расположен к кому-нибудь, то выражает отменную благосклонность и похвалы; но он непостоянен, быстро меняется без всякой причины и часто чувствует к одному и тому же лицу такое же отвращение, какое чувствовал прежде расположение; он не умеет скрывать этого чувства и выказывает его самым оскорбительным образом... Он имеет предубеждение против русских и выражает это перед самыми знатными из них так явно, что когда-нибудь это сделается причиною его гибели; я думаю, однако, что преданность его ее величеству непоколебима»¹².

По-видимому, портрет известного фаворита императрицы Анны Иоанновны, данный леди Рондо, отличался объективностью, поскольку и другие источники отмечали те же черты характера, присущие вельможе, и в особенности его неограниченное влияние на императрицу. К примеру, посланник герцога де-Лирия упоминал, что Бирон много лет верно служил ее величеству, исполняя в то же время обязанности супруга. «Он был очень вежлив, внимателен, хорошо воспитан, ревнив к славе своей государыни и готов на всякую услугу; но вместе с тем имел ограниченный ум, находился под влиянием лиц, умевших вкрасться в его доверие, и не мог отличать дурных советов от хороших». Другой современник, Манштейн, признавал, что Бирон не получил никакого образования и не отличался умом, хотя и не был лишен здравого смысла. Приехав в Россию, он не имел ни малейшего понятия о политике, но через несколько лет «узнал все, что касалось государства; первые два года он устранился от дел, но потом пристрастился к ним и управлял всем». Манштейн подчеркивал: Бирон чрезвычайно любил роскошь, а также страстно обожал лошадей. Австрийский посол граф Остен с иронией замечал, что Бирон говорил о лошадях и с лошадьми, как человек, а с людьми, как лошадь. Этот человек был высокомерен, «самолюбив до крайности, груб и даже дерзок, корыстолюбив, враг неумолимый и жестокий в мести». К сказанному фельдмаршал Миних добавлял: «Бирон, столь быстро достигший первых государственных степеней, не имел никакого образования, говорил только по-немецки... Он не стыдился прямо говорить всем, при жизни императрицы, что не хочет учиться русскому языку для того, чтобы не быть вынужденным читать государыне донесений, просьб и других бумаг, присылавшихся ему ежедневно». У него была страсть к лошадям. По его желанию были истрачены «огромные суммы на устройство конских заводов в России, для которых... выписывались жеребцы из Испании, Англии, Италии, Германии, Пруссии и Турции. Второй страстью его была – игра. Он не мог провести дня без карт и нередко ставил избранных им партнеров в весьма неловкое положение, потому что играл по большой. Он был довольно хорош собою, умел

нравиться и питал такую привязанность к императрице, что не покидал ее ни на минуту; в случае же своего отсутствия непременно оставлял при ней свою жену. Он был щедр, но вместе с тем расчетлив, пронырлив и чрезвычайно мстителен».

Вскоре о Бироне стало известно и за пределами России. О его чрезмерном влиянии на российскую императрицу упоминал прусский король Фридрих II. Он также отмечал: от природы тщеславный, грубый и жестокий Бирон, «побуждаемый честолюбием, желал прославить имя своей государыни по всему свету. Жадный к приобретениям и вместе с тем расточительный, он обладал несколькими полезными качествами, не имея ни одного хорошего или привлекательного»¹³.

Со временем отношение леди Рондо к супруге Бирона заметно изменилось. Во всяком случае, она уже не восхищалась, как прежде, знатной дамой.

«Герцогиня горда и резка; в ее взгляде и манерах есть что-то надменное, уничтожающее то уважение, какое она хотела бы приобрести подобным способом.. Сознаюсь откровенно, что хотя я и называюсь одною из ее любимиц и... пользуюсь ее благосклонностью более, чем кто-либо, тем не менее, я не чувствую к ней в своем сердце того, что называется уважением... Возвысившись так внезапно, она вышла из своей сферы и теперь думает внушить уважение своею надменностью...»¹⁴

Леди Рондо неоднократно упоминала об усилении позиций Бирона и его супруги при Анне Иоанновне, об их влиянии на императрицу:

«Герцог (Бирон) сохраняет должность обер-камергера при ее величестве, хотя и сам владетельный князь, а герцогиня удержала место первой статс-дамы при императрице с тем только отличием, что получив новое звание, она садится в присутствии ее величества, когда это делают принцессы, и во всех публичных собраниях у нее целуют руку. Бироны живут во дворце, имеют таких же чинов двора, как императрица... Когда они выезжают, то употребляют свои собственные ливреи и экипажи чрезвычайно великолепные»¹⁵.

Среди высокопоставленных лиц при дворе Анны Иоанновны, которым уделила в своих письмах леди Рондо, был вице-канцлер граф А.И. Остерман. Англичанка подчеркивала, что по способностям Остермана считают «величайшим министром в Европе». Она напоминала, что своим возвышением при царском дворе Остерман был обязан Петру I, который «со свойственной ему гениальной проницательностью открыл в нем такой превосходный ум, что взял его к себе, постепенно возвысил до занимаемой им теперь должности». Остерман «не жаден до богатств», «большой любезник», пользующийся успехом у дам. Одно время он был наставником Петра II, но скоро был заменен князем Долгоруким, сделавшимся фаворитом государя. Леди Рондо полагала, что только смерть императора воспрепятствовала падению графа.

Характеристика Остермана англичанкой, как и в случае с четой Биронов, отличалась объективностью, если сопоставить ее с другими источниками. Так, Фридрих II писал о знатном вельможе российского двора следующее: «Царствование Петра Великого образовало человека, как бы нарочно созданного для того, чтобы нести на себе бремя государственного управления при преемниках Петра – графа Остермана. Подобно опытному кормчему, он в эпоху переворотов самых бурных, верно рукою управлял кормилом империи, являл осторожность или отважность, смотря по обстоятельствам, и знал Россию как Верней человеческое тело». Ему вторил Манштейн: «Граф Остерман был, бесспорно, одним из величайших государственных людей своего времени. Он подробно изучил и отлично понимал политику всех европейских дворов. Быстрота соображения и обширный ум соединялись в нем с редким трудолюбием и способностью скоро и легко работать. Бескорыстный и неподкупный, он никогда не брал подарков от иностранных дворов без разрешения русского правительства. Однако, с другой стороны, он был слишком недоверчив и подозрителен... В затруднительных обстоятельствах он избегал высказывать свое мнение и в подобных случаях, обыкновенно, притворялся большим; благодаря такой тактике, ему удалось удержаться при шести разных правительствах»¹⁶.

Вышеперечисленные лица, на взгляд леди Рондо, управляли «внутренними и иностранными делами», остальные только «дополняли» двор и состояли из военных и придворных. Первые, по мнению англичанки, отличались «суровою жестокостью, гордою походкой и чем-то надменным во взглядах и манерах»; вторые, «большою частью веселые и щеголеватые личности... умеют только хорошо одеваться»¹⁷.

Помимо государственных деятелей и высокопоставленных чиновников в окружении Анны Иоанновны находились ее родственники, среди которых особое место занимала дочь Петра I Елизавета. Леди Рондо сразу же ее заметила, поскольку та была красавицей.

Принцесса Елизавета «очень бела; у нее не слишком темные волосы, большие и живые голубые глаза, прекрасные зубы и хорошенький рот. Она расположена к полноте, но очень мила и танцует так хорошо, как я еще никогда не видывала, – отмечала англичанка. – Она говорит по-французски, по-немецки, по-итальянски, чрезвычайно веселого характера, вообще разговаривает и обходится со всеми вежливо, но ненавидит придворные церемонии»¹⁸.

Между тем, сама леди Рондо подобные церемонии посещала охотно.

В письмах к приятельнице Джейн обстоятельно описывала балы и маскарады, в которых принимала самое активное участие. Одно из таких торжеств проводилось по случаю годовщины вступления императрицы на престол.

Леди Рондо рассказывала, что данное празднество происходило «во вновь построенной зале, которая гораздо обширнее, нежели зала св. Георга в Виндзоре. В этот день было очень холодно, но печи поддерживали тепло. Зала была украшена померанцевыми и миртовыми деревьями в полном цвету... Красота, благоухание и тепло в этой своего рода роще – тогда как из окон были видны только лед и снег – казались чем-то волшебным... В смежных комнатах гостям подавали чай, кофе и разные прохладительные напитки; в зале гремела музыка, и происходили танцы; аллеи бы-

ли наполнены изящными кавалерами и очаровательными дамами в праздничных платьях»¹⁹.

Восхитительным показался англичанке также бал в Летнем саду по случаю взятия Данцига в 1733 г.

«Тогда было очень жарко, – вспоминала леди Рондо, – вследствие чего и празднество происходило в Летнем саду. На дамах были корсажи из белой ткани с серебряными цветами и вышитые юбки разных цветов по вкусу каждой... Их прически были из собственных волос, завитых в большие локоны и убранных гирляндами цветов. Императрица с императорской фамилией обедала в гроте... Приглашенных было триста персон. Для каждой перемены требовалось шестьсот блюд, а перемен было две и потом десерт». Все это, на взгляд леди Рондо, походило на пир «какой-то местной богини». Во время бала произошел небольшой инцидент: ввели французских офицеров, взятых в плен под Данцигом. Каждый из пленных поцеловал руку императрицы, после чего она обратилась к ним со словами: «Так как французы очень дурно поступали с пленными, имевшими несчастье попасть к ним в руки, то она, вместо мщения за них, довольствуется лишь этим оскорблением и, зная французов за людей весьма вежливых, надеется, что любезность присутствующих здесь дам изгладит отчасти нанесенное им оскорбление». Затем императрица приказала возвратить пленным офицерам шпаги «на честное слово». Один из офицеров, который был представлен леди Рондо, «очень удивлялся великолепию и учтивости русского двора», с чем англичанка согласилась. «В самом деле, – заключала Рондо, – с ними обращаются очень вежливо; придворные кареты отданы в их распоряжение и им показывают все, что обыкновенно показывается иностранцам»²⁰.

Впечатления леди Рондо о пребывании в России не исчерпывались только лишь придворной жизнью. Подобно многим другим иностранцам, посетившим Россию, она проявила живой интерес к местным обычаям и обрядам. В ее письмах содержатся описания крестин, свадеб и похорон, свидетельницей которых она оказалась. Наиболее подробно она повествовала о свадебной церемонии племянницы императрицы – Анны Леопольдовны и принца Брауншвейгского Антона, состоявшейся

3 июля 1739 г. (Как отмечал в примечаниях к письмам Ю. Толстой, принцессу желал выдать за своего сына Бирон, однако племянница Анны Иоанновны ему отказала. В результате, заключал историк, «надежды Бирона на доставление своему потомству русского престола не осуществились».)²¹ Леди Рондо рассказывала, как принц «без особой пышности» прибыл в церковь со своим двором. Затем «показались кареты особ, занимающих государственные должности, а равно и дворянства. Экипажи их были чрезвычайно великолепны». Особый выезд представляла собой свита Бирона, состоящая из 24 слуг, 8 скороходов, 4 гайдуков, 4 пажей. Карету императрицы с невестой сопровождала свита, представлявшая собой «как бы особый поезд» из 48 слуг, 12 скороходов, 24 пажей, камергеров, конных лакеев в ливреях. Замыкали шествие дворяне верхом. Англичанку потрясли «роскошь и великолепие карет и ливрей».

Леди Рондо с пристрастием, чисто по-женски оценила наряды царствующих особ. Она отметила платье невесты с корсажем из серебряной ткани, весь покрытый бриллиантами; маленькую бриллиантовую корону на ее голове; а также множество бриллиантов в прическе, «что придавало ей еще более блеску». Императрица также блистала во всем своем великолепии. На ней было платье «с темным корсажем, затканное золотом; оно было чрезвычайно богато». Принцесса Елизавета облачилась в розовое платье, вышитое серебром и очень богато украшенное драгоценными камнями. Герцогиня курляндская (супруга Бирона) надела белое платье, «вышитое золотом и чрезвычайно богато украшенное рубинами».

Торжество по случаю бракосочетания завершилось праздничным обедом, а затем балом, продолжавшимся до полуночи. «Ужин был блестящий, – свидетельствовала леди Рондо, – и в зале придумали устроить фонтан, бивший все время, как настоящий». Впрочем, на этом торжества не закончились, и уже в пятницу после полудня начался маскарад, на котором императрица «прохаживалась целый вечер незамаскированная». В воскресенье был организован маскарад в саду Летнего дворца, который был «очень мило иллюминирован», а на реке, «извивающейся в длину сада, был сожжен фейерверк». Таким

образом, завершилось торжественное бракосочетание, от которого, как признавалась англичанка своей собеседнице, она «еще не отдохнула»²².

Письма леди Рондо носили по большей мере описательный, нежели аналитический характер, что, впрочем, было естественно для светской дамы. Тем не менее, наблюдательность и острый ум, которыми обладала англичанка, позволили высказывать отдельные замечания по вопросам, далеким от чисто женских интересов. К примеру, в ее письмах встречаются рассуждения о несовершенстве законодательства России. Обращаясь к своей корреспондентке, леди Рондо писала:

«Вас, может быть, удивляет ссылка женщин и детей; но здесь, когда глава семейства впадает в немилость, то все его семейство подвергается преследованию, а имение отбирается. Если в обществе не встречают более тех, кого привыкли там видеть, то никто о них не осведомляется, и только иногда говорят, что они разорились. Если же они впали в немилость, то о них не говорят вовсе. Когда же, по счастью, им возвращают благосклонность, то их ласкают по-прежнему, не упоминая о прошлом»²³.

Она также приводила в пример случай самосуда, который устроили дамы света и их мужья над одним молодым человеком за то, что тот по возвращении из Франции легкомысленно обошелся с ними. Он «стал хвастаться любовью и страстью», которые внушил каждой из дам. За это разгневанные мужья присудили его «быть высеченным дамами». Рондо слышала, что дамы исполнили приговор в точности: одни говорили, что это они сделали лично, другие – что приказали сделать своим служанкам. «Судите по такому примеру о любовных похождениях в этой холодной стране», – заключала Рондо²⁴.

Прожив около десяти лет в России, леди Рондо не могла не составить своего представления о русском народе. Однако в этом вопросе она весьма лапидарна. Англичанка акцентировала свое внимание, прежде всего, на внешнем виде простолюдинов. «Все, что я могу сказать о народе, – отмечала Рондо в одном из первых своих писем в Англию, – это то, что он крепко сложен, среднего роста и несколько красивее, чем в других

странах; но я нахожу, что у русских вообще мало выражения в лице». Она обращала внимание на то, что русский народ «чрезвычайно вежлив», но человеческая природа в нем «слишком унижена, и эти несчастные создания так жалки, что кажется, имеют только человеческое подобие»²⁵. Поскольку встречи английской аристократки с простолюдинами носили эпизодический характер, вряд ли ее суждения о русском народе были всегда объективными. Между тем, нельзя не упомянуть одну из особенностей писем леди Рондо: доброжелательное отношение их автора к стране пребывания и ее жителям, что было в ту пору редкостью для иностранцев, посещавших Россию. Как признавал известный британский врач, прибывший ко двору Екатерины II «для оспопрививания», доктор Димсдейл, «каждому свойственны предубеждения против других наций и против их обычаев, поэтому многие из англичан... имеют дурное мнение о дворянстве и о народе в России, и даже полагают, что между ними существуют остатки варварства»²⁶. Каких-либо негативных характеристик русских людей, либо страны в целом леди Рондо в своей частной переписке не допускала. Присущие автору писем образованность, деликатность, наблюдательность позволили ей дать яркую и по большей части объективную картину придворной жизни России в эпоху бироновщины.

---

¹ Одной из первых к данному источнику обратилась А.В. Денисова. См.: *Денисова А.В.* Леди Рондо и ее «Письма» // Вопросы истории. 2010. № 2. С. 161–164.

² *Бестужев-Рюмин К.Н.* Предисловие // *Рондо. Письма леди Рондо, жены английского резидента при русском дворе в царствовании Анны Ивановны.* СПб., 1874. С. XVIII. (Записки иностранцев о России в XVIII столетии; [т.] 1). Далее: Письма леди Рондо.

³ Там же. С. XXIII.

⁴ Безвременье и временщики: воспоминания об «эпохе дворцовых переворотов» (1720-е – 1760-е годы). Л., 1991. С. 18.

⁵ *Бестужев-Рюмин К.* Указ. соч. С. XXIII.

⁶ Письма леди Рондо. С. 2–3.

⁷ Там же. С. 7.

- ⁸ Там же. С. 11–12.
- ⁹ Там же. С. 16–18.
- ¹⁰ Там же. С. 49–50.
- ¹¹ Там же. С. 63–64.
- ¹² Там же. С. 52, 107–108.
- ¹³ Там же. С. 195–197 (Примечания).
- ¹⁴ Там же. С. 108–109.
- ¹⁵ Там же. С. 111–112.
- ¹⁶ Там же. С. 200–201 (Примечания).
- ¹⁷ Там же. С. 124.
- ¹⁸ Там же. С. 51–52.
- ¹⁹ Там же. С. 67–68.
- ²⁰ Там же. С. 71–74.
- ²¹ Там же. С. 209.
- ²² Там же. С. 142–150.
- ²³ Там же. С. 46.
- ²⁴ Там же. С. 42–43.
- ²⁵ Там же. С. 6–7.
- ²⁶ *Димсдейль Т.* Записка барона Димсделя о пребывании его в России / пер. с фр. К.К. Злобина // Сборник Русского исторического общества. СПб., 1868. Т. 2. С. 322.

**«НЕОГРАНИЧЕННЫЙ ДЕСПОТИЗМ ВЛАСТИ»:
ВЗГЛЯД ЧАРЛЬЗА Ф. ХЕННИНГСЕНА
НА РОССИЮ**

Сообщая в июне 1877 г. о кончине в Вашингтоне Чарльза Фредерика Хеннингсена, американская газета “Evening Star” обращала внимание на его беспокойную, полную приключений жизнь. Действительно, биография Хеннингсена не совсем обычна и пока еще слабо изучена. Он родился в 1815 г. в Англии, но его родители были шведами. В 19 лет юноша, принадлежавший к старинному роду и мечтавший о военной карьере, тайно отправился в Испанию, где сражался на стороне карлистов, став адъютантом генерала Т. Сумалакарреги. После битвы под Вьелас де лос Наваррос в 1837 г. он получил звание полковника¹. Позднее он воевал на Кавказе против русских войск, находясь в отрядах Шамиля (о данном периоде его жизни сохранилось мало сведений), а затем возвратился в Великобританию. В конце 1840-х годов Хеннингсен оказался в Венгрии, откуда в 1851 г. эмигрировал в США. В 1856 г. этот «европейский солдат удачи» принял участие во флибустьерской экспедиции У. Уокера в Никарагуа, был назначен генерал-майором и командовал артиллерией. Именно на нем лежит ответственность за поджог в декабре 1856 г. Гранады, являвшейся в то время столицей Никарагуа.

Современники отмечали хорошее знание Хеннингсеном английского, французского, русского, немецкого, итальянского и испанского языков. В юности он увлекался поэзией – известны его поэмы «Осада Миссалонги» (1830) и «Последний из рода Софи» (1831). Его перу принадлежали книги: «Открытие России» (оба тома впервые были опубликованы в 1844 г., позднее переведены на французский и немецкий языки), «Белая невольница, или русская крестьянка» – роман в трех томах, изданный в 1845 г.², трехтомный труд «Восточная Европа и

император Николай» (1846), «Прошлое и будущее Венгрии» (1852) и другие сочинения³.

Российская империя занимала в них видное место. Хеннингсен считал ее «огромной тюрьмой», в которой царит «неограниченный», «непросвещенный» и реакционный деспотизм Николая I – главного душителя свободы. Со временем Хеннингсен будет утверждать, что «российская тирания – самая деспотичная в мире»⁴. В книгах «Открытие России» и «Белая невольница» не только осуждался самодержавный строй, но и выражалось неприятие русского национального характера, традиций и обычаев. Большинство жителей Петербурга, «бородатых, с длинными волосами, в кафтанах», изображались «дикими» и «нецивилизованными». В стране повсюду – бесчестность и продажность. Однако нет ничего более безобразного, чем московский Кремль: «Это нагромождение построек, которые кажутся плодами ночного творения гномов». Хеннингсену непонятна любовь русских к дачам, «этим полувилам, полукоттеджам», расположенным неподалеку друг от друга, где устраиваются веселые вечеринки с чаем и десертом и настежь открыты окна «в нескольких ярдах от пыльной дороги». Отталкивает автора и еда простых «москвитов»: ему не нравятся черный хлеб, капуста во всех блюдах, включая пироги⁵.

Вряд ли восприятие Хеннингсеном российской действительности можно назвать попыткой глубокого познания «другого». В чем-то его суждения невольно напоминают фразы маркиза де Кюстина, на нашумевшую книгу которого, кстати, Хеннингсен нередко ссылается, порою дистанцируясь от французского путешественника и демонстрируя хорошее знание России, позволяющее делать собственные заключения, основанные на личных наблюдениях. При этом автор «Восточной Европы» отвергал обвинения в русофобии и враждебности к русским. Корень зла он видел в «чудовищной системе», подвергающей народ «жесточайшему угнетению». У «москвитов» же он находил и положительные черты, включая миролюбие и абсолютное отсутствие национальных амбиций⁶. Отмечалась им и неоднородность «Восточной Европы»: поляков, малороссов и казаков он отделял от «москвитов». Тем не ме-

нее Россия постоянно ассоциировалась у Хеннингсена с Востоком⁷, а представление о ее «азиатскости» использовалось для конструирования враждебного «иноного» – не-Запада. «Варварская» и «отсталая» Россия, наследница «коварной» Византии, противопоставлялась свободолюбивым, «цивилизованным» Великобритании и североамериканской республике и сближалась с Китаем. Даже Османская империя, вставшая на путь «цивилизации» и диалога с Западом, казалась ему менее тиранической страной⁸.

В конце 1840-х – начале 1850-х годов на формирование имиджа России заметно влияли революционные события. Став сподвижником Л. Кошута, Хеннингсен принял участие в венгерской революции 1848–1849 гг., в 1850 г. посещал бывшего правителя-президента в Турции, а в 1851 г., вскоре после приезда того в США, «европейский солдат удачи» эмигрировал в Америку. В начале 1850-х годов он сравнивал Кошута с Дж. Вашингтоном и сторонниками «Молодой Америки». В те годы Хеннингсен активно сотрудничал с журналом “United States Magazine and Democratic Review” (главный редактор – Дж.Н. Сэндерс), отражавшим устремления «младоамериканцев», поддерживавших либеральное движение в Европе, выступавших за территориальную и торговую экспансию США и вынашивавших планы организации экспедиции на Кубу для свержения испанского владычества на острове⁹. Ряд книг Хеннингсена, который «в течение многих лет успешно боролся против влияния России и европейского абсолютизма на общественное мнение, показывая подлинное положение народа», получил высокую оценку в “Democratic Review”¹⁰. Поскольку Кошут добивался тогда поддержки Великобритании и США, Хеннингсен создавал враждебный образ царизма и убеждал читателей книги «Прошлое и будущее Венгрии» в том, что могущество Российской империи преувеличено¹¹. Вместе с тем он решительно высказывался против принципа централизации власти, а также коммунистических и социалистических теорий, которые называл «химическими», относя их сторонников к «французской школе ультралиберализма»¹².

В первой половине XIX в. Россию трудно было представить без крепостного права. Многие современники, а затем и исследователи, сравнивали его с институтом рабства в США¹³. Хеннингсен также часто употреблял слово “slave” (раб) для обозначения крепостных крестьян, которые «во всех отношениях такие же абсолютные рабы, как негры, захваченные на побережье Африки и проданные на рынках Нового Света». Единственное их преимущество он видел в отсутствии расовых предрассудков. Между тем признаки «низшей» расы – послушание, раболепие и угодничество, по его мнению, были присущи большинству «москвитов» в той же степени, как и неграм. Мысль о возможном «проклятии расы», некоей «предопределенности судьбы» приходит на ум и герою романа «Белая невольница» Матвею (Маттеусу). Недовольство жестокими помещиками периодически выливается в крестьянские бунты, но они носят локальный характер и по существу бессмысленны, хотя и заканчиваются, как правило, кровавыми расправами с тиранами. Николай I публицист считал «крупнейшим рабовладельцем на земном шаре»¹⁴. При этом писатель, и в 1840-е годы, похоже, не веривший в естественное равенство людей¹⁵, выступал против аболиционистов, защищая частную собственность «в противовес неопределенным и абстрактным призывам к человечности»¹⁶.

Накануне же Гражданской войны, после провала экспедиции в Никарагуа и расстрела в сентябре 1860 г. гондурасскими властями У. Уокера, Хеннингсен совершенно откровенно и недвусмысленно настаивал на необходимости сохранения рабства в США. К этому времени он получил американское гражданство, вступил в брак с племянницей сенатора от штата Джорджия Дж. Берриена и стал вхож в высшее общество Юга¹⁷. Когда после подавления восстания в Харперс-Ферри (штат Виргиния) В. Гюго 2 декабря 1859 г. опубликовал в английской газете “London News” письмо, в котором призывал отменить смертную казнь Джона Брауна (в этот же день он был повешен), от лица южан французскому писателю ответил 2 января 1860 г. именно Хеннингсен. Нападая на аболиционистов, он противопоставлял белых американцев (представителей

«кавказской расы»¹⁸) чернокожим, будто бы не подготовленным к свободным институтам. Спартак, заявлял он, полемизируя с Гюго, «боролся за освобождение белых, а не негров». Литератор, ранее описывавший жестокое обращение с «рабами» в России, теперь уверял, что в нерабовладельческих штатах Севера США и в Канаде черные «окружены сочувствием и поддержкой», тогда как предоставленные самим себе они погружаются в «варварство»¹⁹. Неудивительно, что в 1861–1862 гг. полковник Хеннингсен принял участие в Гражданской войне на стороне Конфедерации. В Виргинии и Северной Каролине он командовал артиллерией в армии бригадного генерала Генри Уайза²⁰, который, будучи губернатором штата Виргиния, санкционировал казнь Дж. Брауна.

На образ России, созданный Хеннингсеном, в немалой степени накладывали отпечаток его политические убеждения. Литератор, революционер, флибустьер, искатель приключений, немного авантюрист, он, по-видимому, не усматривал противоречия между борьбой за свободу в Европе и защитой рабства в Америке. И хотя его никак нельзя причислить к консерваторам, рассуждая о русской цивилизации, он часто оказывался близок к мнениям, распространенным в консервативных кругах США на рубеже XIX–XX вв.²¹

---

¹ Об испанском периоде его жизни см.: *Henningsen C.F.* The Most Striking Events of a Twelvemonth Campaign with Zumalacarregui in Navarre and the Basque Provinces. Philadelphia, 1836.

² Второе издание вышло под другим названием: *Idem.* The White Slave; and the Russian Prince: In 3 vol. 2nd ed. L., 1846.

³ Подробнее см.: *Аринштейн Л.М.* Неизвестные страницы ранней английской пушкинианы: (критико-биографический очерк о Пушкине и роман из жизни пушкинского Петербурга) // Пушкин: исследования и материалы. Л., 1979. Вып. IX. С. 241–260.

⁴ [*Henningsen C.F.*] : 1) Revelations of Russia in 1846, by an English Resident: In 2 vol. 3 ed. L., 1846. Vol. 1. P. XVIII, 1–2, 22, 27; Vol. 2. P. 147 ; 2) The White Slave; Or, The Russian Peasant Girl: In 3 vol. 1 ed. L., 1845. Vol. 3. P. 178 ; 3) Eastern Europe and the Emperor

- Nicholas: In 3 vol. L., 1846. Vol. 1. P. 5–10; New York Times. 1853; Nov. 11 etc.
- ⁵ [*Henningsen C.F.*] : 1) Revelations of Russia ... Vol. 1. P. 60, 71–72, 151, 160; Vol. 2. P. 33 ; 2) The White Slave ... Vol. 2. P. 61, 67, 258–259.
- ⁶ *Idem.* Eastern Europe and the Emperor Nicholas. Vol. 1. P. V–VII, 28–29.
- ⁷ Подробнее см.: *Said E.W.* Orientalism. L., 1978; *Вульф Л.* Изобретая Восточную Европу: карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. М., 2003.
- ⁸ [*Henningsen C.F.*]. Revelations of Russia ... Vol. 1. P. IX–XII, XXI, 27, 249 etc; Eastern Europe and the Emperor Nicholas. Vol. 1. P. 154–155, 160; New York Times. 1853. Oct. 28; Nov. 11.
- ⁹ New York Times. 1854. March 7.
- ¹⁰ United States Magazine and Democratic Review. 1852. Nov. – Dec. Vol. 31, N 173. P. 511.
- ¹¹ [*Henningsen C.F.*] : 1) Kossuth and “The Times”. L., 1851. P. 3 ; 2) The Past and Future of Hungary: Being Facts, Figures, and Dates, Illustrative of Its Past Struggle, and Future Prospects. Cincinnati, 1852. P. 51–54, 59; *Rauch B.* American Interest in Cuba, 1848–1855. N.Y., 1948. P. 254.
- ¹² [*Henningsen C.F.*] : 1) Eastern Europe and the Emperor Nicholas. Vol. 1. P. 238, 259–260 ; 2) The Past and Future of Hungary ... P. 58.
- ¹³ См.: *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. СПб., 2000. Т. 1. С. 360–361; *Курилла И.И.* Заокеанские партнеры: Америка и Россия в 1830–1850-е годы. Волгоград, 2005. С. 331–342; *Kolchin P.* In Defense of Servitude: American Proslaver and Russian Proserfdom Arguments, 1760–1860 // 200 лет российско-американских отношений: наука и образование. М., 2007. С. 148–164; *Супоницкая И.* Равенство и свобода: Россия и США: сравнение систем. М., 2010. С. 110–160.
- ¹⁴ [*Henningsen C.F.*] : 1) Revelations of Russia. Vol. 1. P. XXIV, 64, 73, 80–89; Vol. 2. P. 138 ; 2) Eastern Europe and the Emperor Nicholas. Vol. 1. P. 28–29, 41, 49, 78–79, 138; Vol. 2. P. 228–229 ; 3) The White Slave. Vol. 3. P. 279–280 ; 4) The Past and Future of Hungary ... P. 7–8.
- ¹⁵ *Idem.* Eastern Europe and the Emperor Nicholas. Vol. 1. P. 28–29, 138, 238, 259.
- ¹⁶ *Idem.* The White Slave. L., 1845. Vol. 3. P. 273; Vol. 1. P. 283–285.
- ¹⁷ *Wise B.H.* The Life of Henry A. Wise of Virginia 1806–1876 by his Grandson: In 2 vol. N.Y., 1899. Vol. 2. P. 286.

- ¹⁸ В Соединенных Штатах тогда было широко распространено представление, будто англосаксы – это особая ветвь «высшей» «кавказской расы». См.: *Horsman R. Race and Manifest Destiny: The Origins of American Racial Anglo-Saxonism*. Cambridge; L., 1981.
- ¹⁹ *Henningsen C.F.* Letter from General C.G. Henningsen in Reply to the Letter of Victor Hugo on the Harper's Ferry Invasion. N.Y., 1860. P. 7–11, 14–15.
- ²⁰ *Wise B.H.* Op. cit. P. 301, 313.
- ²¹ *Журавлева В.И., Фоглесонг Д.С.* Конструирование образа России в американской политической карикатуристике XX века // Мифы и реалии американской истории в периодике XVIII–XX вв. М., 2008. Т. 1. С. 256–257.

ИНОСТРАННОЕ УЧАСТИЕ В ЭКОНОМИКЕ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ В ОТРАЖЕНИИ ГЕРМАНСКОГО РОССИЕВЕДЕНИЯ НАЧАЛА XX В.

Роль иностранного капитала в народном хозяйстве Российской империи обычно рассматривалась германскими исследователями начала XX в. в контексте изучения экономического развития страны, ее промышленной жизни, банковской инфраструктуры и т.д. Деятельность отдельных зарубежных предпринимателей и фирм, в т.ч. немецких, в тот период, как правило, не становилась еще предметом специального анализа. Отчасти это было связано со спецификой источниковой базы тогдашних экономистов, публицистов и историков, обращавшихся к указанной теме: их труды базировались на данных, почерпнутых из прессы, опубликованных статистических материалов, справочных изданий, на информации, полученной от частных лиц, а в ряде случаев – и на собственных впечатлениях.

Исследователи и публицисты начала XX в. обычно в высшей степени положительно оценивали деятельность иностранного капитала в Российской империи. Даже такой историк, как О. Хетч, в целом не склонный чрезмерно гипертрофировать значение зарубежных инвестиций в ее народном хозяйстве, акцентировал все же основное внимание на роли данного фактора как одного из главных и необходимых условий успешной капиталистической трансформации страны¹. Особенно высоко оценивалось немецкое участие в русской экономике – исследователи О. Гебель, Е. Иенни, Б. Ишханиан, А. Фогель отмечали по этому поводу, что если французские, бельгийские, английские капиталисты предпочитали выступать в безличной форме (через банки, акционерные компании и т.п.), то германский капитал устремлялся в Россию в основном «в непосредствен-

ной связи с работой немцев». Следует сказать, что эта точка зрения разделялась и отечественной литературой того времени, да и преувеличение заслуг иностранного капитала в развитии производительных сил нашей страны не было редкостью среди российских исследователей начала минувшего века².

Масштабы прямых вложений в русскую экономику оценивались германскими россиеведами начала XX в. как очень значительные. Так, Р. Мартин оценивал их величину по состоянию на 1905 г. в 4 млрд. марок, большая часть из которых принадлежала французским инвесторам (на преобладании французов среди зарубежных инвесторов уже в годы Первой мировой войны особо акцентировал внимание Э. Шульце, делая отсюда далеко идущие политические выводы). А. Сарториус фон Вальтерсхаузен указывал, что французские вложения в Россию к 1907 г. составляли 9–10 млрд. франков, из которых на инвестиции в промышленность приходилось 792 млн. франков, в торговлю – 49 млн., в кредитные учреждения – 18 млн. франков³. Публицист Б. Ишханиан, армянин по национальности, испытавший сильнейшее влияние германского россиеведения и опубликовавший в 1913 г. в Германии на немецком языке книгу о зарубежном участии в российской хозяйственной жизни, основываясь на статистических сборниках и материалах периодической печати, оценил к моменту выхода своей монографии вложения иностранцев в промышленность, торговлю, обслуживание и коммунальную сферу России в 2 368 020 800 марок (свыше 1 млрд. рублей). При этом он признал сложность идентификации частных зарубежных капиталов, особенно германских и указал на русификацию в ряде случаев инвесторов, затруднявшую такую идентификацию⁴. А. Фогель указывал, что к началу мировой войны французские прямые вложения в России составляли 308 млн. рублей, бельгийские – 230 млн., немецкие – 143 млн. и английские – 20 млн. рублей. Эти данные, впрочем, германский исследователь находил заниженными и напоминал, что по другим подсчетам только одних немецких капиталов за 1904–1914 гг. в российские промышленные предприятия было вложено 146,8 млн. марок, а в банковские акции – 344,1 млн. марок⁵. Соглашаясь с точкой зрения о

чрезвычайной сложности подсчета величины иностранных капиталов в народном хозяйстве дореволюционной России и не исключая заниженности в ряде случаев соответствующих статистических данных, вместе с тем необходимо учитывать необходимость разграничения номинального, выпущенного и реально оплаченного капитала. Данный фактор далеко не всегда принимался во внимание германскими россиеведами. Между тем, уже упоминавшийся Б. Ишханиан признавал, говоря о нефтяной индустрии России, «дутый» характер ряда иностранных предприятий в ней. Так, в майкопскую нефтедобычу англичанами было номинально вложено 200 млн. рублей, но большая часть соответствующих обществ носила исключительно спекулятивный, «дутый», характер⁶.

Сферы приложения иностранного капитала в дореволюционной России оценивались немецкими россиеведами начала минувшего века так же, как и отечественными исследователями в указанный и последующие периоды. При этом германские исследователи и публицисты особо подчеркивали заслуги зарубежного капитала в создании и развитии передового производства в стране. В. Витчевский, М.Л. Шлезингер, Б. Ишханиан, а ранее, еще в конце XIX в., Г. Шульце-Геверниц отмечали в этой связи вклад иностранцев в становление и развитие южнорусской металлургии и каменноугольной промышленности; не в последнюю очередь благодаря предпринимательской активности и инвестициям иностранцев горная индустрия и металлургия Юга по своей технической оснащенности оставили далеко позади соответствующие отрасли промышленности Урала. Эти же исследователи, а также Р. Мартин подчеркивали «превосходное техническое устройство» ряда принадлежащих немцам, французам и бельгийцам предприятий тяжелой и легкой индустрии различных районов страны⁷. Здесь, впрочем, в их трактовке вклада иностранцев в развитие производительных сил России могло иметь место противоречие – вслед за Г. Шульце-Геверницем они часто противопоставляли «передовую» текстильную индустрию Лодзи «отсталым» предприятиям Московского района. Между тем, среди владельцев текстильных фабрик последнего немцы занимали видное место –

тот же Шульце-Гевеверниц подробно рассмотрел в этой связи деятельность Л. Кнопа и отметил как его вклад в развитие современного промышленного производства, так и уменьшение с течением времени его роли как дельца-посредника: постепенно московские предприниматели сами организовали обеспечение своих фабрик передовым оборудованием и перестали нуждаться в посреднических услугах⁸. Апологетика роли иностранного капитала особенно заметна при рассмотрении германскими руссиеведами рабочего вопроса на предприятиях, контролируемых иностранцами. Г. Шульце-Гевеверниц и Б. Ишханиан в связи с этим противопоставляли русских промышленников зарубежным; последним Ишханиан неправомерно приписывал даже инициативу в проведении социальных мероприятий, предусматривавшихся российским законодательством (страхование вследствие утраты трудоспособности, направление штрафных денег на нужды рабочих, осуществление в ряде случаев медицинского обслуживания за счет работодателей). Абсолютно не соответствует действительности его суждение, что в России начала XX в. «не существовало и следа социальной политики»⁹; при этом в отдельных случаях инициатива иностранных (как и отечественных) предпринимателей действительно могла опережать государственное законодательство, но нет оснований делать безапелляционные выводы на этот счет. Достаточно сказать, что иностранцы, вопреки утверждению того же Б. Ишханиана, никак не могли быть инициаторами сокращения продолжительности рабочего дня в России – к началу XX в. лишь в Швейцарии и австрийской части Австро-Венгрии (Цислейтании) рабочий день имел меньшую длительность, нежели в России по закону от 2 июня 1897 г.¹⁰

Безусловно слабой стороной германского руссиеведения, обращавшегося к вопросу о деятельности иностранцев в России, являлась недооценка им фактора сотрудничества зарубежного и русского бизнеса. Лишь А. Фогель и Е. Иенни, особо склонный панегирически оценивать роль немецкого капитала в Российской империи, указывали, что немцы часто действовали через русские по уставу акционерные общества¹¹. Важно, однако, что и в практике прочих иностранцев в начале XX в. это

было уже правилом – для противопоставления немцев всем остальным национальным группам зарубежных предпринимателей здесь, таким образом, нет оснований. Б. Ишханиан и Э. Агад, кроме того, отмечали факт приобретения русскими промышленниками акций обществ, созданных иностранцами для деятельности в нефтяной индустрии России, – это было платой за сдачу в аренду этим обществам земельных участков¹². Такая практика действительно имела место, но сотрудничество отечественного и зарубежного бизнеса подано здесь слишком односторонне и поверхностно; не учитывается многообразие его форм, в т.ч. и в нефтяной индустрии Российской империи. В целом вопрос о сотрудничестве российского и иностранного капитала не рассматривался немецкими исследователями начала XX в. – определенное исключение здесь составляла банковская сфера России. Экономист Э. Агад, одно время сам работавший в ней, подробно рассмотрел взаимоотношения в системе коммерческих банков страны русских и зарубежных финансистов. Он отметил, что вместо учреждения филиалов в России иностранные кредитные учреждения, кроме французского «Креди Лионне», инвестировали капиталы в русские, главным образом, петербургские, банки либо выводили акции последних на европейские биржи. Германское участие в капитале русских коммерческих банков при этом явно завышено. Э. Агадом, он утверждает, что немцы к 1914 г. контролировали 43% капитала всех 50 коммерческих банков России и наибольшей была их доля в капитале Петербургского Международного и Русского для внешней торговли банков. Но по данным российского экономиста начала XX в. П.В. Оля, отнюдь не склонного преуменьшать иностранное участие в русской экономике, доля немцев в капитале первого из этих банков составляла 33%, а в капитале второго – 40%. В других крупных коммерческих банках страны германский капитал участвовал в еще более скромном размере. Так, в капитале Сибирского торгового банка его доля составляла 20%, а в капитале Петербургского частного банка – всего 0,5%¹³.

При рассмотрении взаимоотношений коммерческих банков России и их зарубежных партнеров позиция Э. Агада была дос-

таточно противоречивой. С одной стороны, он отмечал сильные позиции парижских и берлинских банков в капитале банков петербургских и даже обозначил последних в качестве вассалов первых. С другой стороны, Агад должен был признать значительную самостоятельность этих «вассалов»: ни один из них не публиковал свои отчеты в зарубежной прессе, правления петербургских коммерческих банков были независимы от иностранных акционеров и действовали без оглядки на них. Директоров зарубежных банков – пайщиков кредитных учреждений России, интересовали лишь дивиденды; в составе правлений русских банковских предприятий отсутствовали иностранцы¹⁴. Таким образом, Э. Агад по сути сам опроверг тезис о русских банках как о вассалах европейского финансового капитала – факты, приведенные исследователем, вошли в непреодолимое противоречие с его выводом. Вместе с тем ошибочное представление Агада о статусе российских коммерческих банков косвенным образом содействовало распространению уже в советской историографии проблемы «денационализаторских» воззрений – В.И. Ленин, хорошо знавший работу Агада, некритически воспроизвел его ошибочное суждение, что, с учетом специфики советской историографии, использовалось историками-«денационализаторами» в качестве дополнительного аргумента¹⁵.

Следует отметить повышенное внимание Агада к «системе участия», получившей широкое распространение в практике коммерческих банков начала XX в. Немецкий исследователь рассмотрел на российском материале обе ее формы – «от банка к банку» и «из банка в промышленность». Эту систему Агад трактовал, однако, крайне упрощенно, объясняя ее, как и участие в ней иностранного капитала, исключительно спекулятивными соображениями¹⁶. В действительности мотивы банков при этом могли быть разнообразными и ни в коем случае не сводились к одной лишь биржевой спекуляции. Не принимая во внимание данное обстоятельство, Э. Агад ограничился лишь противопоставлением (совершенно неубедительным, учитывая разнообразие мотивов) этой системы «производительному капиталу», к которому он отнес все текущие кредиты в россий-

ский экспорт и капиталы, отечественные и иностранные, помещенные в промышленные и торговые предприятия, действующие в России¹⁷.

Германские исследователи начала XX в. в целом объективно трактовали вопрос о прибылях иностранного бизнеса в Российской империи. Они не противопоставляли особо русских предпринимателей зарубежным ни по способам извлечения прибыли, ни по ее размерам. А. Сарториус фон Вальтерсхаузен, Р. Клаус, Б. Ишханиан, Э. Агад признавали обусловленность величины доходов иностранцев в России многими обстоятельствами как экономического, так и внеэкономического характера; в числе последних особо говорилось о революционных событиях 1905–1907 гг.¹⁸ С учетом крайне негативного воздействия этих событий на хозяйственную жизнь страны, В. Витчевский и М.Л. Шлезингер, в целом достаточно оптимистически трактовавшие перспективы экономического развития России, отмечали, что потенциальным инвесторам не следовало полагаться на возможность быстрого получения отдачи от вложений в страну. Здесь указывалось и на проблемы с рабочей силой в ряде регионов России, и на особые трудности деятельности предпринимателей в богатых, но удаленных от центра ее районах (на этом специально остановился М.Л. Шлезингер на примере Северного Сахалина), и на определенную (при всех достигнутых успехах) хозяйственную слабость Российской империи – «страны ограниченных возможностей», по словам В. Витчевского¹⁹. Вообще же отношение германских россиеведов к перспективам дальнейшего инвестирования иностранцев (в т.ч. соотечественников) в Россию было крайне неоднозначным. Оно определялось политической позицией автора, его отношением к России и взглядом на русско-германские связи и возможности их развития. Антирусски настроенные исследователи и публицисты (П. Рорбах, Г. Бернхард, Р. Мартин) недвусмысленно выступали против любого инвестирования в российскую экономику, ссылаясь при этом как на слабость народного хозяйства страны и неустойчивость ее положения (П. Рорбах, Г. Бернхард), так и на возможность укрепления ее мощи вследствие дальнейших зарубежных вложений

(Р. Мартин)²⁰. Напротив, В. Витчевский, М.Л. Шлезингер, О. Хетч, О. Гебель высказывались за развитие в позитивном русле русско-германских отношений и если не прямо, то косвенно позиционировали себя сторонниками сотрудничества двух стран в экономической сфере. Это подразумевало и осуществление вложений в российскую экономику, хотя, как уже говорилось, здесь немецкие россиеведы начала XX в. не замалчивали и трудностей, ожидавших потенциальных инвесторов²¹.

В заключение хотелось бы отметить достаточно значительное внимание германских россиеведов начала XX в. к проблеме места и роли иностранного капитала в народном хозяйстве тогдашней России. Практически всеми исследователями и публицистами признавалась значительность этой роли, особенно в развитии горнозаводской, металлургической, нефтяной индустрии страны, а также машиностроения, металлообработки и отчасти текстильного производства. При этом допускались определенные преувеличения как в оценке масштабов зарубежного участия в русской экономике, так и особенно при характеристике вклада иностранцев в развитие производительных сил России. В ряде случаев это переходило в прямую апологику участия заграницы в народнохозяйственной жизни страны. Особенно ярко это проявилось в трактовке деятельности немецкого бизнеса в Российской империи Е. Иенни. В то же время германские россиеведы обращали внимание на различные формы зарубежного инвестирования, в т.ч. на деятельность иностранного капитала в русской экономике через коммерческие банки России – здесь, однако, тоже допускались как преувеличения, так и не всегда обоснованные оценки; взаимодействие в стране местного и зарубежного предпринимательства часто не находило в литературе должного отражения либо подавалось односторонне. Необходимо, однако, принимать во внимание как относительно узкую источниковую базу тогдашней немецкой «россики», так и созвучность многих ее выводов и суждений воззрениям многих российских экономистов конца XIX – начала XX в. Существенно, что до Первой мировой войны среди германских россиеведов наряду с антирусскими представлениями были распространены и настроения в пользу

экономического сотрудничества двух стран, что предопределило, пусть и не безоговорочно, положительное отношение многих немецких экономистов и публицистов к перспективам дальнейшего инвестирования в Российскую империю.

-
- ¹ *Hoetzsch O.* Russland: Eine Einführung auf Grund seiner Geschichte vom japanischen bis zum Weltkrieg. Berlin, 1917. S. 74, 92, 194–195.
- ² *Goebel O.* Russische Industrie // Russlands Kultur und Volkswirtschaft: Aufsätze und Vorträge: (im Auftrage der Vereinigung für staatswissenschaftliche Fortbild / Hrsg. von Max Sering). Berlin; Leipzig, 1913. S. 201; *Ischchanian B.* Die ausländischen Elemente in der russischen Volkswirtschaft: Geschichte, Ausbreitung, Berufsgruppierung, Interessen und ökonomisch-kulturelle Bedeutung der Ausländer in Russland. Berlin, 1913. S. 250; *Vogel A.* Die Zwangsaufloesung feindlicher Handels- und Industrieunternehmungen in Russland // Weltwirtschaftliches Archiv. 1917. Bd. 11, Hf. 3. S. 279; *Jenny E.* Die Deutschen im Wirtschaftsleben Russlands. Berlin, 1920. S. 36. Ср.: *Левин И.И.* Германские капиталы в России. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб., 1914. С. 54. См также: *Брандт Б.Ф.* Иностранные капиталы. Их влияние на экономическое развитие страны. СПб., 1898–1901. [Т.] 1–3; *Туган-Барановский М.И.* Русская фабрика в прошлом и настоящем. М., 1938. Т. 1. С. 299–300; *Зив В.С.* : 1) Иностранные капиталы в русских акционерных предприятиях. Пг., 1915. Вып. 1 ; 2) Иностранные капиталы в русской горнозаводской промышленности. Пг., 1917.
- ³ *Мартин П.Э.* Будущность России. М., 1906. С. 128; *Sartorius Waltershausen A., v.* Das volkswirtschaftliche System der Kapitalanlage im Auslande. Berlin, 1907. S. 47. См. также: *Schultze E.* Das französische Kapital in Russland // Finanz-Archiv. 1915. S. 125–133.
- ⁴ *Ischchanian B.* Op. cit. S. 243–253. Б. Лер уже в 1980-х годах находила несколько завышенными эти данные, одновременно указывая на необходимость критического отношения к оценкам иностранного участия в экономике дореволюционной России. См.: *Lohr B.* Die «Zukunft Russlands»: Perspektiven russischer Wirtschaftsentwicklung und deutsch-russische Wirtschaftsbeziehungen vor dem ersten Weltkrieg. Stuttgart, 1985. S. 81, 128–133.
- ⁵ *Vogel A.* Russlands Kampfgesetze gegen den Aktienbesitz feindlicher Ausländer // Weltwirtschaftliches Archiv. 1917. Bd. 10, Hf. 2. S. 228.
- ⁶ *Agahd E.* Grossbanken und Weltmarkt: Die wirtschaftliche und politische Bedeutung der Grossbanken im Weltmarkt unter Berücksichti-

- гung ihres Einflusses auf Russlands Volkswirtschaft und die deutsch-russische Beziehungen. Berlin, 1914. S. 106; *Ischchanian B.* Op. cit. S. 188, 279–280. На несоответствие капитала ряда иностранных обществ в России задачам, которые они формально декларировали, указывал А. Сарториус фон Вальтерсхаузен. См.: *Sartorius Waltershausen A.*, v. Op. cit. S. 181–182.
- ⁷ *Schulze-Gaevernitz G.* Volkswirtschaftliche Studien aus Russland. Leipzig, 1899. S. 301–303, 309; *Wittschewsky V.* Russlands Handels-, Zoll- und Industriepolitik von Peter dem Grossen bis auf die Gegenwart. Berlin, 1905. S. 224; *Schlesinger M.L.* Russland im XX Jahrhundert. Berlin, 1908. S. 415; *Ischchanian B.* Op. cit. S. 146, 153. См. также: *Мартин П.Э.* Будущность России и Японии. М., 1907. С. 165, 266–268.
- ⁸ *Schulze-Gaevernitz G.* Op. cit. S. 91; *Wittschewsky V.* Op. cit. S. 226–228; *Ischchanian B.* Op. cit. S. 162, 170, 174–179. Из современных работ, непосредственно посвященных Л. Кнопю, особо выделяется публикация Д. Дальмана: *Dahlmann D.* Ludwig Knoop: ein Unternehmerleben // «...das einzige Land in Europa, das eine grosse Zukunft vor sich hat»: Deutsche Unternehmen und Unternehmer im Russischen Reich im 19. und fruehen 20. Jahrhundert. Essen, 1998. S. 361–378.
- ⁹ *Schulze-Gaevernitz G.* Op. cit. S. 91, 93; *Ischchanian B.* Op. cit. S. 265–266, 268–270. См. также: *Wittschewsky V.* Op. cit. S. 228.
- ¹⁰ *Ольденбург С.С.* Царствование императора Николая II. М., 1992. С. 83–84.
- ¹¹ *Vogel A.* Russlands Kampfesetze ... S. 227–243; *Jenny E.* Op. cit. S. 36. О преобладании в начале XX в. иностранного инвестирования в Россию через общества, учрежденные в ней и действующие по русскому уставу, см.: *Бовыкин В.И.* Россия накануне великих свершений: к изучению социально-экономических предпосылок Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1988. С. 85–86, 130.
- ¹² *Ischchanian B.* Op. cit. S. 148, 264–265; *Agahd E.* Grossbanken und Weltmarkt. S. 99.
- ¹³ *Agahd E.* : 1) Grossbanken und Weltmarkt. S. 54, 63, 73–74, 82, 110 ; 2) Wir und die Weltwirtschaft. Berlin, 1931. S. 72. Ср.: *Оль П.В.* Иностранные капиталы в России. Пг., 1922. С. 30–37. Следует, однако, учитывать, что в отдельных случаях, например, при оценке величины американских и швейцарских вложений в России, а также германских инвестиций в электроиндустрию, данные П.В. Оля занижены. См.: *Лебедев В.В.* Русско-американские экономические отношения, 1900–1917. М., 1964. С. 143–145; *Дякин В.С.* Герман-

- ские капиталы в России: электроиндустрия и электрический транспорт. Л., 1971. С. 9, 268–269; *Rauber U.* Schweizer Industrie in Russland: Ein Beitrag zur Geschichte der industriellen Emigration, des Kapitalexports und des Handels der Schweiz mit dem Zarenreich (1760–1917). Zürich, 1985. S. 308, 309, 314, 316.
- ¹⁴ *Agahd E.* Grossbanken und Weltmarkt. S. 74, 83, 87, 154–160, 215. Вместе с тем Агад в определенной мере допускал непропорциональное отождествление участия коммерческих банков в народном хозяйстве страны с иностранным участием. В еще большей мере этот недостаток присущ был Е. Иенни, который полагал, что немецкий капитал, занимая значительные позиции в петербургских банках к 1914 г., тем самым косвенным образом доминировал и в российской индустрии. См.: *Jenny E.* Op. cit. S. 36.
- ¹⁵ *Ленин В.И.* Империализм как высшая стадия капитализма // Полн. собр. соч. Т. 27. С. 349–350. О полемике «национализаторов» и «денационализаторов» в советской историографии см.: *Тарновский К.Н.* Советская историография российского империализма. М., 1964; *Бовыкин В.И.* : 1) О некоторых вопросах изучения иностранного капитала в России // Об особенностях империализма в России. М., 1963. С. 250–313 ; 2) Россия накануне великих свершений ... С. 124, 144–149.
- ¹⁶ *Agahd E.* Grossbanken und Weltmarkt. S. 74, 83, 87, 154–160.
- ¹⁷ *Ibid.* См. также: *Agahd E.* Wir und die Weltwirtschaft. S. 82–89, 205. (Эта книга Э. Агада была написана им в период пребывания в ссылке в 1915–1917 гг.)
- ¹⁸ *Sartorius Waltershausen A., v.* Op. cit. S. 145, 181–182; *Claus R.* Die Rentabilität der russischen Aktiengesellschaften // Jahrbuch fuer Nationaloekonomie und Statistik. 1910. Bd. 39, Hf. 2. S. 494–498; *Ischchanian B.* Op. cit. S. 270–271; *Agahd E.* Grossbanken und Weltmarkt. S. 63.
- ¹⁹ *Wittschewsky V.* Op. cit. S. 285–295, 380–386; *Schlesinger M.L.* Op. cit. S. 205–210, 435–437. В пользу экономического сотрудничества зарубежных стран с Россией высказывался и Б. Ишханян. См.: *Ischchanian B.* Op. cit. S. 215–217, 280. Значение Сибири как огромного потенциального рынка сбыта немецких товаров и объекта приложения предпринимательской активности своих соотечественников особо отмечал Э. Агад. См.: *Agahd E.* Grossbanken und Weltmarkt. S. 72. Со сдержанным оптимизмом трактовали возможные перспективы развития российской экономики также А. Сарториус фон Вальтерсхаузен и Р. Клаус. См.: *Sartorius Waltershausen A., v.* Op. cit. S. 184–185; *Claus R.* Die Entwicklung des Bankwesens in Russland. [Altenburg], 1907. S. 56.

- ²⁰ Помимо цитированных работ Р. Мартина см.: *Bernhard G. Armes reiches Russland: Ein Mahnwort an Deutschlands Kapitalisten*. Berlin, 1905; *Rohrbach P. Das Finanzsystem Witte*. Berlin, 1902.
- ²¹ О. Хетч и в годы Первой мировой войны недвусмысленно высказывался за русско-германское сотрудничество (в т.ч. экономическое) в послевоенной перспективе, независимо от характера государственного строя и политического режима в России. Это достаточно ясно видно из уже упоминавшейся его работы, вышедшей в 1917 г. и представляющей собой расширенное и дополненное издание его монографии, появившейся в 1913 г. Прорусский настрой О. Хетча, сохранившийся и в годы Первой мировой войны, недавно отметил современный исследователь: *Кенен Г. Между страхом и восхищением: «российский комплекс» в сознании немцев*. М., 2010. С. 128. Биографию О. Хетча см.: *Машкин М.Н. К 100-летию со дня рождения Отто Гетча // Ежегодник германской истории, 1976. М., 1977. С. 319–326.*

**«ЗАКЛЯТЫЕ ПАРТНЕРЫ»:
СОВЕТСКАЯ И НЕМЕЦКАЯ ЛЕГАЛЬНАЯ РАЗВЕДКА
В 1920-Е – НАЧАЛЕ 1930-Х ГОДОВ**

Советско-германское секретное сотрудничество в военной сфере, начавшееся после подписания Рапалльского договора, имело и специфическое направление: обмен разведывательной информацией о третьих странах (в первую очередь о Польше, Румынии и Прибалтийских государствах) между рейхсвером и РККА, налаженный с середины 1920-х годов. Разведуправление штаба РККА и разведотдел рейхсвера интенсивно обменивались сведениями. Советское полпредство в Берлине предлагало рецепты дальнейшего взаимодействия:

«Устраиваем совместные обсуждения оперативных вопросов (напр., “возможный план стратегического развертывания Прибалтийских государств и Польши”); этих разговоров бояться нечего, если к ним хорошо подготовиться и сговориться по линии разведывательной и дезинформационной»¹.

При этом сбор сведений военного и военно-политического характера о стране-партнере оставался одной из главных задач на всем протяжении сотрудничества в «рапалльское десятилетие». Однако высокопоставленные представители рейхсвера категорически отрицали реализацию ими разведывательных задач. Так, например, один из главных немецких кураторов сотрудничества в военной сфере О. Нидермайер утверждал, что не получал от немецкого Генштаба заданий добывать военные и экономические данные об СССР. По его словам, Берлин строго предупредил его о том, что он категорически не должен заниматься сбором каких бы то ни было сведений о Советском Союзе, во избежание компрометации².

С начала 20-х годов Нидермайер возглавлял «Московский центр» («Ц-Мо») – службу немецкого Генштаба по русским вопросам. Он ежедневно направлял в «Ц-Б» («Zentrale – Berlin» – германское управление Генштаба по русским делам) информацию, содержащуюся в материалах советской военной прессы, и сведения, основанные на результатах личных наблюдений: присутствия на парадах и маневрах РККА, осмотрах и посещениях предприятий, переговорах с представителями Генштаба РККА, запросов по тем или иным проблемам. Получение сведений, утверждал Нидермайер, строилось на принципе взаимности, так как и работники Генштаба РККА иногда официально запрашивали немецких коллег по военной проблематике. Информацию он пересылал в Берлин через дипкурьеров немецкого посольства³.

Нидермайер общался с представителями ВВС П.И. Барановым и Я.И. Алкснисом, начальником военно-химического управления Я.М. Фишманом, начальником морского управления Р.А. Муклевичем и руководителем Разведупра Я.К. Берзиным, через которого решались все вопросы работы «Ц-Мо». Постоянные контакты он имел с задействованными в процессе организации, строительства и контроля за деятельностью советско-германских военных предприятий и школ советскими военными и партийными руководителями: М.Н. Тухачевским, И.П. Уборевичем, И.Э. Якиром, А.И. Корком, В.К. Блюхером, К. Радеком. Вел переговоры с Л.Д. Троцким, А.И. Рыковым, Г.В. Чичериним, Л.М. Караханом, В. Коппом, Н.Н. Крестинским и др.⁴

Возможности для сбора немцами разведывательной информации были относительно широкими: в описываемый период офицеры рейхсвера и инженеры часто посещали Советский Союз и имели доступ к промышленным и военным секретам, и вряд ли была необходимость в создании специальной тайной разведывательной службы силами дипломатов. Портить репутацию посольства в глазах советского руководства немецкому Генштабу было невыгодно. При штабе советских ВВС существовала немецкая группа специалистов – консультантов по тем проблемам, которые в то время решались в области авиации.

Они производили опыты и испытания и, конечно, знали многие секреты развития авиации в СССР.

В промышленности, включая военную, также было много немецких специалистов. Все эти лица выезжали в Германию и могли давать там самые подробные сведения о состоянии советской промышленности.

О том, что немцы имели на территории Советского Союза относительно большие возможности для сбора информации, свидетельствует и следующий факт. В 1930 г. начальник министерского управления, впоследствии рейхсканцлер К. фон Шляйхер захотел получить сведения о развивающейся индустрии СССР. С этой целью в Москву был прислан офицер генштаба В. Мюллер. По согласованию с представителем советского Генштаба, руководителем Разведупра Берзиным Мюллер в сопровождении Нидермайера совершил поездку по промышленным районам СССР, где имел доступ к осмотру предприятий Горького, Сталинграда, Ростова, посетил ДнепрогЭС. Их сопровождал представитель Красной Армии (попутно немецкие «гости» побывали на совместных военных предприятиях). Добытые Мюллером сведения об СССР получили одобрительную оценку со стороны Шляйхера⁵.

В немецком посольстве «Ц-Мо» числился как хозяйственно-административное управление. Но почти все сотрудники дипмиссии знали о характере его деятельности. Нидермайер поддерживал тесную связь с послом – Г. фон Дирксеном, советниками – Ф. фон Твардовским и Г. Хильгером. Из отчетов немецкого МИДа Нидермайер брал информацию для германского Генштаба о заседаниях ЦИК, о судебных процессах по делу вредителей, решениях исполкома Коминтерна. В 1931 г. Нидермайер вернулся в Германию. С 1932 г. круг деятельности «Ц-Мо» резко сократился – с этого периода он занимался только школами и был ликвидирован одновременно с ними⁶.

В январе 1931 г. руководство III разведывательного отдела немецкого Генерального штаба назначило на должность постоянного сопровождающего офицера командиров Красной Армии, прибывавших в Германию на учебу и маневры, К. Шпальке. Шпальке, тогда капитан, имел, кстати, и диплом перевод-

чика, собирал в отношении иностранных армий следующие разведывательные данные: их структура, организация и оснащение, дислокация войск, замыслы генштабов и мобилизационные планы, состояние военной промышленности и потенциальные возможности.

Кроме получения вышеназванной информации от германских военных атташе, аккредитованных в различных странах, а также использования официальных источников, III отдел в своей работе поддерживал контакт с германской военной разведкой⁷.

«Наряду с обслуживанием в качестве переводчика групп командиров Красной Армии, прибывших в Германию на маневры и для обучения в академии Генерального штаба, на меня возлагались и разведывательные задачи, а именно: в беседах с командирами Красной Армии собирать интересующие генштаб разведывательные сведения о структуре, организации и оснащении советских вооруженных сил, дислокации частей и военной промышленности; изучение политических настроений и деловых качеств командиров Красной Армии и составление характеристик на последних», – сообщал Шпальке⁸.

В процессе общения с советскими офицерами он выяснял ряд данных тактического свойства. В то время германский Генеральный штаб имел уставы Красной Армии, но некоторые пункты этих документов были непонятны немецким военным. Разбирая с краскомами ту или иную тактическую задачу в академии Генерального штаба, Шпальке уточнял неясные для немцев положения уставов РККА об использовании танков, артиллерии в боевой обстановке⁹.

Большое внимание немецкий Генштаб в целом и разведка в частности придавала изучению личностных особенностей советских офицеров. Рейхсвер интересовался их политическими убеждениями, образованием, социальным происхождением, доминирующими чертами характера, пристрастиями. Характеристики составлялись по заданию разведотдела¹⁰.

С 1929 по 1933 г. Шпальке в соответствии с заданиями полковника Фишера, а потом сменившего его на посту начальника

III разведывательного отдела Генштаба генерала Штюльпнагеля составил политические и деловые характеристики на всех командиров Красной Армии, которых сопровождал. В основу этих характеристик были положены материалы, собранные путем изучения в ходе повседневного общения и бесед с командирами Красной Армии их политических настроений, отношения к Германии и деловых качеств¹¹.

Шпальке с 1931 по 1933 г. составил «психологические портреты» Урицкого, Егорова, Дубового, Дыбенко, Левандовского, Белова, Примакова и Тимошенко.

«Я указал в характеристиках, что это преданные советской власти командиры... В 1936 году также будучи в СССР, я в Москве встречался на частной квартире с Урицким и Беловым. В 1936 году я приезжал в Москву для бесед с рядом высших командиров Красной Армии, в целях укрепления и лучшей взаимосвязи между германской и Красной Армией»¹².

«Должен указать, что руководство III отдела большой интерес проявляло к Егорову, Якиру, Белову, Дыбенко, Дубовому, Левандовскому и Тимошенко, поскольку они занимали видное положение в Красной Армии, в отношении которых в связи с этим я проявил особую внимательность при изучении их. Мне известно, что подполковник Мишински вел картотеку учета руководящего состава Красной Армии, куда он заносил все добытые мною характеризующие их данные...»¹³

Разведывательный отдел немецкого Генштаба пытался получить данные по вопросам структуры РККА, ее вооружения, дислокации отдельных частей, военной промышленности, а также изучить вопросы тактического взаимодействия отдельных родов войск в боевой обстановке¹⁴.

В частности, Разведотдел германского Генштаба получил информацию, что высшее командование Красной Армии серьезно занимается вопросами высадки во время войны танковых и пехотных десантов в тыл армии противника.

На основании бесед с командирами Красной Армии Шпальке «удалось установить, что они особо интересуются вопросами раз-

вития артиллерии и, в частности, установления огневых артиллерийских точек противника при помощи звукоулавливателей и светоулавливателей... Создалось впечатление, что в России имеются специальные научные учреждения, которые изучают эти вопросы. По поводу использования артиллерии в бою я установил что русские, в противоположность немцам, создавшим смешанные артиллерийские группы из батарей дальнего и ближнего действия, – считают более целесообразным использовать по отдельности артиллерию дальнего боя и артиллерию ближнего боя, хотя в принципе не отказываются и от создания смешанных артиллерийских групп. По вопросам противотанковой артиллерии в разговорах с командирами Красной Армии я установил, что имеющаяся на вооружении Красной Армии 35 мм. противотанковая пушка уже не удовлетворяет их, и они занимаются созданием более мощной 45 мм. противотанковой пушки»¹⁵.

Особый интерес разведывательный отдел Генштаба проявлял к вопросам использования Красной Армией танков. В связи с этим немецкой стороне удалось выяснить, что Красная Армия создает и в случае возникновения войны намерена использовать танковые подразделения двояко: для поддержания танками наступающей пехоты и для прорыва фронтов и действия танков в глубоком тылу противника¹⁶.

Столь пристальное внимание к закрытым сферам «друзей» трудно объяснить лишь добросовестным стремлением к максимально эффективному сотрудничеству. Вероятнее другое: априори действуя в системе двойных стандартов в обход действующих Версальских соглашений, немецкая сторона не отказывалась и от двойных стандартов с советскими партнерами. Получая выгоды, хоть и не вполне оправдавшие первоначальные надежды, от деятельности совместных школ и военно-промышленных предприятий, рейхсвер предпочитал получать и закрытую информацию.

Свои взаимоотношения с командирами Красной Армии, которых он сопровождал на маневрах в Германии, Шпальке называл дружескими¹⁷. Неоднократно он выезжал с ними в свободные от занятий дни на различные экскурсии, бывал на квартире у Егорова, Левандовского и др. В Берлине у него в доме

бывали Тимошенко, Меженинов и другие. Во время общения с командирами Красной Армии и бесед с ними на деловые темы он пытался «прозондировать» вопросы, интересовавшие немецкий Генштаб. В связи с этим любопытен такой эпизод: используя свои связи с указанными командирами Красной Армии, Шпальке пытался получить в 1926 г. сведения о дислокации советских войск у одного командира.

«Моя попытка не увенчалась успехом, так как во время беседы он перевел разговор на другую тему... Вторично я пытался получить в 1931 году сведения о номерах дивизий, входивших в состав корпуса, дислоцировавшегося в Средней Азии от начальника штаба корпуса, находившегося в группе Егорова... Начальник штаба корпуса ответил, что номеров дивизий он не знает»¹⁸.

Помимо уже упомянутых, Шпальке назвал следующие вопросы, интересовавшие германский Генштаб: обучение кадров Красной Армии, структура высших военных органов – военного министерства, Генштаба РККА, штабов военных округов и армий. Кроме того – мобилизационные планы Генштаба РККА, состояние военной промышленности СССР и потенциальные экономические возможности СССР.

Для сбора информации применялись и детальные опросы немецких специалистов, выезжавших в СССР для монтажа на фабриках и заводах купленного в Германии оборудования. Они сообщали ценные сведения о развитии в Советском Союзе промышленности. Шпальке упоминает, что и в беседах с приезжавшими в Германию советскими офицерами работники разведотдела немецкого Генштаба также пытались выяснить интересующие их вопросы¹⁹.

Заместитель Бломберга полковник Х. фон Миттельбергер в ходе своей поездки в СССР в 1928 г. специально занимался оценкой способностей и политических взглядов советских командиров.

В отчете он особое внимание уделил Тухачевскому: «Самым значительным военным представителем Красной Армии является шеф генерального Штаба Михаил Тухачевский. На него возлага-

ются большие надежды... Очень умен и очень тщеславен»²⁰. В Германии его называли одним из выдающихся талантов Красной Армии, коммунистом исключительно по соображениям карьеры. «Он может переходить с одной стороны на другую, если это будет отвечать его интересам»²¹.

Об общем впечатлении от Красной Армии Бломберг писал, что оно «вполне удовлетворительно... Красная армия располагает превосходным солдатским материалом. Русский солдат обладает, как и ранее, отличными военными качествами, которыми он отличался в течение столетий. В высшей степени закаленный, выносливый, привыкший к физическим нагрузкам, волевой и непритязательный, он дает командованию возможность добиваться от войск поразительных результатов».

Как особо выдающиеся качества он отметил твердую внутреннюю сплоченность, прогресс, достигнутый в последние годы, стремление устранить известные недостатки и при широком использовании немецких образцов добиться производительности, соответствующей западным требованиям, усилия по созданию современных вооружений (авиация, химическое оружие), крепкую связь с народом²².

Таким образом, к 1933 г., в германском Генштабе был накоплен достаточно обширный материал об РККА, полученный за период рапалльского сотрудничества.

Советская сторона также последовательно решала задачи легальной разведки. Всем офицерам, выезжавшим на маневры в Германию, стажировавшимся в академии немецкого Генштаба или участвовавшим в проведении исследований на совместных предприятиях на территории СССР, вменялось в обязанность изучение военного потенциала страны-партнера, тенденций ее военного развития и социально-политической обстановки. Перед Уборевичем, стажировавшимся в генштабе Германии 13 месяцев, нарком обороны Ворошилов поставил конкретные задачи:

«Штаб послал Вам задание. Я дополнительно прошу Вас собрать материал по следующим вопросам:

1. Взаимодействие родов войск, а также сухопутной армии и флота. Вам известно, что немцы критиковали, и не без основания,

наши одесские маневры²³, особенно совместные действия с флотом. Надо изучить постановку этого дела у немцев.

2. Организация, вооружение и применение кавалерии в бою. Мы знаем приблизительно взгляды немцев на конницу. Надо детально изучить, как они думают оперировать конницей на восточных театрах – наших условиях (скажем, в Польше). Вообще, надо по возможности основательно исследовать этот вопрос.

3. Об укрепленных районах. Как немцы к ним относятся, как думают их организовать. Вы помните, что снос укреплений в Восточной Пруссии (по требованию союзной комиссии) вызвал бурные протесты Р. В. (рейхсвера. – *Ю.К.*).

4. Организация тылов и снабжение в мирное и военное время. Надо изучить методы войскового снабжения, а также постановку этого дела в государственном масштабе (как немцы думают мобилизовать промышленность, с[ельское] хозяйство и т.д.).

5. Изучите быт немецкой армии. Мы имеем уставы, но не знаем, как живет немецкая армия и ее солдаты»²⁴.

Помимо профессиональных задач по изучению рейхсвера, советским офицерам ставились также и этические.

«Я хочу обратить Ваше внимание на еще одно обстоятельство, – инструктировал Ворошилов. – Конечно, иногда поужинать с немцами необходимо, но число всяких раутов и обедов надо свести к минимуму. Об этом есть твердое решение инстанции. Вы должны демонстрировать немцам облик нашего командира-коммуниста»²⁵.

Помимо сугубо военной разведывательной информации, накапливавшейся обеими сторонами, серьезное значение имели и «неформальные» наблюдения немецких военных, живших в СССР и работавших на совместных военных предприятиях. Они легли в основу зарождавшегося тогда «остфоршунга» – изучения востока, игравшего существенную политическую роль после прихода к власти Гитлера, сделавшего остфоршунг одним из опорных пунктов своей антироссийской пропаганды и «натиска на восток».

В докладах немецких военных в Генштаб описанию «русской картины мира» придавалось порой не меньшее значение,

чем собственно военно-профессиональной стороне поездки. Типичным по построению и подробности является отчет подполковника Вильберга и ротмистра Ешонека о поездке в Москву и Липецк в 1926 г.

Авторы документа делают следующие выводы. Москва стала лучше, вновь построены большие здания, развился транспорт. Тем не менее, общее впечатление – разочаровывающее. Для трехлетних «планомерных» работ достигнутый прогресс в столице крайне ограничен. Вне Москвы это ощущение усиливается: так, насчитывающий 23 тысячи жителей Липецк «производит впечатление полностью запущенного предельно убогого города. Ни о каком-либо строительстве, о какой-либо заботе государства нет и речи. Брошенные и разрушившиеся дома, замусоренные улицы, убого одетые люди и нищие». Наиболее сильным это впечатление становится, когда при пересечении финской границы севернее Ленинграда «попадаешь в страну с образцовым порядком и чистотой»²⁶.

Текст отчета изобилует описанием сугубо бытовых подробностей.

«Два раза в год мы приглашались к русскому коменданту: на летний праздник под открытым небом, на опушке леса и зимой на “круговую чарку” в “русском бараке”, откуда многие уходили качаясь. Кофе “Мокко” и коньяк были гораздо опаснее русской водки. Взаимоотношения с нашими партнерами были хорошими, и если русский сотрудник принимал участие на многих этапах периода испытаний немецкого коллеги, могли возникнуть дружеские отношения. Политических тем не касались обе стороны, этим обеспечивался мир. Русская заинтересованность в нашей работе была на первом месте, мы принимали среди прочих генерала Тухачевского и генерала Фишмана, который якобы изучал химию в Неаполе»²⁷.

Звучат даже нотки ностальгии при воспоминаниях о русских праздниках. Текст в этом разделе отчета – скорее эссе, нежели военный доклад.

«Рождество было большим событием периода испытаний. Украшенная елка, на каждом месте любовно накрытого праздничного стола кухонные тарелки со сдобной аппетитной выпечкой, наряженные русские девушки в своих лучших гражданских одеждах, – все создавало праздничную картину. Лишь раз в году приходил близкий нам мир в это совершенно иным образом сложившееся окружение. Советская молодежь была давно насильственно отделена от религии. Но теперь, побежденные волшебством этого события, глаза девушек увлажнились. Что-то совершенно новое для них, известное только их родителям, внезапно трогало их, они укутывались в теплое пальто, задумчивость овладевала нами всеми»²⁸.

Бломберг, смещенный перед Второй мировой войной со всех постов, также оставил в мемуарах колоритные наблюдения о «русской жизни». Они были сделаны им во время инспекционных поездок по России. И выводы немецкого военачальника, стоявшего у истоков советско-германского сотрудничества, а затем – строительства гитлеровского вермахта²⁹, интересны в социально-политическом аспекте: они дают впечатление о «подлинной» жизни людей государства-партнера.

«Народ, передвигающийся на поездах и на пароходах, мало кого заботил. Днями толкались они на вокзалах и пристанях в ожидании, когда в переполненных поездах или пароходах обнаружится свободное место. Нужно было наблюдать эту сидящую на корточках массу с одеялами, матрацами, котелками и припасами, чтобы узнать в русских азиатский народ... Поскольку европейски ориентированный господствующий слой был вычищен, все вернулось к первоначальному состоянию орды.

Мы видели множество крестьян, которые еще тогда могли сидеть перед иконой Богоматери на Красной площади, и городской пролетариат, которому не пристало так себя вести, ибо он стал господствующим классом. В театре мы смотрели прекрасный балет, искусно исполненный и наполненный красной чепухой. Театральная публика выглядела мелкобуржуазно. Я сомневаюсь, чтобы среди зрителей находились рабочие. Мы посетили также рабочую коммуны, квартиры в которой не оставляли желать лучшего. Сопровождающий меня знаток России сказал, что нам покажут только тщательно просеянные исключения... Русский всегда хо-

чет разделить содержание своего узелка с ближним. Чувство коллективизма у них врожденное. Большевизм Ленинско-Сталинского типа долго существовать может только в России»³⁰.

Бломберг подытоживал:

«На меня Россия произвела очень серьезное впечатление, одновременно и непостижимое. Это была чужая страна. Я сказал себе, что мы должны либо стать ей другом, поскольку у нас общие интересы в укреплении позиций против западного мира, или же нам нужно планомерно готовить борьбу против наших восточных соседей, которая должна будет вестись при благоприятных обстоятельствах, то есть с собранной в кулак силой. Недооценка этого противника была безусловно большой ошибкой. Уже после 1933 года и потом во Второй Мировой все пошло по-другому»³¹.

---

¹ Архив внешней политики Российской Федерации. Ф. 0165. Оп. 5. П. 123. Д. 146. Л. 168 (Докладная записка январь 1927 года).

² Центральный архив Федеральной службы безопасности Российской Федерации (ЦА ФСБ РФ). Протокол допроса арестованного Нидермайера О.Ф. от 17 мая 1945 года. Л. 15 об.

³ Там же. Протокол допроса арестованного Нидермайера О.Ф. от 28 августа 1945 года. Л. 27 об.–28.

⁴ Там же. Л. 29 об.

⁵ Там же. Л. 28–29.

⁶ Там же. Л. 30.

⁷ Там же. Протокол допроса арестованного Шпальке К.А. от 16 сентября 1946 года. Т. 1. Л. 15.

⁸ Там же. Л. 16.

⁹ Там же. Протокол допроса арестованного Шпальке К.А. от 22 августа 1947 года. Т. 1. Л. 46.

¹⁰ Там же. Л. 47.

¹¹ Там же. Протокол допроса арестованного Шпальке К.А. от 16 сентября 1946 года. Т. 1. Л. 21.

¹² Там же. Протокол допроса арестованного Шпальке К.А. от 27 августа 1947 года. Т. 1. Л. 59.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же. Протокол допроса арестованного Шпальке К.А. от 28 августа 1951 года. Т. 1. Л. 191.

¹⁵ Там же.

- ¹⁶ Там же. Л. 193.
- ¹⁷ Там же. Протокол допроса арестованного Шпальке К.А. от 16 сентября 1946 года. Т. 1. Л. 17.
- ¹⁸ Там же. Л. 18.
- ¹⁹ Там же. Протокол допроса арестованного Шпальке К.А. от 29 августа 1951 года. Т. 1. Л. 208–210.
- ²⁰ *Groehler O.* Selbstmörderische Allianz: Deutsch-russische Militärbeziehungen, 1920–1941. Berlin, 1992. S. 53.
- ²¹ *Ахтамзян А.А.* Военное сотрудничество СССР и Германии, 1920–1933 // Новая и новейшая история. 1990. № 5. С. 16.
- ²² *Blomberg's P.* Privates Archiv. Reise des Chefs des Truppenamts nach Russland. (August/September. 1928). S. 46.
- ²³ Речь идет о маневрах Украинского военного округа, проводившихся в 1926 г. Цель маневров – отработка взаимодействия военноморского флота и сухопутных родов войск при проведении боевой операции.
- ²⁴ Письмо народного комиссара по военным и морским делам К.Е. Ворошилова командующему войсками Северо-Кавказского округа И.П. Уборевичу с постановкой задач по изучению Рейхсвера // Рейхсвер и Красная Армия: документы из военных архивов Германии и России, 1925–1931. Кобленц, 1995. С. 95.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ Доклад подполковника Вильберга и ротмистра Ешонека о командировке в Москву и Липецк в сентябре 1926 г. // Рейхсвер и Красная Армия: документы из военных архивов Германии и России, 1925–1931. Кобленц, 1995. С. 39.
- ²⁷ *ВА-МА Hergestellt im Bundesarchiv-Militärarchiv-Bestand MSg2 Aktenband 782 Tomka.* S. 27.
- ²⁸ *Vom VA-MA Hergestellt im Bundesarchiv-Militärarchiv-Bestand MSg2 Aktenband 782 Tomka.* S. 35.
- ²⁹ Так назывались вооруженные силы Третьего рейха после прихода Гитлера к власти (с 1935 г.).
- ³⁰ *Bundesarchiv Militärarchiv Freiburg №52/2 Blomberg: Lebenerinnerungen – handschriftlich. Bd. III.S. 133–134.*
- ³¹ *Ibid.* S. 139–140.

**«НЕ БЫЛО НИЧЕГО БОЛЕЕ ВЕСЕЛОГО
И ИНТЕРЕСНОГО В МОЕЙ ЖИЗНИ,
ЧЕМ ЭТО ПОСОЛЬСТВО»:
АМЕРИКАНСКИЕ ДИПЛОМАТЫ
В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ
(1933–1936)**

Изучение проблем, связанных с взаимовосприятием различных народов и культур является актуальным и востребованным направлением в современной исторической науке. Такой подход позволяет выявить общее и особенное в социокультурном развитии отдельных народов, лучше понять характер отношений между ними, расширить представления о механизмах конструирования образов «свой»-«чужой». Это особенно важно, когда речь идет о принципиально иных общественных системах, каковыми, например, являлись американское и советское общество 1930-х годов. Цель настоящей работы – выяснить отношение американских дипломатов к советской действительности в первые годы после установления официальных дипломатических отношений.

10 октября 1933 г. недавно избранный президент США Франклин Д. Рузвельт направил письмо главе ЦИК СССР М.И. Калинину с предложением провести переговоры и обсудить вопрос о дипломатическом признании Советского Союза¹. Советская сторона дала положительный ответ на приглашение, назначив ответственным за переговоры наркома иностранных дел М.М. Литвинова². Переговоры проходили в Вашингтоне с 8 по 16 ноября 1933 г. и сопровождались оживленными дебатами, выявившими серьезные расхождения сторон по ключевым вопросам советско-американских взаимоотношений³. Итогом переговорного процесса стало известное «джентльменское соглашение Рузвельта – Литвинова», охватившее широкий круг вопросов. Стороны подписали ноту об установлении ди-

пломатических отношений; ноту о пропаганде, в которой брали на себя обязательство воздерживаться от вмешательства во внутренние дела другого государства; письмо по религиозным вопросам, гарантирующее свободу вероисповедания и отправления религиозных культов американцам, проживающим в СССР; письмо о правовой защите американских граждан, находящихся в советском государстве.

В историографии существуют различные, зачастую диаметрально противоположные, оценки соглашения Рузвельта – Литвинова. Г.Н. Севостьянов считает, что, будучи достигнутым путем уступок и компромиссов с обеих сторон, соглашение создало «юридическую базу для политического и экономического сотрудничества двух государств на взаимовыгодной основе, развития научных и культурных контактов»⁴. Американские исследователи Э. Беннет, Р. Даллек, Д. Майерс, Д. Данн отстаивают мнение о неопределенности соглашения, двусмысленности его формулировок, нерешенности главных вопросов, что сделало возможным признание СССР, но не улучшило американско-советских отношений⁵. Так или иначе, дипломатические отношения между двумя странами были установлены, и отныне на повестке дня стояли вопросы реализации программы, намеченной в ходе переговоров.

Уже 18 ноября 1933 г. Рузвельт объявил о своем решении назначить послом в Москву Уильяма Буллита. Этот выбор президента ни для кого не стал неожиданностью, учитывая заметную роль Буллита в организации и проведении переговоров о признании московского режима, а также уже имеющийся у него опыт общения с большевиками. Дело в том, что в марте 1919 г. с согласия В. Вильсона и Д. Ллойд-Джорджа Буллит находился с политической миссией в Москве. Итогом его бесед с В.И. Лениным, Г.В. Чичериным и другими влиятельными большевиками стал «Проект мирного предложения Союзных и Объединившихся стран». К разочарованию Буллита, американская делегация откестилась от этого предложения, представив поездку личной инициативой молодого сотрудника. Это был удар по самолюбию и амбициям Буллита, достаточный для того, чтобы он прервал свою бурно начавшуюся дипломати-

ческую карьеру. Только летом 1933 г. Буллит вновь вернулся на государственную службу в качестве доверенного лица Рузвельта, ответственного за развитие американско-советских отношений. Американская исследовательница Б. Фэрнсворт не слишком преувеличивала, утверждая, что в первые годы официальных отношений с Советской Россией американская политика была «политикой Буллита»⁶.

Немногочисленная американская делегация, возглавляемая Буллитом, прибыла в Советский Союз 11 декабря 1933 г., встретив теплый и радушный прием. 13 декабря состоялось вручение верительных грамот председателю ЦИК СССР М.И. Калинину, а 20 декабря Буллит и сопровождавший его в качестве переводчика Джордж Ф. Кеннан приняли участие в предновогоднем застолье членов Политбюро. Буллит в подробностях описал этот кремлевский прием в письме Рузвельту⁷ и в послании госсекретарю Корделлу Хэллу⁸, потрясенный размахом гуляния и польщенный вниманием, проявленным к нему представителями коммунистической элиты. Наибольшее впечатление на посла произвело общение со Сталиным, в частности, фраза, произнесенная генеральным секретарем ЦК ВКП (б) при прощании: «Я хочу, чтобы Вы поняли – если пожелаете встретиться со мной в любое время дня и ночи, дайте знать и я приму Вас тотчас же»⁹, что было экстраординарным жестом, подчеркивавшим уникальное положение Буллита как доверенного друга советского правительства. Кроме того, посол получил личные заверения Сталина о передаче американцам земельного участка на Воробьевых горах для строительства нового здания посольства по образцу Монтичелло – имения Томаса Джефферсона в Вирджинии.

Воодушевленный приемом советской стороны и находящийся в приподнятом настроении, Буллит отправился в США, намереваясь лично проследить, чтобы московское посольство было укомплектовано настоящими профессионалами. Вместо себя в Москве он оставил Кеннана, взвалившего на свои плечи всю тяжесть организационной работы. Кеннан с энтузиазмом занялся обустройством быта посольства и налаживанием дипломатической службы, и хотя технических, хозяйственных и бюрократических проблем было множество, сумел сохранить

позитивные впечатление о том времени. Позднее он с удовольствием вспоминал о зиме 1933/34 г.: «Сильные московские морозы оказывали на нас бодрящее действие... Старая Москва тогда еще в значительной мере сохранила свой облик. Люди ездили по городу на немногочисленных трамваях и троллейбусах, а строительство московского метро только начиналось... Москва оставалась тогда многолюдным, но уютным и живописным городом, жить в котором, с нашей точки зрения, было скорее приятно»¹⁰.

Для Кеннана пребывание в Москве, действительно, значило очень многое. Закончив в 1925 г. Принстонский университет, он поступил на дипломатическую службу, избрав в качестве сферы профессиональных интересов Советскую Россию. На выбор «русской специализации» Кеннана оказали влияние несколько факторов. Прежде всего, это стремление принять эстафету от Кеннана-старшего, известного путешественника и писателя, автора книги «Сибирь и ссылка» (СПб., 1906), в деле изучения российской истории и культуры. Помимо семейных обстоятельств, немаловажную роль сыграл интерес Кеннана к истории дореволюционной России. Внимательно читая классическую русскую литературу (А.П. Чехова, Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого), он познавал другой мир, который казался ему близким и понятным. Этот привлекательный мир дореволюционной России невольно провоцировал Кеннана попытаться постичь причины его крушения и найти объяснение всему происходящему в советском обществе. Косвенно «русскому» выбору Кеннана способствовала и атмосфера в США вокруг проблемы признания Советского Союза. Начиная с середины 1920-х годов в американской политической элите все громче стали раздаваться голоса тех, кто призывал признать СССР. Не случайно в 1926 г. внутри Госдепартамента был создан специальный Восточноевропейский отдел, приоритетной задачей которого был сбор и анализ информации о советском государстве, поступающей из американских дипломатических миссий, расположенных в Европе.

В 1928–1931 гг. Кеннан прошел подготовку в рамках т.н. «русской программы», автором которой был Роберт Келли,

руководитель Восточноевропейского отдела Госдепартамента, прекрасно образованный, одаренный и интеллигентный человек. Келли бегло говорил по-русски, обладал глубокими познаниями в русской истории и культуре, однако подозрительно относился к большевикам и марксистской идеологии¹¹. Разработанная им программа предполагала трехгодичное изучение русского языка, русской истории и культуры в одном из европейских университетов и последующее назначение в балтийские страны, добившиеся независимости после событий 1917 г. и являвшиеся своеобразным «окном» в СССР. Главными недостатками этой программы можно считать преимущественное изучение и излишнюю идеализацию дореволюционной России, и, напротив, пренебрежение идеологией и тактикой нового кремлевского режима.

В рамках предложенной программы Кеннан остановил свой выбор на созданном Бисмарком Восточном семинаре Берлинского университета, отправившись туда в октябре 1929 г. Совершенствование знаний шло под руководством не только квалифицированных преподавателей, но и образованных русских эмигрантов. Тесное общение с ними позволяло, с одной стороны, заниматься изучением русского непосредственно с носителями языка, с другой, давало представление о культурной атмосфере, царившей в дореволюционной России. В октябре 1931 г. Кеннан получил пост третьего секретаря в американском посольстве в Латвии, оставаясь там до лета 1933 г. Таким образом, Кеннан, уже давно и продуктивно занимавшийся изучением России, с назначением в Москву получил прекрасный шанс сверить свои познания с действительностью.

7 марта 1934 г. Буллит вернулся в Москву вместе с набранными сотрудниками, среди которых особо выделялись третий секретарь посольства Чарльз Боулен и глава экономического отдела Лой Хендерсон. Первый происходил из влиятельной и обеспеченной луизианской семьи, получил гарвардское образование и в 1929 г. поступил на дипломатическую службу. Боулен избрал своей специализацией СССР и обучался по «русской программе» Келли, изучая русский язык, историю и культуру в Париже. Обладавший острым и живым умом, отличав-

шийся способностью к языкам, пользовавшийся любовью и уважением среди коллег, проникательный и обаятельный Боулен считался в Госдепартаменте одним из самых перспективных экспертов по СССР¹². Хендерсон, в свою очередь, имел богатый опыт взаимоотношений с российским государством. Его первое знакомство с Россией состоялось в 1919 г., когда будучи представителем Красного Креста, он смог воочию наблюдать хаос гражданской войны и накал национальной борьбы. Поступив в 1922 г. на дипломатическую службу, он очень скоро перешел в Восточноевропейский отдел, в котором работал под непосредственным началом Келли. Большое влияние на восприятие Хендерсоном коммунизма и советского государства оказало трехлетнее назначение в Ригу (1927–1930)¹³. Так или иначе, Боулен и Хендерсон, знавшие русский язык и обладавшие обширными познаниями о внутренней жизни в СССР, идеально подходили для работы в Москве.

Помимо Боулена и Хендерсона в состав посольства также входили: советник посла Джон Уайли, третий секретарь Бертел Кунихолм, консул Джордж Хэнсон и его помощники Элбридж Деброу и Ангус Уорд, военный атташе Филипп Феймонвилл и др.¹⁴ В общей сложности штат насчитывал 40 американцев плюс примерно столько же русских, принятых на работу в качестве обслуживающего персонала (шоферы, переводчики, курьеры, повара). Любопытный факт – посольство состояло исключительно из мужчин, преимущественно в возрасте 30–35 лет, еще не заостеневших в дипломатической рутине и способных на нетривиальные рассуждения и поступки. Такая однородность способствовала созданию в московском посольстве атмосферы братства и товарищества, единения и сплоченности, каковой никто из них еще не знал. Буллит в письме госсекретарю в мае 1934 г. не преминул отметить это чувство солидарности, распространенное среди американских дипломатов, находящихся в Москве: «Ни одна группа людей, с которыми я когда-либо работал, не имела такого превосходного командного духа. Царящее ощущение взаимной предупредительности и преданности государственной службе постоянно восхищают меня»¹⁵. Важно также подчеркнуть, что многих из сотрудников

этого первого американского посольства в будущем станут известными и авторитетными советологами, ответственными за формирование американской политики в отношении СССР на протяжении Второй мировой войны и последовавшей за ней «холодной войны».

В первые месяцы после установления американо-советских официальных отношений обе стороны выражали заинтересованность в урегулировании спорных вопросов, пытались найти компромисс и позитивно оценивали перспективы дальнейшего сотрудничества. Американские дипломаты, находящиеся в Москве, были полны надежд и радужных ожиданий, осознавали значимость и важность своей работы, искренне верили в возможность конструктивного диалога между странами. Более всех этому оптимизму был подвержен Буллит, ощущающий личную ответственность за развитие отношений с Советским Союзом и претендующий на особое отношение со стороны коммунистического руководства.

Возникновению надежд и ожиданий в немалой степени способствовала политическая атмосфера в СССР в 1934 г., гораздо более «дружелюбная и спокойная, чем в два последующих десятилетия»¹⁶. По воспоминаниям Боулена, «в то время еще возможно было относительно легко установить неформальные контакты со многими членами советского общества, особенно с людьми искусства и даже некоторыми официальными представителями»¹⁷. В стенах американского посольства регулярно проходили вечеринки, на которых присутствовали представители иностранного дипкорпуса, советской артистической элиты, журналисты, деятели коммунистического движения. Бурное веселье с танцами, песнями, алкоголем сопровождалось обсуждением социализма, капитализма, советского будущего. Боулен позднее признавался: «Не было ничего более веселого и интересного в моей жизни, чем это посольство... не похожее ни на одно другое посольство в мире!»¹⁸

Пытаясь наладить отношения с командованием Красной Армии, американцы предпринимали попытки научить советских офицеров игре в поло и бейсболу, правда, безуспешные, так как советское руководство рассматривало эти виды спорта

как буржуазные¹⁹. Американские дипломаты свободно путешествовали по Советскому Союзу, наслаждаясь старинными русскими храмами и причудливой архитектурой; охотно посещали советские театры и музеи; с удовольствием катались на коньках и лыжах; много времени проводили в снятом в 20 км от Москвы дачном домике, осваивая премудрости деревенской жизни. По мнению Ф. Костиглиолы, в 1934 г. американские дипломаты получили «прекрасный шанс пересечь все границы – идеологические, классовые, национальные – пересечь их в другое время и в другом месте было бы серьезным нарушением»²⁰.

Более всего американцев поражали энтузиазм и самоотверженность советских граждан. Боулен писал в своем дневнике: «молодые русские демонстрируют небывалый энтузиазм, поразительное отсутствие эгоизма... они в действительности являются примером человека нового типа»²¹. Тейер же отмечал, что, несмотря на многочисленные физические неудобства, которые иногда превращали жизнь в Москве в ад, «мы надеялись найти в России что-то новое, искренне пытались найти решение многих наших собственных проблем»²².

Истинное наслаждение американским дипломатам доставляли многочасовые оживленные дискуссии о феномене коммунизма и природе советской системы, участие в которых зачастую принимали видные коммунистические деятели, такие, как Н.И. Бухарин и К. Радек. Так, Кеннан позднее признавался, что эти споры по проблемам русского коммунизма «во многом способствовали развитию моих представлений об этом явлении», особенно если учесть, что в силу слабого знания коммунизма и истории русского революционного движения понимание новой России давалось ему «ценой большого труда»²³.

Более всего погрузился в изучение советского общества Кеннан, который с удовольствием общался с простыми советскими гражданами, беседуя с ними в общественном транспорте, в очередях, на улице, пытаясь через знание их ежедневных забот и потребностей постичь атмосферу, царящую в обществе. Неподдельную радость он испытывал, когда в нем не узнавали иностранца и принимали за местного жителя. Восторгался Кеннан свежестью и непосредственностью человеческих от-

ношений, сердечностью и добродушием русских людей, считая, что эти черты могут помочь решить некоторые проблемы американского общества²⁴. Он охотно читал русскую классическую литературу, познакомился с О.Л. Книппер-Чеховой и обсуждал с ней планы написания биографии ее мужа, посетил Ясную Поляну, имение Л.Н. Толстого, которая произвела на него неизгладимое впечатление, несмотря на заброшенность и неухоженность²⁵. Совместно с Боуленом Кеннан помогал молодым советским актерам в постановке пьесы «Первая страница», обыгрывающей взаимоотношения капиталистов и рабочих в США²⁶. Можно констатировать, что Кеннан уже не являлся сторонним наблюдателем советской жизни, а был погружен в нее, живо реагируя на все происходящее. Позднее он оценивал 1934 г. как один из наивысших моментов своей жизни, прошедших в «атмосфере братства, веселья, интенсивного опыта»²⁷.

Апогеем веселья и свободы стала рождественская вечеринка 1934 г., прошедшая в Спасо-Хаузе с особым размахом и подробно описанная сотрудником посольства Ч. Тейером в книге «Медведи в икре». Для торжества были выписаны из Московского цирка три больших морских льва, которые балансировали подносами с бокалами шампанского, перебрасывались мячами, играли рождественский гимн на губных гармониках. Однако после того, как изрядно выпивший дрессировщик внезапно ушел, звери устроили настоящий дебош, заставив многих гостей забраться на столы²⁸.

Своеобразный «медовый месяц» в американско-советских отношениях продолжался недолго, вскоре стало понятно, что осуществление программы, намеченной при установлении дипломатических отношений, оказалось чрезвычайно затруднено. Переговоры о долгах и кредитах зашли в тупик. Нарастающий изоляционизм препятствовал активности Соединенных Штатов в противодействии угрозам международной безопасности на Дальнем Востоке и в Европе. Переломным моментом в настроении американских дипломатов в Москве стали партийные чистки, связанные с убийством 1 декабря 1934 г. первого секретаря Ленинградского обкома ВКП (б) С.М. Кирова. Кеннан отмечал позднее, что убийство Кирова отразилось на «наших

контактах с русскими, на нашей жизни в Москве, но намного более важно то, что целая волна испуга, неуверенности и страха обрушилась на российское общество»²⁹. Дипломаты были шокированы разгулом террора и насилия, захлестнувшего высшие эшелоны государственного, партийного и военного руководства СССР, от которого пострадали многие из тех, кто были вхожи в американское посольство. Буллит констатировал: «Вездесущий террор дошел до такого предела, что и рядовые, и высокопоставленные москвичи пребывают в страхе. Почти никто не смеет вступать в контакты с иностранцами, и это не безотчетный страх, а настоящее чувство реальности»³⁰.

Атмосфера внутри американского посольства в Москве существенно изменилась, не осталось и следа от той бурной и насыщенной жизни, которая еще так недавно радовала дипломатов. Ощущающие постоянный контроль со стороны сотрудников НКВД, изолированные от любых контактов с советскими гражданами, испытывающие недостаток впечатлений, они все больше тяготились своими обязанностями. Наиболее разочарован был Буллит: формы социально-политической эволюции СССР оказались несовместимыми с его надеждами на постепенное утверждение в России общепринятых демократических начал, а прямота, последовательность и честный диалог между двумя могущественными державами, на которые он рассчитывал, оказались невозможны. Становясь все более раздражительным и нетерпимым, Буллит начал испытывать проблемы в общении с подчиненными, по его инициативе из посольства были отозваны сначала консул Дж. Хэнсон, а затем и советник Дж. Уайли³¹. Боулен впоследствии писал: «прошло совсем немного времени, прежде чем одно разочарование за другим произвели заметные перемены в позиции Буллита, который стал последовательным и неистовым противником Советского Союза»³².

Серьезным испытанием для обеих сторон стал VII Конгресс Коминтерна, состоявшийся в Москве в июле – августе 1935 г. Официальный Вашингтон расценил участие Компартии США в этом конгрессе как нарушение соглашения Рузвельта – Литвинова о взаимном невмешательстве во внутренние дела.

Именно с лета 1935 г. Буллит и другие члены американского посольства в Москве все откровеннее заговорили о необходимости выработать более жесткий политический курс в отношении СССР.

Особенно преуспел в этом Кеннан, размышления которого были связаны с поиском общей аналитической рамки для понимания советского феномена, его исторического прототипа. В 1935 году он подготовил доклад «Проблема, встающая перед Советским Союзом в связи с войной», в котором изложил свои взгляды на перспективы советской внешней политики. В рапорте Кеннан отстаивал мысль, что советская внешняя политика базируется на враждебности ко всему остальному, некоммунистическому миру, а существующие мирные отношения с ним рассматривает лишь как временное перемирие, которое однажды может закончиться и привести к полномасштабной борьбе. Господствующий в СССР дух шовинизма и ксенофобии, подозрения и ненависти ко всему иностранному, циничная политика балансирования на грани войны не способствуют установлению мирных и добрососедских отношений с советским государством, а, напротив, провоцируют ответную агрессию³³.

В марте 1936 г. Кеннан предложил другое, характерное для европейской политической традиции, объяснение советской системы как нового варианта неизменной российской несвободы. Его доклад был составлен из фрагментов донесений американского посла в Санкт-Петербурге Нейла Брауна (1850–1853), и хотя послание представляло собой собрание цитат о самодержавной деспотии восьмидесятилетней давности, давало «точную картину жизни в России в 1936 г.». Политический режим характеризовался в донесении как «резкий», цензура – «суровой», система тотального шпионажа – «широко распространенной и угнетающей», русские люди – «недоверчивыми», а государственное устройство – «тираническим»³⁴.

Отечественные и зарубежные исследователи неоднократно обращались к рассмотрению этого сюжета, отмечая, что источник информации Кеннан выбрал не самый достоверный³⁵. Браун, стремящийся максимально изолировать свою жизнь от российской действительности, имевший смутные представления о

русском обществе и людях, никогда не путешествовавший по стране, сосредоточился исключительно на рассмотрении секретности, ксенофобии и полицейского террора как ключевых чертах России. По мнению И.И. Куриллы, донесения Брауна идеально «легли» на представления Кеннана о Советском Союзе лишь потому, что «дипломаты фиксировали не столько объективную реальность России, сколько разницу между стилем ведения дел в США и в нашей стране»³⁶.

Наконец, 20 апреля 1936 г. Буллит отправил в Вашингтон доклад «Политика Соединенных Штатов в связи с Советским Союзом и коммунизмом», в котором попытался определить базовые установки американской политики в отношении с коммунистической Россией³⁷. Депеша Буллита неоднократно публиковалась³⁸, но всякий раз текст документа подвергался значительным сокращениям, что существенно искажало его смысл³⁹. К моменту написания донесения Буллит был окончательно разочарован и развитием американо-советских отношений, и советской общественной системой. В беседе с заведующим 3-м Западным отделом НКВД в марте 1936 г. он откровенно признавал, что работа в Москве стала крупнейшей неудачей в его жизни⁴⁰. В первые месяцы 1936 г., когда его перевод в другую европейскую столицу уже был предрешен, Буллит обдумывал истоки и существо проблем, с которыми он столкнулся в Москве, анализировал свой опыт взаимодействия с советскими властями и наблюдения над советской действительностью. Результатом стал неструктурированный, а местами и противоречивый доклад, более всего напоминающий философско-аналитическое эссе.

Пытаясь предложить собственную концепцию советского государства, Буллит пошел по пути отождествления коммунизма с религиозным движением, считая, что «рассмотреть коммунизм как религиозное движение означает в действительности избрать правильный путь для входа в советский лабиринт». На его взгляд, наибольшее сходство коммунизма прослеживается с ранним исламом, подобно которому «коммунизм предлагает всем обращение в его веру либо меч». Буллит делал вывод об изменчивости, непостоянстве, откровенной

враждебности советской политики: «мы ни на секунду не должны питать иллюзии относительно того, что возможно установить действительно дружественные отношения с Советским правительством или с любой коммунистической партией или с коммунистом»⁴¹.

Послание Буллита вызвало интерес у политической элиты США, в частности, его высоко оценил Келли, а госсекретарь Хэлл заметил, что комментарии и взгляды посла «будут иметь большую ценность для правительства при решении вопросов, связанных с Советским Союзом»⁴². Но реакции Рузвельта не последовало, вероятно, президент воспринял рекомендации Буллита как малопригодные для решения текущих задач и идущие вразрез с общей установкой на поддержание дружественных контактов с Москвой. Вскоре после этого Буллит был переведен в Париж, что ознаменовало окончание целой страницы в истории американо-советских отношений, вместившей множество событий, большие надежды и большие разочарования. Новым послом в Советский Союз был назначен Джозеф Дэвис, с именем которого связан не менее противоречивый период в отношениях между двумя странами.

Таким образом, если в 1934 г. американские дипломаты получили реальный шанс пересмотреть многие западные стереотипы относительно советского общества, зачастую примитивные и ксенофобские, то уже с 1935 г. под давлением политических событий в СССР происходит реидеологизация их взглядов. И все же важно подчеркнуть, что большинство сотрудников американского посольства, питая неприятие и даже отвращение к советскому политическому режиму, сохраняли при этом привязанность к русской культуре, языку и людям.

---

¹ President Roosevelt to the President of the Soviet All-Union Central Executive Committee (Kalinin) // Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. The Soviet Union, 1933–1939. Washington, D.C.: U.S. Government Printing Office, 1952. P. 17–18. Далее: FRUS. SU.

- ² The President of the All-Union Central Executive Committee (Kalinin) to President Roosevelt // *Ibid.* P. 18.
- ³ Подробнее о перипетиях переговоров см., например: *Севостьянов Г.Н.* Москва – Вашингтон = Moscow – Washington: на пути к признанию, 1918–1933. М., 2004; *Bennet E.M.* Recognition of Russia: An American Foreign Policy Dilemma. Waltham, 1970; *Bishop D.G.* The Roosevelt-Litvinov Agreements. New York, 1965; *Dallek R.* Franklin D. Roosevelt and American Foreign Policy, 1932–1945. New York, 1979; и др.
- ⁴ *Севостьянов Г.Н.* Москва – Вашингтон = Moscow – Washington ... С. 378.
- ⁵ *Bennet E.M.* Roosevelt and the Search for Security: American-Soviet Relations, 1933–1939. Wilmington, 1985; *Dallek R.* *Op. cit.*; *Mayers D.* The Ambassadors and America's Soviet Policy. New York, 1995; *Дани Д.* Между Рузвельтом и Сталиным: американские послы в Москве. М.: Три квадрата, 2004.
- ⁶ *Farnsworth B.* William C. Bullitt and the Soviet Union. Bloomington: Indiana University Press, 1967. P. 170.
- ⁷ For the President: Personal and Secret: correspondence between F.D. Roosevelt and W.C. Bullitt. Boston, 1972. P. 63–69.
- ⁸ The Ambassador in the Soviet Union (Bullitt) to the Acting Secretary of State, January 4, 1934 // FRUS. SU. P. 55–62.
- ⁹ *Ibid.* P. 59–60.
- ¹⁰ *Kennan G.F.* Memoirs, 1925–1950. Boston: Little, 1967. P. 55.
- ¹¹ *Mayers D.* *Op. cit.* P. 98–99.
- ¹² *De Santis H.* The Diplomacy of Silence: The American Foreign Service, the Soviet Union, and the Cold War, 1933–1947. Chicago, 1980. P. 30; *Mayers D.* *Op. cit.* P. 100.
- ¹³ *Mayers D.* *Op. cit.* P. 97.
- ¹⁴ *Дани Д.* Указ. соч. С. 71; *Mayers D.* *Op. cit.* P. 110.
- ¹⁵ Bullitt W.C. to Secretary of State, Moscow, May 24, 1934 // National Archives and Records Administration. RG 59. SD: 861.00. Party, All-Union Communist/180.
- ¹⁶ *Kennan G.F.* Memories, 1925–1950. P. 61.
- ¹⁷ *Bohlen Ch.E.* The Transformation of American Foreign Policy. New York, 1969. P. 57.
- ¹⁸ *Costigliola F.* «Unceasing Pressure for Penetration»»: Gender, Pathology, and Emotion in George Kennan's Formation of the Cold War // The Journal of American History. 1997, March. Vol. 83, N 4. P. 1317.
- ¹⁹ *Дани Д.* Указ. соч. С. 78; *Mayers D.* *Op. cit.* P. 112.
- ²⁰ *Costigliola F.* *Op. cit.* P. 1317.

- ²¹ *Bohlen Ch.E.* Witness to History, 1929–1969. New York, 1973. P. 217.
- ²² *Thayer Ch. W.* Bears in the Caviar. Lippincott, 1951. P. 110.
- ²³ *Kennan G.F.* Memoirs, 1925–1950. P. 65.
- ²⁴ *Costigliola F.* Op. cit. P. 1312.
- ²⁵ *Isaacson W., Thomas E.* The Wise Men: Six Friends and the World They Made: Acheson, Bohlen, Harriman, Kennan, Lovett, McCloy. New York, 1986. P. 158–159; *Mayers D.* Op. cit. P. 112.
- ²⁶ *Mayers D.* Op. cit. P. 112.
- ²⁷ *Kennan G.F.* At a Century's Ending: Reflections, 1982–1995. New York, 1996. P. 33.
- ²⁸ *Thayer Ch. W.* Bears in the Caviar. Lippincott, 1951. P. 73.
- ²⁹ Interview with Professor George F. Kennan. URL: <http://www.gwu.edu/~nsarchiv/coldwar/interviews/episode-1/kennan1.html>
- ³⁰ For the President: Personal and Secret. P. 123.
- ³¹ *Севостьянов Г.Н.* Москва – Вашингтон: дипломатические отношения, 1933–1936. М.: Наука, 2002. С. 403.
- ³² *Bohlen Ch. E.* The Transformation of American Foreign Policy. P. 57.
- ³³ *Kennan G.F.* Memoirs, 1925–1950. P. 70.
- ³⁴ William C. Bullitt to Secretary of State, Moscow, March 4, 1936 // FRUS. SU. P. 289–291.
- ³⁵ *Курилла И.И.* : 1) Нейл С. Браун, Уильям Буллит и Джордж Кеннан: меняющиеся американцы, неизменная Россия? // Вестник Института Кеннана в России. М., 2006. Вып. 10. С. 63–69 ; 2) Чарльз Стюарт Тодд – американский посланник в России (1841–1846) // Русское открытие Америки. М., 2002; *Шумейкер К.Э.* Миссия Нейла Брауна в России (1850–1853) // Americana. Волгоград, 1998. Вып. 2: Материалы международной научной конференции «Россия и страны Америки: опыт исторического взаимодействия». С. 43–66.
- ³⁶ *Курилла И.И.* Нейл С. Браун, Уильям Буллит и Джордж Кеннан ... С. 67.
- ³⁷ William C. Bullitt to Secretary of State, Moscow, April 20, 1936 // National Archives and Records Administration. RG 59. SD: 861. 01/2120.
- ³⁸ FRUS. SU. P. 291–296; For the President: Personal and Secret. P. 154–157.
- ³⁹ Подробнее о донесении У. Буллита см.: «Рассмотреть коммунизм как религиозное движение»: донесения американского посла в СССР У. Буллита, 20 апреля 1936 г. // Клио. 2009. № 3. С. 18–26.
- ⁴⁰ Советско-американские отношения, 1934–1939. М.: МФД, 2003. С. 422.

⁴¹ National Archives and Records Administration, RG 59. SD: 861.01.2120.

⁴² C. Hall to W. Bullitt, Washington, August 25, 1936 // National Archives and Records Administration. SD: 861.01/2120.

**СОВЕТСКИЙ СОЮЗ ПОСЛЕ СМЕЩЕНИЯ
Н.С. ХРУЩЕВА: КУДА И КАК ДАЛЬШЕ?
(События 1964–1965 гг. в оценках
югославских дипломатов и экспертов)**

Внешнеполитические службы титовской Югославии традиционно обладали широкими возможностями получения разнообразной информации о Советском Союзе, ее анализа и интерпретации. Они с успехом использовали особое положение страны, лавировавшей между двумя существовавшими в тот период военно-политическими организациями государств (НАТО и Организацией Варшавского договора), заявляя, вместе с тем, о своей социалистической ориентации. На восприятие СССР оказывали влияние и традиционные исторические связи югославских народов с Россией, причудливо сочетавшиеся со знанием советской системы, пониманием ее «изнутри» вследствие сходности идеологии и практики однопартийных режимов. Мнение югославских лидеров о процессах в Советском Союзе и его внешнеполитических шагах было авторитетным как для государственных деятелей стран Запада, так и для лидеров неприсоединившихся стран Азии и Африки.

Основополагающие установки и связанные с ними принципы взаимодействия официальных Белграда и Москвы были выработаны югославским руководством еще в 1953–1955 гг. Главной из них стала задача содействия антисталинским силам в СССР, провозглашенная И. Броз Тито на заседании Исполкома ЦК Союза коммунистов Югославии (СКЮ) в июле 1954 г., которая была тесно связана с утверждением о прогрессивности базиса в СССР, сформулированным еще летом – осенью 1953 г. и популярной среди югославских партработников теории И. Дейчера о «демократической регенерации» СССР¹. Наряду с договорно-правовыми нормами, изложенными в двусто-

ронних документах 1955–1956 гг. (Белградская и Московская декларации), главным принципом отношения официального Белграда к Москве был тезис о том, что советские лидеры не обладают монополией на истину. Об этом И. Броз Тито заявил Н.С. Хрущеву и Н.А. Булганину в самом начале переговоров в Белграде 27 мая 1955 г., обращаясь к ним как к «руководителям великого государства, которое впервые в мире осуществило пролетарскую революцию и пошло новым путем»².

Восприятие Советского Союза в рассматриваемый период формировалось на основании справочно-информационных материалов, готовившихся в посольстве Социалистической Федеративной Республики Югославии (СФРЮ) в Москве, в центральном аппарате внешнеполитического ведомства в Белграде, информационно-аналитических материалов соответствующих служб ЦК СКЮ, а также отчетов о пребывании в СССР делегаций правящей югославской элиты и ее отдельных представителей. Большинство из этих материалов направлялось узкому руководящему кругу высших лиц, ближайших к Президенту СФРЮ, генеральному секретарю СКЮ И. Броз Тито, секретариат которого был, как правило, первым адресатом. Эти документы формировали югославские представления о происшедшем в СССР и учитывались при проведении политики в отношении Советского Союза.

Югославское руководство с беспокойством восприняло сообщения об отставке Н.С. Хрущева. Отсутствие ясной информации от советской верхушки стало дополнительным фактором недовольства Тито, негативно воспринявшего произошедшее. Оценка перемен в Москве югославским руководством началась уже с получения первых сообщений о смене политического руководства в СССР³.

В начале ноября 1964 г. по приглашению советского руководства в Москву – формально для участия в торжествах по случаю очередной годовщины Октябрьской революции – была направлена югославская партийно-правительственная делегация во главе с В. Влаховичем. На выбор Тито повлияло то, что участник военных действий в Испании Влахович с 1939 по 1944 г. работал в СССР, в структурах Коминтерна, а в 1944 г.

являлся представителем Коммунистической партии Югославии (КПЮ)⁴ в Москве. Несколько дней в Москве (с 4 по 10 ноября), в суе торжеств по поводу главного советского праздника, предоставили хорошие возможности для самого широкого (хотя и краткого общения) с их участниками. Влахович и его коллеги поговорили, хотя и не всегда обстоятельно, со многими советскими партийными, государственными и военными руководителями – среди них стоит назвать Г.И. Воронова, Д.Ф. Устинова, Д.С. Полянского, А.П. Кириленко, А.И. Микояна, М.А. Суслова (дважды), В.В. Гришина, Б.Н. Пономарева, В.А. Судца и др. Состоялись краткие встречи с Л.И. Брежневым, А.Н. Косыгиным и Н.В. Подгорным⁵. Важны были и разговоры с рядом лидеров стран советского блока (Яном Кадаром, Владиславом Гомулкой и Зеноном Клишко). В день возвращения в Белград (10 ноября) были проведены полноформатные консультации делегации с членом Президиума ЦК КПСС А.П. Кириленко и секретарем ЦК Ю.А. Андроповым⁶.

Свои впечатления Влахович изложил в письменном отчете «Замечания из встреч в Москве» от 13 ноября. Названием отчета он явно пытался подчеркнуть, что не претендует на конечные оценки⁷. По всей видимости, автор уже доложил Тито его содержание вечером 10-го или утром 11-го ноября. 11 ноября югославский лидер впервые, после снятия Хрущева, провел встречу с советским послом в Белграде А.М. Пузановым. В беседе он явно руководствовался оценками Влаховича⁸.

Влахович был лаконичен и более чем аккуратен, заметив, что «все еще невозможно дать окончательную оценку дальнейшего развития в СССР», ибо «существовало общее единство сменить Хрущева и только затем определить направление внутренней, а также и внешней политики». Он отмечал, что «открыты все крупные вопросы. Курс дальнейшей политики будет зависеть от ряда элементов и событий, которые невозможно предвидеть». По его мнению, на смещение Хрущева «повлияло неурегулированное положение [в стране] и состояние в (социалистическом. – *ред.*) лагере, прежде всего ухудшение конфликта с Китаем, до некоторой меры случай Румынии и тенденции дальнейшего уменьшения лагерной коалиции».

Среди многочисленных внутренних проблем, ставших причиной отставки, Влахович посчитал основными серьезные диспропорции в экономике, ухудшение снабжения населения (нехватка мяса и молока). Его поразило то, что все собеседники отмечали «огромное политическое значение решения разделить по городам по 2 кг муки на одно домашнее хозяйство». Он также отметил, что во время торжественного заседания 6 ноября «самыми громкими аплодисментами, больше чем любой из иных тезисов доклада» слушатели приветствовали сообщение о разрешении вновь выращивать свиней и коров в городских и пригородных поселениях, железнодорожным обходчикам, рабочим совхозов и т.д. Он также обратил внимание на то, что сразу несколько его собеседников считали, что «в последние годы увеличено число лживых сообщений о выполнении плана». По его мнению, «подчеркивание трудностей можно истолковать как составную часть критики Хрущева, но дело не только в этом», имея в виду, что они отражали реальности положения в СССР. Он также отметил, что предложение Хрущева о реорганизации КПСС стало «каплей, которая переполнила чашу полную воду», «натолкнулось на общее сопротивление аппарата партии», явившись «формальным поводом для смещения».

Влахович также обратил внимание на реакцию советских «военных кругов», которые, по его мнению, «сильнее всего отреагировали на положение в лагере и обострение отношений с Китаем», «армия оказала давление, чтобы с Китаем установить более мирное положение, в интересе борьбы против главного неприятеля». Он процитировал высказывание маршала Соколовского о недопустимости создания «второго фронта» наряду с «главным фронтом» («борьбой против империализма»). Влахович высказал предположение, что обострения на границе с Китаем заставили пересмотреть прежние военные планы. «Случай Румынии, особенно тенденции к изменению границ, – по его мнению, также вызвал недовольство». «Было необходимо идти на умиротворение и введение большего порядка и дисциплины», – заметил он.

Исходя из перечисленных причин отставки Хрущева, Влахович сделал предположения относительно последующих шагов советского руководства. Ближайшим из них он считал кадровые перемены в связи с решением о возвращении к объединению промышленных и сельскохозяйственных парткомов, что «предоставит возможность поставить секретарями объединенных комитетов надежных людей». Он также предсказал отставки в высшем руководстве: «Хрущев готовил новые реорганизации по договоренности с двумя-тремя членами Президиума, что не может остаться для них без последствий», полагая, все же, что «эти изменения пройдут без спешки».

Опытный партийный работник, Влахович понимал, что только следующий съезд КПСС закрепит происшедшие перемены. Вместе с тем ясности о сроках его проведения не было. Об этом свидетельствовало сопоставление высказываний Воронова («съезд пройдет в следующем году») и Гришина, который не считал это возможным ввиду «большого числа открытых вопросов, по которым сложно занять позицию в короткое время». Влахович также отметил новый стиль принятия решений – «курс на спокойное обсуждение проблемы и принятие решений после всестороннего рассмотрения. Спешка и торопливость приписываются методам работы Хрущева, что нанесло вред».

Автор отчета с уверенностью предположил проведение ограниченной рестаилизации в СССР «и как уступки китайцам, и как результат воззрений той части номенклатуры, которая выросла в сталинский период». Фактор Китая он считал определяющим для развития процессов в Советском Союзе. По его мнению, «дальнейшие события очевидно будут зависеть от отношений с Китаем, от курса руководства КПСС в отношении дисциплины в лагере, а также от международной ситуации в целом».

Пребывание Влаховича позволило получить и моментальный срез отношений в высшей советской верхушке. Первые роли Брежнева и Косыгина им не обсуждались. Но среди остальных он выделил Подгорного, который, как он считал, «находится в центре внимания и, по всей вероятности, играет более важную роль в нынешнем руководстве». В отношении Сус-

лова (после двух бесед с ним) Влахович заметил: «мы преувеличиваем его роль»⁹.

Несомненно, что в дальнейшем сообщения посольства СФРЮ в Москве в виде шифротелеграмм и тематических обзоров, поступающие в Белград, продолжили формировать и корректировать югославские представления об СССР. Тем не менее, оценки Влаховича легли в основу восприятия событий в СССР в югославской верхушке на протяжении ближайших месяцев.

Возможность наблюдения за поведением и взглядами советской делегации во главе с П.Н. Демичевым на VIII съезде СКЮ (7–12 декабря 1964 г.) стала дополнительным источником представлений о том, что происходит в СССР (судя по сохранившимся ежедневным отчетам, основное внимание уделялось прежде всего международным событиям и взглядам на Югославию). Представленный югославскому руководству итоговый документ содержал небольшой раздел «Политика КПСС в своей стране». В нем была выделена фраза Демичева о том, что низкий уровень жизни населения в СССР создает советскому руководству большие внутривнутриполитические проблемы. Несмотря на то, что Советский Союз – великая промышленная страна, он превращен (как это некогда было с царской Россией) в экспортера сырья в другие социалистические страны. Югославы констатировали, что проблема экономического развития и потребность совершенствования системы планирования представляет одну из самых важных проблем для СССР. Также они обращали внимание на слова Демичева о том, что в отличие от Югославии, где планирование идет снизу, от трудовых коллективов к центру, в Советском Союзе все происходит наоборот, хотя в настоящее время есть стремление к приведению в соответствие централизованного плана и местных инициатив, сопряженное с большими трудностями ввиду созданной структуры экономики. В документе внимание было обращено и на стремление использовать положительный опыт, получаемый в ходе экспериментов с хозяйственными механизмами на 200 советских предприятиях¹⁰.

Для понимания обстановки в Советском Союзе в Белград поступали и другие сообщения – помимо информации посоль-

ства в Москве. Так, в конце января 1965 г. в ЦК СКЮ поступил отчет о поездке в СССР сотрудника белградского Института международной политики и экономики Брана Белича. Исследователь, темой работы которого в Москве (с 25 декабря 1964 г. до 20 января 1965 г.) было изучение изменений в хозяйственном механизме СССР и принятие новых экономических мер, согласно практике межакадемического обмена был прикреплен к Институту экономики АН СССР. Он имел возможность побывать в ведущих советских экономических центрах (в Госплане, Институте экономики мировой социалистической системы и др.) и составить полную картину текущих событий и ближайших планов развития СССР. Второй раздел своего отчета («Дискуссии об изменениях в хозяйственной системе в СССР») Бранич разбил на несколько частей: 1. Критика территориальной (децентрализованной) системы управления промышленностью. 2. Дискуссии о методологии планирования и использования экономических инструментов. 3. Дискуссии и меры для перехода на прямые связи между предприятиями и между производителями и потребителями. 4. Дискуссии и планы о пересмотре системы цен. 5. Проблемы материального стимулирования. 6. Некоторые изменения в экономической политике. В этом разделе содержалось достаточно материала, полученного «из первых рук»¹¹. Серьезный политэкономический текст отчета содержал и любопытные политические замечания. Так, в одном из мест доклада, автор указал на то, что «отсутствие внимания к уровню жизни в последние 3–4 года было одним из основных, хотя конечно и не единственным фактором непопулярности Н.С. Хрущева в СССР в этот период. Бесспорно, что почти никто не переживает из-за его смещения. Скорее, люди сожалеют о том, что он не был сменен ранее»¹².

Можно предположить, что подобных материалов югославской стороне было достаточно для того, чтобы судить о внутриполитических переменах в СССР весной 1965 г. Об этом свидетельствуют установки, данные Тито новому послу СФРЮ в Москве Д. Видичу. Югославский лидер воздержался от характеристики ситуации в Советском Союзе. В отношении со-

ветских руководителей он, не выделяя никого персонально, говорил в общей форме о желательности разговоров с ними¹³.

Не следует исключать того, что отсутствие повышенного внимания к внутренним процессам в СССР в этот период было связано со стремлением югославы демонстрировать на самых разных уровнях и разными путями интерес и готовность к сближению с Советским Союзом. В ЦК КПСС охотно собирали подобную информацию. В частности, при оценке кадровых изменений в Югославии того времени приоритет был дан суждениям о том, что они совершаются «при личном участии И. Тито», а «смысл перестановок» заключается в «обеспечении последовательного проведения сложившегося за последние годы курса на сближение с СССР и соцстранами»¹⁴.

Югославы были предельно корректны в отношении характеристики советского внутреннего развития, ограничивались односложными ремарками, даже когда советская сторона в специальном порядке информировала их о положении в СССР. Так, 9 апреля 1965 г. посол СССР передал официальную оценку прошедшего в Москве в марте пленума ЦК КПСС. Его собеседник ограничился общим замечанием о том, что этот форум по своим решениям о соответствующих шагах в сельском хозяйстве – событие значительное. Он выразил надежду, что их выполнение принесет позитивные результаты. Ранкович также назвал значительным то, что на пленуме были откровенно рассмотрены проблемы, а о слабостях говорилось с целью их устранения, а соответствующие решения принимаются единогласно и выполняются¹⁵.

Поддержание контактов на высшем уровне в Югославии считали приоритетным. В Белграде заняли официально-благожелательную позицию в отношении высших советских руководителей. В Белграде не инициировали встречи с ними, но позитивно реагировали на инициативы советской стороны. Во время съезда СКЮ они сначала спокойно зафиксировали предложение Демичева в беседе с руководителем аппарата Тито Б. Црнобрней (13 декабря) о желательности встречи Тито и Брежнева¹⁶. На следующий день, во время встречи советской делегации с Тито 14 декабря Демичев продолжил усиленно

высказывался в пользу контактов между Брежневым и Тито (сначала напомнив, что Тито лучше всех знает Брежнева), напрямую заявив о необходимости встречи Тито и Брежнева, югославский лидер ответил вежливым согласием¹⁷.

Столь же доброжелательно отнеслись югославы и к советской инициативе относительно визита А.Н. Косыгина в СФРЮ. Когда 19 апреля 1965 г. Пузанов в беседе с главой исполнительной власти СФРЮ П. Стамболичем дважды упомянул, что в беседе с Пузановым о Югославии глава советского правительства высказал сожаление о том, что еще не бывал в Югославии, югослав выразил готовность предусмотреть визит Косыгина уже в течение 1964 г. Согласно югославской записи беседы, Пузанов тут же предложил август – сентябрь во время отпуска, предлагая его как неофициальный¹⁸. По югославским документам известно, что в Москву немедленно была направлена инструкция «ближе изучить» советское мнение в отношении сроков и «в чем особо заинтересован Косыгин». Если при этом подтвердится, что советская сторона заинтересована в продолжении контактов на высшем уровне (в Белграде не исключали возможности «наличия особого интереса» к более близкому знакомству с югославской системой и Косыгин был бы для этого самой подходящей личностью), предполагалось вручить приглашение Косыгину еще до визита Тито в СССР¹⁹.

После согласования сроков визита И. Броз Тито в СССР функции подготовки материалов к нему взял на себя Государственный секретариат по иностранным делам СФРЮ. 29 апреля помощник госсекретаря М. Яворский провел совещание, на котором были распределены обязанности среди подразделений по подготовке информационно-справочных материалов. Первому Управлению ГСИД вместе с Группой анализа и планирования этого же ведомства предстояло подготовить три материала («Общая оценка внешней политики СССР»; «Внутренние события в СССР» и «Двусторонние отношения Югославия – СССР»). Предполагалось, что для последнего из них Комиссия по международным связям ЦК СКЮ даст обзор по теме и оценку отношений СКЮ – КПСС. На Группу анализа и планирования была возложена подготовка части так называемой

«Памятки» для членов делегации (а именно: введение – общий обзор международной ситуации, отношения Югославии с Западом, включая германский вопрос и европейскую безопасность; кризис ООН; разоружение; международные экономические отношения, в том числе деятельность СЭВ; Афро-азиатская конференция; политика неприсоединения, кризис в Юго-Восточной Азии; отношения между социалистическими странами, включая конфликт Китай – СССР)²⁰. Все эти материалы легли в основу специального досье, подготовленного для делегации перед визитом²¹. Подобная практика подготовки к визиту была распространена в титовской Югославии с первой половины 1950-х годов. Учитывая, что каждый из этих материалов первоначально содержал 20–25 страниц машинописного текста (иногда и без интервала), который потом ужимался до нужного объема (обычно от 2 до 10 страниц в зависимости от значения, которое придавал югославский лидер тому или иному вопросу в контексте предстоящей встречи), можно считать, что Тито получал весьма объемное и разностороннее представление об СССР, ситуации в стране и ее действиях на международной арене.

Посольство СФРЮ в Москве оставалось главным источником формирования представлений о происходящем в СССР и параллельным источником подготовки других документов. Прибывший сравнительно недавно в Москву новый посол СФРЮ Д. Видич активно включился в работу по подготовке визита. К концу мая его сотрудники подготовили два объемных материала, направленных в Белград. С точки зрения описания развития СССР интерес представляет первый документ «Внутренняя политика КПСС после Хрущева – краткий обзор предпринятых мер»²².

Его тематические разделы отражали весьма широкий спектр вопросов (хозяйственно-экономические меры; отношение к специалистам и другим слоям общества; новая реорганизация партии; кадровые перемены; выборы в местные советы; изменения в законодательной области: колхозный Устав, Закон о предприятиях, Конституция; положение в сфере культуры; Сталин; о ревизионизме и догматизме; проблемы межнациональных отношений). В материале цитаты из публичных вы-

ступлений советских функционеров и их высказываний в частных беседах, статьи в СМИ сопоставлялись с известной посылкой «внутренней информацией» (т.е. то, что распространялось как внутрипартийная информация КПСС, часть которой становилась известной югославским дипломатам) и иными источниками, включая беседы с советскими чиновниками, разведдонесения и т.п.

В начале материала, уклоняясь от явного противоречия между декларациями советских руководителей об успешном движении по пути коммунистического строительства и реальным положением дел, Видич политкорректно оценил ситуацию при помощи цитат из передовицы в газете «Правда» от 17 октября 1964 г. После этого в документе был представлен реалистичный анализ ситуации. Его авторы (имеющиеся в нем повторы позволяют утверждать, что их было несколько, а посол лишь сводил материал) пункт за пунктом осветили основные, по их мнению, меры советского руководства, влиявшие «на процесс формирования и тенденции развития нынешней советской политики».

Обобщая тему всего документа, но, вместе с тем, и несколько повторяясь, авторы подчеркнули, что «после смещения Хрущева новое руководство предприняло во внутреннем плане ряд новых мер». Авторы разбили их на несколько «категорий». Среди первых были те, которые «напрямую рассчитаны на укрепление позиций нового руководства в массах», «стремлении добиться как можно более широкой поддержки во всех слоях населения». К ним дипломаты отнесли заявления об укреплении армии, сделанные, помимо остального, с целью получения поддержки армейских верхов. К ним также отнесли меры в области сельского хозяйства, юридические гарантии занятия приусадебным хозяйством, разрешение содержать значительное число скота и т.п., «рассчитанные на эффект среди сельского и части населения малых городов». К ним были отнесены и меры по поднятию жизненного уровня, повышению зарплат определенным категориям рабочих и других слоев городского населения, введение пенсий для колхозников, обещания повышения реальных заработков и т.д.

Ко второй категории мер советского руководства после Хрущева Видич и его подчиненные отнесли меры в области экономической системы, предпринимаемые с целью «создания условий для более быстрого хозяйственного развития». Авторы признавали невозможность строгого отделения этих групп мер, считая, что и популистские меры «неизбежно будут иметь определенное действие на экономическое развитие». Вместе с тем непосредственно к этой области авторы отнесли меры, которые в области сельского хозяйства назвал мартовский пленум ЦК КПСС (даны в постановлениях советского правительства), а также меры, предпринятые в порядке эксперимента (в легкой промышленности), которые должен обобщить и разработать предстоящий пленум ЦК. Рассказывая о них, авторы напоминали, что эти меры направлены на введение в хозяйственную систему определенных экономических категорий (хозрасчет, прибыль, материальное стимулирование) вместе с увеличенной независимостью хозяйственных организаций при одновременном стремлении обеспечить планирование и контроль из центра, т.е. комбинацию более свободного действия экономических законов с централизованной системой и полным контролем администрации. Наряду с этим авторы указывали на отсутствие (допуская, что они будут в будущем) «мер в области общественных отношений», которые остаются неизменными.

Авторы документа резюмировали: «на новые меры пошли там, где прежними методами не удавалось реализовать дальнейшее развитие». Подчеркивалось, что «шли довольно смело, несомненно смелее, чем в ранний период». При этом дипломаты отмечали: «уже сейчас заметно, что нововведения в хозяйственной системе составляют часть одной концепции и за ними должны следовать другие, которые будут охватывать всю экономику». Помимо того, что предпринятые к настоящему времени меры не вели к целостному внутреннему развитию и развитию экономико-политической системы, у авторов не сложилось впечатление, что «руководство предусмотрело развитие на длительный период». «Тем не менее, авторы предполагали, что нынешними мерами начат процесс, который будет вести к

новым изменениям и представлять начало одного, возможно длительного и возможно не всегда взвешенного по темпу, но по своей сути позитивного и прогрессивного развития». В других же сферах (идеология или межнациональные отношения) в момент подготовки документа авторы не видели «ни развития, ни мер, которые бы свидетельствовал о том, что руководство подошло как-то по-новому».

Авторы считали, что новое отношение к Сталину занимает особое место в сфере политики советского руководства внутри страны, ибо направлено на получение поддержки консервативных сил, а с другой стороны, дает гарантии тем, позиции которых (прежде всего в административном аппарате) в хрущевские времена поколебались. Заявления о преемственности развития СССР означало и признание заслуг административного аппарата и его значения в целом, ибо без этого аппарата «не только приход к власти сегодняшнего руководства, но и его дальнейшее сохранение немислимо».

Видич полагал, что «помимо перечисленных изменений, развитие в СССР привело, пусть и временно, к стабилизации позиций в обществе централизованного административного аппарата и интеллигенции как его составной части, большему чувству спокойствия и безопасности от неожиданных “реорганизаций” и более глубоких перемен в положении администрации в обществе».

Через два дня (29 апреля) посольство направило высшему югославскому руководству документ «Международная политика СССР и югославско-советские отношений»²³. Его подзаголовок («памятка») означал, что Видич рассчитывал на использование материала при подготовке визита Тито в СССР. Помимо частей, которые прямо соответствовали названию документа, в нем содержался раздел «Отношения в руководстве». Основное внимание в нем было уделено лишь четырем советским руководителям. Авторы подчеркивали, что «после прихода к власти Брежнев и Косыгин закрепились как самые выдающиеся и влиятельные личности в советском руководстве». «Об их взаимоотношениях известно немного», – писали авторы, напоминая, что до недавних пор советские партработники

стремились распространять информацию, согласно которой оба лидера «хорошо сотрудничают, что могло говорить об обратном». «Также имелись информации о том, что Косыгин подал в отставку “из-за перегруженности”, что могло указывать на имевшиеся расхождения между ними, и его попытку таким образом укрепить собственные позиции». Авторы документа симпатизировали Косыгину, указывая, что «он считается уравновешенным, сдержанным, умным человеком, хорошим экономистом, которому приписываются хозяйственные реформы. Его выступления подготовлены и взвешены». Авторы не одарили подобными эпитетами Брежнева, заметив лишь, что «поначалу кружившие о нем негативные слухи стали реже, а его публичные выступления свидетельствуют о больших претензиях на формулирование политики». Среди других советских руководителей в документе был выделен Шелепин, который «часто упоминается как перспективный человек, с якобы имеющимися амбициями на высшее место в руководстве». В отношении его взглядов («его позиции близки китайским») была сделана оговорка, что «это трудно проверить». Подгорный же, в отличие от отчета Влаховича, был удостоен только упоминания – «проявляет известные амбиции». В отношении остальных членов советского руководства сообщалось, что они «включая Микояна, авторитет и влияние которого значительно снизились – на втором плане». Но при этом дипломаты отметили, что «коллективность принятия решений даже по незначительным вопросам продолжает сохраняться». Также было обращено внимание «на совместные усилия для получения как можно широкой поддержки в массах». Авторы указывал, что «в отличие от Хрущева, нынешнему руководству требуется, по крайней мере, в настоящий момент, значительно большая опора в аппарате, значение которого в последний период растет».

* * *

Данные оценки, имевшиеся в соответствующих документах, готовившихся для высшего югославского руководства на про-

тяжении почти семи месяцев и описывавших развитие СССР после снятия Н.С. Хрущева, позволили югославскому лидеру быть в курсе происходившего и достойно провести официальные встречи с советским руководством во время визита в СССР в середине июня 1965 г. Вместе с тем приведенный комплекс документов проливает дополнительный свет на развитие СССР в первые месяцы после 15 октября 1964 г., одновременно показывая и механизм формирования и корректировки представлений об СССР югославской элиты в рассмотренный период.

-
- ¹ *Едемский А.Б.* От конфликта к нормализации: советско-югославские отношения в 1953–1956 гг. М., 2008. С. 122–126, 171, 260.
  - ² Советско-югославские отношения, 1945–1956 гг.: документы и материалы. Новосибирск, 2010. С. 632–633.
  - ³ См. об этом подробнее: *Едемский А.Б.* Советско-югославские отношения в 1964–1966 гг. (от заговора против Н. Хрущева до смещения А. Ранковича) // Доклады российских ученых / X конгресс по изучению стран Юго-Восточной Европы (Париж, 24–26 сентября 2009 г.). СПб.: Наука, 2009. С. 110–111.
  - ⁴ В 1952 г. Коммунистическая партия Югославии была переименована в Союз коммунистов Югославии.
  - ⁵ Влахович не детализирует, с кем говорил лично он, а с кем – другие члены делегации.
  - ⁶ Arhiv Jugoslavije (AJ) (Beograd). F. 507. IX. 119/I–208 (Beleška o razgovorima jugoslovenske državno-partijske delegacije koju je predvodio drug Veljko Vlahović sa članom Prezidiuma CK KPSS A. Kirilenkom i sekretarom CK KPSS J. Andropovim).
  - ⁷ Ibid. F. 507. IX. 119/I–208 (13. novembar 1964 god. V. Vlahović, Zapažanja...).
  - ⁸ Никита Хрущев. 1964: стенограммы пленума ЦК КПСС и другие документы. М., 2007. С. 357–362.
  - ⁹ AJ. F. 507. IX. 119/I–208.
  - ¹⁰ Ibid. IX. 119/I–213 (Decembar 1964 god. Izveštaj o boravku delegacije Komunističke partije Sovjetskog Saveza na VIII kongresu SKJ u Beogradu).
  - ¹¹ Ibid. F. 507. IX. 119/V–200 (B. Belić, Izveštaj sa studijskog putovanja u SSSR).
  - ¹² Там же. С. 18.

- ¹³ AJ. F. 507. IX. 119/I–219 (Zabeleška o uputstvima i misljenijima koje je Predsednik Tito dao Dobrivoju Vidiću pred odlazak na dužnost u SSSR, na dan 23.III.1965. god).
- ¹⁴ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 495. Оп. 277. Д. 43. Л. 138.
- ¹⁵ AJ. F. 507. IX. 119/I–221 (Zabeleska o razgovoru druga Aleksandra Rankovica sa ambasadorom Sovjetskog Saveza Aleksandrom Puzanovim, dana 9. aprila 1965. god).
- ¹⁶ Zabeleška o razgovoru B. Crnobrnje sa drugom N.P. Demičovom, šefom delegacije KP SS na VIII Kongresu SKJ, 13. XII. 1964. godine.
- ¹⁷ Beograd. 1964. 14. decembra.
- ¹⁸ AJ. F. 507. 119/I–222 (Zabeleška o razgovoru Petra Stambolića sa Aleksandrom Puzanovim, 19 aprila 1965).
- ¹⁹ Ibid. Пока не удалось найти документы в связи с дальнейшим обсуждением этого визита. Сербский исследователь Д. Трипкович, описавший эту встречу на основе документов в Архиве Югославии (*Tripković Doko. Odnosi između Jugoslavije i Sovjetskog Saveza 1965–1967 // Istorija 20. veka. 2010. Br. 1. S. 134*) ничего не сообщает о дальнейшем. Советские документы также пока ограниченно доступны. Судя по югославской версии встречи, можно предполагать, что инициатива Пузанова была либо согласована с Косыгиным, либо его собственной идеей. В отчете о встрече со Стамболичем советский посол представил приглашение в СФРЮ Косыгина с семьей как предложение югославской стороны. (РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 277. Д. 46. Л. 113–114).
- ²⁰ AJ. KPR. I–3-b /SSSR. 30. aprila 1965. god. (Zabeleska o sastanku kod druga M. Javorskog, pomoćnika državnog sekretara, u vezi pripreme materijala za predstojeću posetu druga Tita SSSR).
- ²¹ Данное досье содержало также и любопытный с точки зрения изучения восприятия обеих стран материал «Опасения в отношении СКЮ и Югославии, которые отдельные советские руководители и другие чиновники высказывали в 1964–1965 гг.» (Ibid. I/3-a/SSSR (Rezerve prema SKJ i Jugoslavji koje su pojedini Sovjetski rukovodioci i drugi funkcioneri iznosili tokom 1964. i 1965. g.)).
- ²² Ibid. I–3-b /SSSR (Moskva, 25. maj 1965 g. Unutrašnja politika KPSS posle Hruščova. Kratak pregled preduzetih mera).
- ²³ Ibid. (Međunarodna politika SSSR-a i Jugoslovensko-Sovjetski odnosi. – Podsetnik).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Арапов Дмитрий Юрьевич** – доктор исторических наук, профессор Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.
- Беляков Сергей Станиславович* – кандидат исторических наук, заместитель главного редактора журнала «Урал» (Екатеринбург).
- Голиков Андрей Геннадьевич* – доктор исторических наук, профессор Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.
- Голубев Александр Владимирович* – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, руководитель Центра по изучению отечественной культуры Института российской истории РАН.
- Гуларян Артем Борисович* – кандидат исторических наук, доцент Орловского государственного аграрного университета.
- Дорожкин Андрей Геннадьевич* – доктор исторических наук, профессор Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова.
- Едемский Андрей Борисович* – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН.
- Зубков Сергей Александрович** – кандидат исторических наук, независимый исследователь.
- Кантор Юлия Зораховна* – доктор исторических наук, профессор Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, ведущий научный сотрудник Государственного Эрмитажа.
- Козлов Сергей Алексеевич* – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник ИРИ РАН.
- Куприянов Павел Сергеевич* – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН.
- Лабутина Татьяна Леонидовна* – доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН.
- Макаров Алексей Николаевич* – кандидат исторических наук, учитель истории и обществознания школы № 55 г. Магнитогорска.

- Макарова Надежда Николаевна* – кандидат исторических наук, доцент Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова.
- Мамедова Анастасия Октаевна* – независимый исследователь.
- Мезин Сергей Алексеевич* – доктор исторических наук, профессор Саратовского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского.
- Мироненко-Маренкова Ирина Константиновна* – кандидат исторических наук, PhD, Российский государственный гуманитарный университет, Высшая школа социальных исследований (Париж).
- Мосейкина Марина Николаевна* – доктор исторических наук, профессор Российского университета дружбы народов.
- Мухаматулин Тимур Анварович* – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института российской истории РАН.
- Павлов Дмитрий Борисович* – доктор исторических наук, заместитель директора Института российской истории РАН.
- Райкова Вера Алексеевна* – кандидат исторических наук, доцент Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург).
- Рыбаченок Ирина Сергеевна* – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН.
- Сапрыкина Екатерина Сергеевна* – независимый исследователь, соискатель Института российской истории РАН.
- Сиротинская Мария Моисеевна* – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, доцент Российского государственного гуманитарного университета.
- Станков Кирилл Николаевич* – кандидат исторических наук, старший преподаватель Волгоградского государственного университета.
- Третьяков Олег Владимирович* – кандидат исторических наук, доцент Орловского государственного аграрного университета.
- Удалова Татьяна Викторовна* – кандидат исторических наук, доцент Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского.
- Филиппова Татьяна Александровна* – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН, Института востоковедения РАН.

Черниловский Артем Александрович – кандидат исторических наук,
доцент Орловского государственного университета.

Шеремет Виталий Иванович – доктор исторических наук, главный
научный сотрудник Института востоковедения РАН, академик
РАЕН.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Голубев А.В.</i> Предисловие	3
---------------------------------------	---

1. Мир глазами путешественников

<i>Куртиянов П.С.</i> Русское заграничное путешествие начала XIX в.: между просвещением и этнографией	12
<i>Сапрыкина Е.С.</i> Кавказ и французские путешественники первой четверти XIX в.	28
<i>Удалова Т.В.</i> Столичный город в сочинениях английских и русских путешественников второй половины XIX в. (на примере Лондона, Санкт-Петербурга и Москвы)	39
<i>Беляков С.С.</i> «Ужасно глупы эти немцы»...: Европейцы в восприятии А.Г. и Ф.М. Достоевских	55
<i>Мосейкина М.Н.</i> Каталония и «каталонизм» в русской литературе путешествий второй половины XIX – начала XX в.	69
Арапов Д.Ю. Наказы мусульманам-паломникам (К вопросу о правилах поведения советских граждан за рубежом) ...	81

2. Мир сквозь призму журналистики и карикатуры

<i>Станков К.Н.</i> «Славная революция» в Британии 1688–1689 гг. в отражении «Курантов»	88
<i>Рыбаченок И.С.</i> Восточный вопрос в политической карикатуре	105
<i>Филиппова Т.А.</i> Риторика вражды и культура рефлексии: Образ турка в русской сатирической журналистике начала XX в.	114
<i>Макаров А.Н., Макарова Н.Н.</i> Мир в зеркале карикатуры (По материалам печати Магнитогорска 1930-х годов) ...	135

<i>Мухаматулин Т.А.</i> Гражданская война в Испании и советская карикатура	149
<i>Голубев А.В.</i> Третий Рейх в советской политической карикатуре (1933–1939)	166
<i>Голиков А.Г.</i> Образ врага в советской и немецкой политической карикатуре в годы Великой Отечественной войны	183
<i>Мамедова А.О.</i> Отражение проблем милитаризма в советском политическом плакате и карикатуре (1946–1961) ...	192
Зубков С.А. Н.С. Хрущев в советских и западных СМИ: эволюция образа	224

3. Особенности взаимовосприятия в период конфликтов и войн

<i>Мироненко-Маренкова И.К.</i> Царь-тиран и его дикие рабы: Образ России во французской пропаганде времен Крымской войны	248
<i>Черниловский А.А.</i> Германский военно-морской флот в представлении русских военных в конце XIX в.	260
<i>Павлов Д.Б.</i> Информационная война Японии и России 1904–1905 гг.	267
Шеремет В.И. Россия и Турция накануне Первой мировой войны в документах русских и турецких спецслужб	291
<i>Гуларян А.Б., Третьяков О.В.</i> Тема грядущей войны в советской фантастике	302
<i>Козлов С.А.</i> «Воздушные рабочие» Второй мировой войны: Экзистенциальный фронтовой опыт летчиков Европы ...	311

4. Россия (СССР): взгляд извне

<i>Мезин С.А.</i> Французская Россия конца XVII – первой четверти XVIII в.	332
<i>Лабутина Т.Л.</i> «Женский портрет в интерьере»: Российская императрица Анна Иоанновна и ее двор глазами английской леди	344

<i>Сиротинская М.М.</i> «Неограниченный деспотизм власти»: Взгляд Чарльза Ф. Хеннингсена на Россию	360
<i>Дорожкин А.Г.</i> Иностранное участие в экономике дореволюционной России в отражении германского россиеведения начала XX в.	367
<i>Кантор Ю.З.</i> «Заклятые партнеры»: Советская и немецкая легальная разведка в 1920-е – начале 1930-х годов	379
<i>Райкова В.А.</i> «Не было ничего более веселого и интересного в моей жизни, чем это посольство»: Американские дипломаты в Советском Союзе (1933–1936)	392
<i>Едемский А.Б.</i> Советский Союз после смещения Н.С. Хрущева: куда и как дальше? (События 1964–1965 гг. в оценках югославских дипломатов и экспертов)	408
Сведения об авторах.....	424

Научное издание

**Россия и мир глазами друг друга:
из истории взаимовосприятия**

Выпуск 7

Утверждено к печати

Ученым советом Института российской истории

Российской академии наук

Редактор: О. А. Пруцкова

Компьютерная верстка Л. П. Андриановой

Подписано к печати 09.02.16. Заказ № .

Формат 60×84/16. Гарнитура NewtonTT

27 п.л. 20,42 уч.-изд.л.

Тираж 300 экз.

Налоговая льгота – общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 – книги, брошюры

Издательский центр Института российской истории РАН
117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19